

В. И. Шлома

Непридуманные истории

Владимир Иванович Шлома

Непридуманнные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68586490

SelfPub; 2023

Аннотация

Как и в предыдущих книгах, все рассказы в этой книге также основаны на реальных событиях. Эти события происходили как в далеком детстве и юности автора, так и во время службы в армии. Большинство же историй относятся ко времени девяностых и последующих годов двадцать первого века. Это рассказы о том, как людям приходилось выживать в то непростое время, когда страна переходила от социализма к капитализму и рушился привычный для людей уклад жизни, об их, иногда, трагической судьбе. В книге также много историй про рыбалку, как летнюю, так и зимнюю. Для тех, кто любит рыбалку, они должны быть интересными. Рыбалка – это была та отдушина, которая помогала автору морально выстоять в то непростое время и не сломаться. Только на рыбалке можно было отключиться от грустных мыслей и, хотя бы на некоторое время, ни о чем кроме рыбалки не думать. Поэтому рассказы о рыбалке чередуются с другими рассказами о том времени, чтобы и читателю было не очень грустно при чтении этих рассказов.

Содержание

Кум	6
Хвастун	12
Юный «доктор»	16
Похороны	21
Пикник на природе	25
Последняя охота	36
Случайный жених	42
Неожиданный поворот	50
Женские уловки	58
Угасший род	65
Дед Мороз и Снегурочка	75
Конфуз	82
Дама трэф	90
Лесной гость	102
Два комкора	109
Баги	121
Колесики	135
Вертолет	142
Любовники	156
Орск	164
Последний отдых	173
Инженеры	178
Новогодний кошмар	185

Женское коварство	201
Вундеркинд	208
Коммерсант	222
Сползание в пропасть	233
Огородники	241
Зимняя рыбалка	250
Ограбление	257
Умный сантехник	266
Первая рыбалка на Оке	270
Вредительство	278
Зимний лещ	286
Запах ладана	290
Рыбалка на чертика	298
Бультерьер и Муха	304
На рыбьей тропе	315
Рыбалка в Дракино	322
Власть милиции	328
Экстремальная рыбалка	336
Конкуренты	345
Рыбалка накануне Крещения	356
Смертельная доза	362
Эхолот	372
Неудачный ответ	382
По волчьим законам	389
Кошачья месть	396
Конфискация имущества	402

Мухоморы и зонтики	460
Камень	469
Крыша	483
Подсачек	491
Бедная Катя	507
Рыбалка с приключениями	529
Рыбалка по первому льду	545

Владимир Шлома

Непридуманнные истории

Кум

Был зимний праздник святого Николая, и Андрей пригласил своего кума Николая в гости. Это ведь его праздник, чего он будет один дома сидеть. Жена его померла три года назад, а детей у них не было, вот и остался его кум на этом свете один одинешенек.

А Николаю действительно было и одиноко, и грустно, и пойти ему особенно некуда, вот только к своему куму Андрею. Так и одичать можно. Раньше хоть на работу ходил, было где с людьми пообщаться, а год назад проводили его на пенсию. Он бы и еще поработал, здоровье еще есть, но сказали, что пора место молодым уступать. Теперь Николай не знает куда себя деть, приходится искать, чем бы себя занять. Сначала на пенсии ему даже нравилось. Забор починил, до которого десять лет руки не доходили, штакетник во дворе поправил, сарай перекрыл, положил железо вместо старого, потрескавшегося шифера. Летом еще был огород, там полно работы было, а сейчас, зимой, делать абсолютно нечего. Скучотище жуткое. Не будешь же целыми днями телевизор смотреть. Поэтому, когда его позвали в гости, Николай об-

радовался.

Как же быстро время пролетело. Кажется, совсем недавно крестил он дочь Андрея Юлю, а ведь уже двадцать пять лет прошло. У Юли давно своя семья, и живет она теперь в Чернигове, домой к родителям приезжает редко. А как бы ему хотелось ее увидеть. А может и она приедет? Праздник ведь большой. А может она с дочерью и с мужем приедет? Вряд ли конечно, но, на всякий случай, конфеты нужно купить. А то ведь позор будет, если он придет в гости, а там ребенок, а у него нет для него гостинца. Впрочем, в магазин нужно идти в любом случае, и сигареты кончаются, и бутылку водки нужно купить, с пустыми руками в гости не пойдешь.

Николай нагладил брюки, рубашку, начистил хромовые сапоги, и собрался идти в магазин. Надел пальто, которое не надевал уже лет десять, и вышел во двор. Прошелся до калитки, и вернулся обратно. Как же в нем неудобно ходить. Коленки упираются в полы пальто, и ходишь, как стреноженный. Как эти женщины в своих узких юбках ходят? Николай вернулся в дом, снял пальто и надел свою новую фуфайку, в ней будет легко и свободно, а главное, привычно. Одежда правда не праздничная, но ничего, кум с кумой не осудят.

К обеду кум Николай был уже у кума Андрея и кумы Надежды. Юли конечно же не было, и Николай вручил бутылку водки куму Андрею, а конфеты – куме Надежде, вроде бы, как всем по гостинцу. Надежда тоже не ударила в грязь лицом, стол ломился от разных вкусностей. Здесь и селедка под

шубой, и салат оливье, и салат из печени трески. Холодец и тушеная картошка с мясом, а к ней и маринованные огурцы с помидорами, и маринованные опята. А посередине стола, в запотевшем графинчике, стоит водочка. У Николая, при виде такого изобилия, сразу слюнки потекли. Видя его состояние, Надежда сразу же пригласила мужиков за стол. Первую рюмку конечно же выпили за праздник и за святого Николая, закусили салатиками. Кум Андрей предложил с этим делом не затягивать, и сразу же выпить вторую – за кума Николая, у которого сегодня именины. Имениннику очень понравился холодец, и он попросил Надежду поделиться секретом, как она варит такой вкусный холодец.

– Да никакого особого секрета нет, – сказала Надежда, – почти все как у всех: половина свинины и половина курятины, только вместо курки, я варю петушка, а он совершенно другой вкус дает.

Потихоньку, за разговорами, выпили весь графинчик, и кум Андрей открыл бутылку водки, которую принес кум Николай.

– А вам не многовато будет? – поинтересовалась Надежда.

– Да мы ведь не каждый день. К тому же при такой закуске, у нас еще ни в одном глазу, – успокоил ее Андрей.

Выпили еще полбутылки, но наливать больше Надежда не разрешила.

– Хватит! – сказала она Андрею. – Ты то дома, а Николаю еще целый километр домой идти.

– Да, хватит, – согласился и Николай, – пора мне уже домой идти. Еще нужно на ночь грубку протопить, а то похолодало.

– А я его провожу домой, – предложил Андрей.

– Хорошо, проводи, – согласилась Надежда. – Только не вздумайте где ни будь еще добавить.

– Ну что ты, – заверил ее Андрей, – с нас уже достаточно.

Но когда они пришли в дом к Николаю, тому было неудобно не угостить кума, который уже давненько к нему не приходил.

– Ну что, Андрей, может еще по пять грамм? – предложил он.

– А закусить будет чем? – поинтересовался Андрей.

– Сало и хлеб есть. А что нам еще нужно?

Выпили по рюмке, закусили салом с хлебом. Разговоры теперь пошли уже чисто мужские. Вспомнили про американцев, которые на прошлой неделе напалмом сожгли две деревни во Вьетнаме. Николай сообщил, что он достоверно знает, что теперь там наши летчики воюют, и скоро заставят американцев оттуда убираться. Андрей сильно в этом сомневался, но вторую рюмку, за победу вьетнамского народа, они все же выпили.

– Ну что, еще по одной? – спросил Николай.

– Да нет, хватит, – отказался Андрей. – Теперь ведь мне нужно домой добираться.

Николай проводил кума Андрея за ворота, и закрыл ка-

литку на крючок. Хотел сразу идти в сарай за дровами, чтобы протопить грубку, но потом передумал. Сейчас он перекурит, отдохнет, а потом уже пойдет за дровами. Он закурил сигарету, немного постоял во дворе, но дул неприятный ветерок, и он спрятался от него в веранду. Там он сел на корточки, так как стульчик куда-то подевался, и не торопясь курил. Глаза закрылись как-то сами собой, и он уснул.

На следующий день кум Андрей проснулся с головной болью. Вроде бы и немного выпили, а голова болит, видимо старый уже. Решил сходить к куму Николаю опохмелиться. У жены просить рюмку нет смысла, не даст, да еще и укорять будет, что она мол предупреждала, чтобы много не пили. Калитка у кума Николая оказалась закрытой, на крики и стук Андрея в калитку кум не отзывался, и Андрею пришлось перелезть через забор. Зашел в веранду и увидел сидящего на бетонном полу Николая. Унюхал также сильный запах чего-то горелого.

– Коля, ты чего на бетонном полу сидишь? Это ведь не лето, простынешь, – обратился Андрей к куму.

Но Николай молчал.

– Спишь, что ли? – толкнул Андрей Николая в плечо.

Николай завалился на бок. Теперь Андрей понял, что запах горелого идет от Николая, из-под его фуфайки выползала струйка дыма. Андрей наклонился над Николаем и пощупал пульс. Пульса не было.

Как в дальнейшем установило следствие, пепел с сигаре-

ты спящего Николая попал внутрь расстегнутой фуфайки, и ватная подкладка начала тлеть, но Николай так и не проснулся. Все его тело под фуфайкой буквально сварилось, хотя внешних повреждений не было. Но вскрытие показало, что он этого уже не чувствовал, так как смерть наступила раньше, от удушья дымом горевшей ваты. Ужасная и нелепая смерть.

Хвастун

В магазине возле церкви стояла большая очередь. Люди стояли за хлебом, ну и по мелочам, каждый за своим: кому нужны макароны, кому селедка, кому сахар, а кому еще и водка. Хлеба в селе не было уже два дня, поэтому народ терпеливо стоял и ждал своей очереди, чтобы купить две буханки хлеба, больше в одни руки не продавали. Хлеб конечно уже не тот, что раньше, он теперь наполовину из кукурузной муки, поэтому и на вид, не серый, а желтый, но главное, что он есть, его в магазины периодически привозят. Одно время хлеба в магазинах по неделе не было, и люди уже было начали печь свой домашний хлеб, на чем свет стоит ругая Хрущева, который довел страну до такого состояния. А по телевизору рассказывали о небывалых урожаях кукурузы, о присвоении за это новым передовикам званий Героев Социалистического Труда, о том, что через двадцать лет страна будет жить при коммунизме, и ни слова о том, что в этой стране не хватает хлеба.

В очереди появился поддатый мужичок. Небольшого роста, невзрачный, кривоногий, явно пришедший прежде всего за водкой, а потом уже за хлебом. Он немного постоял в конце очереди, но перспектива простоять в ней часа три, его явно не устраивала, и он начал упрашивать людей пропустить его без очереди.

– Люди добрые, пропустите меня без очереди, я только бутылку водки возьму.

– Много вас, таких умных, – отвечали люди. – Прошлый раз один такой умник попросился без очереди коробок спичек купить, а когда его пропустили, то купил еще и две буханки хлеба. А тем, которые стояли в очереди, хлеба не хватило. Сегодня тоже всем не хватит, так что стой молча и жди своей очереди, никто тебя не пропустит.

– Да не буду я две буханки покупать, – упрасивал дальше мужик, – я только одну возьму.

– Ну вот, – возмутилась очередь, – просился только водку взять, а сам еще и хлеб хочет купить.

Пока продавщица, довольно толстая и уже не совсем молодая женщина, не спеша отпускала товар покупателям, пьяненький мужичок слонялся вдоль очереди и ко всем приставал.

– Что ты на меня так смотришь? – привязался он к какому-то мужику. – Деньги хочешь у меня выгащить? Думаешь, что я пьян? Ну попробуй у меня деньги вырвать!

– Иди отсюда, пока в морду не получил, – ответил мужик.

– Ууу, какая красotka, – подошел он к молодой, стоящей в очереди девушке, – дайка я тебя обниму. Ты небось еще не знаешь мужской ласки?

Девушка покраснела и спряталась от него за более пожилых женщин, а мужичок продолжал приставать к женщинам.

– Пойдем со мной, красавица, – обратился он к женщине

средних лет, – я подарю тебе такое счастье, что ты и мужа бросишь, ради меня.

– Что же ты к жене не идешь? Или она тебя вместе с твоим счастьем из дома выгнала? Что ты можешь дать? Алкаш! – отшила его женщина.

Ошарашенный таким отпором мужичок некоторое время стоял молча, а потом обратил внимание на продавщицу.

– Ух, какая фигура, какая грудь! Как раз мой размер, я таких люблю.

Он подошел в начало очереди и стал жадно рассматривать продавщицу.

– Ну просто красавица! А какая жопа? Прямо сейчас бы трахнул.

– Все вы, мужики, герои на словах, а как доходит до дела, так сразу в кусты, только вас и видели. Вас сразу как будто ветром сдувает, – ответила ему продавщица.

– Вот приходи ко мне сегодня вечером, увидишь, на что способны настоящие мужики, – бахвалился мужичок.

– Хвастаешь! Ведь как дойдет до дела, то сразу смоешься?

– Да я хоть сейчас, – продолжал куражиться мужичок.

По лицу продавщицы было видно, что он, со своей болтовней, надоел ей до чертиков.

– А действительно, чего нам ждать до вечера? – заулыбалась она.

– Люди добрые, – обратилась она к очереди, – подождете минут десять, пока он меня трахнет?

– Конечно подождем, – дружно ответили в очереди, предвкушая необычное развлечение.

Продавщица, улыбаясь во весь рот, подняла столешницу прилавка и открыла дверку.

– Давай, заходи. За десять минут справишься? Только не затягивай, а то люди ждут.

– Ну ты чего застыл? Не томи людей. Видишь, все хотят знать, чем дело закончиться. Или уже передумал?

В магазине стоял гомерический хохот, люди аж за животы держались, а мужичок стоял весь красный как рак, хватал ртом воздух, очумелыми глазами смотрел на продавщицу, и не мог ничего сказать. Куда и хмель девался.

– Онемел от счастья, что ли? – продолжала издеваться над ним продавщица.

Так и не сказав больше ни слова, мужичок развернулся, и ушел из магазина.

– Хвастун! – крикнула ему вдогонку продавщица.

Над финалом этого представления хохотали потом все жители села, когда им рассказывали эту историю. А к мужичку, до конца его жизни, прилипла кличка – Хвастун.

Юный «доктор»

Иван с Настей давно уже хотели почистить колодец, да все руки не доходили. То посадка, то прополка, времени ни на что не хватает. А еще маленькая Катя, которой всего полгода, много времени отнимает. Ее и перепеленать нужно, и кормить нужно через каждые два часа. С Петей проблем меньше, ему пять лет, и он уже почти самостоятельный, даже маме иногда помогает. Может Кате выпавшую соску подать, или коляску покачать, когда сестренка плачет. А с колодцем просто беда. Раньше у них в этом колодце была замечательная вода, и мягкая, и вкусная, все соседи приходили брать. В ней хоть голову помыть, хоть борщ сварить, хоть чай заварить, на все годилась. А потом с ней что-то случилось, стала невкусной, и с каким-то запахом. Такой водой теперь только полы мыть, ни на что другое она не годится. Возможно какая-то живность упала к ним в колодец и там утонула, а может специально что-то вбросили. Вот уже год, имея свой колодец, они ходят по воду к соседям. Ивану это окончательно надоело, и сегодня, пользуясь выходным днем, он решил почистить колодец. С самого утра, пока Настя занималась с детьми и готовила завтрак, Иван ведром вычерпывал воду из колодца. Воды в колодце оказалось много. Уже больше двухсот ведер воды вытащил, а до дна ведро все еще не достает. Позавтракали, и Иван продолжил свой монотонный труд:

опустил ведро в колодец, набрал воды, вытащил ведро наверх, вылил воду подальше от колодца, и опять опустил ведро в колодец. От такой работы одуреть можно. Наконец-то ведро легло на дно, и Иван позвал Настю.

– Я сяду на ведро, а ты, медленно вращая коловорот, опустишь меня на дно колодца. – сказал он Насте.

– А если ручка коловорота у меня вырвется? – засомневалась Настя.

Иван посмотрел на хрупкую фигуру Насти, и почесал затылок. Она действительно может не удержать его вес, и тогда он с грохотом полетит на дно колодца. Нужно кого-то звать на помощь. К счастью, их сосед, дед Николай, оказался дома, и помог Насте опустить Ивана в колодец.

– Извините, что не могу вам дальше помогать, но мне нужно в больницу сходить, – сказал он. – Как вернусь, тогда может еще помогу, если без меня не управитесь. В любом случае, одна ты Ивана наверх точно не поднимешь, так что придется меня дожидаться.

– Большое Вам спасибо, – поблагодарила его Настя.

Дед тоже оценивающе посмотрел на хрупкую фигуру Насти.

– А зря вы такую работу вдвоем затеяли, – заметил он. – Ведь тебе не воду нужно будет вытаскивать, а грязную жижу, которая намного тяжелее воды будет. Так и надорваться можно.

– Ничего, не надорвусь, – ответила Настя, – я сильная.

Сосед ушел, а они с Иваном стали чистить колодец. Иван, находясь на дне колодца, накладывал жижу в ведро, а Настя коловоротом поднимала ведро наверх и выливала подальше от колодца. Сначала все шло нормально, ведра были не очень тяжелыми, и Настя даже подумала, что зря дед ее пугал. Но потом содержимое ведер стало более плотным, и Настя уже с трудом поднимала ведро на верх колодца. А вскоре, уже и спина ныла невыносимо, и руки так болели, что она в любой момент могла уронить ведро. Иван ее подбадривал, что осталось уже совсем немного, еще ведер двадцать, и колодец будет чистым. Тогда останется только подать ему вниз горячую воду, чтобы он хорошенько отмыл деревянные венцы, и все будет готово. Колодец у них из бетонных колец, но стоят они на клетки из осиновых бревен, которые и образуют водосборник. Осина в воде не гниет. Вот их-то и нужно будет хорошенько отмыть от слизи и прочей гадости, чтобы все это потом не попадало в ведра с водой.

На крыльцо дома вышел Петя.

– Мама, там Катя плачет, – сообщил он.

– Ну дай ей соску, – сказала Настя, – она и перестанет.

Петя ушел в дом, а Настя продолжала вытаскивать наверх тяжелющие ведра с мокрой землей. Надо бы конечно сходить в дом и посмотреть, может там уже нужно перепеленать Катю, но и Ивана здесь бросить одного она не может. Ему там внизу и так нелегко, а если она на полчаса отлучится, то за это время в колодец натечет много воды, и потом придется

вычерпывать еще и эту лишнюю воду. Ладно, ничего не случится, если Катя лишние полчаса в мокрых пеленках полежит. И она продолжала вытаскивать наверх ведра с жижей.

– Мама, а Катя опять плачет, – снова вышел на порог Петя.

– А ты ей соску дал? – спросила Настя.

– Дал, но она ее выплевывает, и плачет, – ответил Петя.

– Ну тогда покачай ее, или еще что ни будь сделай, чтобы она не плакала. Ты ведь уже не маленький. А я скоро освобожусь, и приду.

Петя опять ушел нянчить сестренку, а Настя вернулась к своей работе.

– Ну что там, скоро конец? – спросила она Ивана.

– Ведер пять осталось, – ответил Иван, – и можно будет подавать горячую воду.

Через некоторое время на крыльце опять появился Петя.

– Мама, а где у тебя нитки? – спросил он.

– А зачем тебе нитки? – спросила Настя не оглядываясь.

– Я Кате операцию сделал, чтобы она не кричала, – сообщил Петя, – теперь ей нужно животик зашить. Я в кино видел.

Настя оглянулась назад и обомлела. На пороге стол Петя, и, в окровавленных руках, держал ее ножницы для раскроя тканей. Ведро с землей вырвалось у нее из рук и полетело вниз. Настя бросилась в дом. Там в своей кровати, в луже крови, лежала ее Катя с распоротым животиком. Настя рухнула на пол рядом с кроватью, её сердце такого не выдер-

жало, и остановилось.

Когда дед Николай вернулся из больницы, он застал здесь жуткую картину: Катя, уже мертвая, лежала в кроватке с распоротым животиком, мертвая мать лежала возле кроватки, мертвый отец лежал на дне колодца, а окровавленный юный «доктор» спрятался за сараем, и оттуда доносился его плач. Была семья, и нет семьи. В живых остался только «доктор», которого, после похорон родителей и сестренки, отправили в детдом.

Похороны

День выдался теплым и солнечным, на небе ни одной тучки. Небольшая похоронная процессия двигалась медленно. Гроб с телом покойницы, бабы Глаши, стоял в кузове грузового автомобиля, борта которого были опущены и обиты красной материей. Это председатель колхоза «Заря коммунизма» расщедрился, решил, что нужно достойно похоронить бывшую передовую звеньевую. За машиной шли дальние родственники, соседи, другие люди, которые знали ее при жизни. Близких родственников у бабы Глаши не осталось, она их всех пережила.

– Святую женщину хороним, – говорили бабки, шедшие за гробом. – Не зря ведь в день ее похорон такая чудесная погода стоит.

Здесь же шел и старенький сельский батюшка, по фамилии Серновец. Годы давали о себе знать, как-никак, ему скоро восемьдесят, и идти ему было тяжело, но, несмотря на немощь, он добросовестно исполнял свои обязанности священника. Да и путь до кладбища не близкий, около трех километров. Ему предлагали сесть в кабину автомашины, но он отказался, и всю дорогу шел пешком вместе с народом. За людьми шел духовой оркестр. Музыканты играли траурные марши, и другую грустную музыку. Процессия периодически останавливалась, чтобы дать отдохнуть пожилым лю-

дям. В это время музыканты и играли, потом, когда они прекращали играть, процессия снова трогалась. В очередной раз процессия остановилась возле церкви. Здесь большой перекресток, и улицы, ведущие к нему, значительно расширяются, образуя что-то вроде небольшой площади. Рядом с церковью расположен продуктовый магазин, напротив него контролера колхоза имени Ленина, слева от нее – детский садик. Поэтому здесь всегда толчется много народа. Процессия остановилась ближе к магазину, где уже начинается расширение улицы, чтобы не мешать движению других машин. Батюшка читал какие-то молитвы, потом долго играл оркестр.

Пользуясь длительной остановкой, водитель автомашины Никита, мужик средних лет, обошел вокруг машины, осматривая колеса. Переднее правое колесо ему чем-то не понравилось. Он стукнул по нему носком сапога и покачал головой.

– Япона мать! Этого только не хватало, – пробурчал он себе под нос.

– Черт знает, что! – сказал он уже громко, и снова стукнул сапогом по колесу.

– Ты чего? – одернули его. – Не чертыхайся, батюшка услышит.

– Тут не до батюшки, – оправдывался водитель, – вон стопорное кольцо выперло.

А ситуация действительно была неприятной. Начало выходить из паза стопорное кольцо, которое фиксирует шину

на диске. Уже были случаи, что такое кольцо выскакивало. Под действием давления воздуха в колесе, оно летит очень далеко, и бьет очень больно. В любом другом случае, он бы быстренько поменял это колесо на запаску, и не было бы никаких проблем. Но сейчас у него в кузове гроб с покойником. Если сейчас он будет менять колесо, его потом засмеют, скажут, что Никита даже покойника не смог нормально до кладбища довести. И оставлять его опасно, так как кольцо может выскочить в любой момент. Не дай бог, кого-то покалечит. Никита наклонился к колесу, чтобы попробовать, насколько хорошо оно еще держится. Рукой нажал на выступающий конец стопорного кольца, и раздался громкий хлопок, от которого вздрогнули все находившиеся возле машины. Оркестр замолчал, и головы всех повернулись в сторону хлопка. Водитель без движений лежал возле колеса, из его головы текла кровь. Никто не мог понять, что же случилось. Кто-то, из наиболее сообразительных, сбегал в контору колхоза, и оттуда позвонил в больницу. Скорая помощь приехала через пять минут. Все надеялись на лучшее, но врач констатировал смерть водителя. Не успели довести покойницу до кладбища, как случилась еще одна, такая чудовищная смерть. Стопорное кольцо, крепившее шину на диске, выскочило, и с большой силой ударило водителя в голову.

Процессия продолжила свой путь только после того, как из колхоза прислали другого водителя и заменили колесо. Бабу Глашу похоронили, но все разговоры и во время похоро-

рон, и на ее поминках, были не о ней, а о только-что погибшем водителе Никите. А на следующий день хоронили и Никиту. Гроб везли все на той же его машине, с которой еще не успели снять красную обивку. Возле гроба сидели и безутешно рыдали его жена и дети. За гробом шли все тот же батюшка, и все тот же духовой оркестр. А вот народа было раз в десять больше. Все были шокированы такой неожиданной и чудовищной смертью Никиты. И погода стояла все такая же прекрасная. Все было так же, только Никиты больше не было. И о том, что Никита был святым человеком, тоже никто не говорил, хотя погода этому соответствовала. Да и зачем такое говорить, все прекрасно знали, что Никита был далеко не святым. Но всем было его очень жалко, намного жальче, чем похороненную накануне бабу Глашу. Поэтому и народа столько собралось, чтобы проводить в последний путь этого, далеко не святого человека. Вспоминали, что и кому он сделал хорошего. И, к своему удивлению, обнаружили, что хороших дел за ним числится очень много, гораздо больше, чем плохих. А из плохих, вспомнили только, что много матерился, да иногда выпивал лишку. Вот и все, что вспомнили. Так может и сейчас они хоронили святого человека? Ну, святого или нет, не им судить, но всем было понятно, что хоронят они очень хорошего человека. Ведь Бог не мог послать такую чудесную погоду в день похорон плохого человека.

Пикник на природе

Жизнь студентов нелегка, но интересна. Неунывающие и легкие на подъем, они живут беззаботной жизнью, хотя им и кажется, что жизнь у них очень тяжелая. Два студента, Анатолий и Юра, уставшие за неделю от изучения разных наук, решили выехать на пикник и отдохнуть от трудов своих праведных. Ехать решено было с ночевкой, чтобы и отдохнуть как следует, и рыбу половить. Куда ехать? Да неважно. Где из окна электрички приличный пруд увидят, там и сойдут. Рюкзаки у них есть. Возьмут с собой вино и продукты, конечно же картошку для ухи. Спать будут на одеялах, которые возьмут со своих коек в студенческом общежитии. Ночи теплые, не замерзнут. В последний момент решили пригласить с собой еще и двух девушек. Толя сомневался, что девушки проедут с ними черт знает куда, да еще и с ночевкой. Но Юра его заверил, что у него на примете есть две безотказные девушки, которые поедут куда угодно. Их и пригласили.

В субботу, всей компанией погрузились в электричку, и поехали. Через полчаса езды начали смотреть по сторонам, выбирая место для отдыха. Места везде были красивые, много небольших водоемов, но ребята искали большой пруд, чтобы рыбы было побольше. Примерно через час езды из окна электрички они увидели вдали большой водоем, до него правда было далековато, не меньше двух километров. Но

размер водоема впечатлял уже издали, поэтому было решено сойти с электрички и идти к этому пруду. Этот пруд действительно оказался огромным, и место красивое, и от солнца в тени деревьев можно спрятаться. На берегу пруда уже сидели несколько отдыхающих компаний, но это, скорее всего, были местные, так как рюкзаков у них не было. Ребята, вместе с девушками, которых звали Тоня и Валя, отошли от этих отдыхающих подальше, и расположились под широкой кроной дерева, растущего на берегу пруда. Пока ребята снаряжали удочки, девушки накрыли импровизированный стол. Выпили за проезд по стакану вина и закусили вареной колбасой и зеленым луком. Рыба не клевала, поэтому все просто загорали и наслаждались природой. По пруду плавало множество гусей и уток. Перья некоторых из них были подкрашены разноцветной краской, но большинство никак не были помечены.

– Сколько же их здесь? – удивилась Валя. – Не сосчитать!

– Да их здесь никто и не считает, – с видом знатока изрек Толя. – У местных жителей их сотни, при всем желании не считаешь.

– А как же они за ними смотрят? – поинтересовалась Тоня.

– Да никак, – продолжал объяснять Толя. – Утром со двора выпускают, а вечером они сами домой возвращаются.

– Да не слушайте вы его, – вмешался Юра. – Он столько же знает, сколько и мы. Вернее – ничего не знает. Такой же

городской житель.

– А вот и не такой же, – возразил Толя. – Меня в детстве на лето отправляли отдыхать в деревню. Я там все и видел.

Выпили еще по стакану вина, и парни ушли ловить рыбу, а девушки остались загорать на одеялах.

– Ты не против, если Толя моим будет? – спросила Тоня.

– Да мне без разницы, – ответила Валя. – Юра даже более симпатичный.

– Ну вот и договорились, – подвела итог Тоня.

А ребята тоже заговорили о девушках.

– Тебе какая больше нравится, – спросил Толя.

– Тоня, – ответил Юра, – она пошустрее.

– И мне Тоня, – признался Толя. – И как делить будем?

– Да никак не будем, – ответил Юра. – Я их пригласил, мне и выбирать первому.

– Ладно, – согласился Толя, – Валя тоже ничего.

Рыбка начала клевать только под вечер. Это был мелкий карасик, не больше ладошки. Рыбка не бог весть какая, но в уху будет что бросить. Рыбалке сильно мешали гуси и утки. Они периодически подплывали к поплавкам, громко гоготали и крякали, распугивая рыбу, и пытались клюнуть красные поплавки. Юра сбегал за хлебом, и набросал его в воду в стороне от поплавков, чтобы эта живность не мешала рыбачить. Гуси отплыли туда, где был крошен хлеб, и перестали клевать поплавки.

– А давай гуся поймаем, – предложил Толя.

– Как? – не понял Юра.

– Да очень просто, – развивал мысль Толя, – насадим на крючок хлеб, и бросим гусям. Какой ни будь да заглотит.

– Так леска ведь гуся не выдержит, – засомневался Юра.

– А выдерживать и не нужно. Когда заглотит, подбежишь, и схватишь гуся руками, – учил Толя.

Так и сделали. Но гуси клевать крючок с хлебом не хотели, хотя весь крошенный хлеб съедали. Ребятам это надоело, и они опять ушли к девушкам. Еще выпили вина и закусили. И тут они услышали шум гусей возле своих удочек. Все вместе побежали туда. Там на удочке барахтался гусенок. Он, все-таки, проглотил крючок с хлебом, и, видимо, ему было очень больно. На вид, он был уже явно больше килограмма, и мог бы спокойно порвать леску, но он бил крыльями по воде, громко кричал, но убежать не мог. Толя подтянул его к себе, и свернул ему шею. Крики несчастного прекратились.

– Ну теперь можно и уху варить, – сказал Юра.

– А его искать не будут? – засомневалась Тоня.

– Ну а если и будут. Вы свидетели, он сам на крючок попался. Он уже был не жилец. Я просто прекратил его мучения, – как бы согласовал общую позицию Толя.

Толя общипал и выпотрошил гусенка. С него, и с пойманных карасиков сварили великолепную уху, которая под вино пошла просто замечательно, съели все до последней ложки.

– А теперь и поспать можно, – сказал Юра. – Тоня, пойдём, что ли?

– Вы что, уже все решили? – не поняла Тоня. – А наше мнение, что, никого не интересует?

– Ваше мнение в другой раз учтем, – пошутил Юра.

– Да ладно, – поддержала Юру Валя, – какая разница. Пошли спать, поздно уже.

Пары разошлись по берегу на ночевку.

Утром проснулись рано, как только взошло солнышко. Но разбудили их не солнечные лучи, а холод. Под утро стало довольно свежо, и все участники пикника прилично замерзли. Ребята побегали по берегу, и сделали физзарядку, чтобы согреться. Девушки кутались в освободившиеся одеяла, пытаюсь согреться таким образом. Ребята решили покрасоваться перед девушками, и завязали между собой борьбу. Юра был самбистом, и имел первый разряд, а у Толи был первый разряд по классической борьбе. Провели три схватки, и во всех победил Толя. Юрино самбо против классической борьбы не прокатило. Но дело было не в самбо. Просто у Толи руки на десять сантиметров длиннее, чем у Юры, и за счет длинных рук он держит его на расстоянии, не подпуская к себе, а потом проводит молниеносный бросок, и Юра оказывается на лопатках.

С утра поймали еще несколько карасиков, которых просто зажарили на костре, нанизав их на палки, как на шампура. Этими карасиками и позавтракали. Можно конечно было съесть и больше, но остатки еды сэкономили на обед. Еще немного поплавали и позагорали. Отдых удался, и все были

довольны.

– Как видите, искать гуся никто не пришел, значит их никто не считает, – сделал вывод Толя. – Я был прав!

– Наверно да, – пришлось согласиться и остальным.

В обед допили остатки вина, и доели остатки колбасы. Колбасу тоже пришлось поджаривать на костре, так как она уже немножко подгуляла, и без прожарки ее опасались кушать, чтобы не отравиться.

– А давайте приедем сюда еще, здесь так здорово, – предложила Тоня.

– А почему бы и нет? – согласился Юра.

– Ну тогда не будем далеко откладывать, давайте в следующие выходные и приедем, – предложил Толя.

– Я наверно не смогу в следующие выходные, – сказала Валя. – Я собиралась к родителям съездить.

– Да в другой раз съездишь! Что ты, в самом деле? – набросилась на нее Тоня. – Не разбивай компанию. Когда ты еще так отдохнешь. Зимой будешь к родителям ездить.

И Валя сдалась. Было решено в следующие выходные приехать сюда снова.

В следующую субботу компания опять собралась в поход. Ребята провели работу над ошибками. Вареную колбасу они больше не покупали, купили на рынке сало, а в магазине консервы и немного копченой колбасы. Она хоть и дорогая, зато на жаре не испортится. И вина купили больше, в прошлый раз маловато было. Оказалось, что девушки пьют не меньше,

чем они. К обеду они уже были на знакомом пруду. Их место занято не было, и они снова расположились под тем же деревом. Купались и загорали, ловили рыбу, пили вино и закусывали вкусной колбасой и консервами. Вечером начали готовить уху.

– А прошлый раз, с гусем, уха была изумительная, – вспомнила Тоня.

– Так может и сегодня повторим? – поинтересовался Юра.

– Повторим, повторим, – запрыгали девушки.

– Тогда я пошел готовить удочку для ловли гуся, – сказал Юра.

– Нафига тебе удочка? – вмешался в разговор Толя.

– Ну мы же в прошлый раз на удочку ловили, – не понял Юра.

– Да я тогда просто прикалывался! Накроши им хлеба на берегу, и лови руками, никуда они не убегут.

Юра быстро поймал большого гуся и принес Толе.

– На, держи. Этого не на одну уху хватит, – гордо заявил он.

Толя быстренько свернул гуся шею, но ощипывать его ему явно не хотелось.

– А давайте мы его запечем, а уху просто с рыбы сварим, – предложил он. – И ощипывать не нужно будет. Я здесь неподалеку глину видел. Обмажем гуся глиной и закопаем под костром, пока будет вариться уха, и гусь запечется.

Так и сделали. Уха и без гуся оказалась вкусной. Под вкус-

ное вино пошла замечательно. Начали обсуждать предстоящую ночь.

– Теперь мы будем выбирать, кто с кем будет спать, – заявила Тоня. – Я выбираю Толю.

– Да ради бога, – согласился Юра. – Если Валя не возражает, то я не против.

– Мне все равно, – сказала Валя. – Давайте лучше гуся кушать, уже слюнки текут.

Сдвинули костер в сторону и откопали гуся. Вместе с задохшей глиной отвалились и перья. Аромат запеченного гуся разнесся по всему пруду. Вот теперь действительно у всех потекли слюнки. Толя отрезал от гуся ноги и крылья, и предложил девушкам выбирать, кто что хочет. Конечно же, девушки выбрали ножки. Гусь получился очень вкусным, поэтому и ножки, и крылья съели очень быстро. И Толя принялся разделывать тушку гуся. В это время со стороны деревни послышался какой-то шум, слышны были громкие голоса, которые приближались к пруду.

– Еще какая-то запоздалая компания прется, – недовольно сказал Толя. – Их нам только и не хватало.

– Наверно запах гуся унюхали, – пошутил Юра.

А голоса приближались. Уже было слышно, что там громко ругались и грозились кого-то убить. Это была совсем не веселая пьяная компания.

– Нам только чужих разборок не хватало, – встревожились девушки.

Между тем толпа подошла ближе. Уже можно было различить пять мужиков и четырех женщин.

– Вот они, возле костра сидят! – закричала одна из женщин.

– Это наверно те же, которые были здесь и в прошлый раз, – сказала другая женщина. – Под тем же деревом расположились, где собаки потроха гуся нашли.

Отдыхающим стало не по себе. Было очевидно, что толпа пришла по их души.

– Точно, – сказал один из мужиков, – сидят, нашего гуся жрут.

– Что шалавы? Одного гуся вам мало показалось? Приехали еще за одним? – загалдели женщины.

– Сейчас мы из них этого гуся вышибем, – сказал мужик.

– Мужики, давайте утрясем вопрос мирно, – предложил Толя, – мы заплатим за гуся.

– Вообще-то, мы спортсмены, – вмешался в разговор и Юра. – Мы кандидаты в мастера спорта по самбо, так что не советую с нами связываться.

– Что? – возмутились мужики. – Он нам еще и угрожает? Бей их!

И в руках у мужиков появились колья. Раньше Юра с Толей их почему-то не заметили. Ситуация складывалась явно не в их пользу, ведь известно, что против лома нет приема, если нет другого лома. То же самое и супротив кола. Мужики с кольями набросились на Толю и Юру, били не глядя и

не раздумывая, по чем придется. Нашим спортсменам пришлось позорно спастись бегством, оставив возле костра все свое имущество.

А женщины набросились на девушек. Они хватали их за волосы, били руками по лицу. Не выдержав натиска, Валя сразу же убежала, а бойкая Тоня стала защищаться. Она схватила лежавшие возле костра две бутылки из-под вина, ударила ими друг о друга, и стала размахивать образовавшимися острыми разбитыми бутылками.

– Не подходите ко мне, порежу! – кричала она.

– Ах ты сучка городская! – закричала в ответ тетка с фигурой штангиста. – Да я сейчас твои бутылки тебе в ..... засуну!

Она легко перехватила руку Тони с бутылкой, отобрала у нее битую бутылку, и несколько раз провела острыми краями этой бутылки по Тониному лицу. Кровь обильно потекла у Тони по шее, по груди и животу. Испугались обе, и Тоня, и женщина, ее поранившая, поэтому разбежались в разные стороны.

Избитая компания собралась на железнодорожной платформе уже за полночь. При свете фонарей, висевших на столбах, стали друг друга осматривать. Юра и Толя были все в синяках, но больше досталось Толе. Под левым глазом у него красовался огромный синяк. Юре повезло, у него синяков на лице не было. Валя отделалась только испугом. Больше всех пострадала Тоня. У нее все лицо было в глубоких

порезах и кровоточило. Юра снял с себя майку, порвал ее на полоски, и ими они перевязали лицо Тони. Вот так трагически закончилась вторая поездка на пикник. Электричек до утра не было, и было очень холодно, ведь все их теплые вещи остались возле костра. Незадачливые путешественники жаллись друг к другу, пытаясь хоть немного согреться. Говорить никому не хотелось, но думали все об одном и том же, о том, что Толя был не прав, гусей в деревне все-таки считают. А еще ребятам было очень жаль Тоню. Теперь у нее все лицо будет в шрамах. Как теперь, с таким лицом в шрамах, она замуж выйдет?

Последняя охота

Василий Петрович – охотник со стажем. Вот уже больше двадцати лет он ходит на охоту. Не очень часто, конечно, но пару дней осенью и пару дней зимой он на это занятие выкраивает. Ездить чаще, профессия не позволяет – он работает врачом-терапевтом в сельской больнице. Каждый день прием больных в поликлинике, да и в стационаре у него полно больных. И каждому из них в любой момент может понадобиться его помощь. Надолго не уедешь. Поэтому он всегда выезжает на охоту без ночевки. Летом он обычно охотится на уток. Выезжает с утра пораньше на какое ни будь болотце за хутором Хомино, где есть открытая вода, и там устраивается на берегу в засаде. С рассветом, утки к нему сами и прилетают, только стреляй. За количеством он не гонится. Подстрелит две-три утки, и достаточно. Лайма, его собака, их находит, и ему приносит. Такая охота ему нравится. Зимой конечно хуже. Этого несчастного зайца еще попробуй найти. Даже Лайма не всегда помогает. Иногда протопашешь по снегу километров десять, но так ни одного зайца и не встретишь. Зимняя охота ему меньше нравится. А за последнее время, из-за сидячей работы, он еще и вес лишний набрал, теперь стало совсем тяжело зимой по полям ходить. Правда он недавно купил машину, и не какую ни будь «Победу», а последнюю модель – «Москвич-408». Красавица, ни одного

острого угла на кузове, везде все плавно и сглажено, не машина, а загляденье. На ней он теперь и ездит на охоту. Это не то, что пешком ходить. На осенней охоте он теперь практически не устает. На зимней охоте, конечно, все равно приходится много ходить, но, как минимум на десяток километров, он теперь проходит меньше. А главное, что теперь он ни от кого не зависит. Не нужно под кого-то подстраиваться, когда выдалось свободное время, тогда и поехал на охоту. Сам себе хозяин. Скучновато, правда одному бывает, но это не беда.

А недавно ему предложили съездить охотиться на кабана. Предложение конечно было заманчивое, так как он никогда не охотился на крупную дичь, а, с другой стороны, он плохо себе представлял, что он там будет делать. У него даже крупной дроби никогда не было, а здесь ведь, наверно, пули нужны. Он даже не был уверен, что и ружье его подойдет. У него сейчас тульская двустволка шестнадцатого калибра, бескурковая. В позапрошлом году он свое старое, курковое ружье продал, а это купил. С этим ружьем охота более эффективной получается, так как не нужно тратить время на взведение курков. Увидел взлетающую утку, вскинул ружье, и выстрелил. А с курковым ружьем, пока курки взведешь, можно и не успеть выстрелить. В общем, новым ружьем Василий Петрович был доволен. А вот в том, подойдет ли оно для охоты на кабана, он не был уверен. Начал спрашивать у других охотников. Одни говорили, что подойдет, другие, что

нет, лучше двенадцатый калибр. То же самое и с патронами. Одни утверждали, что для такой охоты нужны только пули, другие заверяли, что и крупной картечи достаточно. Василий Петрович был в полной растерянности и не знал кого слушать. И тут к нему на прем в поликлинику пришел егерь. Видно сам бог послал его Василию Петровичу. Он и развеял все его сомнения.

– Двенадцатый калибр конечно лучше, – пояснил он, – но вполне подойдет и шестнадцатый. Что касается патронов, то лучше брать крупную картечь, с ней сложнее промахнуться. Пуля лучше для тех, кто очень хорошо стреляет, для всех остальных лучше использовать картечь. И патронов много покупать не стоит, так как по кабану удастся сделать не более двух выстрелов, на перезарядку ружья времени не будет, и второго кабана тоже не будет.

И Василий Петрович согласился ехать на эту охоту. Охотников набралось десять человек, поэтому поехали на летучке из сельхозтехники, то есть на автомашине с кунгом, на которой ездят для устранения неисправностей. Но Василий Петрович решил ехать на своей машине. Когда приехали на место, егерь, который руководил охотой, наверно бывший военный, построил всех в одну шеренгу и проинструктировал по мерам безопасности: «Стрелять только перед собой, вправо, влево, и вслед убегающему кабану не стрелять. Загонщикам разрешается стрелять только при непосредственной угрозе их жизни». Затем он разделил охотников на две

группы. В группу загонщиков он определил самых молодых, которые только недавно начали заниматься охотой. Они погрузились опять в летучку и уехали к месту начала загона. Остальных егеря расставил на номера вдоль лесной дороги. Предупредил, что лицензия у них всего одна, поэтому быть всем повнимательней, и если увидят, что сосед уже застрелил кабана, то больше не стрелять, иначе придется платить большой штраф.

Василию Петровичу место досталось самое крайнее слева, и уже не в лесу, а практически в поле. Перед ним было открытое поле, лес был только за его спиной, и впереди справа, метрах в пятидесяти от его места. Василий Петрович обиделся на егеря.

– Кузьмич, ты зачем меня в поле поставил, – возмутился он. – С какого перепугу сюда кабан через открытое поле побежит? Он же не дурной? Что ты меня как новичка сюда запихнул?

– Ты меня извини, Василий Петрович, – оправдывался егеря, – но ты ведь первый раз на такой охоте. А если растеряешься, или поздно заметишь зверя и промажешь, тогда мы без добычи останемся. Усилия всего коллектива пойдут насмарку. А кабанов здесь не так уж и много, одного, или, максимум, двух выгонят. Там, где кабан должен выйти, я поставил опытных охотников, которые точно не промахнутся. А ты уж постой здесь. Не обижайся, добычу все равно поровну поделим.

Василий Петрович, в принципе, был согласен с доводами егеря, но, все равно, было обидно. Зря он на эту охоту согласился. Теперь будет, как дурак, торчать на этом поле, хотя заранее понятно, что никакой кабан сюда не выйдет. И Василий Петрович решил хотя бы обустроиться здесь получше. Поскольку времени в запасе еще много, он сходил за своей машиной, и приехал на свою точку на машине. Забросил ружье на заднее сидение, где лежал его рюкзак, а сам, с открытой дверкой, сидел на переднем сидении, опустив ноги на землю. Так будет лучше, решил он, по крайней мере, ноги зря убивать не будет. Смотрел на пустое заснеженное поле, но больше смотрел на охотника справа, который стоял уже на лесной дороге, ведь на него кабан может и выйти. Хотя бы посмотреть, как этот охотник будет действовать.

Вот уже вдали послышался шум и крики загонщиков. Загонщики приближались, и Василий Петрович во все глаза смотрел на охотника справа, стараясь не пропустить момент, когда на того выскочит кабан. Боковым зрением он уловил какое-то движение в поле. Повернул голову влево, и обалдел, прямо на него через поле неся огромный черный секач. До него было не более пятидесяти метров, и уже четко были видны его большие, загнутые кверху клыки. Василий Петрович подскочил как ужаленный. Открыл заднюю дверку машины, схватил ружье за ствол и потянул на себя, но ружье за что-то зацепилось. Василий Петрович оглянулся на хряка, тот был уже совсем близко. Времени на то, чтобы лезть в

машину и разбираться, за что там зацепилось ружье, уже не было, и он посильнее рванул ружье на себя. Прогремел выстрел. Заряд картечи пришелся Василию Петровичу в грудь.

Как потом выяснили охотники, ляпка рюкзака каким-то странным образом попала под защитную скобу, защищающую спусковые крючки от случайного нажатия, и зацепилась за один из спусковых крючков. А поскольку ружье было бескурковым, то, при рывке, и произошел выстрел. Произошло событие из серии «чего вообще не может быть», но оно произошло. До больницы Василия Петровича живым довести не удалось.

Случайный жених

Толя встречался с Надей уже давно. Скоро будет два месяца, как он познакомился с ней на танцах в парке им. Горького. Водил ее и в кино, и в кафе. Но до сих пор между ними ничего серьезного не было. Так, целовались по вечерам в подъезде ее дома. И Толе это уже начинало надоедать. Так долго, без серьезных отношений, он еще ни с одной девушкой не встречался. Она вроде бы и не против. Но где? Не поведешь же ее к себе в студенческое общежитие, где в комнате живут еще двое ребят? Да и бдительная вахтерша не пропустит. А дома у нее маманя постоянно в квартире сидит. Домохозяйка. Нет, чтобы, как все нормальные люди, пойти работать. Так она целыми днями сидит дома, кота караулит. Толя ее ни разу не видел, но уже чувствовал к ее персоне неприязнь. И подруг, как говорит Надя, у нее нет, поэтому и в гости она ни к кому не ходит. А молодежи и приткнуться негде. Шатаются бесцельно по городу. Ну хотя бы на полдня куда ни будь уехала.

Видя бесперспективность таких отношений, Толя уже хотел расстаться с Надей, как вдруг она сообщила, что родители собираются ехать в Крым, в санаторий. На целых три недели. Меланхолическое настроение у Толи как рукой сняло. У них будут целых три недели. Три недели, как он надеялся, до краев наполненные счастьем. Вот тогда они с Надей

оторвутся, и никто им мешать не будет. Он, пожалуй, даже в общежитие ездить не будет, у Нади будет жить. Ожидание этого счастья буквально переполняло Толю, он был в таком приподнятом настроении, что это его внутреннее свечение стали замечать все.

– Толя, что с тобой? – спрашивали его. – Ты чего весь аж светишься?

Толя только загадочно улыбался. Если бы он стал объяснять, что у него появилась возможность переспать с очередной девушкой, его бы не поняли. Этих девушек у него уже было более чем достаточно. Но этот случай был особенным. У него появилась надежда вернуть то, что он уже считал навсегда утерянным. Ведь с Надей он уже чуть было не распрощался. И тут такая удача. Целых три недели райской жизни. Действительно счастье привалило. Ну как тут не светиться от счастья? Теперь главное, это счастье не спугнуть, и поменьше об этом трепаться

И вот долгожданный день наступил. Надя проводила родителей в аэропорт, и пожелала им счастливого полета и хорошего отдыха. Как только родители уехали, молодые люди сразу и встретились в Надиной квартире. Квартира произвела на Толю сильное впечатление. Это была трешка, но очень большая и с высокими потолками, таких сейчас не строят. И обстановка в квартире очень богатая. Резная мебель с гнутыми ножками, шкафы из красного дерева. Толя такое только в музеях видел.

– Живут же люди! – подумал он. – Наверно и питаются одними деликатесами.

Но вслух эти мысли конечно высказывать не стал. Да и не до того было, он прикидывал, каким образом предложить девушке лечь в постель, чтобы и не напугать ее и не обидеть. А вдруг это у нее будет впервые? Вдоволь нацеловавшись с Надей, он предложил перекусить. А она может догадается еще и вино поставить на стол, тогда разговор легче будет в нужное русло направить. Надя оказалась очень понятливой, сама принесла бутылку вина, два бокала и шоколадку. Толя, как вечно голодный студент, не прочь был бы съесть и что-то посущественней, но выпрашивать еду было неудобно. Выпили по бокалу вина, закусили шоколадкой, и Надя опять стала целоваться. Поняв это как приглашение к более близким отношениям, Толя начал расстегивать ей блузку.

– Не здесь, – сказала Надя. – Пошли в спальню.

Толя обалдел. Сама предложила! Даже уговаривать не пришлось. С обоюдным удовольствием они провели в любовных утехах весь вечер и половину ночи. К удивлению Толи, Надя оказалась далеко не новичком в этом деле. Может она даже поопытней Толи была. У Толи еще не было таких опытных девушек. И только поздно ночью, совсем обессилевшие, они наконец-то угомонились, и уснули мертвым сном.

А родителям Нади не повезло. Сначала объявили о задержке их рейса на час, в связи с непогодой в аэропорту Сим-

ферополя. Потом еще на час. Потом еще на час. И, наконец-то, объявили, что вылет рейса откладывается до десяти часов утра. Ну не сидеть же им всю ночь в аэропорту, когда от аэропорта до дома на такси всего полчаса ехать. Взяли такси и поехали домой. В квартиру зашли тихонько, чтобы не разбудить спящую дочь. Но в квартире их ждал сюрприз. В прихожей стояли чьи-то мужские туфли. Еще больший сюрприз ожидал их в их собственной спальне. Их постель была занята, на ней лежали два абсолютно голых тела: их дочери и какого-то молодого человека. Мать Нади уже было раскрыла рот, чтобы извлечь оттуда страшные звуки, но муж ее остановил, приложив палец к своим губам, и жестом показал, чтобы она выходила из спальни. Пришлось им устраиваться спать на диване в гостиной. Перед тем, как лечь спать, отец Нади прихватил с собой в гостиную мужские туфли, которые стояли в прихожей.

Толе с утра нужно было бежать в институт на занятия, поэтому он проснулся рано. Быстренько умылся и стал одеваться. Надя и не собиралась вставать. Она так и продолжала лежать в постели ничем не прикрытая, вызывая у Толи очередной прилив желания. Кормить его она тоже не собиралась, а позавтракать перед занятиями было бы неплохо, ведь они вчера так и не поужинали. Но время поджимало, и Толе нужно было бежать. Как на грех, куда-то туфли запропались. Толя уже все углы в прихожей осмотрел, но туфель нигде не было.

– Надя, ты мои туфли никуда не девала? – спросил он. – Туфли куда-то запропастились.

– Нет, не видела. Ищи лучше, не могли же они из прихожей убежать, – безмятежно улыбалась Надя. – А может ну их, и эти туфли, и твои занятия? Иди лучше ко мне.

Неожиданно дверь в спальню открылась, на пороге появились родители.

– Ой! – сказала Надя, и быстренько завернулась в простыню.

– Молодой человек, Вы случайно не эти туфли ищите? – спросил отец Нади, показывая туфли, которые он держал в руках.

Рой мыслей мгновенно пронесся в голове у Толи.

– Ну все, теперь женят! Взяли с поличным! Как же выкрутиться?

Женитьба в его планы никак не входила. Так глупо он еще никогда не попадался.

– Главное не волноваться, – успокаивал себя Толя. – Документов у него при себе нет. Его фамилию Надя не знает, поэтому, когда будут спрашивать, то можно и соврать. Проверить они не смогут. Сейчас можно обещать все, что угодно, даже жениться. Сейчас главное – отсюда вырваться. А больше сюда он и не придет. Ищи тогда ветра в поле.

– А вы почему вернулись? – подала из-под простыни голос Надя.

– Рейс до утра отложили, – ответила мать. – И давно это

у вас? Ты его хорошо знаешь?

– Хорошо. Мы уже два месяца встречаемся, – пытаюсь оправдаться сказала Надя.

– Нет, нет! – поторопился поправить ее Толя. – Это у нас первый раз.

– Да это не столь важно, – сказал отец, – первый, или не первый. Ты готов отвечать за свои поступки?

– Конечно готов, – сказал Толя, решив придерживаться выбранной тактики. – Мы с Надей любим друг друга, и я готов на ней жениться.

– Да погоди ты с женитьбой, – остановил его отец Нади. – Давай сначала познакомимся. Расскажи, кто ты и откуда, чем занимаешься, кто твои родители.

Толя почти все честно и рассказал. Что он студент, родом из далекого районного городка. Отца нет, воспитывает его мать. О том, что отца нет, он конечно соврал.

– А мать кем работает, – спросили его.

– Инструментальщицей на заводе, – опять соврал Толя.

На самом деле его мать работала на заводе главным бухгалтером.

– Ну и как ты собираешься семью содержать, – поинтересовался отец Нади.

– Через два года закончу институт, и пойду работать на завод инженером, – уверенно ответил Толя.

– А до этого? – захотел уточнить отец.

– Ну мы же не завтра собираемся пожениться, до этого

будем просто встречаться, – выдал Толя новую, только что появившуюся у него мысль.

– Нет парень, не в тот огород ты залез, – выдал свое резюме отец Нади. Нам для Нади случайный жених не нужен. Ищи себе девушку по своему статусу, из заводских, а к нашей дочери больше не приходи. Держи свои туфли, и мотай отсюда. И чтобы я тебя больше возле своей дочери не видел.

– Ты поняла? – обратился он уже к дочери.

– Да, папа. Поняла, – покорно ответила та.

Толя надел свои туфли, вежливо попрощался, и быстренько ушел, пока родители Нади не передумали.

– Повезло, – думал он, шагая в институт, – легким испугом отделался.

Женитьбы удалось избежать. А с другой стороны, как-то и обидно. Случайный жених! Жених им, видите ли, не такой. Бедный студент им не подходит. Папаня небось какая-то крупная шишка? Ишь как квартира обставлена. От рабочего парня нос воротят! Буржуи проклятые! Да он и не собирался на их дочери жениться, пусть не воображают. Больно она ему нужна. Даже покормить поленилась. Теперь до обеда придется голодному сидеть. А вот трех недель не состоявшейся жизни в сказке, конечно было жалко. А ведь все так хорошо складывалось. Чертов Аэрофлот! Это из-за него у Толи сказочная жизнь сорвалась. Обидно, досадно, но ладно. Хорошо уже то, что жениться не придется. А с девушками у него проблем нет, сами к нему липнут. Главное, еще раз так

по дурачки не попасться. В следующий раз так может и не повезти, женят, и не открутишься. А на этот раз он молодец, правильную тактику защиты выбрал.

Неожиданный поворот

Уже вторые сутки размеренно стучат колеса вагона, увозя Катю в Сибирь. Тук-тук, тук-тук, тук-тук, грустно стучат колеса. Кате кажется, что в первый день они как-то веселее стучали. И за окном пейзаж был веселее. Сначала были украинские города и села, с веселенькими побеленными и раскрашенными хатками. Потом пошли российские города и деревни. Такой красоты как на Украине уже не было, избы в деревнях серые, не беленные и не крашенные. Да отдельных изб практически и нет. Это какие-то, построенные буквой «П», сооружения: дом из почерневших от времени бревен, и пристроенные к нему два сарая, внутри небольшой двор. Все серое и некрасивое, но все это скрашивают растущие вокруг зеленые деревья. Никаких плодов на них не видно, наверно они не плодовые. Но все равно, там еще была жизнь. А дальше пошла степь. Единственное, на чем можно задержать взгляд, это растущий в посадке вдоль железной дороги корявый карагач. Иногда за окном пролетит какая-то степная птица. Станции встречаются очень редко, правда поезд стоит на них достаточно долго. Да только толку от этого мало. В буфете и киосках купить ничего нельзя. С приходом поезда, все они закрываются. Местные продавцы объясняют это тем, что народ с поезда разбирает весь товар, и им потом всю неделю, до следующего завоза товара, в киосках делать

нечего. Все нагоняет грусть, и пейзаж, и обстановка. Наверное поэтому и колеса начали стучать так грустно. А еще ведь четверо суток ехать.

Тоска смертная. Соседи – старая семейная пара и такой же старый мужик, попались не разговорчивые. Катя, этой толстой старухе лет пятидесяти, уступила сдуру свою нижнюю полку, на которой та теперь постоянно лежит, а Кате и присесть негде. Не будешь же целыми днями, как она, валяться на верхней полке. Был бы купейный вагон, там можно было бы в коридоре на скамеечке посидеть, но на купейный вагон Катя денег пожалела, а в этом плацкартном, все места заняты, поэтому остается, в перерывах между лежаниями, только ходить по проходу вдоль вагона. От долгого лежания уже начинает болеть все тело. За перегородкой едет какой-то молоденький лейтенант, который ею явно заинтересовался, но он какой-то несмелый, никаких попыток познакомиться или поговорить не предпринимает. Что за мужчины пошли? То ли дело ее Петя, тот после первого же с ней танца полез целоваться.

Познакомились они с ним в Нежине, в городском доме культуры на танцах. Среднего роста парень, красивый, веселый и шустрый пригласил ее на танец. Пока танцевали, он, своими шаловливыми ручками кажется исследовал все складки ее платья, а после танца, отведя ее в сторону, еще и целоваться полез. Катя тогда ему хорошо врезала. Но он даже не обиделся, извинился, и пригласил ее на следующий

танец. И Катя опять согласилась. Так и начали встречаться. Петя работал где-то на буровой в Сибири, в Нежин приехал в отпуск к родителям. Катя же сама из села Стодолы, где и сейчас живут ее родители. Два года назад она закончила среднюю школу в селе Вертиевка, и теперь работала официанткой в привокзальном ресторане в Нежине. С учетом чаевых, денег на жизнь хватало, поэтому снимала для проживания небольшую комнату в коммунальной квартире. Условия не бог весть какие, но жить одной в комнате ей нравилось. Когда училась последние два года в школе в Вертиевке, там она жила в школьном общежитии, где в комнате жили по шесть человек. Кате там не нравилось. Тесно, неудобно, да еще и эти дурацкие приколы. Одной девушке ночью выкрасили волосы мелом, а утром спросили: «Ты что, поседела?». Та посмотрела на себя в зеркало и чуть дара речи не лишилась. Другую, вместе с кроватью, ночью вытащили к коридору и там оставили. Та спала настолько крепко, что даже не проснулась. Утром ее разбудили ребята из соседней комнаты, которые поинтересовались, почему она спит в коридоре. А подруги стали ее убеждать, что она лунатик, что будто бы ночью она сама вытащила свою кровать в коридор и там легла спать. Поэтому каждый вечер, ложась там спать, Катя также опасалась, как бы и над ней тоже не подшутили. И вот теперь она наслаждалась тем, что жила в комнате одна. Много ли нужно человеку для счастья?

По окончании отпуска, Петя тогда уехал в свою Сибирь, а

Кате стал писать письма, в которых признавался ей в любви. Признавался также и в том, что у него было много девушек, но Катя из них самая лучшая. Катя конечно понимала, что у Пети в Сибири и сейчас есть девушки, но то, что она самая лучшая, ей конечно же льстило. Красавицей себя она конечно же не считала, немного ниже среднего роста, немного толстовата, но в целом, она ведь очень симпатичная, и не скучная. В следующий свой приезд в отпуск, Петя предложил ей выходить за него замуж. Познакомил ее со своими родителями. Родителям она сначала тоже понравилась, но когда они узнали, что она работает официанткой, то стали категорически возражать против этого брака. Петя опять уехал в Сибирь один, но потом написал ей письмо и пригласил ее приезжать к себе, здесь, вдалеке от родителей, они и поженятся. Страшновато конечно было ехать в такую даль, но больше ей, пока-что, никто не предлагал выходить замуж, а половина ее одноклассниц уже были замужем, и она согласилась. И вот теперь она ехала к Пете в Сибирь, надеясь попасть на собственную свадьбу.

Воздух в вагоне был тяжелым и спертым. Чем здесь только не пахло, но ни одного приятного запаха не было. В луче света от заходящего солнца, который пробивался через грязное окно, летал столб мелкой пыли. Казалось, что она не может осесть именно из-за этого тяжелого воздуха. Кате неудержимо захотелось глотнуть свежего воздуха, хотя бы несколько глотков. И она пошла в тамбур, где двери закры-

вались неплотно, и где всегда было прохладно. Катя открыла дверь в тамбур и увидела там лейтенанта, который курил сигарету и, широко открытыми удивленными глазами, смотрел на нее. Она почему-то тоже стала смотреть в эти глаза, зацепилась ногой за порожек и рухнула на него. К счастью, он успел ее подхватить. Подхватил как-то легко, бережно, как пушинку, стараясь не причинить ей боль.

– Сильный, – подумала Катя, – а с виду тощий.

Лейтенант был выше среднего роста и худой. Красавцем он явно не был, даже симпатичным его можно было назвать с натяжкой.

– Вы тоже покурить? – спросил он Катю.

– Да нет, я хотела подышать свежим воздухом, но Вы здесь так накурили, что свежего воздуха и здесь нет, – с горечью в голосе сказала Катя.

– Извините пожалуйста, если бы я это знал, я бы здесь не курил. А давайте быстренько проветрим.

И, не дожидаясь согласия, он открыл дверь в междвагонное пространство. Оттуда сразу потянуло холодом, свежий воздух наверно также поступал, но его присутствие ощущалось меньше. Через некоторое время Катя почувствовала, что замерзает, и вздрогнула.

– Вам холодно? – засуетился лейтенант. – Возьмите мой китель. Еще немножко, и весь дым выветрится.

Он снял китель и протянул его Кате.

– Скромный, – подумала Катя. Ее Петя наверняка бы вос-

пользовался ситуацией и сам бы надел китель, чтобы при этом обнять девушку.

– А как Вас зовут? – спросил лейтенант.

– Катя, а Вас?

– Павлик. Ой, Павел. Это меня мама Павликом называет, – исправился лейтенант. – А Вы далеко едете?

– Далеко, еще четверо суток ехать, – ответила Катя.

– Да, далековато, – посочувствовал Павлик. – Мне всего двое суток осталось. В Красноярске выхожу. Я там служу, из отпуска еду.

– А Вы домой?

– Нет, я к знакомым.

– К знакомым? В такую даль? Как же Вас мама отпустила? – не скрывал своего удивления Павлик. – Моя мама никогда бы не отпустила мою сестру так далеко.

И он стал рассказывать о себе, о своей маме, о своей сестре. Не зря говорят, что в поездах люди очень легко рассказывают малознакомым попутчикам всю правду о своей жизни, не стесняясь рассказывать даже то, чего даже ближайшим друзьям ни за что не рассказали бы. Катя внимательно слушала. Она его полностью понимала. Но Кате стало холодно уже и в кителе. Павлик это заметил, и они зашли обратно в вагон. Здесь их ждал приятный сюрприз. Двое пассажиров, занимавших боковые полки, готовились к выходу на ближайшей станции. Вещи они уже собрали и полки были пустыми. Павлик разобрал нижнюю полку, установив имев-

шийся в ней столик на его законное место, и пригласил Катю садиться. За этим столиком они и проговорили почти всю ночь. Катя тоже рассказала Павлику все о своей жизни. Рассказала и о том, что едет не к знакомым, а к знакомому, вернее к жениху, который обещал на ней жениться. Разошлись спать только часов в пять утра. И у обоих было такое ощущение, что знают они друг друга очень давно, с самого детства, и что всегда были друзьями.

На следующий день Павлик пригласил Катю пообедать в вагоне-ресторане. Там опять очень долго разговаривали, пока официантка не попросила их освободить столик, люди ждут своей очереди покушать, а они сидят болтают. Вернулись в вагон и опять разговаривали. Кате еще ни с кем не было так легко и свободно. Она даже подумала, что они с Павликом – родственные души. Павлик тоже сказал, что обычно он молчун, это только с ней он почему-то разговорился. На четвертый день пути, чувствуя близкое расставание, оба стали грустить.

– А ты любишь своего Петю? – отважился спросить Павлик.

– Не знаю, но он красивый, – ответила Катя. – А больше никто замуж меня не звал.

– А если бы я позвал, пошла бы за меня замуж? – набрался храбрости Павлик.

– Но ты ведь не зовешь!

– Зову. Выходи за меня замуж. Приедем в Красноярск, и

сразу поженится.

В Красноярске они вышли из поезда вместе. Вот так, не доехав до своего жениха, Катя и вышла замуж. Это был крутой и неожиданный поворот в ее судьбе.

Женские уловки

Владимир, в очередной, уже в четвертый раз приехал домой на зимние каникулы. Теперь ездить проще. Он уже полгода живет в общежитии, а не в казарме, и имеет полное право носить гражданскую одежду, в которой он и приехал домой. Теперь не нужно на каждом шагу офицерам честь отдавать.

Прежде всего, сходил в кино в клуб, чтобы узнать, кто еще из знакомых приехал в отпуск. Пока-что никого нет. Теперь нужно будет навестить школьного друга Мишу и троюродную сестру Веру. Вот пока и все планы на ближайшее время. Больше даже навещать некого. В селе из родственников по материнской линии осталась только Вера, а по отцовской – его двоюродный брат с семьей, но с ними Владимир редко встречается. Вера живет с мужем Мишей и тремя детьми: Валерка, Света и самая младшая Ира. Ей всего полтора года. Детей было бы пятеро, но двое первых близняшек родились мертвыми. На следующий день Володя взял бутылку вина, конфет детям, и вечером пошел к Вере и Мише в гости. К другу Мише он позже сходит, этот визит нужно еще согласовать, чтобы не свалиться как снег на голову. А Вера всегда дома, она домохозяйка.

У Веры все семейство было в сборе. Обменялись новостями, поужинали, и сели с Мишей играть в шахматы. Оба иг-

рока играли не очень хорошо, поэтому выигрывали партии попеременно, кому как повезет.

– Володя, а ты завтра что вечером делаешь? – спросила Вера.

– Еще не знаю, планов пока нет.

– А ты не мог бы завтра с нашими детьми посидеть? А мы с Мишей в кино ходим. Я уже сто лет в кино не была.

Надо же. А ведь Миша специально построил свой дом недалеко от клуба, чтобы поближе было на танцы ходить. С тремя детьми жизнь видимо совсем засосала.

– Без проблем. Посижу, если нужно, – отвечает Владимир.

– Ну тогда подходи завтра к шести часам вечера.

– Ладно, приду.

На следующий день, к шести вечера, Владимир, как и обещал, был у них.

– Я Иру покормила, она должна вести себя хорошо. Если попросит воды, то вот бутылочка, напоишь, – проинструктировала его Вера.

– А старшие где? – спросил Владимир.

– Старших я к соседке отвела, они хулиганистые, с тремя ты можешь не справиться.

И Вера с Мишей ушли в кино. Ира спокойно игралась игрушками на диване, а Владимир сидел рядом и смотрел телевизор. Минут через десять в дом зашла соседская девушка Надя.

– Ой, я не опоздала? Тетя Вера просила меня с детьми

посидеть.

– Ну Вера, – подумал Владимир, – со всех сторон подстраховалась.

– Да она и меня попросила с детьми посидеть, – улыбаясь сказал Владимир. – Если есть дела, то иди, я справлюсь, тем более, что одна Ира осталась.

– Нет уже у меня никаких дел, – сказала Надя, – и домой идти не охота.

– Ну тогда раздевайся, будем вместе за Ирой смотреть, ты за руками, а я за ногами, – пошутил Владимир.

Надя сняла пальто и зашла в комнату. Как же она хорошеела? Красивое лицо, фигуристое, словно точеное тело. Все при ней. В праздничном платье и со свежей прической, как будто в театр собралась, а не за детьми присматривать. И навязчивый запах каких-то духов. Писаная красавица, да и только. С духами правда она явно переборщила, слишком много их на себя вылила, к их назойливому аромату еще нужно было привыкнуть. Вот только ростом она не вышла, как была маленькой, так и осталась. Пожалуй, совсем не подросла с тех пор, как они с ней последний раз виделись.

– Присаживайся, Надя. Сколько же лет мы с тобой не виделись? Какой красавицей стала! – не удержался, чтобы не сделать ей комплимент, Владимир.

– Да с тех пор, как ты школу закончил, и не виделись, – ответила Надя. – Я то тебя видела, а ты меня нет.

– Тогда ты еще совсем девчушкой была, а теперь уже

взрослая девушка, – не переставал восхищаться Владимир. – Наверно уже школу заканчиваешь?

– Школу я в прошлом году закончила.

– А сейчас чем занимаешься?

– Готовлюсь опять поступать в педагогический, где наша Валя учится, в прошлом году у меня баллов не хватило. Ты Валю помнишь?

Ну как же ее не помнить, подумал Владимир. Она заканчивала школу на год раньше его. В отличие от Нади, далеко не красавица, но намного выше ее. Потом она приезжала на вечер встречи с выпускниками и читала свое стихотворение под названием «Цветы и порох». Стихотворение всем понравилось, ей дружно аплодировали и хвалили. Но позже выяснилось, что это стихотворение написал поэт Николай Рыбаков. Видать Валя в мамку пошла, та тоже лгала на каждом шагу, даже там, где в этом и смысла то никакого не было, просто так, врала по привычке. Вот отец у них нормальный мужик, майор запаса, приехал в село десять лет назад и построил дом рядом с Мишей.

– Так помнишь Валю? – переспрашивает Надя, не дождав-шись ответа Владимира.

– Конечно помню, – возвращается в реальность Влади-мир.

– А давай потанцуем, – предлагает Надя.

– Давай, – соглашается Владимир.

Включает Мишину радиолу и ставит какую-то пластинку

с музыкой и песнями. Под эту пластинку они и танцевали в обнимку медленные танцы, пока Ира не попросила пить. Владимир взял приготовленную бутылочку, посадил Иру к себе на колени и стал, придерживая бутылочку, поить водой. Надя пристроилась на стуле рядом. Вдруг она неожиданно поцеловала его в щеку.

– Надя, ты чего? – не понял Владимир.

– Да ты какой-то несмелый. Ты мне давно нравишься, а в мою сторону даже не смотришь.

И тут до Владимира начинает доходить, что не случайно они с Надей оказались вдвоем в этой комнате, где даже старших детей нет, только маленькая Ира. Так много случайностей за один раз не бывает. Похоже, что эта их встреча была заранее спланирована. Женские уловки? Как же от забыл? Еще год назад его одноклассница, с которой он переписывается, писала ему, что на танцах в клубе Надя всем рассказывала, что она с ним встречается и переписывается. Одноклассница спрашивала, действительно ли это так. Он тогда не придавал этому никакого значения. Написал, что Надя все выдумывает, и забыл про это. И вот теперь такой поворот. Надя действительно в него влюбилась? Вряд ли, он далеко не красавец. Скорее всего, одноклассница сообщила всем, что Надя с ним не встречается и не переписывается, и теперь Наде нужно себя реабилитировать, чтобы ее не считали лгуницей. Скорее всего, ей нужно просто показать, что она с ним встречается.

– И что ты предлагаешь? – спрашивает он Надю. – Сразу жениться, или сначала встречаться?

– Ну давай будем встречаться, – говорит Надя.

– Извини, Надя, встречаться не получится.

– Почему? Я тебе не нравлюсь?

– Да нет, нравишься. Ты красивая и очень хорошая девушка. Но я не хочу тебя обманывать. У меня есть невеста, и мы скоро поженимся.

– Может еще передумаешь?

– Нет, не передумаю, мы уже кольца купили.

На глаза у Нади наворачиваются слезы.

– Надя, ты не расстраивайся, – успокаивает ее Владимир. – Ты еще очень молодая и очень красивая. Будет у тебя еще такой же молодой и красивый парень, и ты будешь счастлива. Зачем тебе такой старый и некрасивый как я?

Но Надя его уже не слушает. Чтобы он не видел ее слез, она молча надевает пальто и уходит. Ну вот, обидел хорошую девушку. Теперь она всю ночь будет плакать, стараясь никому не показывать своих слез. А как он должен был поступить? Согласиться встречаться, а уже потом сказать, что он женится на другой. Но тогда было бы еще хуже. Как ни делай, все равно плохо. Он чувствовал себя как побитая собака.

Вернулись из кино Вера с Мишей и со старшими детьми.

– Ну как тут у вас, все срослось? – спросила Вера.

– Да все нормально, Ира хорошо игралась, не плакала.

Только один раз воды попросила.

– Да я не про Иру. Надя приходила?

– Приходила, только ничего не срослось.

– Почему? Она тебе не понравилась? Она ведь очень красивая.

– Так это ты специально придумала поход в кино?

– Да, Надя очень просила устроить ей встречу с тобой, а то ты ее не замечаешь. Так что, все-таки, случилось?

– Да ничего не случилось. Я не хочу ее обманывать. У меня есть невеста и мы скоро поженимся, мы уже и кольца купили.

– А родители твои про невесту знают? Что-то они мне ничего такого не говорили.

– Еще нет. Я им скажу, когда заявление подадим. Кстати, приглашаю вас с Мишей на свадьбу, дату уточню позже.

– Да нехорошо получилось. Но я ведь этого не знала. Хотела, как лучше.

Мать Володи узнала о предстоящей свадьбе буквально через пару дней, и совсем не от Веры. Она залезла в его чемодан, чтобы забрать белье в стирку, и увидела там приглашенные открытки на свадьбу.

Угасший род

Давным-давно, еще задолго до революции, жил в селе казак Иван Чепила. Не очень богатый, но и не совсем бедный. Была своя земля, да и хозяйство небольшое имелось: две лошади, три коровы, десяток овец, четыре свиньи, ну а гусей, уток и курей, он вообще никогда не считал. В общем, жила семья безбедно, голодными никогда не сидели. Многие в селе Ивану завидовали, но отнюдь не из-за хозяйства, таких хозяйств в селе было полно, а вот таких сыновей, как у Ивана, больше ни у кого не было. У Ивана росли четыре прекрасных сына, все красавцы, здоровые и сильные, косая сажень в плечах. А еще умные и образованные, все закончили церковно-приходскую школу. Иван тоже не лыком шит, и читать, и писать, и считать умеет, но по части грамотности, ему до них далеко. Добрые казаки будут, за таких любая девка замуж пойдет. А какие работящие, любо-дорого посмотреть, когда работают. Любая работа им по плечу. Ребята цепкие, за жизнь будут держаться всеми силами. Полностью оправдывают свою фамилию, которую с местного диалекта на русский можно перевести как «цепкий». И не пьяницы, даже по праздникам пьют в меру, пьяными их никто не видел.

Когда пришло время, Иван своих сыновей женил. Старший, Ефим, как и положено старшему сыну, женился первым. Иван купил ему небольшой клочок земли, расположен-

ный напротив своего дворища, помог поставить там хату и обзавестись своим хозяйством. Место конечно было не совсем удачным, так как располагалось на углу поворота дороги, поэтому, места под огород там не было, только под сад и небольшие грядки, но зато рядом. Вскоре и детки пошли. Федор, Феодосий и Иван. Потом женился Антон. Ему Иван также купил землю рядом с Ефимом. Такой же неудобный клочок земли на повороте дороги, и опять без места под огород. Но это не страшно, за селом у них есть большое общее поле, которое они вместе и обрабатывают. Следующим женился самый младший – Савва. И ему Иван помог с землей и хатой, на этот раз землю купили в другой части села, на Мегерках. В селе, отдельные его части, назывались, в основном, по фамилии большинства проживавших там жителей. Так была Бабкивка, там жили несколько семей с фамилией Бабко, были Мегерки, от фамилии Мегерко, была Мыгеливка, от фамилии Мыгель, была Крошкивка, от фамилии Крошка. А теперь появилось еще одно название – Чепиливка, это уже от фамилии Ивана. Последним женился Гаврило, и остался жить на отцовском дворище. Трое братьев жили рядышком и всегда могли бодсобить друг другу при необходимости. Да и до Саввы не так далеко, и ему помогали всей семьей. У всех дети. У Антона – Никита и Михаил, у Гаврила – Яков и Макар, у Саввы – Степан и Михаил, и еще наверно будут дети, ведь сыновья еще молодые.

Иван в достатке дожил до глубокой старости и умирал

спокойным и умиротворенным, свою задачу на этом свете он выполнил полностью, продолжение своего рода он обеспечил. Дальше род будет только умножаться. Иван умер счастливым. Он даже предположить не мог, что будет революция и гражданская война, на которой погибнет Савва, что потом будут колхозы, и землю у его сыновей отберут, что потом будет голод 32-го, 33-го годов, во время которого умрет много народа, а потом еще и война, которая унесет еще больше жизней. После войны из рода Ивана в живых остались немногие. Из сыновей Ефима в живых остался только Иван. Он закончил войну капитаном, потом демобилизовался, и до самой пенсии работал лесничим. Дважды был женат, но у него сыновей не было, только две дочери. Федор и Феодосий погибли, у Федора осталась дочь Вера, а у Феодосия сын Василий. Василий был умным, закончил институт и был директором совхоза под Киевом, но так и не женился, и детей у него не было. Эта ветвь рода оказалась тупиковой. Сыновья Саввы и Гаврила также все погибли на войне, но у Якова, остался сын Иван, который жил в хате, построенной еще его прадедом Иваном. Этот Иван был очень высокого роста, и ходил очень странной походкой, напоминающей передвижение цапли по болоту, за что и получил прозвище «Цаплюк». У Ивана был сын Гриша, далеко не молодецкого вида, но умный, закончил институт и работал на заводе в Киеве инженером. Жена Ивана умерла рано, и он больше не женился, поэтому доживал век один, а когда стал совсем немощным,

Грише пришлось переехать жить в село, чтобы ухаживать за отцом. Женатым Гриша никогда не был, и детей у него тоже не было. После смерти отца, Гриша потихоньку начал спиваться, и к пятидесяти годам помер. Таким образом, три ветви рода оказались тупиковыми. Четвертой ветке повезло больше. Антон, хоть и раненый, но с войны вернулся, а вот его сын Никита погиб. Младший сын Антона – Михаил, по малолетству, попал на войну уже в самом ее конце, и в серьезных сражениях не участвовал, поэтому тоже остался в живых. Теперь на нем лежала задача продления рода.

Вскоре после возвращения домой, Михаил женился на Наталье, симпатичной девушке небольшого роста. А через год и первенец Коля появился на свет, здоровый и крепкий малыш. Жили в хате отца, возможности построить свою хату у молодых не было. На трудодни, которые зарабатывал Михаил, работая в колхозе, хату не построишь, для этого нужны были деньги, а их платили только в заготовительной кооперации. Со временем, Михаилу удалось туда устроиться заготовителем, или «старьевщиком», как все называли эту должность. При этой должности ему полагалась лошадь, что было хорошим подспорьем в хозяйстве. Правда содержать ее он должен был сам. Он скупал у населения старые вещи (тряпки), металлолом, бумагу и куриные яйца. Иногда он ездил на телеге по селу и менял разные нужные в хозяйстве вещи, такие как топоры, лопаты, косы, на никому не нужные, валявшиеся у людей старые вещи, или на куриные яйца. Но в

основном, все это ему приносили пацаны, а он давал им за это батарейки и лампочки для карманного фонарика. Самих фонариков конечно ни у кого не было, но пацаны нитками прикручивали лампочку к короткому контакту плоской батарейки, а потом пальцем подводили длинный контакт батарейки к центральному контакту лампочки, лампочка горела, и этого им было достаточно, чтобы с понтом, освещая себе дорогу, возвращаться из клуба домой после фильма. Через некоторое время или батарейка садилась, или лампочка перегорала, и пацаны снова тащили к Михаилу всё старье, которое могли найти дома или у соседей.

А у Михаила родился еще один сын, Гриша. Этот был хиленьким, болезненным, но потом оклемался и стал таким же, как и все его сверстники. У Натальи появилась возможность работать, и она устроилась продавцом в школьный буфет. Поначалу ей там пришлось тяжело. До войны она успела закончить только пять классов, и больше не училась. Считать в уме она не умела, на счетах тоже, поэтому, все вычисляла на листике бумаги в столбик, как когда-то учили в школе. Но это очень долго, а дети шумят и кричат, у них мало времени, маленькие перемены по десять минут, а большая двадцать, и за это время все хотят что-то купить. Она торопилась, делала ошибки, иногда в свою пользу, а иногда и нет. Пошли разговоры, что она детей обсчитывает. А дети уже были умные, они заранее высчитывали, сколько копеек сдачи им должны дать, и сразу ей говорили: «Тетя, вы мне мало сдачи дали».

Потом она все-таки научилась считать на счетах, и дело наладилось.

А потом их старший сын Коля пошел в школу, и проблем прибавилось. Рослый, красивый мальчик, но с учебой у него не задалось. Читал и писал он очень плохо, а с арифметикой вообще беда, никак не мог научиться складывать и вычитать. Все листы в тетрадках были красными от исправлений, которые учительница делала красными чернилами. Колю хотели оставить на второй год сначала в первом, а потом и во втором классе. Маме удалось уговорить и учительницу, и директора школы не делать этого, а перевести ее сына в следующий класс, но только потому, что она работала в школе буфетчицей. Если бы не это, сидел бы Коля по два года и в первом и во втором классе. Но к пятому классу учеба у Коли немного наладилась, хотя он и оставался самым слабым учеником в классе. К этому времени пошел в школу и младший Гриша. Гриша был худенький, небольшого роста, но зато с учебой у него, в отличие от Коли, никаких проблем не было, отличником он не был, но учился всегда без троек.

А Михаил, наконец-то, накопил немного денег и купил себе хату на Крошкивке, не очень далеко от хаты своего отца, возле так называемого Крощиного болота. Здесь, прежде всего, был большой двор, что было просто необходимо для хранения металлолома, это не то, что крохотный дворик возле хаты его отца. И огород здесь огромный, пятьдесят соток, не нужно будет по утрам бегать черт знает куда за петруш-

кой и зеленым луком, все под боком будет. А это болото, вообще, как находка. Выпускай на него с утра гусей и уток, и пусть пасутся там до самого вечера, а вечером сами и домой придут. Вскоре после переезда Михаила на новое дворище, отец его умер. После его смерти, Михаил забрал свою мать к себе в новую хату, а старое дворище забросили, поскольку продать его было невозможно, как из-за ветхости хаты, так и из-за отсутствия земли для огорода. Никому такой клочок земли не был нужен. Сарайчик там уже завалился, постепенно заваливалась и хата.

А Коля успешно закончил восемь классов и стал помощником отца, принимал у пацанов металлолом и старые вещи, и расплачивался с ними батарейками, лампочками, и шариковыми авторучками, которые тогда еще только начали появляться. Потом он женился, и у него родились две прекрасные красивые девочки. А вот сына нет.

Гриша закончил десять классов и поступил в Нежинский пединститут, будет преподавать физику и математику. Все науки ему давались легко, многое он осваивал даже сверх программы. Гриша был радиолюбителем, собирал радиоприемники и магнитолы, освоил даже сборку моделей на микросхемах, чем удивлял своих преподавателей, которые о микросхемах мало что знали, да и вообще, о микросхемах в институте ничего не преподавали. Все у Гриши было хорошо, вот только девушки у него до сих пор не было. Он даже разговаривать с ними не умел, хотя с ребятами был очень раз-

говорчив. Видимо знал, что он далеко не красавец, поэтому и комплексовал. Уже на пятом курсе он, наконец-то, начал встречаться с девушкой. Он не мог поверить своему счастью. Такая красивая девушка обратила на него внимание. Правда Гриша был далеко не первым, с кем она встречалась, но его это не волновало. Любой парень был бы счастлив с такой девушкой. Они ходили с ней в кино, на пляж, и Гриша видел, что другие ребята ему завидуют. Гриша был просто счастлив. Ему все время хотелось поцеловать девушку, но он на это никак не решался, боялся, что она обидится и перестанет с ним встречаться. Он боялся неосторожным словом или движением разрушить это, такое хрупкое счастье. Дома тоже заметили его состояние, да и невозможно было это не заметить, так как Гриша буквально светился от счастья, улыбка не сходила с его лица.

Как-то девушка пригласила Гришу к себе в гости, хитро улыбнувшись добавила, что родители уехали на два дня на дачу. Гриша купил цветы, торт, и пришел в гости. Он почему-то был уверен, что теперь они точно поцелуются, и от этого его сердце бешено билось. Девушка была дома одна и была совершенно спокойна. Она только удивилась, почему Гриша вина не купил. А Гриша про вино как-то и не подумал, раньше он никогда не ходил к девушкам в гости, и думал, что нужно идти с цветами и тортом, так в фильмах показывали. Выпили по чашечке чая, и тут девушка предложила Грише раздеваться, чего зря время тянуть. Гриша просто

обалдел от такого предложения, он ведь еще даже ни разу не целовался с девушками, а тут сразу в постель предлагают. И это та девушка, которую он даже поцеловать боялся. Он был в полном ступоре, тело отказывалось ему повиноваться. В постель они все-таки легли, но первый блин оказался комом. Ничего не получилось. Гриша был обескуражен, это же надо, так опозориться. После этого девушка перестала с ним встречаться, а по институту пополз слух, что Гриша импотент. Грише казалось, что все смотрят только на него и хихикают над ним за его спиной. Он ходил темнее тучи, избегал оставаться наедине с друзьями, чтобы избежать лишних вопросов. Жизнь превратилась в ад.

Когда Гриша в будний день приехал домой, этому очень удивились, и, конечно же, стали задавать вопросы, и по поводу внезапного приезда, и по поводу настроения. Но Грише нечего было им ответить. Ему стало понятно, что и здесь ему покоя не будет. Через пару дней Гриша куда-то исчез, никому ничего не сказав. Решили, что он уехал обратно в институт. А еще через два дня, позвонили из института и спросили, где Гриша, почему его нет в институте. Обыскали все в хате и в сарае, но Гриши нигде не было. После этого догадались посмотреть на старом дедовом дворе, вдруг он там от всех спрятался. Это конечно было маловероятно, так как половина крыши на этой хате уже завалилась, и жить в ней было невозможно, но, на всякий случай, решили посмотреть и на старом дворе. Там его и нашли. Он висел

в петле, в полуразрушенной дедовой хате. Никакой записки он не оставил, никого не винил в своей смерти, тихо ушел из жизни, видимо во всем вина только себя. Гришу похоронили рядом с дедом и бабкой, а вместе с ним похоронили и последнюю надежду на продолжение рода. Последняя, четвертая ветвь их славного рода тоже оказалась тупиковой. Скоро их фамилия совсем исчезнет. Возможно про их род некоторое время еще будет напоминать старинное название той части села, где жили их деды – Чепиливка, но, со временем, и оно исчезнет.

Дед Мороз и Снегурочка

Приближался Новый год. Это первый Новый год, который мы будем встречать в Бершети. Это не Харьков, где мы жили до этого, и елку здесь доставать или покупать не нужно. Вышел в лес за жилой городок, и выбирай себе любую, какую твоя душа пожелает. Я выбрал себе небольшую пушистую елочку, такую, чтобы стоя на стуле, она доставала до потолка. Местные старожилы рекомендовали поставить ее в ведро с влажным песком, чтобы с нее иголки не осыпались, но у меня не было ни старого ведра, ни, тем более, песка, где его найдешь зимой, и я поставил елочку в обычную деревянную крестовину, которую сделал своими руками. Немного елочных игрушек у нас было, а кое-что еще докупили в местном магазине. Елочка получилась нарядная и красивая. Таких красивых елок у нас еще не было. Та елочка, которую мы ставили в Харькове, была однобокая, и мне тогда пришлось сверлить в ее стволе отверстия и вставлять в них дополнительные ветки, чтобы сгладить природные огрехи. Эта же была само совершенство. В принципе, ее вообще можно было бы не наряжать, просто украсить немного ватой, как снегом, и было бы достаточно. А наряженная, она вообще была красавицей, и гордо стояла в углу комнаты, куда мы ее определили.

Никаких праздничных мероприятий в части не намеча-

лось, планировалось только поздравить с Новым годом детей, а для этого нужны были Дед Мороз и Снегурочка. Эти роли должны были исполнить кто-то из молодых лейтенантов и его жена. Володя Васильченко отпадал сразу, так как не был женат. Я отказался, ссылаясь на то, что моей жене скоро рожать, и она мало похожа на Снегурочку. Саша Вольф тоже отказался, объясняя это тем, сто его жена не очень фотогеничная и может напугать детей. Хорошо, что его Жанночка это не слышала, а то убила бы его, ведь она считала себя красавицей. Но, в принципе, Саша был прав, с ее большим и горбатым носом, Жанночке в самый раз было бы играть роль бабы Яги, а не Снегурочки. И остались только Коля Богачев со своей женой Надей, которым и пришлось играть эти роли. Коля, правда, тоже отказывался, ссылаясь на то, что им не с кем будет оставить трехлетнюю дочь Свету, но я пообещал, что за Светой мы с женой присмотрим, так как живем в одном подъезде. В принципе, вопрос с Дедом Морозом и Снегурочкой был решен. В доме офицеров Коле выдали соответствующие костюмы, мешок для подарков, а также распечатанные тексты детских песенок и инструкции, как вести себя с детьми. Все это Коля с Надей выучили, и, накануне Нового года, готовы были отправляться в увлекательное Новогоднее путешествие. Подарки для детей им тоже выдали в части.

Как только стемнело, Надя привела к нам Свету, а сами они оделись в костюмы, взяли мешок с подарками и пошли

поздравлять детей. Для тренировки сразу зашли к нам, чтобы поздравить свою дочь. Увидев их, Света обрадовалась.

– Ой, мама, какая ты красивая! – запрыгала она вокруг мамы.

– Это не мама, а Снегурочка, – строго сказал ей Дед Мороз. – А рядом с ней Дед Мороз. Ты узнала Деда Мороза?

– Да папа. Я узнала Деда Мороза, – радовалась Света. – А где подарки?

– А подарки нужно заслужить, – протяжным низким голосом ответил Дед Мороз. – Какой стишок ты нам со Снегурочкой расскажешь?

Света не заставила себя долго упрашивать, залезла на табуретку, и рассказала стишок про елочку. Все присутствующие дружно ей аплодировали, а Дед Мороз достал из красного мешка подарок, и вручил Свете. Та быстренько его открыла, и проверила содержимое. Оно, видимо, ей понравилось, так как она опять залезла на табуретку, и начала рассказывать другой стишок. Но Дед Мороз, почему-то, не торопился доставать из мешка еще один подарок.

– Папа Дедушка Мороз, – напомнила Света, – а где мой подарок?

– Так ты ведь уже получила, – смутился Дед Мороз.

– А за второй стишок? – не понимала Света.

– Вот мы всех деток обойдем, всех поздравим, и если, когда мы вернемся, тетя Галя скажет, что ты хорошо себя вела, тогда получишь еще подарок.

И пошли они поздравлять других детей. Инструкцию, как вести себя с детьми, они конечно выучили, а вот инструкции, как вести себя со взрослыми, им никто не выдал. А это было самым главным. Но они об этом даже не догадывались. В первой же квартире, после того, как они поздравили детей, им налили по рюмке, и предложили выпить за наступающий Новый год.

– Да вы что? – удивился Коля. – Как же мы потом с запахом к детям пойдем?

– Да какой запах? Закусите огурчиком, зажуете мускатным орехом, и никакого запаха не будет, – убеждали хлебо-сольные хозяева. – Ну не обижайте нас отказом. А орех мы вам с собой дадим, вдруг еще кто выпить предложит.

И Коля согласился. Действительно, как-то нехорошо перед Новым годом хозяев обижать. Выпила рюмочку вина и Надя. Настроение сразу улучшилось, появилась непринужденность в поведении. В следующей квартире они уже вели себя как заправские артисты. Их поздравление не только детям, но и взрослым понравилось. Ну и конечно же, без рюмки их не могли отпустить. Как артисты не отказывались, по пол рюмки им пришлось выпить и здесь. Закусили огурчиком и загрызли все это мускатным орехом.

– Понюхай, от меня водкой не пахнет? – попросил Коля хозяина.

– Нет, – уверенно сказал тот, обнюхав Колю.

А что он мог унюхать, выпив уже несколько рюмок водки?

Но ни ему, ни Коле в голову это не пришло. И успокоенный Коля пошел поздравлять детей дальше. И им всё наливали и наливали. И каждый хозяин говорил, что обидится, если Дед Мороз и Снегурочка с ним не выпьют. И неудобно было отказать хорошим людям. От угощения Коля уже не отказывался, и мускатным орехом больше не заедал, только просил наливать чуть-чуть, символически, буквально на доньшко. С ним соглашались, и обещали налить немножко, буквально чуть-чуть, но наливали не скупясь, мол – душа меру знает. Коля, вроде бы и отпивал совсем понемножку, но через некоторое время язык у него стал заметно заплетаться.

– Давай дальше я сама буду поздравлять, – предложила Надя, – а ты молчи и только подарки раздавай.

– Хорошо, – согласился Коля, – мне так даже лучше, а то у меня язык совсем устал.

Так они дальше детей и поздравляли.

– А Дедушка Мороз немой? – иногда спрашивали дети.

– Нет, – отвечала им Снегурочка, – просто он уже очень старенький, и сильно устал.

А вскоре и Снегурочка почувствовала, что она тоже сильно устала, и язык ее тоже плохо слушается. Но дело близилось к завершению, в мешке у Дедушки Мороза осталось всего два подарка.

– Куда дальше? – заплетающимся языком спросил Коля.

– Кажется, к Тахтамановым, – неуверенно ответила Надя.

– А разве у Валерки есть дети? – засомневался Коля. –

Может к Кузьминым? У него точно двое.

– По-моему, у них мы уже были. Двоих детей мы где-то поздравляли, – в свою очередь засомневалась Надя.

– Тогда посмотри список, – принял командирское решение Коля.

Надя обшарила все карманы, но список нашла.

– Посмотри у себя, я, кажется, тебе его отдавала.

Коля проверил левый карман. Там списка не было. Попытался переложить посох в левую руку, чтобы проверить правый карман, но потерял равновесие и рухнул в снег. Наде с трудом удалось поднять его на ноги. Сама проверила его правый карман, но и там списка не было.

– Нет списка, – констатировала она, – наверно где-то посеяли.

– Значит весной где-то взойдет, – пошутил Коля.

– Делать то что будем? Шутник! – не разделяла его веселья Надя.

– А ничего не будем делать. Пойдем домой. Утро вечера мудренее, завтра разбираться будем, – принял решение Коля.

Это наверно было его последнее сознательное действие. Как добрались домой, ни он, ни Надежда не помнили. Забыли даже, что дочь у соседней осталась. Когда утром проснулись, то начали считать потери. Прежде всего обнаружили, что дома нет Светы, но не сразу поняли, куда она подевалась. Потом Надя вспомнила, что вчера отвела ее к соседке. А Ко-

ля осматривал костюмы. Не было мешка с подарками и шапки Деда Мороза. А Надя не нашла одну варежку от костюма Снегурочки.

– Вчера мы всех поздравили? – спросил Коля.

– Нет. У тебя еще подарки в мешке оставались, – сообщила нерадостную весть Надя.

– А много подарков оставалось? – поинтересовался Коля.

– Я не помню, кажется немного, – утешила его Надя. – Помню, что мы список потеряли, и не знали, к кому дальше идти.

– Надо бы обзвонить всех, и спросить, у кого мы не были, – начинал соображать Коля, – только я не могу, у меня голова раскалывается.

Решение этой проблемы отложили еще на сутки, а через сутки и звонить не пришлось. Два прапорщика сами у него спросили, где подарки для их детей. Коля сбегал в магазин, купил разных конфет, положил их в новогодние пакеты, и вручил прапорщикам.

– Вы извините, – объяснял он, – у Деда Мороза сил не хватило всех обойти. Скажите деткам, что к ним Дед Мороз в следующий раз придет.

Но в следующий раз Коле уже не пришлось в качестве Деда Мороза поздравлять деток. К этому времени в часть приехали другие молодые лейтенанты.

Конфуз

Зима, слава богу, наконец-то закончилась. Пригревало весеннее солнышко, убирая с дорог и полей остатки снега. Все радовались первым теплым денькам и солнышку. И уральская природа начинала пробуждаться от длинного зимнего сна. В лесу еще полно снега, а на березах уже распустились сережки, и пошел березовый сок. Народ потянулся в ближайшую березовую рощу, расположенную рядом с военным городком. Трехлитровые банки, в которые собирался березовый сок, стояли почти под каждой березой. Пристроил там несколько своих банок и майор Петров. Он уже больше десяти лет прослужил в этой дивизии, и каждую весну, в общем, как и многие другие, заготавливал березовый сок. Летом, как находка будет. Поставишь потом банку сока в холодильник, и она там охлаждается. Вечером приходишь со службы домой, весь уставший, жарко, и пот течет с тебя градом. А ты открываешь холодильник, достаешь банку с березовым соком, наливаешь стакан холоденького сока, и медленно, с наслаждением выпиваешь. Приятная прохлада разливается по всему разгоряченному телу, и оно начинает остывать. Наливаешь еще стакан, и так же медленно выпиваешь. Это истинное блаженство, и ради этого стоит потрудиться весной.

Но, от этого важного занятия майора отвлекли, его за чем-то вызывал начальник тыла дивизии. Этот вызов был ка-

ким-то странным. Петров вообще не мог сообразить, зачем он, офицер командного пункта, мог понадобиться начальнику тыла. Он даже не был уверен в том, что начальник тыла знает его в лицо, ведь у них абсолютно разные службы. Но деваться некуда, пришлось заканчивать со сбором сока, и идти к начальнику тыла.

– Товарищ полковник, майор Петров по Вашему приказанию прибыл, – доложил он.

– Проходи, майор, садись, – пригласил полковник. – Дело у меня к тебе есть. Ты в курсе, что у нас будет главкомовская проверка?

– Никак нет. По линии командного пункта такая информация еще не проходила.

– Так вот, в следующем месяце, нашу дивизию будет проверять главнокомандующий. А ты видел, в каком состоянии после зимы у нас техника? Не видел? Вся облезлая и обшарпанная. За нее мы сразу двойку получим, а значит, и вся дивизия за проверку получит двойку.

– А я то здесь при чем? – удивился Петров. – У нас на командном пункте все покрашено.

– Вот по этому поводу я тебя и пригласил. Краску для командного пункта ты доставал?

– Ну, я.

– А где? – поинтересовался полковник. – Чтобы спасти честь дивизии, нужно достать или краску, или, хотя бы, ацетон. Немного краски у нас с прошлого года осталось, но она

сильно загустела.

– Да я в Перми на заводе тогда достал два ведра краски.

– У тебя там знакомые?

– Да нет, просто договорился, на фляжку спирта выменял.

– А там автомобильная краска защитного цвета есть?

– Вряд ли.

– А где можно достать, не знаешь?

– Не знаю.

– А по поводу ацетона, ты у них не интересовался?

– Интересовался. Если немного, то можно достать.

– Нужно литров четыреста.

– Это много. Столько они не продадут. Это нужно на завод ехать, где ацетон производят. В Перми таких нет.

– Я знаю, – согласился полковник. – Такой есть в Свердловске. Ты не согласишься, в интересах общего дела, в командировку за ацетоном съездить?

– А почему я? – обалдел от этого предложения Петров. – Что, в службе тыла нет офицеров, которые могут за ацетоном съездить?

– Почему нет? Есть, конечно. Но тут ведь главное не привезти, а договориться. Так как ты умеешь договариваться, больше никто не умеет, – польстил майору полковник.

– Но я не могу ехать, – упирался майор, – у меня ведь дежурства на командном пункте.

– По этому поводу не волнуйся, с твоими начальниками я договарюсь.

И поехал майор Петров в командировку в Свердловск. Дали ему официальную бумагу к руководителю предприятия, с просьбой о выделении дивизии, в качестве оказания шефской помощи, двух бочек ацетона. Дали также бортовую автомашину ГАЗ-66, и две фляжки спирта, для обмена на ацетон.

В Свердловск Петров приехал вечером. Идти на завод было уже поздно, рабочий день закончился. Поехали устраиваться на ночь в гостиницу. В первой гостинице свободных мест не было. Во второй гостинице, их тоже не оказалось. Как ни странно, не оказалось их и в третьей гостинице.

– А Вы не подскажете, – спросил он дежурную, – в какой гостинице могут быть свободные места?

– Боюсь, что свободных мест вы нигде не найдете, – ответила та.

Делать было нечего, поехали сразу к заводу, припарковались на стоянке возле проходной, и заночевали в кабине автомашины. Спать в кабине ГАЗ-66, хуже, чем в самолетном кресле, здесь даже спинка не откидывается. Утром оба, и майор, и водитель, были помятые и не выспавшиеся. Хорошо еще, что у водителя оказалась в машине вода, которой и умылись. Майор посмотрел на себя в зеркало, и добрым словом вспомнил жену, которая посоветовала ему взять с собой не электрическую, а старенькую механическую бритву. Достал бритву, и побрился. Теперь можно было и к директору идти.

В приемной, перед директорским кабинетом, Петрова встретила молоденькая улыбающаяся секретарша.

– Вы кто? – спросила она.

– Я майор Петров, мне к директору нужно.

– А Вы разве записывались? – усомнилась девушка.

– Нет. Но я по важному государственному делу, – ответил Петров.

– Даже не знаю, сможет ли он Вас сегодня принять, – опять засомневалась девушка, – к нему сегодня много на прием по записи.

– А Вы доложите ему, что я важный документ привез, – улыбнулся Петров, и положил в ящик ее стола шоколадку.

– Хорошо, – тут же согласилась девушка, и пошла докладывать директору о прибытии какого-то майора.

– Петр Николаевич сказал, что примет Вас, но только после того, как примет всех по очереди.

– Хорошо, – обрадовался Петров, – я подожду.

В кабинет директора Петров попал только перед обедом.

– Слушаю Вас, майор. Что Вы хотели? – нетерпеливо спросил директор, поглядывая на часы.

– Петр Николаевич, меня в Вам послало командование дивизии. Вот официальное письмо от командира дивизии. У нас очень сложная обстановка.

– Я зачем вашему командованию понадобился? – перебил майора директор.

– Меня к Вам за помощью послали, – ничуть не смущаясь

продолжал Петров. – Нам нужно машины красить, а краски не достать. У нас есть старая, но развести ее нечем, у нас нет ацетона.

– Так ты за ацетоном? – уточнил директор.

– Да, – подтвердил майор. – Только Вы не подумайте, нам не бесплатно. Вот, Вам презент, – и выложил на стол из портфеля две армейские фляжки.

– Что это? – поинтересовался директор.

– Спирт, чистейший, – понижая голос сказал Петров.

Директор еще раз посмотрел на часы, и безнадежно махнул рукой.

– Ладно, садись. Поговорим. На обед сегодня я явно не попаду. Ну рассказывай, что там у вас стряслось.

Петров рассказал, в какое жуткое положение попала после зимы их дивизия, и, что будет, если он не привезет ацетон. Он делал все от него зависящее, чтобы разжалобить директора, и получить эти две бочки ацетона.

– А как тебя зовут? – поинтересовался директор.

– Майор Петров.

– А зовут то как? – переспросил директор.

– Николаем.

– А давай ка, Коля, мы с тобой немножко перекусим, – предложил директор.

Он достал со шкафа бутылку коньяка, маленькие рюмки, и тарелочку с тоненько нарезанной копченой колбасой. Налил коньяк в эти рюмочки.

– Попробуй моего напитка, – предложил он Петрову.

Выпили по этой мизерной рюмочке, и закусили таким же мизерным, но очень вкусным кусочком колбасы. Петров сразу оценил и предложенный ему коньяк, и колбасу.

– А тебе самому то, как служится? – поинтересовался директор. – Подполковника скоро получишь?

– Да не светит мне звание подполковника, – грустно признался Петров. – Нас на эту должность четыре человека, начальник увольняться еще не собирается, а мне, всего два года служить осталось.

– Жаль, – посочувствовал директор, – деловая хватка у тебя хорошая. Меня уже считай уговорил. Как по мне, так быть бы тебе полковником.

Директор налил еще по одной рюмочке.

– Давай еще по одной, и будем решать твой вопрос.

Выпили еще по рюмочке. И Петров еще раз для себя отметил, что коньяк у директора очень вкусный.

– Так сколько тебе ацетона нужно? – поинтересовался директор.

– Две бочки, – скромно сказал Петров, стараясь не шокировать таким большим количеством директора.

– Сколько? – переспросил удивленный директор.

– Ну, хотя бы одну, – уменьшил аппетит смущенный майор.

– Ты хотел сказать цистерны? – опять переспросил директор.

– Какие цистерны? – теперь не понял уже майор.

– Железнодорожные конечно. Так одну, или две?

– Нет, мне нужно две двухсот литровые бочки ацетона, – уточнил майор.

– Вот теперь понял, – вздохнул директор. Извини, майор, но ты дверью ошибся. Если цистерны – то это ко мне. А если две бочки – то это к кладовщику на склад. Найдешь во дворе. Забирай свой спирт, с кладовщиком и рассчитаешься. А теперь извини, у меня дела.

Майор стоял красный как рак, и готов был сквозь землю провалиться. В такую дурацкую ситуацию он еще никогда не попадал. Это же полный конфуз. Он забрал свои фляжки, и молча вышел из кабинета. Нашел он и склад, и кладовщика. За две фляжки спирта, тот даже помог бочки на машину погрузить. Ехал майор домой, и не мог избавиться от неприятного осадка, который остался у него в душе. Как можно было так опростоволоситься? Ну зачем он вытащил из портфеля этот спирт? Решил двумя фляжками спирта директора завода подкупить? Мог бы и сам сообразить, что директору завода фляжки со спиртом не подсовывают. Так опозориться! Хорошо еще, что тот сразу его из кабинета не выставил. А как тонко и интеллигентно этот Петр Николаевич указал ему на его место. Сначала угостил дорогим коньяком, а потом, вместе со спиртом, отправил к кладовщику. Мол, на своем уровне договаривайся. Ну да ладно. Как бы там ни было, но ацетон он все-таки достал.

Дама трэф

И опять я приехал со своим расчетом в пятый полк на регламент. Нам нравится сюда ездить, так как здесь очень вкусно кормят. Таких вкусных блюд больше ни в одном полку не готовят, не говоря уже про солдатскую столовую. Пожалуй, даже в офицерской столовой готовят хуже, чем здесь. А все дело в том, что здесь замечательный повар, небольшого роста, светловолосый паренек, рядовой Сорокин. Все с душой делает, поэтому и блюда вкусными получаются. Все у него вкусно: и первое, и второе, и салаты, даже компот обалденный, не такой, как в обычных столовых. Продукты во всех столовых одинаковы, а вот приготовленные блюда получаются разными.

Пока мы разгрузились и оборудовали рабочие места для проведения регламента на командном пункте полка, подошло время обеда, и мы пошли в столовую. На первое был очень вкусный украинский борщ, со свежими помидорами вместо томата, да еще и со сметаной. Такого борща мои солдаты и сержанты, да и я сам, уже давно не ели, примерно с полгода, со времени предыдущего регламента, который мы здесь проводили. На второе Сорокин подал картофельное пюре с поджаркой из свинины, и салат со свежей капусты с огурцами и помидорами. Картофельное пюре не на воде, как в солдатской столовой, а с добавлением молока, и с за-

жаркой лука на сале. И салатик, вроде бы простенький, но заправленный уксусом и постным маслом, он был бесподобным. Подсобное хозяйство полка, в котором были и коровы, и свиньи, и небольшой огородик, позволяло все это готовить. На третье был очень вкусный яблочный компот с блинчиками. Сорокин не поленился даже блинчики пожарить, и сходить за яблоками в старый заброшенный сад, который находился в километре от командного пункта полка.

Самое интересное, что Сорокин не был профессиональным поваром. Просто в детстве, как он рассказывал, ему нравилось помогать маме готовить, а потом, когда мама заболела, ему пришлось, под руководством мамы, уже самому готовить на всю семью. Дома еще были два младших брата, а отец работал машинистом электровоза, и часто по неделе отсутствовал. А потом мать умерла, и все заботы по дому легли на его плечи. Поэтому и научился все готовить, и всегда делал это с удовольствием.

Сад, в котором Сорокин собирал яблоки, я знал. Это было место бывшей колонии, где когда-то на поселении жили заключенные. Теперь там жил только один человек, дед Николай, бывший охранник этой колонии. После ликвидации колонии, он не захотел никуда уезжать, и остался здесь жить. Женатым он никогда не был, и детей у него не было, так и жил здесь бобылем в одном из сохранившихся домиков. У него был небольшой огородик и огромная пасека. Я познакомился с ним три года назад, мне тогда посоветовали сходить

к нему за медом. Говорили, что сюда, на командный пункт, он для солдат мед бесплатно приносит, а взамен иногда просит привезти ему что ни будь из продуктов, макароны там, или подсолнечное масло. Но не бесплатно, на продукты он деньги дает. А еще, иногда просит подвезти его с двумя флягами, наполненными медом, до трассы, а оттуда, уже на рейсовом автобусе, едет в Пермь или в Кунгур продавать мед. В общем, с дедом они живут дружно.

Первый раз я пришел к деду с литровой банкой, хотел сначала немного меда взять, для пробы. Дом деда в лесу я нашел без проблем, так как к нему вела протоптанная тропинка. Расставленные в лесу улья я увидел еще далеко от дома, их было очень много, но большинство из них были не прямоугольные, сделанные из досок, а круглые, выдолбленные из толстой колоды. Дом деда, и небольшой огородик возле него, выглядели весьма ухоженными, а вот другие, еще сохранившиеся здесь дома, стояли полуразрушенными, с провалившимися крышами. Увидав меня, дед обрадовался, видно люди к нему не так часто заходят.

– Дед Николай, – представился он, протягивая мне руку. – Милости прошу, к нашему шалашу.

– Владимир, – тоже представился я.

– За медом? – спросил он, глядя на мою банку. – А почему такая маленькая?

– Да я сначала для пробы хотел взять, – смущенно ответил я.

– Да что тут пробовать? – удивился дед Николай. – У меня самый лучший мед в Пермском крае, это все знают. Оставь здесь банку, пойдем, я тебе пасеку свою покажу.

Мы с ним прошли еще с километр в глубь леса, и везде были улья. Большинство ульев стояли внизу, но не на земле, а на стоящих вертикально колодах, но некоторые улья и на деревьях висели. Это были сравнительно небольшие, выдолбленные из колоды улья. Да и большинство стоящих внизу ульев, также были выдолблены из колоды, ульев из досок было мало, хотя я заметил и два совершенно новых улья из досок.

– А почему Вы круглые улья используете? – поинтересовался я. – Я конечно не специалист, но мне кажется, что это не очень удобно, к ним ведь нестандартные рамки нужны. Да и выдалбливать улей из колоды, наверно, очень долго.

– А где я доски возьму для обычных ульев? Кто мне их сюда привезет? А готовые улья очень дорогие. Вон в этом году два купил, так за каждый пришлось флягу меда отдать. Вот и приходится долбить. Колод у меня много, времени тоже. Кроме того, дощатые улья медведь разбивает, а круглые нет, да и пчелам в круглых ульях зимой теплее, реже вымерзают.

– А зачем на деревья улья повесили? – поинтересовался я.

– Да это все от медведей, – пояснил дед Николай. – Обычно они много ульев не разоряют. Но если он проснется зимой, тогда добра не жди, может всю пасеку разорить. Вот на этот случай несколько ульев на деревья и вешаю, чтобы рои

сохранить.

– А как Вы из них мед собираете? – спросил я. – По лестнице, что ли туда лазите?

– Да я из них мед вообще не забираю. Зачем? У меня и внизу ульев полно.

– А сколько у Вас ульев?

– Не знаю, не считал, – ответил он. – Может двести, а может и больше.

Мы вернулись обратно к его домику. Он налил мне в банку густого золотистого меда, приятный запах от которого сразу же распространился по всему дому, а еще налил меда в миску, и дал мне кусок хлеба. Я сразу заметил, что хлеб у него домашней выпечки, в моем детстве такой вкусный хлеб моя мама пекла.

– А знаешь, как качество меда проверить? – спросил он.

– Опустить в него химический карандаш, если образуются чернила, то мед плохой, – показал я свою осведомленность в этом вопросе.

– Это не совсем то, – поправил меня дед Николай, – этим ты только проверишь, разбавлен сиропом мед, или нет, но не его качество. Да и где ты в наше время химический карандаш возьмешь?

– Попробуй сначала мой хлеб, – предложил дед.

Я попробовал. Это был давно забытый вкус из моего детства.

– Вкусный? Мягкий? – спросил дед.

Я кивнул головой, не переставая жевать этот вкуснейший хлеб.

– А теперь обмокни его в мед, и снова пожуй. Чувствуешь разницу?

– Да, – сказал я, – хлеб, как будто засох.

– Вот это и есть признак того, что мед качественный, дозревший, – пояснил дед. – Качественный мед сразу влагу из хлеба забирает и высушивает его.

Собираясь уже уходить, я спросил, сколько я ему должен за мед. Дед назвал сумму, в два раза меньше, чем его продавали на рынке в Перми.

– А почему так дешево? – поинтересовался я.

– Да я здесь всем так продаю, – пояснил дед, – люди ведь сами ко мне пришли, а не я к ним. А вывезти его куда-то продавать, для меня целая проблема.

Я поблагодарил деда Николая и за мед, и за экскурсию по пасеке, и ушел обратно на командный пункт.

Купленный мед моей жене очень понравился, и, при очередном посещении пятого полка, я купил у деда Николая целую трех литровую банку меда. Через год, во время очередного регламента в пятом полку, я опять собрался сходить к деду Николаю за медом. Вместе со мной попросился сходить и мой солдат, Равиль Янышев. Равиль был очень хорошим солдатом, и я не мог ему отказать в такой просьбе. Он обладал очень хорошим слухом. Это был первый из моих подчиненных, кому удалось в радиоприемниках измерить помеху

по зеркальному каналу. До него, никто, в том числе и я, не могли даже услышать эту помеху, так как этот сигнал был очень слабым и не прослушивался на фоне шумов. Увидев мою трех литровую банку, он очень удивился.

– Что, всего три литра будете брать? А почему так мало?

– На год нам этого хватает, – ответил я.

– У нас, в Башкирии, так мало не покупают. Минимум по фляге берут. А мой отец всегда две фляги покупает, сообщил он.

Вдвоем с ним мы и пошли к деду Николаю. Увидев нас, дед очень обрадовался. Ему наверно было здесь очень скучно, хотелось с кем-то поговорить, и он опять повел нас на экскурсию по своей пасеке. Равиль задавал ему примерно те же вопросы, что и я в прошлый раз, и дед Николай на все с удовольствием отвечал. Равиль разбирался в пчелах гораздо лучше, чем я, и они быстро нашли общий язык.

– А рамки Вы сами делаете? – спрашивал он.

– Конечно сам, – говорил дед Николай, – они ведь все разные по размерам, все нужно по месту делать. Рамки из одного улья, в другой редко подходят. Такие нигде не купишь. Да и денег у меня на это нет. Я ведь редко выезжаю мед продавать.

– А чем Вы пчел на зиму подкармливаете? – интересовался Равиль.

– Ничем. Они сами себя обеспечивают, да еще и меня кормят. Я ведь у них весь мед на забираю. Две центральные рам-

ки с медом я никогда не трогаю, и всегда оставляю им, этого меда им на всю зиму и хватает.

– А на зиму Вы их куда-то убираете, чтобы не замерзли? Омшаник у Вас есть? – продолжал расспрашивать Равиль.

– Ну, что ты? Какой омшаник? Как я туда один улья перетаскивать буду? Где стоят – там и зимуют.

– И не вымерзают? – удивлялся Равиль.

– Бывает, что и вымерзают. Температура ведь зимой иногда и до сорока градусов мороза доходит. Зимой я ульи снегом присыпаю, чтобы пчелам теплее было.

– Скучно Вам здесь наверно одному, особенно зимой, – сочувственно говорит Равиль.

– Да не особенно, – отвечает дед Николай, – при желании, всегда какое ни будь дело можно найти. Да и не совсем один я здесь, у меня сосед есть.

– Какой сосед? – не понял я. – Я думал, что Вы здесь один живете.

– Здесь то один, – уточняет дед. – Сосед живет в соседнем поселении, недалеко, километров шесть отсюда. Такой же дед, как и я, Михаилом зовут.

– Тоже бывший охранник? – высказываю я свою догадку.

– Да нет, он бывший зэк. Больше тридцати лет в тюрьмах и колониях отсидел. После освобождения куда-то уезжал, где-то помаялся, а потом опять сюда вернулся. Больше нигде не прижился, – рассказывал дед Николай.

– И какие у Вас отношения с бывшим зэком? Не вражду-

ете? – поинтересовался Равиль.

– А чего нам враждовать? Все уже в прошлом. Я научил его за пчелами смотреть, теперь и у него своя пасека. Иногда друг к другу в гости ходим.

– А не далековато? – спрашиваю я.

– Да здесь же рядом, – удивляется дед Николай, – шесть километров всего. Вот недавно за спичками ко мне приходил, не заметил, как у него спички закончились. А до ближайшей деревни ведь не меньше двадцати километров, туда не набегаешься.

Мы купили у деда Николая трех литровую банку меда, и пошли обратно. Равилю, как и мне, дед тоже понравился.

И вот мы снова в пятом полку. Банку для меда я с собой взял. Через пару дней я предложил Равилю снова сходить к деду за медом. Вечером мы и пошли по знакомой тропинке. Тропинка показалась нам какой-то заросшей. Видно было, что по ней редко ходят. Подошли к домику деда Николая. Нас никто не встретил, и деда нигде не было видно. И на его огороде ничего не росло.

– Может заболел дед? – предположил Равиль.

Подошли к домику и постучались в дверь. На стук никто не ответил.

– Наверно дома нет, – решил я. – Может за продуктами уехал?

На всякий случай попробовал, закрыта ли дверь. Дверь оказалась на замок не закрытой. Я ее открыл и спросил: «Дед

Николай, Вы дома?» Нам никто не ответил. Зашли в дом. Кровать деда была не застелена, и на столе лежал слой пыли. Стало понятно, что деда здесь уже давно не было. Пошли обратно. А ульи в лесу все так же стояли, и пчелы летали. Решили в полку выяснить, что с дедом случилось.

– Так деда еще зимой убили, – сказали нам в полку.

– Кто? – не поверил я своим ушам. – За что можно было убить этого доброго и безобидного деда?

– Его сосед. Карточные разборки по пьяной лавочке, – пояснили мне, и рассказали следующую историю.

Два деда периодически ходили друг к другу в гости, поговорить, отметить какой ни будь праздник, и поиграть в карты. Играли в «очко», и в «дурака». В тот день они были у деда Николая. Хорошо выпили, закусили, и играли в дурака. Когда уже совсем стемнело, дед Михаил начал собираться домой.

– Давай последний раз, – сказал он, – я тебе погонны повешу, и пойду домой.

Несмотря на выпитое, оба все ходы просчитывали, и точно знали, какие карты остаются на руках у противника. Под конец игры, когда уже все козыри вышли, у Николая оставалась одна карта, а у Михаила три. Но Михаил знал, что у Николая остался бубновый валет, а у него, десятка трэф, и две шестерки. Но сейчас его ход. Если он походит с десятки, то Николай ее забирает, а потом он повесит Николаю погонны из шестерок. Все будет так, как он и обещал.

Михаил, чувствуя свою скорую победу, положил на стол свою десятку и широко улыбался, ожидая, что Николай ее заберет. Тогда он торжественно и повесит Николаю погоны. Но, Николай убил его десятку дамой трэф.

– Откуда у него дама трэф? – не понял Михаил. – У него ведь должен был остаться валет бубей. Неужели он просчитался?

– А погоны теперь себе повесь, – сказал Николай. – Вылитый генерал будешь.

Николай тоже все ходы просчитывал, и знал, что у Михаила две шестерки остались.

Расстроенный Михаил ушел домой, а Николай лег спать. Придя домой, лег спать и Михаил, но ему не спалось. Он не мог понять, где же он просчитался, и почему у Николая оказалась дама трэф, а не валет бубей, как он рассчитывал. Он еще раз перебрал в голове все ходы последней игры. Нет, не могла у Николая дама остаться. Дама трэф раньше выходила, он теперь это точно вспомнил. Значит Николай его попросту надул, как последнего фраера. Таковую обиду Михаил стерпеть не мог. Он сам себя уважать перестанет, если простит такое. Михаил оделся, взял топор, и пошел обратно к Николаю.

Когда деда Николая нашли убитым, то сразу в этом убийстве заподозрили его соседа, бывшего зэка. Да он и не отпирался, рассказал все как было. Он ведь его не просто так убил, а за дело. Наказал за шулерство при игре в карты.

– Не могло у него быть дамы трэф, – продолжал утвер-

ЖДАТЬ ОН.

Лесной гость

И опять наступила осень. Прошло уже два года, как я приехал служить в Бершеть. Я, полный сил и энергии молодой лейтенант, начальник расчета регламентных работ, вместе со своим расчетом проводил очередной плановый регламент на средствах связи командного пункта четвертого полка. Расчет, хорошо подготовленный и натренированный, работал четко и слаженно, и особого контроля не требовал, достаточно было только контролировать соблюдение мер безопасности. Я вмешивался в его работу только тогда, когда обнаруживались неисправности. Здесь уже знаний солдат и сержантов не хватало, с поиском причин неисправностей сами они уже не могли справиться. Это уже была работа для меня, и, кроме меня, никто другой ее выполнить не мог. Но, пока-что, неисправностей не было. Вот только майор Васин, заместитель начальника штаба полка по связи, второй день доставал меня своей просьбой увеличить громкость сигнала «кукушки». Кукушкой этот сигнал прозвали офицеры, которые несут дежурство на командных пунктах полков. Этот сигнал используется для контроля исправности магистрали аппаратуры уплотнения П-304, и представляет собой звуковой сигнал, звучащий как «пи», который звучит два раза в секунду, если магистраль исправна. Поскольку этот сигнал звучит постоянно, и все время повторяется, его и прозвали

«кукушкой». Тем, кто дежурит на командном пункте, этот сигнал очень сильно давит на мозги, у них возникает такое ощущение, что кто-то нехороший, маленьким молоточком все время стучит им по темечку, поэтому офицеры пытаются динамик, из которого звучит этот сигнал, чем-то закрывать или заклеивать, чтобы уменьшить громкость сигнала. А майору Васину зачем-то понадобилось громкость этого сигнала увеличить.

– Товарищ майор, а зачем Вам это? – спросил я его.

– Чтобы дежурная смена не спала на боевом дежурстве, – ответил он.

– А вы сами здесь дежурите? – поинтересовался я.

– Нет.

Все было понятно. Если бы он сам здесь дежурил, и понимал, как этот сигнал долбит людям по мозгам, он бы этого никогда не попросил. Я попытался отговорить его от этого.

– Товарищ майор, громкость этого сигнала нельзя увеличить, там нет регулировок громкости, – пояснил я ему.

– Так перепаяй что ни будь, – стоял на своем Васин.

– Я не имею права вносить изменения в схему изделия, – объяснял я ему.

– Но ты ведь там что-то перепайваешь, когда устраняешь неисправности, и сейчас перепаяй, – сказал он, не видя в этом никаких проблем.

– Это разные вещи, – пытался объяснить ему я. – При устранении неисправности я просто заменяю неисправные

детали на исправные, а здесь нужно будет вносить изменение в схему усилителя, как минимум, изменить номинал сопротивления в цепи коллектора транзистора. А это запрещено.

– Хватит мне лапшу на уши вешать, – не хотел понимать меня Васин. – Кто твою перепайку увидит? Кроме тебя в этот блок больше никто не полезет. Короче, или ты выполняешь мою просьбу, или я не подпишу тебе акт выполненных работ.

– А может вы выйдете из зала и где ни будь в другом месте поговорите? – обратился к нам командир дежурных сил полка. – Работать мешаете!

Мы вышли из командного пункта. Стояла чудесная погода, и здесь наслаждалась теплом сменившаяся дежурная смена. Среди них был, и начальник штаба полка. При них Васин не стал продолжать разговор, и ушел бродить по территории, а я стоял и смотрел на лес, окружавший командный пункт.

Осень я никогда не любил, мне всегда больше нравилась весна, когда природа пробуждается, а не увядает. Не нравились мне и осенняя распутица, грязь и слякоть. И я не понимал Пушкина, который так восторгался осенней красотой. Но глядя на окружавший меня осенний лес, я был полностью согласен с Пушкиным. Ведь действительно, красота необыкновенная. Каких только красок здесь нет, от ярко-желтых, до темно-зеленых и темно-красных, и даже багровых. Вот стоят желтенькие нарядные березки, рядом огромные, темно-зеленые ели. Перед березами стоит, весь усыпанный красными плодами, рябиновый куст, и эти ягоды очень празднично

смотрятся на фоне желтых берез. А вон, широко раскинув свои ветви с уже красными листьями, стоит величавый клен. А под ним растет какой-то куст, буквально усыпанный плодами – какими-то нежно-белыми шариками, но издали кажется, что это цветы, что этот куст цветет. Глядишь на эту красоту, и просто дух захватывает. Так бы глядел и глядел, не отрываясь. Более красивого осеннего леса, чем в Пермском крае, я больше нигде не встречал.

Вернулся с прогулки майор Васин. В руках он принес с десяток белых грибов, которые насобирал прямо здесь, на территории командного пункта. Все крупные, и не червивые. Я даже пожалел, что не пошел вместе с ним. Белые грибы здесь не так часто встречаются. В это время из двери командного пункта вышел старший лейтенант, третий номер дежурного расчета, и подошел к начальнику штаба полка.

– Товарищ подполковник, к нам медведь пожаловал, – доложил он.

– Куда к нам? – не понял тот.

– Да вот рядом, на нашу пусковую, – пояснил старший лейтенант, и показал рукой в том направлении, где находилась пусковая установка.

– Начальник караула спрашивает, что ему делать? – продолжил старший лейтенант.

– А как далеко от караульного помещения находится этот медведь, – поинтересовался начальник штаба.

– Метров пятьдесят, – ответил старший лейтенант. – Он

каким-то образом прошел через два забора из колючей проволоки, и теперь подошел к высоковольтной сетке.

– А напряжение на сетке боевое, или уже переключили на дежурное? – задал еще один вопрос начальник штаба.

– Дежурное, 220 вольт, – ответил старший лейтенант, – полчаса назад переключили.

– Товарищ подполковник, а давайте его завалим, – предложили сидевшие рядом с ним офицеры, – с дополнительным мясом будем. Ми никогда медвежатину не пробовали, но говорят, что мясо у медведя очень вкусное.

– А медведь большой? – спросил начальник штаба у старшего лейтенанта.

– Огромный, – ответил тот.

– Ладно, передай начальнику караула, что разрешаю часовому сделать один выстрел, – принял решение начальник штаба. – Только пусть хорошенько прицелится, и стреляет в голову.

Старший лейтенант убежал на командный пункт, а все, находящиеся возле командного пункта офицеры, поднялись на стоящее рядом арочное обвалованное сооружение, с которого была видна территория пусковой установки. Был виден и медведь. Он был конечно не огромным, но достаточно крупным. Судя по всему, он понимал, что попал в какую-то ловушку, но не знал, как из нее выбраться. Он бродил между колючей проволокой и высоковольтной сеткой, и искал выход из этой ловушки.

Прозвучал выстрел. Часовой, конечно же промахнулся, но звук выстрела медведя сильно напугал, и тот, с перепугу, бросился на сетку. Напряжение на сетке было небольшое, всего 220 вольт, но и оно видать тряхануло медведя очень хорошо. Он заревел так, что вздрогнули все офицеры, наблюдавшие эту картину. Медведь в ярости набросился на невидимого противника, причинившего ему такую боль, и, буквально за несколько секунд, снес десяток метров высоковольтной сетки.

– Теперь еще и сетку придется ремонтировать, – грустно сказал начальник штаба.

А медведь развернулся в другую сторону, и пошел крушить забор из колючей проволоки.

– Товарищ подполковник, разрешите еще один выстрел, а то уйдет ведь, – сказал кто-то из офицеров.

– Да наш часовой видать еще тот стрелок, с пятидесяти метров промазал, и опять промажет, – не согласился на новую авантюру начальник штаба. – И куда я потом буду списывать израсходованные патроны? Один я спишу на предупредительный выстрел. А второй куда?

Между тем медведь, не переставая громко реветь, без видимых усилий, словно паутину, порвал колючую проволоку на двух заборах, и ушел в лес.

– Ну вот, еще и два пролета забора придется восстанавливать, – загрустил подполковник. – Зря я на ваши уговоры поддался. Он, может быть, нашел бы то место, через которое

зашел, и спокойно ушел бы. Там он наверно только небольшую дыру сделал. А теперь столько ремонтировать придется.

Вместе со всеми я стоял на крыше этого сооружения и наблюдал за происходящим, но, наверно, был единственным, кто был рад тому, что медведю удалось уйти живым и невредимым. Остальные стояли, и грустно вздыхали.

После окончания регламента мне, все-таки, пришлось выполнить просьбу майора Васина, хотя мне очень не хотелось это делать. Но деваться было некуда, так как он наотрез отказался подписывать протокол выполнения работ, мотивируя это тем, что я не устранил неисправность. По его мнению, раньше, сигнал «кукушки» звучал громче. Пришлось заменить резистор в цепи коллектора транзистора усилителя на резистор меньшего номинала, в результате чего громкость звучания «кукушки» увеличилась. Мне только жаль было тех офицеров, которые будут дежурить в этом зале. Я бы не хотел дежурить в помещении, где такой громкий и монотонный звук постоянно бьет по мозгам. Это ведь будет невыносимо.

Два комкора

Незадолго до революции, в далеком таежном селе родился мальчик Ваня. Это был крепкий и красивый малыш. Да и было в кого. Кузнец Тимофей, его отец, был самым высоким и сильным мужиком в селе, да к тому же, еще и черноволосый красавец. Многие бабы и девки на него заглядывались, но он был однолюб, любил только свою жену, и на других женщин внимания не обращал. Советская власть пришла в их село не сразу, но зато, раз и навсегда. Иван подрос и пошел в школу. Учился сначала средне, но потом решил стать красным командиром, и в учебе значительно подтянулся, ведь красный командир должен быть грамотным. Сначала Иван, как и все мальчишки, хотел быть похожим на Чапаева, но потом в газетах прочитал про Котовского, и Чапаев, в его глазах, отошел на второй план. Теперь он хотел быть похожим на Котовского. Чапаев был маленького роста, а Котовский высокий и сильный. Иван будет таким же, когда вырастет. Он уже сейчас выше всех в классе, а в школе выше него только два старшеклассника. И он будет таким же смелым и храбрым как Котовский. Он тоже будет командовать конницей, и будет мчаться на врага впереди своего отряда, с шашкой наголо, и будет безжалостно рубить врагов шашкой направо и налево. Он живо представлял себе этот кровавый бой, и от этого у него даже голова кружилась. Котовский стал его ку-

миром окончательно, и Иван решил, что обязательно станет таким же командиром, как Котовский.

Иван уже учился в старших классах. В школе он был самым высоким, да и силой бог не обидел. Глядя на него, женщины говорили, что когда вырастет, от женщин у него отбоя не будет, сами будут липнуть. Действительно, подрастал красавец, да к тому же, сильный и умный. В это время Иван и прочитал статью в газете, из которой узнал, что его кумир Котовский трагически погиб от вражеской руку. Это было для Ивана страшным ударом. Перечитав еще раз статью, Иван понял, что убийство случилось не сейчас, а несколько лет назад. Это была статья в память о Котовском. О том, как это случилось, толком ничего не писали, но сообщали, что за смерть Котовского отомстили его боевые товарищи, примерно наказав майора, который застрелил легендарного командира кавалерийского корпуса. Из этой статьи Иван мало что понял. Понятно было только то, что его любимого командира больше нет, причем нет уже несколько лет, а он даже ничего не знал об этом. Что за майор его застрелил? И за что? Да и откуда вообще взялся этот майор? Бывший белогвардеец, что ли? После революции ведь воинские звания были отменены. Иван решил, что в смерти кумира он обязательно разберется, перечитывает все газеты, но разберется. Но как он ни старался, больше о смерти кумира ему ничего узнать не удалось.

После окончания школы Иван собирался стать кавалери-

стом и хотел поступить на курсы командиров. Но стране нужны были летчики, а не кавалеристы, и Иван, по путевке комсомола, был направлен в военную школу летчиков, в которой он и проучился три года, после чего был переведен во 2-ю Борисоглебскую военную Краснознамённую школу лётчиков-истребителей имени ОСОАВИАХИМа ВВС РККА, которую через полгода успешно и закончил. Как одного из лучших выпускников, его оставили в школе инструктором-летчиком. Здесь он и прослужил до начала войны. А потом фронт. Сначала воевал командиром звена, а потом командиром отряда истребителей. Боевые вылеты были часто, многие летчики из них не возвращались, но Ивану везло, его ни разу не сбили, и не ранили. В 42-м году, за сбитый немецкий самолет, он был награжден орденом Красного Знамени. Не повезло ему уже в 43-м, тогда он был ранен в бою, и с трудом дотянул на изрешеченном самолете до своего аэродрома. Два месяца пришлось провести в госпитале, где он и посмотрел, только-что вышедший на экран, фильм «Котовский». Как же много он не знал о своем кумире. После просмотра фильма, Котовский нравился Ивану еще больше. Вот таким и должен быть настоящий красный командир, и он обязательно будет командиром, похожим на Котовского. После госпиталя опять на фронт. Как уже опытного летчика и командира, его назначили командиром эскадрильи истребительного авиаполка. В этой должности он и провоевал до конца войны.

После окончания войны Иван был награжден орденом Красной Звезды, и орденом Отечественной войны. Через год он был назначен командиром истребительного полка, и теперь, он был уже не Иваном, а Иваном Тимофеевичем, а еще через шесть лет, он уже был командиром истребительной авиационной дивизии. Иван Тимофеевич неуклонно следовал по стопам своего кумира Григория Ивановича. Он был суров, но справедлив с подчиненными, ласков и любезен с женщинами. Как когда-то и предсказывали в селе, от женщин у него отбоя не было. Они слетались к нему как мухи на мед. Да и было на что слетаться. Черноволосый красавец-генерал, с пышными черными усами, гренадерского телосложения, да к тому же, и очень обходительный с женщинами. О нем, как о любовнике, между женщин легенды ходили. Но все это между делом. Дело всегда было на первом месте, и о нем Иван Тимофеевич никогда не забывал.

Помнил он и о своем кумире, о котором он знал очень мало. Пользуясь теперешним своим положением, он решил выяснить, не дававшие ему покоя, подробности гибели своего кумира Григория Ивановича. Оказалось, что документы по делу об убийстве Котовского были засекречены. Поэтому раньше он ничего и не смог узнать об этом деле. Из имеющихся теперь в его распоряжении документов, Иван Тимофеевич выяснил, что Григорий Иванович был убит 6 августа 1925 года во время отдыха на своей даче, расположенной недалеко от Одессы. Убит он был своим соседом по даче,

Мейером Зайдером, по кличке «Майорчик», бывшим адъютантом Мишки Япончика. И с самим Япончиком, и с его адъютантом Котовский был знаком еще с гражданской. Всю свою жизнь Григорий Иванович был любимцем женщин, в свою очередь, женщинам он тоже никогда не отказывал. Не понаслышке знал об этом и Мейер. И когда он застал Григория Ивановича со своей женой наедине, то не стал разбираться, было у них что-то, или не было, а взял, и застрелил соседа. Вот такой скорый суд ревнивого мужа. После убийства, Мейер не стал скрываться, и добровольно сдался милиции. Суд приговорил его к десяти годам заключения, но, за примерное поведение, его освободили уже через два года. А еще через два года, он был убит боевыми товарищами Котовского, которые, кстати, осуждены за это не были. Вот тогда Иван и прочитал статью о Котовском в газете. Узнав все это, Иван Тимофеевич очень удивился, оказывается, он со своим кумиром очень во многом похож, даже отношением к женскому полу.

Семь лет Иван Тимофеевич прослужил командиром дивизии. А потом, опять неожиданное повышение: он стал начальником штаба воздушно-истребительной армии. Это уже была должность полегче, и было похоже, что с этой должности его и на пенсию отправят. Но судьба распорядилась по-своему. Тогда начали формироваться новые секретные ракетные войска, и для их формирования переводили офицеров и генералов со всех родов войск. По наказу партии в эти

войска был переведен и Иван Тимофеевич. Учитывая должности, которые он занимал перед этим в военно-воздушных силах, он был назначен командиром ракетного корпуса. Это был подарок судьбы. О таком можно было только мечтать. Как и его кумир Георгий Иванович, он стал командиром корпуса, только не кавалерийского, кавалерия уже давно ушла в прошлое, а самого современного – ракетного. И он всегда был достоин своего кумира. Пришлось правда ему здесь нелегко. На старости лет пришлось садиться за учебники, чтобы не опозориться перед подчиненными. Техника новая и незнакомая, технические термины тоже незнакомые. И он видел, как улыбаются подчиненные, если он не совсем к месту, или неправильно применял тот или другой малознакомый ему термин. Деваться было некуда, пришлось учиться.

Шла итоговая проверка одной из дивизий. Комиссию корпуса возглавлял лично Иван Тимофеевич. Он каждый вечер заслушивал членов комиссии о проделанной работе и выявленных недостатках. Заслушивание проводилось в обеденном зале гостиницы, в которой жила комиссия. Такие гостиницы были только в трех центральных дивизиях корпуса. Их построили дополнительно к ранее имевшимся большим, четырех, или пятиэтажным гостиницам. Это были небольшие двухэтажные гостиницы, в которые заселялись только комиссии. В их штате были только заведующая гостиницей и уборщица. На втором этаже гостиниц были двухместные номера, в которых имелись небольшие холодильники,

и санузел. Посередине этажа, между правым и левым крылом, имелся большой холл, в котором находился бильярдный стол, и телевизор. На первом этаже этих гостиниц, в левом крыле, имелись два двухкомнатных генеральских номера, и четыре одиночных однокомнатных для полковников. Один из генеральских номеров предназначался персонально для командира корпуса, и в него больше никого не селили. В нем стояла изготовленная по спецзаказу кровать. Со своим огромным ростом Иван Тимофеевич на обычных кроватях не помещался, как не помещался и в «Волге», из-за чего всегда ездил только на УАЗ. В правом крыле располагались кухня, обеденный зал, и подсобные помещения. Когда приезжали комиссии, то в эту гостиницу из офицерской столовой направляли повариху, и одну или двух официанток. Еду для комиссии готовили на месте. Здесь же, в обеденном зале, члены комиссии и питались. Несмотря на то, что эти гостиницы большую часть года пустовали, они были жизненно необходимы для дивизий. Это связано с тем, что комиссии всегда работали до позднего вечера, и члены этих комиссий почти всегда не успевали на ужин в офицерскую столовую до ее закрытия. А голодный проверяющий – это злой проверяющий. Поэтому, дивизия была заинтересована в том, чтобы проверяющие были сытыми. Сытый человек гораздо лучше, чем голодный.

В тот день, несмотря на то, что это была суббота, комиссия тоже проработала весь день. Весь день был на ногах и

Иван Тимофеевич. На подведение итогов дня собрались в обеденном зале даже позже обычного. Как обычно, Иван Тимофеевич заслушал всех членов комиссии, и результатами их работы остался доволен.

– Спасибо за работу, товарищи офицеры, – сказал он, – а теперь можно и поужинать. Поскольку сегодня должен быть выходной день, то разрешаю выпить по рюмке водки. Завтра всем отдыхать, а в понедельник, с новыми силами за работу.

Столы уже были практически накрыты. На них стояли закуски и бутылки с чешским пивом, которого в продаже в местных магазинах никогда не было. Оно было припасено специально для комиссии. Две молодые и шустрые официантки принесли на столы еще водку в графинчиках, и вторые блюда, которые офицеры могли выбирать из двух или трех предлагаемых блюд. Уставшие офицеры не спеша кушали, наслаждаясь и вкусными блюдами, и прохладным чешским пивом. Впереди был выходной день, и они могли расслабиться. Иван Тимофеевич тоже с удовольствием покушал.

– Людочка, – обратился он к одной из официанток, – принеси мне два стакана чая в номер, я там и попью, и заодно телевизор посмотрю.

Генерал ушел к себе в номер, а офицеры продолжали кушать. Они были настолько уставшими, что им даже телевизор смотреть не хотелось.

Николай в тот день заступил в наряд дежурным по пол-

ку. О том, что жену откомандировали официанткой в гостиницу, он знал, она предупредила его об этом еще днем. Поэтому домой на ужин пошел попозже, надеясь, что к этому времени жена уже будет дома. Но жены еще не было, видимо задерживалась на работе. Дети сидели дома голодные, хотя могли бы и сами разогреть себе ужин. Николай разогрел ужин, покормил детей, и сам покушал. Дочь пожаловалась на слабость. Николай положил ладонь к ней на лоб, и почувствовал, что у нее небольшой жар. Искать какие-то таблетки у него времени не было, нужно было идти контролировать отбой личного состава в полку, да и не специалист он по лекарствам. Решил по пути зайти в офицерскую гостиницу и предупредить жену, чтобы та обратила на дочь внимание, когда вернется домой.

А Людмила налила два стакана чая, и понесла в номер к генералу. Взаимопонимания они достигли очень быстро.

– Ну что, Людочка, останешься? – спросил генерал.

– Если Вы хотите, – скромно ответила Люда.

– Ну тогда раздевайся.

Иван Тимофеевич редко оставался без женщин. Они наперебой предлагали ему свои услуги. Некоторые, но их было меньшинство, делали это из чисто меркантильных соображений, пытаясь таким образом достичь каких-то своих целей, другим было любопытно, а действительно ли генерал так хорош в постели, как об этом рассказывают, третьи – просто

из-за спортивного интереса, чтобы потом похвастаться перед подругами, какой у них был любовник. Людмила относилась как раз к третьей категории.

Николай зашел на кухню гостиницы, и спросил, где Людмила.

– Да она генералу чай понесла, – ответили женщины, – сейчас придет.

Николай подождал ее некоторое время, но она не возвращалась. Он посмотрел на часы. Времени больше не было, пора идти служить дальше.

– Я наверно сам за ней схожу, – сказал он женщинам, – а то больше нет времени ждать.

– Конечно сходи, – поддержали его женщины.

Николай подошел к двери генеральского номера, и вежливо постучал. На стук никто не отозвался.

– Наверно находятся во второй комнате, и стука не слышат, – догадался он.

Николай открыл дверь, и зашел в номер. На диване, стоящем в первой комнате, лежала разбросанная одежды Людмилы. Кровь ударила Николаю в голову. Ему не один раз намекали, что его жена погуливает, но он не хотел в это верить. И вот теперь он в этом убедился. Какие еще нужны доказательства? Уже без стука он открыл дверь во вторую комнату.

– Я вам не помешал? – срывающимся голосом спросил он.

– Что за болван приперся? – подумал генерал. – На самом

интересном месте! И все испортил. Что за срочность такая?

Оторвавшись от своего занятия, генерал повернулся к вошедшему. В двери стоял майор с повязкой дежурного на рукаве.

– Какого черта? – заорал на него генерал. – Почему врываетесь без разрешения? Да я Вас за это .....

Генерал не успел договорить, как рука майора потянулась к пистолету.

– Коля, не надо! – закричала Людмила.

– Ты кто? – спросил генерал, начиная понимать, что это не посыльный со срочным сообщением.

– Это мой муж, – сообщила генералу Людмила.

Такого поворота событий Иван Тимофеевич никак не ожидал. Неужели ему суждено повторить судьбу своего кумира? Того ведь тоже застрелил ревнивый муж, и, как писали в газете – майор. Он конечно хотел быть похожим на своего кумира, но не до такой же степени. Нет, только не это!

Тем временем майор вытащил из кобуры пистолет и, взведя затвор, направил его на Людмилу. Сейчас он пристрелит ее как собаку.

– Майор, опомнись! Как можно наводить пистолет на женщину? – уже без крика заговорил генерал. – Давай мы ее отпустим, а с тобой спокойно все обсудим, как мужчина с женщиной.

Майор перевел пистолет на генерала, и сделал два выстрела. Потом опять перевел пистолет на жену, но выстрелить

больше не смог. Он, уже бессознательно, спрятал пистолет в кобуру, сел на стул, и обхватил голову руками. Так он и сидел, пока не прибежали офицеры из комиссии и его не арестовали.

Генерала похоронили, а майора лишили воинского звания, и судили. Учитывая то, что он находился в состоянии аффекта, его осудили всего на четыре года, из которых он просидел два, и за примерное поведение был освобожден досрочно. После освобождения он пытался восстановиться в армии, но это ему не удалось. Хорошо уже то, что параллель с Котовским не продолжилась. На жизнь Николая, после его освобождения, никто не покушался. Видимо у Ивана Тимофеевича не было таких боевых товарищей, которые захотели бы отомстить за его смерть.

Баги

У большинства советских мужчин тяга технике, наверно, была заложена в генах. Еще будучи маленькими детьми, они разбирали подаренные им машинки, чтобы посмотреть, что там внутри. В большинстве случаев, машинки после этого уже не ездили, как не прыгала и блоха, подкованная тульским Левшой, но они теперь знали, что находится внутри, и постепенно приобретали бесценный опыт творчества. Со временем, они уже могли не только разобрать машинку, но и собрать ее обратно. Иногда эти машинки даже ездили. А сколько радости было, когда им удавалось починить сломавшуюся машинку. Кто этого в детстве не испытал, то не поймет этого детского счастья, что он сам, без посторонней помощи, починил машинку. Здесь уже появляется вера в свои силы, столь необходимая любому творческому человеку. А когда у таких ребят появляются первые велосипеды, они уже не боятся в них что-то сломать. Они смело их перебирают и чинят. Потом, где-то находят или выменивают неисправный мопед или мотоцикл. Долго с ним возятся, и наконец восстанавливают. Когда, после долгого чихания и форменного издевательства над мастером, двигатель, наконец-то, заводится, у юного мастера просто душа ликует – он это сделал, несмотря на то, что все вокруг твердили, что это старье никогда не поедет. А он смог! Вопреки мнению признанных

авторитетов. Это означает, что росток творчества в душе паренька пророс, и больше он никогда не завянет. Теперь, до глубокой старости, он будет что-то творить, что-то делать и переделывать, и этот процесс ему никогда не наскучит. Некоторые из них, со временем, становятся чудаками, и строят у себя в огороде корабль, хотя ни моря, ни даже приличной речки поблизости нет. Но большинство, делают вполне реальные вещи. Они могут собрать невиданной формы автомобиль, маленький, сверх экономичный трактор, или сверх скоростной мотоцикл.

Виктор тоже начинал с машинок. Потом были велосипеды. Их он много перебрал и отремонтировал. А вот мотоцикла у него не было. Родители были не настолько богатыми, чтобы купить ему мотоцикл. И у соседей ни у кого мотоциклов не было, так что приобрести его, даже в неисправном виде, никакой возможности не было. Но мотоцикл был у его друга, Шурика Кутузова. Точнее, не у него, а у его отца. Но отец Шурику доверял, и позволял ему самостоятельно ремонтировать этот мотоцикл. Вот друзья вместе этим и занимались. Виктору это было в радость, поэтому, еще до окончания школы, от уже умел ремонтировать и мотоциклы, в том числе, и их двигатели. Приобретенный опыт сложно было переоценить. После окончания школы, друзья устроились в мастерские сельхозтехники, слесарями по ремонту тракторов. Вот здесь они приобрели действительно колоссальный опыт. Через год работы, они уже были не хуже любого из дав-

но работающих здесь слесарей, а может даже и лучше некоторых из них. Это конечно не касается отца Шурика, работающего здесь же слесарем. До него им еще очень далеко, пожалуй, дальше, чем до Луны, потому, что у него руки «золотые», и голова работает лучше, чем у любого инженера. Он может работать на любом из имеющихся в сельхозтехнике станков, как на металло-обрабатывающих, так и на деревообрабатывающих, и все делает по высшему разряду. Других таких специалистов в сельхозтехнике нет. У него и дома целая мастерская. Есть даже два токарных станка, один по дереву, а другой по металлу, и оба сделал он сам. Да не только станки, весь инструмент он делал для себя сам, не без основания считая, что инструмент, продаваемый в магазинах, недостаточно высокого качества. Да и экономил он на этом немалые суммы денег. Правда, сэкономленные деньги долго у него в карманах не залеживались, так как горло у него было дырявое. Зарплату он отдавал жене всю, до копейку, а вот то, что зарабатывал сверх зарплаты, пропивал все, тоже до последней копейки. Поэтому, будучи лучшим специалистом на предприятии, всю жизнь и работал простым слесарем. В отличие от него, Шурик совсем не пил, а вот руки и голова, были у него такими же, как и у его отца.

Потом были два года службы в армии, и, после увольнения, друзья опять встретились. Как-то, Виктор с Шуриком поехали на мотоцикле в Дремайловку, в соседнее село, искали что ни будь приличное из одежды. Шурик собирался

купить первый в своей жизни костюм, а Виктора интересовали всего лишь приличные брюки, ему было не до костюмов, так как откладывал деньги на покупку мотоцикла. Это было для него важнее, чем какой-то костюм. Шурику проще, у него уже есть мотоцикл, пусть и отцовский, ему можно и костюм покупать. А у отца Виктора мотоцикла нет, только велосипед, а на нем к девчатам гулять не поедешь, засмеют. Поэтому, сначала мотоцикл, а потом уже и костюм. В магазине Дремайловки ничего приличного из одежды не оказалось, зря в такую даль съездили. Наврали им знакомые, порекомендовавшие сюда съездить. На обратном пути Шурик вдруг остановился возле какого-то дома.

– Смотри, мотоцикл! – сказал он сидевшему сзади и ничего не видевшему за его спиной Виктору.

Виктор выглянул из-за его спины. Возле ворот дома валялся весь искореженный мотоцикл. Переднее колесо, видимо от удара, сложилось пополам, вилка и руль сломаны, рама сильно согнута, заднее колесо тоже в хлам. Видимо, этот мотоцикл столкнулся с автомобилем, а потом этот автомобиль по нему еще и проехал.

– Ну, что, будем смотреть? – спросил Шурик.

– А зачем? – не понял Виктор. – Восстановить его не удастся, это ведь груда металла, а не мотоцикл. Колес нет, рамы нет, и даже руля нет. Пожалуй, только сидение и сохранилось.

– А вдруг двигатель целый? – предположил Шурик.

– А зачем нам один двигатель, что мы с ним делать будем? – сомневался Виктор.

– В хозяйстве пригодится, может трактор соберем, – не терял оптимизма Шурик.

Подошли к мотоциклу и стали его осматривать. Странное дело, но двигатель явных повреждений не имел. Из ворот дома вышел какой-то мужик.

– Что, интересуетесь? – спросил он.

– Пока только смотрим, – ответил Шурик, – интересоваться здесь похоже нечем, один металлолом.

– А хозяин его, в живых хоть остался? – поинтересовался Виктор.

– Да живой, дурак, только сильно поломанный. Его при ударе в сторону выбросило. Пошутить решил, – продолжал мужик, – хотел проскочить между двумя встречными мотоциклистами, чтобы их напугать, а это автомобиль оказался.

– И сколько Вы за эту кучу железа хотите? – спросил Шурик.

– Да за пятьдесят рублей отдам, – назвал весьма скромную цену мужик, – вместе с документами.

– А Вы кто хозяину мотоцикла? – спросил Виктор.

– Да отец я этому придурку.

Шурик еще раз оценивающе посмотрел на эту грудку железа.

– За железо дадут не больше пяти рублей, – прикидывал Шурик, – рублей на десять может оказаться запчастей, но не

факт, что их у нас кто-то купит. Да и пятидесяти рублей у нас нет, – закончил он свой подсчет.

– Ребята, заберите его, хоть за сколько ни будь, – взмолился мужик, – я на него глядеть больше не могу.

Виктору почему-то стало жалко этого мужика.

– Ладно, – сказал он, – у меня есть пятнадцать рублей, хотел новые брюки купить, да ничего, подождут. Держите деньги и давайте на него документы, чтобы нас милиция в воровстве не обвинила.

Друзья погрузили металлом, оставшийся от разбитого мотоцикла, в коляску мотоцикла Шурика, и поехали домой. Двигатель действительно оказался в рабочем состоянии. Оставалось решить, куда его теперь использовать. Все остальное, кроме ступиц колес и сидения, сдали в металлолом. А через несколько месяцев, Виктору опять повезло. Когда он возвращался с работы, увидел дядю Василия, который рубил дрова возле своего дома. Этот процесс давался ему с явным трудом, так как мешал протез на ноге. Василий подтаскивал к колоде несколько веток орешника, потом открывал какую-то защелку на протезе, чтобы он складывался в колене, и опускался возле колоды на колени. В таком положении он и рубил эти ветки, после чего опять вставал на ноги, ставил на место защелку на протезе, и притаскивал очередную порцию веток орешника. Очень нудная и изматывающая работа, в общем, как и любая другая в его положении. Инвалидом он стал лет семь назад, а до этого был крепким

и здоровым мужиком, немного выше среднего роста, с крепким торсом и сильными руками. В свое время он работал водителем, но, за езду в нетрезвом виде, у него отобрали права, и он устроился на должность плотника в сельхозтехнике. Права ему потом вернули, но работать водителем он больше не захотел, так и продолжал работать плотником. В тот злополучный день он поехал на мотоцикле попить пивка. В закуской пива не оказалось, пришлось ехать на Прорабство, там в кафе пиво было всегда. По дороге его обгонял еще один мотоциклист, который тоже ехал попить пива, но был уже не совсем трезвым. Обгон закончился ДТП, в результате которого, и пострадала нога Василия, которую потом пришлось ампутировать до колена. С тех пор Василий уже нигде не работал, и на мотоцикле больше не ездил, теперь он ездил на инвалидной мотоколяске.

Увидев Виктора, Василий обрадовался, появилась возможность немного отдохнуть и поболтать, и это не будет выглядеть как безделье.

– Витя, привет! Как жизнь молодая?

– Привет, дядя Вася! – остановился возле него Виктор.

– Все на велосипеде ездешь, на мотоцикл денег еще не наскреб? – поинтересовался Василий.

– Двигатель уже есть, осталось достать колеса, – с грустью ответил Виктор.

– Так у меня забирай, – предложил Василий. – У меня как раз двигатель купили, а колеса еще остались.

– Какие колеса? – не понял Виктор. – У Вас же нет мотоцикла.

– От мотоколяски, – пояснил Василий. – Мне новую мотоколяску выдали, а со старой только подвеска да колеса и остались. Двигатель у меня уже купили.

– Ну и зачем они мне? – опять не понял Виктор.

– Как зачем? Поставишь двигатель, и будет тебе машина.

– Инвалидка? Чтобы с меня даже куры смеялись, не говоря уже о девках? – заулыбался Виктор.

– Почему инвалидка? – не унимался Василий. – Сделай спортивную машину. Главное, что подвеска и колеса есть, остальное сварите с Шуриком.

– И за сколько отдадите? – на всякий случай поинтересовался Виктор, хотя брать еще ничего не собирался. Нужно было сначала с Шуриком посоветоваться

– Да для тебя, почти даром отдам. По бутылке водки за каждое колесо, – озвучил Василий действительно низкую цену.

– Водку любую? – спросил Виктор.

– Любую магазинную, но не самогон, – уточнил Василий.

По деньгам Виктора это устраивало. Московская стоила три рубля и шестьдесят две копейки, а обычная водка – два рубля и сорок копеек. Если Шурик такую идею поддержит, то можно будет попробовать собрать спортивную машину. Виктор понял, о каких спортивных машинах говорил Василий. Такие машины он тоже видел по телевизору на различ-

ных автомобильных соревнованиях. Кабины, как таковой, у них не было, только ограждение, сваренное из гнутых труб, чтобы водителя не раздавило при переворачивании машины. Кажется, они называются «Баги».

Идея собрать спортивную машину пришла Шурику по душе. Они выкупили у Василия подвеску с колесами, и приступили к творческому процессу по конструированию баги. Много в приобретенной подвеске пришлось переделывать и переваривать, удлиннили базу, чтобы поставить сзади еще одно сидение. На трубогибочном станке отца Шурика, согнули нужного вида трубы и сварили из них кабину. В кабине установили три кресла, два спереди, и одно длинное, от приобретенного ранее мотоцикла – сзади. Передние кресла располагались очень низко над полом, и сидеть в них можно было только с вытянутыми вперед ногами, что было не очень удобно, но это ведь не лимузин, а спортивная машина. Еще некоторое неудобство доставлял топливный бак. Поскольку у двигателя мотоцикла нет топливного насоса, то, чтобы бензин мог самотеком поступать в двигатель, этот бак пришлось разместить на крыше кузова, то есть над головой у пассажиров. При этом, ощущения у пассажиров были не самые приятные, и они все время поглядывали наверх, чтобы удостовериться, не капает ли им на голову бензин. Примерно такие же ощущения испытывали пассажиры троллейбусов в Нижнем Тагиле, где, в свое время, пиво из бочек продавалось не в банки, как обычно, а в двойные целлофановые пакеты,

и многие стоячие пассажиры троллейбуса, держась за горизонтальный поручень, держали эти пакеты над головами у сидячих пассажиров. Ощущение неповторимое, тем более, что иногда эти пакеты с пивом прорывались, или просто выскальзывали из рук хозяина этого богатства, и пиво выливалось на головы сидячих пассажиров.

Но это всего лишь мелкие изъяны. В остальном же, машина получилась великолепной, на такой можно было и девушек покатать. Больше трех месяцев друзья вкалывали без праздников и выходных, Виктор домой только ночевать приезжал, но результатами своего труда они остались довольны, такого чуда техники в селе больше ни у кого не было. Сделали пробный выезд. Машина прекрасно слушается руля, тормоза работают, световые огни тоже все работают. И скорость приличная, машинка запросто разгоняется до восьмидесяти километров в час.

А дальше пошла эксплуатация. Друзья ездили на ней и вместе, и по очереди, и девушек по вечерам катали, и на рыбалку ездили. Шурику ездить на машине нравилось даже больше, чем на своем мотоцикле. Про Виктора и говорить нечего, у него, кроме велосипеда, другого транспорта не было. Поэтому, автомобиль стоял во дворе у Виктора, а Шурик приезжал за ним на мотоцикле, когда хотел прокатиться на баги. По трассе, естественно, друзья не ездили, ведь машина не зарегистрирована, и попадаться с ней на глаза гаишников было ни к чему.

Осенью в отпуск приехал брат Виктора, Владимир. Виктор и предложил ему съездить на баги на рыбалку за Хомино. Рыбу здесь ловят в канаве, шириной порядка пяти метров. Это вручную углубленное русло речушки Крутоносовки, протекающей через село и впадающей в Десну. Сама Крутоносовка летом пересыхает, а здесь сохраняется немного воды, совсем немного, метра полтора, но для карасиков этого достаточно. Вода в канаве очень прозрачная, и видно, как в ней плавают стайки карасиков. Но, если человеку видно карасиков, то и карасикам видно человека, поэтому, поймать их не так то просто. И спрятаться некуда, вокруг чистое поле, и вдоль канавы даже камыш не растет. Братя достали из машины сухие ореховые удилища, привязали к ним поплавочные удочки, насадили на крючки червей, и приступили к ловле. Поскольку остановились возле моста, то была возможность ловить с разных берегов. Карасики клевали редко и неохотно. Нужно было несколько раз провести червя через стайку, прежде чем какой ни будь дурачок на него соблазниться. Тем не менее, по десятку карасиков, размером с ладошку, за полдня они поймали. Стало жарко и неуютно на солнцепеке, да и карасики совсем клевать перестали, то ли солнце их тоже разморило, то ли все дурные уже отклевались, и в стайках остались только умные карасики.

На обратном пути, Виктор предложил брату самому сесть за руль баги, опробовать созданное ими оригинальное чудо техники. Владимир сразу же отметил еще одно достоинство

этой машины – в ней не жарко. А вот сидеть было не очень удобно, примерно, как на велосипеде, в котором велосипедист полулежит. Поначалу странное было ощущение, но потом привык и уже не замечал этого неудобства. Передачи, как и в обычной машине, переключались рычагом, а не педалью, как в мотоцикле. Как это умельцам удалось сделать, Владимир не понял, да он особенно и не вникал в конструкцию. Езда начала ему нравиться, и он полностью отдался этому приятному ощущению. Не заметил, как и домой вернулись. Виктор пошел открывать ворота, а Владимир решил подъехать к ним поближе. Перед воротами нужно было остановиться, и он нажал на педаль тормоза, но нога попала на педаль газа. Машина въехала во двор до того, как Виктор успел открыть ворота. Конструкция машины удар прекрасно выдержала, нигде ничего не погнулось и не сломалось. Как ни странно, ворота тоже удар выдержали и не сломались, с корнем вырвало только кованную петлю, на которой висел крючок, закрывающий две створки ворот. Пришлось срочно ремонтировать ворота, пока отец поломку не увидел. Позже он поломку обнаружил, и не мог понять, кто и когда в его ворота въехал.

После отпуска брат Виктора уехал домой, а друзья продолжали ездить на своей машине. Ездили пока не выпал снег, и еще почти и все следующее лето, пока однажды не напоролись на инспектора ГАИ, который, на первый раз, машину не отобрал, но посоветовал друзьям съездить в ГАИ и

зарегистрировать машину. Они так и сделали. Но оказалось, что для регистрации нужна куча документов, которых у них не было, и, прежде всего, нужны были квитанции на покупку всех комплектующих. А где их взять, если все комплектующие они доставали где могли, и никаких квитанций у них не было. Зарегистрировать машину не получилось, но они ее, что называется, засветили, и теперь о ней знали все гаишники. И теперь все знали, что она эксплуатируется без документов. Вот тут и началась на нее охота. Гаишники стали ездить не только по трассе и центральным дорогам, как они обычно ездили, но и по всем полевым и проселочным дорогам, стараясь поймать этих злостных нарушителей. Несколько раз их пытались поймать ночью, когда они возвращались после гулянки из соседнего села. Но не тут то было. Ночью уйти от погони легко. Погасили свет и нырнули в какой ни будь переулок или подлесок, заглушили двигатель и притаились. Пол часика там отсиделись, и поехали дальше. Друзья надеялись, что их никогда не поймают.

Но, однажды, когда они днем возвращались с рыбалки, их поймали. Занятые разговорами, они не сразу заметили, что за ними от самого Хомино едет гаишник на мотоцикле. Гаишник ехал спокойно, и даже не пытался их догонять. Друзья решили тоже ехать и дальше спокойно, а перед въездом в село свернуть в Бабкивский лес и там скрыться. Когда же подъехали к лесу, то увидали, что там тоже стоят гаишники на жигулях. Видимо их здесь уже ждали. Пришлось остано-

виться, и сдаться на милость победителей.

Машину заставили отогнать в ГАИ на Прорабстве, и там оставить. Потом машину вернули, но с условием, что изобретатели подарят ее местной средней школе. Так Виктору с Шуриком и пришлось поступить, чтобы избежать крупного штрафа. Свою баги они подарили школе, и еще десяток лет школьники по ней изучали устройство машины и мотоцикла одновременно, и учились на ней ездить во дворе школы. Вот так и закончилась эта история с баги, не очень веселая, но и не совсем грустная. Все-таки, немного и сами поехали, и какую-то пользу, хотя бы для учеников школы, они принесли, и их труд не пропал даром.

Колесики

Управление армии располагалось в старинном купеческом особняке, расположенном в Матросском переулке. Рассказывают, что в гражданскую, в этом особняке размещался госпиталь Красной армии, а когда город заняли белые, то они, находившихся там раненых матросов, выбрасывали в окна на тротуар, а затем добили тех, которые при этом остались живы. Поэтому, переулок и назывался Матросским. Особняк был трех этажным, с очень высокими потолками – три с половиной метра, таких зданий сейчас не строят. И толщина стен впечатляла – полтора или два метра. Раньше люди на века строили, не то, что сейчас. В этом здании, каким-то образом, всегда поддерживалась оптимальная температура, порядка двадцати пяти градусов, и зимой, и летом. Никаких батарей под окнами не было, но, при наружной температуре, доходившей иногда до минус пятидесяти градусов, в помещении всегда было тепло. А летом, при внешней температуре в сорок пять градусов – всегда было прохладно. И никаких кондиционеров не было, да о них тогда вообще никто не слышал. Все это, наверно, из-за толстых стен здания.

Обслуживанием этого здания, да и всеми бытовыми вопросами в управлении, занимался комендантский взвод, во главе с комендантом – прапорщиком Антоновым. Они осуществляли и охрану здания, и уборку территории, и мелкий

ремонт. Не делали только уборку в самом здании. Этим занимались женщины-уборщицы, но руководил ими все тот же комендант. Ему же, подчинялись и все писари и секретчики. То есть, все солдаты и сержанты, которые находились в управлении, подчинялись непосредственно ему. Комендант уже пожилой и опытный, ему скоро сорок исполнится, да и на этой должности он уже больше десяти лет, поэтому служба отлажена как часовой механизм, и, ни к нему, ни к его подчиненным, у командования никаких претензий не было.

Зачем коменданту понадобились колесики от кресла – неизвестно. Может сам что-то мастерил, может кто-то попросил достать. Его знакомые только говорили, что он очень долго их искал и не мог найти. Купить их в хозяйственных магазинах, было просто невозможно, по той простой причине, что они там не продавались. Их можно было только достать. Здесь уже было два пути. Или найти, у кого есть старое кресло, и снять с него, или на мебельной фабрике, где делают такие кресла. Первый путь отпадал сразу, так как кресла на колесиках появились в продаже только недавно, раньше они были без колесиков, поэтому, найти старое такое кресло было нереально. Все ближайшие мебельные фабрики прапорщик тоже объездил, но там кресла на колесиках не выпускали. Больше искать было негде. Вот тут он и вспомнил, что в управлении армии есть два таких кресла на колесиках. Одно стоит в кабинете командующего, а второе – в кабинете начальника штаба. Вот только добраться до них, тоже нере-

ально. Днем их не снимешь, а на ночь все кабинеты ставятся на сигнализацию, и сдаются под охрану. Нужно было что-то придумать, и Антонов придумал.

Если кто помнит, оконные рамы в то время были исключительно деревянные, пластиковых окон еще не было. И эти оконные рамы на зиму всегда заклеивали бумажными полосками, чтобы не дуло через щели. А весной, полоски отклеивали, и окна мыли. Так вот, весной комендант и привел в кабинет начальника штаба двух бойцов, чтобы они отклеили эти полоски и помыли окна.

– Товарищ прапорщик, Вы что, обалдели? – удивился генерал, узнав его намерение. – Делайте это в нерабочее время.

– Товарищ генерал, так в нерабочее время кабинет закрыт, – возразил комендант.

– Ладно, я распоряжусь, чтобы сегодня кабинет не закрывали, пока вы окна не помоее.

После убытия генерала домой, комендант опять привел в его кабинет двух бойцов. Они добросовестно убрали бумагу, помыли окна, и пригласили прапорщика принимать работу. Тот придирчиво все осмотрел, сделал солдатам несколько замечаний, и потребовал лучше протереть одно из окон, после чего лично закрыл окно, и пригласил помощника дежурного по управлению закрывать кабинет. Тот даже все внимательно осмотрел, закрыл кабинет на ключ, опечатал, и поставил на сигнализацию. Все было как обычно. Но, на этот раз, хитрый прапорщик не закрыл одну половинку окна, а помощ-

ник дежурного этого не заметил, и на работу сигнализации это не повлияло.

А ночью, прапорщик взял двух своих доверенных солдат, которые будут держать язык за зубами, и отправился с ними на чердак здания.

– Вася, – инструктировал он одного из них, – на веревке мы спустим тебя к окну. Там одна половинка только прикрыта. Откроешь ее, и залезешь в кабинет. Вторую половинку не открывай, иначе сработает сигнализация. Вот тебе разводной ключ, открутишь колесики с кресла, только гайки и шайбы не растеряй. А потом мы вытащим тебя обратно на чердак.

– А у вас силы хватит? – засомневался Вася.

– Не сомневайся, хватит, – заверил его прапорщик.

Васю обвязали за пояс веревкой, и, через слуховое окно, стали спускать его с крыши. Сначала Вася потихоньку сползал по крыше. Достигнув ее края, он аккуратно, придерживаясь руками за слив, спустился вниз. Прапорщик со вторым солдатом потихоньку травили веревку. Вот уже и нужное окно на третьем этаже.

– Хватит, – негромко сообщил Вася.

Спуск прекратился, и Вася открыл половинку окна. Через нее он залез в кабинет. Там он быстренько открутил колесики. Как и просил прапорщик, надел на них шайбы и закрутил гайки, чтобы не потерялись, рассовал колесики по карманам, и пошел обратно к окну. Когда выбирался наружу, то

неудачно задел вторую половинку окна, и на пульте дежурного по управлению сработала сигнализация кабинета начальника штаба.

– Сходи наверх, посмотри, что там, – сказал дежурный по управлению своему помощнику.

Капитан сходил на третий этаж, осмотрел закрытую и опечатанную дверь кабинета, и вернулся обратно.

– Все нормально! – доложил он. – Это наверно ветер окно шевельнул.

Сигнализацию перезапустили, и больше она не срабатывала.

– Тяните, – крикнул Вася наверх, когда шаги от двери кабинета удалились.

Слабину веревки выбрали, и начали потихоньку поднимать Васю наверх. Это оказалось гораздо тяжелее, чем прапорщик себе представлял. Кое как дотянули Васю до крыши. А дальше ведь коробочка, то есть, та часть крыши, которая нависает над стеной. Как Васю из-под нее наверх вытянуть? Об этом они как-то и не подумали.

– Вася, ногами отталкивайся от стены, а руками от края крыши, – командовал прапорщик.

– Я не достаю руками до крыши, – сообщил Вася. – Подтяните меня выше.

Подтянули Васю немного выше.

– Ну, что, теперь достаешь? – спрашивал прапорщик.

– Достаю, но оттолкнуться не могу, сил не хватает.

– А давайте его вниз спустим, – предложил прапорщику солдат.

– Не получится, веревка слишком короткая, – возразил прапорщик. – Давай, крепим пока веревку за балку.

Веревку закрепили и немного перевели дух.

– Дуй в казарму, и приведи еще двух дневальных, – от-
правил солдата за подкреплением прапорщик.

Вчетвером у них дело пошло лучше, но Вася все равно не мог перелезть через край крыши.

– А давайте попробуем рывком его вытянуть, – предложил один из солдат.

– Давайте попробуем, – согласился прапорщик.

Попробовали тянуть рывками. Опускали Васю немного вниз, а потом, рывком пытались выдернуть его наверх.

– Раз-два, взяли! – командовал прапорщик. – Раз-два, взяли!

Вытащить Васю не получалось, а вот веревка, от трения об острый край железной крыши, постепенно перетиралась.

Дежурный по управлению уже собирался ложиться отдыхать, когда прибежал перепуганный комендант.

– Срочно вызовите скорую, там солдат упал! – закричал прапорщик.

– Какой солдат? Куда упал? – не понял дежурный.

– Наш солдат! С крыши упал, – пояснил прапорщик.

– Так это ведь больше десяти метров. Он жив? – пытался
вникнуть в ситуацию дежурный.

– Не знаю, – нервничал прапорщик, – я еще не смотрел. Звоните скорее, потом разбираться будете.

Когда приехала скорая, Вася был еще жив, а вот довести его до госпиталя не удалось, он скончался по дороге. В его карманах так и остались лежать снятые колесики от кресла. Прапорщика уволили из армии в тот же день, и дальше его судьбой уже занималась прокуратура. Но его не жаль. Жалко бедного солдата Васю, который погиб ни за что, только потому, что прапорщику зачем-то понадобились эти колесики от кресла.

Вертолет

Самоделкиных в Советском Союзе было много. Одни делали маленькие трактора, другие автомашины, третьи невиданные мотоциклы. Любители рыбалки самостоятельно делали катера. В журнале «Моделист-конструктор», в то время, печатались выкройки для изготовления таких катеров, и, на первый взгляд, ничего сложного в этом не было, но, это только на первый взгляд. Сложности поджидали энтузиастов на каждом шагу. Прежде всего – где взять листовой дюраль и алюминиевые уголки для изготовления катера? В магазинах ведь ничего подобного не продавалось. Можно конечно все это вынести с завода, но ведь потом катер нужно будет регистрировать, а для его регистрации понадобятся квитанции на все комплектующие. Получается замкнутый круг. Выход был только один – каким-то образом, или самому, или через знакомых, договориться с директором завода, чтобы тот выписал этот дюраль и уголки. И далеко не у всех это получалось. Сейчас все гораздо проще. В магазинах можно купить любой материал, какой твоей душе угодно. И при регистрации самоделки никакие чеки и квитанции на покупку комплектующих предъявлять уже не требуется. Твори – не хочу! Только вот желающих творить, почти не осталось. Да и зачем творить, если все можно купить в магазинах уже в готовом виде, и намного лучше, чем ты сам сделаешь. Хочешь

маленький трактор – покупай трактор. Хочешь лодку или катер – покупай лодку или катер, были бы твои деньги. Теперь деньги решают все. Есть деньги – и у тебя будет все, что пожелаешь, нет денег – делай все сам, если есть желание. Но желающих что-то сделать своими руками, сейчас почти не осталось. Нет больше той романтики изобретательства, которая была раньше. А жаль.

Николай, как и многие его сверстники, интересовался и мотоциклами, и автомашинами, но его сердце принадлежало небу. С самого детства он мечтал стать летчиком, и никем другим себя не представлял. Еще будучи пионером, записался в авиамodelный кружок. Там он мог бы и ночевать, если бы помещение кружка на ночь не закрывалось. Сначала делал модели самолетов с двигателями из скрученной резинки. Летали они очень плохо и очень мало, но, как объяснял преподаватель, здесь главное научиться правильно строить корпус модели, чтобы она была устойчива в полете и никуда не заваливалась. С этой задачей Николай справился, и перешел к следующему этапу, конструированию моделей с бензиновым двигателем. Сначала он сделал неуправляемую модель. К ее корпусу привязывалась леска, и модель, удерживаемая этой леской, летала по кругу, пока не закончиться бензин в двигателе. С помощью лески можно было заставить самолет лететь выше или ниже, можно было даже мертвую петлю сделать, и такой полет выглядел очень здорово, у мальчишек, наблюдавших за полетом, просто дух захваты-

вало. Самым сложным было посадить самолет, да так, чтобы при посадке он не разбился. У многих юных конструкторов самолеты безвозвратно разбивались при первой же посадке. Слезы тогда невозможно было сдержать, и долго никто не мог их успокоить. Но Николаю пригодился опыт работы с моделями на резиновых двигателях. Эти модели могли планировать после остановки двигателя. Новые модели Николая также могли планировать. Он мог даже некоторое время удерживать их в воздухе, вращая вокруг себя на леске. За счет этого, они всегда садились плавно, и, на зависть другим юным конструкторам, никогда не разбивались.

После окончания средней школы Николай, как и планировал, поступал в летное училище, но пройти медкомиссию ему не удалось, врачи нашли какие-то проблемы у него в носу. Это, наверное, результат его кратковременного увлечения боксом. На одной из тренировок ему разбили нос, и нос после этого долго болел, из-за чего Николай и бросил занятия боксом. И вот теперь это аукнулось. Путь в небо был закрыт. В итоге, Николаю пришлось поступать в ракетное училище. Много воды утекло с тех пор, он давно закончил училище, уже был капитаном, и служил в Забайкалье. Вроде бы все у него было хорошо, и по службе успешно продвигался, и жена красавица, и дочь растет здоровая и красивая, когда вырастет, наверно, еще красивее жены будет, но, глядя на небо, он тосковал. Наверно тосковал о несбывшейся мечте. Может это его душа тосковала, и тосковала очень сильно, до боли в

груди. В такие моменты ему ничего не хотелось делать, только сидеть, и смотреть на небо, или просто в окошко, и ни о чем не думать. Какая-то неведомая сила все еще манила его в небо, ему хотелось самостоятельно полетать, хотя бы один раз в жизни, а потом уже и помирать не жалко будет.

Как-то, после смены с боевого дежурства, Николай со своим другом Петром возвращались домой. На улице метель, везде сугробы в человеческий рост, а по пути теплое и уютное кафе, в котором всегда есть пиво.

– Давай зайдем, – предложил Петр, – пивка попьем, расслабимся немного после дежурства. Даже врачи рекомендуют.

– А почему бы и нет! – поддержал такую блестящую идею Николай. – Дома нас, пока что, никто не ждет. Жены на работе, дети в школе.

Зашли в кафе. До обеда еще почти два часа, поэтому в зале практически никого нет. Заняли столик возле огромного окна в стене кафе, и заказали по две кружки пива. Сейчас здания с такими огромными окнами уже не строят, а раньше их было много. Это были огромные окна из сплошного листа стекла размером примерно три на четыре метра, а может и больше. Такие окна, размером от пола и до потолка, были в зданиях аэропортов, выставочных павильонах, и во многих магазинах и кафе. Вот возле такого огромного окна и расположились приятели. Пока несли пиво, Николай неотрывно смотрел на метель в это окно и грустно улыбался.

– Ты куда смотришь? – поинтересовался Петр.

– На небо смотрю, – вздохнул Николай, – не отпускает оно меня. С детства хотел стать летчиком, а стал, вот, ракетчиком. А небо манит, оно зовет меня к себе. Хотя бы раз почувствовать это ощущение полета. Мне даже во сне иногда снится, что я летаю. Причем даже не на самолете, а просто летаю. Разбегаюсь, подпрыгиваю, и лечу. Лечу вдоль улицы, могу подняться выше, или опуститься ниже. Огибаю провода и деревья. Потом плавно опускаюсь на землю. После такого сна очень долго просыпаться не хочется.

– Так построй себе самолет, – пошутил Петр.

– А неплохо было-бы сделать из моего мотоцикла самолет, – поддержал шутку Николай. – И летали бы мы с тобой на своем самолете и на охоту, и на рыбалку, и за грибами.

– А я читал в газете, что какой-то мужик сделал себе маленький вертолет, который буквально в чемодане помещается, а сам чемодан, потом в качестве сидения используется, – сообщил Петр.

– Сказки все это, – отмахнулся Николай, – Там один винт должен быть не меньше четырех метров в длину, его в чемодан не спрячешь. И двигатель, как минимум от моего «Урала», а его один тоже не унесешь. Я в этом деле кое-что сообщаю, в детстве авиамodelным спортом увлекался.

Принесли пиво. Друзья залпом выпили по первой кружке, и Николай начал рассказывать про небо, про свои модели самолетов, и о своем неутоленном желании летать. Между

разговорами потихоньку выпили еще по одной кружке.

– А знаешь, я тебе уже завидую, – признался Петр. – У тебя была настоящая мечта. Да, чувствуется, ты и сейчас от нее не отказался.

– А что толку! – вздохнул Николай. – Вертолет конечно построить можно, но, в одиночку, мне это дело на осилить. Нужен еще хотя бы один, такой же чокнутый, как и я. Тогда можно построить.

– Коля, ты так увлекательно рассказывал про небо. Мне кажется, что я уже готов быть вторым чокнутым. Я ничего в этом деле не понимаю, но готов тебе во всем помогать, – неожиданно заявил Петр.

Еще после двух кружек пива, было принято окончательное решение – на основе мотоцикла Николая «Урал», строить вертолет.

– Тогда давай сразу договоримся, – предложил Николай, – вертолет будет общим, поэтому и деньги будем вместе вкладывать. На мне будет вся разработка конструкции и чертежи, а на тебе все закупки. Ну а трудиться будем вместе у меня в гараже.

– По-моему, справедливо, – согласился Петр.

И друзья приступили к реализации своего проекта. Николай сел за учебники и начал изучать устройство и принцип управления вертолетами, а Петр стал разбираться с методами сварки дюралюминия, из которого нужно было делать корпус вертолета. Корпус вертолета должен быть легким, и, в

то же время, прочным. Варить дюралюминий Петр научился, хотя это оказалось не очень простым делом. Сначала место сварки нужно было тщательно зачистить от окислов и обезжирить, потом прогреть газовой горелкой, и только после этого шов можно было варить, но обязательно с применением флюса, и специальными электродами. Но шов получался пористым, и механические нагрузки выдерживал плохо, проще говоря, в месте соединения конструкция ломалась. А он летал на вертолетах, и прекрасно понимал, что той вибрации, которой подвергается корпус вертолета, его сварка не выдержит, и корпус может развалиться прямо во время полета. Петр ходил к сварщикам, и попросил сварить две дюралевые трубы аргоновой сваркой. То, что сварили профессионалы, он сломать не смог. Стало понятно, что со сваркой им самим не справиться, сварочные работы корпуса вертолета придется заказывать профессионалам, сэкономить здесь не удастся. Тем временем Николай закончил чертеж корпуса вертолета. С этим ему также пришлось повозиться. Прежде всего, ему нужно было обеспечить центровку вертолета, с таким расчетом, чтобы она не нарушалась как при полете одного пилота, так и вместе с пассажиром. Николай расположил двигатель в центре тяжести, непосредственно под несущим винтом, кресло пилота перед двигателем, а кресло пассажира – сразу за двигателем. Вынос хвостовой части на определенное расстояние должен был обеспечить центровку всего корпуса. Теперь Петр мог закупать требуемые материалы

и заказывать сварку корпуса, а Николай дальше продолжал разработку конструкции.

Из того, что Николаю удалось прочитать, было понятно, что главное в вертолете – это несущий винт. Прежде всего, нужно было разобраться в работе несущего винта. Чтобы вертолет мог успешно летать, нужно обеспечить надежность несущего винта. В то же время, его конструкция должна быть простейшей. Каждому режиму полета вертолета соответствует свой режим работы несущего винта. Основными для вертолета являются: пропеллерный режим, режим косо́й обдувки, режим самовращения (авторотация) и режим вихревого кольца.

Пропеллерный режим возникает при вертикальном подъеме или висении вертолета.

Режим косо́й обдувки возникает при поступательном полете вертолета.

Режим самовращения возникает при отключении двигателя вертолета от несущего винта в полете, при этом винт вращается под действием потока воздуха (это на случай аварийной посадки).

Режим вихревого кольца возникает при снижении вертолета. При таком режиме поток воздуха, проходя сквозь обдуваемую винтом поверхность сверху вниз, вновь подходит к винту сверху.

И все эти режимы необходимо было обеспечить. Вертолет должен быть одновинтовым, без хвостового винта-стабили-

затора. Вместо него планировалось установить вертикальное оперение, как в милицейских вертолетах. Наклоны несущего винта должны были обеспечиваться за счет крепления его в шарообразном шарнире, наподобие крепления зеркал заднего вида на автомобилях. Передача вращательного момента от двигателя к несущему винту будет осуществляться через систему карданов. Винт будет самым простым, с постоянным углом атаки. Наклоны винта вперед и назад будут осуществляться от ручного рычага управления, и на этом же рычаге управления будет ручка газа. А наклоны винта вправо и влево будут осуществляться от двух ножных педалей. Вроде бы ничего не забыл, и все предусмотрел. При большой скорости вращения винта, управлять таким образом будет непросто, это все равно, что сдвинуть ось раскрученного гироскопа, но более подробно он с этим потом разберется. Может придется какие-то гидроусилители ставить, если не хватит силы рук для такого управления.

Прошло полтора года. Корпус вертолета был сварен, двигатель от мотоцикла установлен на место, все необходимое для крепления несущего винта также было выточено и установлено. Оставалось сделать и установить несущий винт, и застеклить кабину листами оргстекла. Скоро можно будет проводить испытания.

– Петя, а как жена относится к твоему новому увлечению? – поинтересовался Николай.

– Предлагает перебираться жить к тебе в гараж, – грустно

ответил Петр. – А твоя?

– Моя предлагает мне то же самое, – сознался и Николай. – Надо бы им как-то больше внимания уделить, пока нас из дому не выгнали.

– Я тоже хотел тебе это предложить, – согласился Петр. – Пока будем делать винт, давай больше дома побудем. Жены немного успокоятся, потом можно будет и побольше поработать.

Винт они сделали из дуба, заключив его центр, в котором он и будет крепиться, в металл. Установили винт на место, вынесли вертолет из гаража, и приступили к первым испытаниям. На малых оборотах все прекрасно работало, на средних тоже, но подъемной силы было недостаточно для подъема конструкции.

– Принеси мне шлем из гаража, – попросил Николай, – а сам спрячься в гараж, я попробую на полных оборотах проверить.

На полных оборотах конструкция сантиметров на десять оторвалась от земли, но раздался жуткий треск, и винт разлетелся в разные стороны. Хорошо, что в это время в гаражах никого не было, и никого не убило. Николай тоже не пострадал.

– Все понятно, – сказал он. – Нужен более прочный материал, и винт нужно делать с большим углом атаки. У этого подъемная сила была слишком маленькой. Нужно из мореного дуба сделать, он гораздо прочнее.

Второй винт сделали из мореного дуба, но и он испытаний не выдержал. Правда, на полметра над землей, конструкция все же поднялась.

– Ну и что дальше? – расстроился Петр.

– Да ты не расстраивайся, – утешил его Николай, придется винт на заводе заказывать. Это, конечно, лишние расходы, но ничего не поделаешь.

И поехал Николай на завод. Там немного удивились такому заказу, но пообещали заказ выполнить.

– А почему вы автомат-перекос не используете? – поинтересовался заводской инженер. – Тогда управлять вертолетом будет намного легче.

Николай конечно знал о существовании такого автомата. Но там и винт нужен другой, лопасти которого имеют горизонтальные шарниры, для изменения угла атаки лопастей. Весь фокус работы такого винта заключается в том, что, допустим, когда лопасть находится впереди вертолета, угол атаки этой лопасти увеличивается, а когда она находится сзади, то уменьшается, за счет этого увеличивается подъемная сила, действующая на нос вертолета, и появляется дополнительная сила, толкающая вертолет вперед. Управлять таким вертолетом гораздо легче, чем той конструкцией, которую они делают. Но это, наверно, будет ужасно дорого.

– А сколько это будет стоить? – на всякий случай поинтересовался Николай.

– Точно не скажу, – ответил инженер, – но, примерно, как

жигули.

– Спасибо, но нам это не по карману, – отказался от предложения Николай.

Даже простейший, заказанный им винт, обошелся в кругленькую сумму, почти столько же, сколько они уже потратили на постройку вертолета.

Новый винт установили на вертолет, и, вертолет поднялся в воздух. Управлять им, конечно, было тяжеловато, рука быстро уставала, и, чтобы удержать рычаг, приходилось держать его двумя руками. Со временем, Николай с управлением вертолетом освоился, и уже вполне справлялся с управлением одной рукой.

– Петя, надевай шлем и садись, покатаю, – предложил он.

Петя сел, и они сделали круг над жилым городком.

– Ну как ощущения? – поинтересовался Николай после приземления.

– Здорово! – ответил Петр, весь светясь от счастья. – Не зря мы его строили. Таких ощущений у меня еще никогда не было. Ради этого и недовольство жен стоило вытерпеть.

– Да, – поддержал Николай, – мы все вытерпели, и теперь у нас есть свой вертолет, на котором мы можем летать куда захотим! Завтра опробуем его на дальность полета.

На следующий день друзья заправили полный бак бензина, и Николай полетел. Нужно было проверить не только дальность полета, но и надежность вертолета при длительном полете. Если все будет нормально, то дальше и вдвоем

можно будет летать.

Николай летел уже больше часа, все работало четко и без сбоев. Он был доволен лично разработанной и собранной конструкцией. Чтобы не сбиться с пути, летел вдоль дороги, по которой и ориентировался. Неожиданно он услышал, что шум двигателя значительно усилился. Николаю стало не по себе. Он не понимал, что происходит с двигателем. Ситуация прояснилась минут через пять, когда впереди и немного правее от себя он увидел вертолет МИ-8. Усиленный шум шел как раз от этого вертолета. В иллюминаторе вертолета показался пограничник, который показал Николаю двумя руками крест, потом большим пальцем руки показал вниз, как обычно показывают крановщику, чтобы тот опускал груз. Николай все понял, ему предлагали прекратить полет и садиться. Для убедительности пограничник еще показал Николаю автомат. Отправляясь в этот полет, Николай как-то не подумал, что Китайская граница не так уж и далеко, в каких-то тридцати километрах. А дорога, вдоль которой он летел, в некоторых местах может и ближе к ней подходит. И вот теперь его, как возможного нарушителя границы, перехватили пограничники. Пришлось садиться в поле возле трассы. Рядом сел и вертолет пограничников. Пограничники надели на Николая наручники, и посадили в свой вертолет, на месте никто с ним разбираться не хотел.

– А как же мой вертолет, его же местные жители за два часа разберут, – запротестовал Николай.

– Не волнуйтесь, – успокоили его, – за ним присмотрят, и привезут на заставу.

Николая продержали двое суток. Пограничников интересовал только один вопрос: «С какой целью он пытался на вертолете пересечь государственную границу?». Двое суток он доказывал, что никуда не собирался улетать, просто испытывал построенный собственными руками вертолет. Про участие в этом деле и его друга Петра, он не стал рассказывать. Во-первых, чтобы не навредить ему, а, во-вторых, чтобы, если не удастся оправдаться, это не было преступлением, совершенным группой лиц. Но, через два дня его отпустили, и он успел вернуться в дивизию до очередного заступления на боевое дежурство. Правда вернулся он не на вертолете, а на автобусе. Вертолет ему больше не вернули. Жаль конечно, что так мало полетал. Больше двух лет строили, кучу денег в него вбухали, а полетал только несколько раз. Но и этим он был доволен. Он осуществил свою мечту детства – он летал, и летал самостоятельно, и чувствовал там себя свободно, как птица. Это не то, что езда по дорогам. Это совершенно другие ощущения, о которых он будет помнить до конца своих дней.

Любовники

Поселок Ясный расположен почти на границе с Казахстаном. Здесь такая же бескрайная казахская степь, как и в Казахстане. Дорог практически нет, одни направления, и заблудиться в этой степи намного проще, чем в лесу. В лесу хотя бы приметные ориентиры есть, а здесь абсолютно ничего, везде абсолютно одинаковая степь. И в этой степи нет нигде ни одного гаишника, ездай куда хочешь, хоть с правами, хоть без прав, и в любом состоянии. Годом основания Ясного является 1961 год. Первоначально, рядом с Киембаевским месторождением асбеста, построили небольшое поселение для рабочих. После открытия залежей полезного ископаемого, приступили к строительству горно-обогатительного комбината. Со временем селение выросло и преобразовалось в посёлок городского типа. На самом деле, здесь два городка: гражданский поселок городского типа, и военный городок, которые были разделены высоким забором из сетки рабица. В этом заборе население периодически проделывало проходы, и сколько их не пытались заделывать, они появлялись снова и снова. Сначала снабжение военного городка было лучше, чем поселка, и население поселка ходило в магазины военного городка за продуктами. Потом в военном городке запретили продавать крепкие спиртные напитки, и уже население военного городка ходило в магазины поселка

за водкой.

В один из таких походов за водкой, Виталий и познакомился с Дашей. Он занял очередь за довольно симпатичной девушкой, и, поскольку очередь была довольно длинной, заканчивалась аж на улице, то, за время длительного стояния в очереди, они разговорились. От нее он узнал, что она замужем, муж работает инженером на горно-обогатительном комбинате, а она нигде не работает и одна скучает дома. О себе он тоже ничего не соврал, сказал, что он майор, жена у него врач, и каждый день работает в госпитале, а он, в перерывах между дежурствами, тоже скучает дома. Они друг другу понравились, и, как водится в таких случаях, обменялись телефонами. Купив бутылку вина, Даша ушла в гости к подруге, а Виталий, с бутылкой водки, вернулся домой. Через пару недель Даша сама позвонила Виталию, и предложила вместе погулять. Жена была на работе, дети в школе, и Виталию ничего не мешало встретиться с Дашей. Они долго гуляли по поселку, рассказывали друг другу о себе, потом замерзли, и Даша предложила зайти к ней на квартиру попить чая и погреться. И чая попили, и погрелись. В постели. Потом регулярно встречались, в основном, на квартире у Даши. К себе Виталий старался приглашать Дашу пореже, так-как и дети могли не вовремя со школы прийти, да и соседи могли заметить и доложить жене. Так продолжалось больше года, но их супруги ни о чем даже не догадывались. Более того, им нравились изменения, происшедшие за последний год в их

семейных отношениях. Муж Даши был доволен, что Даша не устраивает дома скандалов по поводу своей неудовлетворенности, не обвиняет больше его в том, что он ее не любит и не замечает в постели, а спокойно довольствуется тем, что он ей дает, даже если это происходит один или два раза в месяц. Жена Виталия так же была рада, что муж наконец-то остепенился, и не требует от нее исполнения супружеского долга два раза в неделю. Теперь, если она говорит мужу, что сильно устала и у нее голова болит, он уже не настаивает на своем, а поворачивается на другой бок, и спокойно засыпает. Золото, а не муж стал.

Виталий поднакопил денег, и купил себе жигули. В ближайший свой выходной он пригласил Дашу, и они поехали кататься по степи. Вот это красота, вот это раздолье. Езжай куда хочешь. Можно вообще бросить руль и целоваться, не глядя на дорогу. Да и какая там дорога? Нет их здесь. Они ездили просто по степи. Попробовали заниматься любовью в машине. Понравилось, экзотика как-никак.

– А давай теперь будем все время в с степь выезжать, – предложила Даша, – а то на квартире уже приелось.

– Давай, – согласился Виталий, – и безопасней будет, в степи нас точно никто не застукает. Здесь хоть голыми бегай, никто не увидит.

– А давай в следующий твой выходной сюда на пикник выедем, – озвучила гениальный план Даша. – На целый день. И весь день проведем здесь голыми.

– Заманчиво! – поддержал Виталий. – А что нам мешает? Оторвемся по полной.

На следующей неделе Виталий купил бутылку коньяка и бутылку вина. Накупил разных закусок, фруктов, газированной воды. Сказал детям, чтобы пообедали без него, так как его вызывают на работу, взял в машину свое синее армейское одеяло, и они с Дашей поехали на пикник. Погода стояла чудесная, на небе ни облачка. Дул легкий приятный ветерок, благодаря которому на солнце было не так жарко. Сначала ездили по степи и целовались. Как же это здорово, вот так ехать и на ходу целоваться, и не бояться, что их кто-то увидит. Потом это занятие им надоело, да и кушать захотелось. Они остановились, в тени от машины расстелили одеяло, разложили на нем выпивку и закуски.

– Ну, давай выпьем за твою машину, – предложила первый тост Даша, – чтобы она долго и верно нам служила.

– И чтобы сидения не продавились, – дополнил тост Виталий, намекая на предыдущую поездку.

Выпили за сказанное, и закусили.

– А теперь давай выпьем за нас, – предложил Виталий, – чтобы мы были вместе как можно дольше.

– Хороший тост, – согласилась Даша, – я согласна быть вместе с тобой хоть до самой смерти. А ты согласен быть со мной до самой смерти?

– Согласен, – не очень уверенно ответил Виталий.

Выпили и за этот прекрасный тост.

– А почему мы до сих пор одетые? – удивилась Даша. – Мы зачем сюда приехали?

– Да, – поддержал ее Виталий, – сегодня будем отрываться по полной.

Они разделись, и со всей страстью отдались друг другу. Бедная машина только скрипела, хотя и была совсем новой. Еще посидели за импровизированным столом, выпивали и закусывали. От выпитого спиртного в головах уже заметно шумело. Даше опять захотелось любви, и они залезли в машину, но она уже сильно прогрелась, и в ней дышать было нечем, не то, что любовью заниматься.

– Давай лучше на земле, здесь невозможно, – предложила Даша.

– На земле трава будет колоться, – возразил Виталий, – у меня в багажнике брезент есть, на нем будет удобней.

И они расположились на брезенте. Потом опять пересели на одеяло к столу. Им было хорошо, и они, как того и хотели, отрывались по полной. Сколько раз они переходили так от стола к брезенту, уже никто не считал. Наконец-то Даша насытилась.

– А научи меня водить машину, – попросила она.

– Одевайся, научу, – согласился Виталий.

– Зачем одеваться? – не поняла Даша. – Кто нас здесь увидит?

– Ну тогда хотя бы туфли надень, а то без обуви неудобно на педали нажимать, – посоветовал Виталий.

Даша надела туфли и села за руль. Виталий, в чем был, то есть без ничего, так и сел на пассажирское сидение. Объяснил Даше, как нужно правильно трогаться с места. При первых двух попытках машина у Даши заглохла, а с третьей попытки машина почти плавно тронулась, и поехала. На радостях Даша аж запрыгала на сидении, что вызвало у Виталия очередной приступ желания. Он ее снова хотел, но Даше сейчас было не до него. Она мчалась по степи, то увеличивая, то сбавляя скорость, и делая неожиданные повороты то вправо, то влево.

– Ну что, я молодец? – спросила она у Виталия.

– Конечно молодец! – похвалил ее Виталий. – Только не делай такие резкие повороты, а то перевернемся.

– Тогда целуй меня, – разрешила Даша.

Виталий наклонился к ней, стал обнимать и целовать ее голое тело, все больше возбуждаясь. Даша сделала резкий поворот налево, и он упал головой ей на колени. Из-за того, что он стал там делать, ехать дальше Даша не смогла, пришлось остановиться, и удовлетворить желание Виталия. Потом поехали дальше. Они снова обнимались и целовались, и ехали не глядя на дорогу. Даша периодически закладывала крутые виражи, на грани переворота машины. При таком количестве выпитого спиртного, им было море по колено, и степь стала родной стихией.

Водитель КАМАЗа, который вез песок на стройку, еще издали заметил легковую машину, которая как-то очень

странно ездил по степи. Он сидел в кабине и спокойно ждал, пока остынет закипевший двигатель. Утром он забыл долить воду в радиатор, и теперь за это поплатился, так как вода где-то подтекала из системы охлаждения, и вот двигатель закипел. Как говорится – сам дурак. Когда легковая машина приблизилась, он увидел, что в ней сидят два голых человека, а сидящая за рулем женщина периодически резко крутит руль из стороны в сторону, поэтому машина и движется странными зигзагами. Было件нятно, что в машине влюбленная парочка, которая целуется и совсем не смотрит на дорогу. Такого он еще никогда не видел, и во все глаза смотрел за странной парочкой. Когда машина была уже совсем близко, женщина вдруг резко повернула руль вправо, и машина на полной скорости влетела под КАМАЗ. Удар пришелся в раму с правой стороны, между кабиной и задними колесами. Водитель КАМАЗа был в шоке, и не сразу смог прийти в себя и выйти из кабины. То, что он увидел, было жутким. Жигули до задних кресел зашли под раму КАМАЗа. При таком ударе в живых там вряд ли кто остался. Водитель не знал, что ему теперь делать. Он не мог ни помощь оказать пострадавшим, ни каким-то образом сообщить о происшествии. Он вообще ничего не мог. Оставалось только ждать, что по этой полевой дороге еще кто-то проедет. Про себя он только отметил, как ему повезло, что эта парочка врезалась в его КАМАЗ сбоку, а не спереди, иначе могли бы и его обвинить в ДТП, свидетелей ведь нет. Следующая машина

подъехала только через час, через ее водителя и были вызваны гаишники и скорая помощь. Гаишники подцепили жигули своим УАЗиком, и выдернули из-под КАМАЗа. Помощь врачей уже не понадобилась.

Узнав подробности ДТП, муж Даши отказался забирать ее тело из морга и хоронить. Хоронить своего мужа, а заодно и его любовницу, пришлось жене Виталия. По странному стечению обстоятельств, желание Даши, быть с Виталием до самой смерти, сбылось. Только она хотела явно не этого.

Орск

Орск – это небольшой районный городишко в Оренбургской области, один из немногих, через который проходит железная дорога. И не просто проходит, здесь пересадочная станция. А пересадку здесь делают те, кто едет из Свердловска в Ясный, или обратно. Глядя на расписание поездов, можно было сразу заподозрить, что его составлял какой-то вредитель. В одном направлении пересадка занимала почти сутки, а в другом – около двенадцати часов. Поэтому, ресторан, расположенный на привокзальной площади, работал круглосуточно, и никогда не пустовал. Местные жители сюда заглядывали редко, так как больше половины жителей города составляли ээки, живущие здесь на поселении. Основными посетителями здесь были командировочные, делающие здесь пересадку, да иногда заглядывали офицеры, из военного городка в Ясном. Из-за своего специфического обслуживания, этот ресторан им надолго запоминался.

Группа офицеров из двух дивизий возвращалась домой после двухдневных сборов, которые проводил в Ясном начальник войск связи армии. Чтобы скоротать двенадцать часов между поездами, они побродили по городу, но смотреть здесь было совершенно нечего. Летний денек радовал хорошей погодой, поэтому еще и в реке искупались. А дальше деться было некуда, поэтому и пошли в ресторан. Пока есть

время, решили здесь пообедать, так как путь домой еще не близкий, в Свердловске их ждет еще одна пересадка, причем, примерно такая же по продолжительности. В ресторане они попросили сдвинуть им два столика вместе, за ними все и разместились. Заказали и первое, и второе, и салаты, и компот. А еще заказали бутылку водки, так для приличия, чтобы никто не спрашивал, что они пьют. Выпивка у них была своя, целых две фляжки спирта.

Официантка принесла им хлеб, и водку, в двух графинчиках. Надеюсь, что скоро принесут и первое, офицеры разлили водку по рюмкам, и выпили, за успешное завершение сборов. Офицеры ведь не какие-то пьяницы, они никогда не пьют без повода, всегда есть повод, и всегда есть тост. Но первое долго не несли, и офицеры подозвали официантку.

– Девушка, а где наше первое? А то мы водку уже выпили, а закусывать нечем.

– Мальчики, не волнуйтесь. Сейчас все будет. Может вам водочки еще принести?

– Спасибо. Водки больше не нужно, лучше первое быстрее несите.

Подали и первое, и второе, и салаты. Офицеры кушали, не обращая внимания на то, что творится вокруг. Маскируясь, как они считали, наливали под столом спирт в рюмки из фляжек, произносили тосты, чокались, выпивали и закусывали. Тем временем, официантка подозвала милиционера, который прогуливался неподалеку, и показала ему на си-

дящих за столиками офицеров. Тот кивнул головой, как бы с чем-то соглашаясь, и пошел дальше. За полчаса до поезда, офицеры позвали официантку, и попросили их рассчитать. Когда они услышали названную официанткой сумму, у них глаза на лоб полезли.

– Откуда столько? – удивились они.

– Как откуда? – возмутилась официантка. – Восемь первых, восемь вторых, салаты, компоты, и четыре бутылки водки.

– Откуда четыре бутылки водки?! – возмутились офицеры. – Мы только одну у Вас брали.

– А чего же вы тогда такие пьяные? От одной бутылки на восемь человек? Да кто вам поверит!

– Сержант, идите сюда! – закричала она как раз вошедшему в ресторан милиционеру. – Здесь военные рассчитывать не хотят.

Все, сидевшие за столиками посетители, повернулись в сторону военных, предвкушая посмотреть очередное театрализованное действие, какие происходили здесь уже не раз. Сержант тут же подошел к столику.

– В чем дело, товарищи офицеры? Пить хотим, а платить нет? Или платите, или заберу вас в кутузку.

– Сержант, ты не имеешь права офицеров арестовывать, – напомнили ему.

– А я не буду арестовывать офицеров, – заявил ушлый сержант, – я задержу пьяных, устроивших скандал в ресто-

ране, до прибытия военного патруля из Ясного. А дальше пусть они с вами разбираются.

Такая перспектива военных явно не устраивала. Они и на поезд опоздают, да еще и бумага в часть придет, что устроили пьяный дебош в ресторане. Пришлось заплатить требуемую с них сумму.

– Вот и сэкономили на водке, попили халявного спирта, – подвел итог один из них.

– Похоже, у них здесь это дело отлажено, – сказал другой. – Заметили, как быстро сержант появился? Как будто специально ждал этого.

Эта схема действительно была хорошо отработана, и действовала практически без сбоев. Полученной прибылью официанты делились с милицией, и все были довольны, кроме облапошенных командировочных, конечно. Но любые, даже очень хорошо отлаженные механизмы, иногда дают сбой. Дала сбой и эта схема.

Стояла холодная и морозная зима, и в Ясном каждый день приходилось вести борьбу со снегом. Капитан Кирилов, офицер батальона боевого обеспечения, сидел дома, и никуда идти не собирался, но закончилась водка, и пришлось выходить на улицу. В своих магазинах водка не продается, придется идти в гражданский городок. Навстречу ему ехал гусеничный тягач с ковшом, чистивший дорогу. Это был тягач с его подразделения, и Кирилов его остановил.

– Ты куда? – спросил он водителя.

– Товарищ капитан, я закончил работу, еду в парк, – доложил солдат.

– Отлично! – обрадовался капитан. – Сейчас проедем к гражданским, а потом уже в парк.

Но в гражданском городке его ждало разочарование. Водки там тоже не было.

– Едем в Орск, – решил капитан.

– Товарищ капитан, я не могу в Орск, – запротестовал солдат, – мне влетит за это.

– Не волнуйся, всю ответственность я беру на себя, – успокоил его капитан.

Пока ехали в Орск, одну половину дороги прочистили. Тягач капитан оставил на дороге, при въезде на привокзальную площадь, а сам пошел в ресторан.

– Мне бутылку водки, – сказал он официантке.

– С собой? – уточнила та.

– Да, с собой, – подтвердил капитан.

Официантка принесла ему бутылку водки.

– С вас десять рублей, – сказала она.

– А почему так дорого? – удивился капитан.

– Ресторанная наценка.

– Ладно, – согласился капитан. – У меня остается еще пять рублей, тогда давай еще здесь, двести водки, и какой ни будь колбасы на закуску.

Капитан сел за крайний столик. Официантка принесла ему графинчик с водкой, и колбасу с хлебом на тарелочке.

– На сразу пятнадцать рублей, чтобы я не был должен. Хватит? – поинтересовался капитан.

– Конечно хватит, – подтвердила официантка.

Капитан расслабился, выпил водку и закусил. Уже собрался уходить, когда к нему подошла официантка. Почему-то уже другая.

– Уже уходите? – поинтересовалась она.

– Да, ухожу, – подтвердил капитан.

– А расплачиваться кто будет? – спросила она.

– Так я уже рассчитался, – пояснил капитан.

– С кем? – удивилась официантка.

– С девушкой, которая меня обслуживала, – ответил капитан.

– Во-первых, не Вас обслуживала, а Ваш столик, – съязвила официантка, а, во-вторых, она мне про это ничего не говорила. Платите деньги.

– Не буду я платить второй раз, – заявил капитан, – да у меня и нет больше денег.

– Платите, или я милицию позову, – настаивала официантка.

– Ну и вызывай, – согласился капитан, – я им все объясню.

– Сержант! – закричала официантка, – подойдите к нам, здесь клиент платить не хочет.

Как из-под земли появился сержант милиции.

– Что капитан, платить не хочешь? – даже не представляясь накинулся он на капитана. – Плати, а то в кутузке ока-

жешься.

– Послушай, сержант, – пытался объяснить капитан, – я уже все заплатил, только другой официантке.

– Плати! А то хуже будет! – не хотел слушать его оправдания сержант.

– Да не буду я больше ничего платить, – рассердился капитан, и попытался выйти из ресторана.

Сержант схватил его за рукав шинели. Это окончательно вывело из себя подвыпившего капитана. Он схватил сержанта за пояс, поднял над полом, и, как котенка, швырнул в угол. Нужно сказать, что капитан был больше двух метров ростом, и не хилого телосложения.

– Щенок, ты кого хватаешь? – бросил он лежавшему в углу сержанту, и спокойно ушел из ресторана.

– Ну, ты мне за это заплатишь! – прошипел сержант, и тоже убежал из ресторана.

До тягача капитан не успел дойти. Шесть милиционеров перехватили его возле вокзала. Скрутили, и отволокли в камеру. Минут через пятнадцать в камеру ввалилась целая толпа милиционеров, все с дубинками, и начали они избивать бедного капитана. Под градом сыпавшихся на него ударов, ему, все же, удалось изловчиться, и вырвать дубинку у одного из милиционеров. Вот тут и понеслась душа в рай. Он был такой злой на этих придурков, которые ни за что, ни про что стали его избивать, что стал бить этой дубинкой куда придется, лишь бы как-то защититься от многочисленных нападав-

ших. Остановился только тогда, когда понял, что его больше не бьют. Огляделся по сторонам. В камере стоял он один, все милиционеры лежали на полу. Дверь в камеру была открыта. Он вышел из камеры. В дежурке тоже никого не было, видимо все зашли в камеру, чтобы его хорошенько отмутузить. Он вышел из отделения милиции, и пошел к тягачу. В Ясный они приехали уже затемно. Поставили тягач в автопарк. К их счастью, тягачом пока-что никто не интересовался, значит об этой поездке никто не знает.

Утром, в кабинете командира дивизии, раздался телефонный звонок.

– Товарищ генерал, это начальник милиции Орска, подполковник Старостин. Вчера ваш капитан Кирилов устроил пьяный дебош в ресторане. Мои милиционеры его задержали, и отвели в отделение, так он их там всех избил.

– Сильно избил? – поинтересовался генерал.

– Сильно, дубинкой, – сообщил подполковник.

– А откуда он дубинку взял? – поинтересовался генерал, зная о повадках милиции.

– У одного из наших выхватил.

– То есть, его хотели в отделении избить, а он выхватил дубинку, и избил их. Так, что ли?

– Ну зачем сразу избить. Хотели поучить маленько.

– В больницу кто ни будь попал? – поинтересовался генерал.

– Слава богу, нет.

– Ну и ладно, – облегченно вздохнул генерал.

– Товарищ генерал, Вы его обязательно хорошенько накажите, – попросил подполковник.

– А сколько человек было в отделении? – поинтересовался генерал.

– Десять.

– И всех избил?

– Всех, товарищ генерал.

– Знаете, что я вам скажу, товарищ подполковник, с капитаном мы конечно работу проведем, но, мой Вам совет, не набирайте засранцев в милицию.

И генерал повесил трубку. Он прошелся по кабинету и задумался. А за что, собственно говоря, наказывать этого капитана? Что не дал себя избить? Так молодец, не опозорил Советскую армию.

Последний отдых

День выдался уютным и слякотным. Было холодно, и моросил небольшой дождь. Деревья уже почти сбросили свой праздничный, красивый осенний наряд, и стояли облезлые и неприглядные. На полевых дорогах сплошная грязь, липкая и непролазная. Но расчету лейтенанта Иванова нужно ехать на обслуживание трансформаторной подстанции. Работа плановая, поэтому никуда не денешься, нужно ехать. И работы будет много, придется работать без обеда. Лейтенанту правда удалось выбить для солдат у начальника продслужбы, вместо обеда, две буханки хлеба и кусок сала, но они все равно были недовольны, уже который раз им приходится работать без обеда. Лейтенант их понимает, но большего для них ничего сделать не может. Напоминает, что они принимали присягу, и обязались стойко переносить все тяготы и лишения военной службы. А заодно предупреждает, что осенний день короток, поэтому нужно будет работать быстро и слаженно, иначе можно и без ужина остаться.

На трансформаторную подстанцию добрались только к десяти часам утра. Лейтенант построил расчет перед подстанцией, проинструктировал по мерам безопасности, и поставил задачи на сегодняшнюю работу. Все расписались в журнале инструктажа, и лейтенант открыл дверь в трансформаторную. Он лично отключил высокое напряжение в 35 кило-

вольт, и половина расчета, во главе с сержантом, приступила к работе. Вторую половину расчета лейтенант забрал с собой на низковольтную часть подстанции. Как только лейтенант ушел, рядовой Джамалов взял командование на себя.

– Салаги, моя часть работы должна быть выполнена в лучшем виде. Поняли?

– Поняли, – ответили солдаты.

– И не шуметь здесь. Чтобы тихо было, – продолжал наставлять солдат Джамалов. – А дедушка пошел спать. Сержант, разбудишь меня, когда закончите, если сам не проснусь.

Джамалов забрался наверх трансформатора, расстелил на его токоподводящих шинах свою шинель, и улегся на ней спать. Четверым оставшимся пришлось работать за пятерых. Старослужащий Джамалов, который уже считал себя дембелем, вкалывать вместе со всеми не хотел. Но справлялись и без него. Да в его помощи сильно и не нуждались. Лишние руки конечно не помешали бы, но как специалист, он был никакой. Пока он был молодым солдатом, его не допускали к работе, так как он ни черта не соображал в электричестве. Потом стали использовать на подхвате: что-то подать, где-то подержать. А теперь он считал себя старослужащим, он действительно в конце года должен был увольняться, и когда рядом нет офицеров, перекладывал свою работу на других солдат. Это и было то явление, которое называли дедовщиной.

Дружно работали до обеда, а в обед лейтенант пригласил всех кушать, что бог послал, то есть хлеб и сало.

– А где Джамалов? – заметил отсутствие солдата лейтенант.

– Так он сало не кушает, – заулыбались солдаты.

– Все равно позовите, пусть хоть хлеба покушает.

Сходили за Джамаловым. Тот спокойно спал на шинах трансформатора, и был очень недоволен, когда его разбудили. Но, когда понял, что его зовут обедать, то отругал будившего солдата за то, что тот поздно его разбудил. Кое как продрав после сна глаза, он и пришел в машину, где обедали солдаты.

– Ты что, спал? – спросил, увидев его, лейтенант.

– Нет. С чего Вы взяли?

– По твоим сонным глазам определил, – под общий смех сказал лейтенант. – Садись, кушай. После обеда я сам буду тебя контролировать.

Джамалов присоединился к остальным, и, с удовольствием кушал хлеб с салом.

– А разве тебе можно сало кушать? – поинтересовался один из солдат.

– Можно, – ответил Джамалов, – если кушать больше нечего. – Коран запрещает пить и есть только то, что вредит организму. Но для организма будет больший вред, если я ничего не буду кушать, чем если я буду кушать сало. Из двух зол выбираем меньшее, – философски добавил он.

После обеда опять разошлись по своим рабочим местам. Ожидая прихода лейтенанта, имитировал работу и Джама-лов. А лейтенант все не шел, и не шел. Занятый своей ра-ботой, он совсем забыл про обещание контролировать Джа-малова. Через некоторое время тот и понял, что о нем забы-ли. Он тихонько поднялся на трансформатор, и опять улегся спать на своей шинели.

Работу закончили поздно, уже, когда совсем стемнело. Солдаты сели в кунг машины, а лейтенант доложил по ради-и об окончании работ, и спросил разрешения включать транс-форматор. Получив разрешение, он включил трансформа-тор, закрыл подстанцию, и они уехали. В кунге света не было, поэтому никто не заметил отсутствия Джамалова. Никто не обратил внимания и на его отсутствие на ужине. Его отсут-ствие обнаружили только на вечерней поверке. Вызвали из дому лейтенанта Иванова. Только теперь лейтенант вспом-нил, что допустил грубое нарушение мер безопасности, он не проверил наличие личного состава после окончания ра-бот на трансформаторной подстанции. И сержант, и солда-ты признались, что до обеда Джамалов спал на токопроводя-щих шинах трансформатора. После обеда он некоторое вре-мя работал вместе с ними, а потом куда-то исчез. Была еще маленькая надежда, что он ушел в самоволку в ближайшую деревню, но в это мало верилось, вряд ли он туда пошел в такую погоду.

Пришлось ночью опять ехать к трансформаторной под-

станции. Открыли высоковольтную часть, включили свет, и сразу же увидели, что под самым потолком, на токоведущих шинах что-то лежит. Это и был обуглившийся труп Джамалова. Здесь и закончился его последний отдых перед дембелем. За недобросовестное исполнение своих служебных обязанностей лейтенант Иванов получил «служебное несоответствие». Солдатам было жалко Джамалова, каким бы он ни был. Но им было понятно и то, что в своей гибели, он виноват не меньше, чем лейтенант. Сам накликал на себя беду.

Инженеры

Шли работы по монтажу третьей очереди Оренбургского газоперерабатывающего комплекса. Это была всесоюзная стройка, и за ней следила вся страна. Поэтому, на эту стройку и люди со всей страны тянулись, да и зарплаты здесь были больше, чем в других местах. Две очереди комплекса уже давно были запущены в эксплуатацию, и теперь успешно работали, выдавая стране свою продукцию. Третья очередь была гораздо масштабнее первых двух, и, по планируемым мощностям, эта очередь должна была превзойти первые две вместе взятые. Да и оборудование здесь монтировалось почти все импортное, в основном французское. Поэтому, кроме советских специалистов, на стройке работали и иностранцы, которые, почему-то не доверяли советским специалистам. Руководители фирм, поставивших оборудование, сразу заявили, что гарантию на свое оборудование дадут только в том случае, если именно их специалисты будут контролировать весь процесс строительства комплекса и монтажа своего оборудования. Это конечно было смешно, ведь советские специалисты работали по всему миру, вели строительство куда более сложных объектов, и ни в чьих посторонних услугах не нуждались. Но, деваться было некуда, лишиться гарантии на оборудование никто не хотел. Поэтому и разрешили на этой стройке работать и иностранным ин-

женерам. Их было не очень много, и они не сильно мешали работе.

Французский инженер выдал чертеж на фундамент, на котором будет монтироваться очередное его оборудование. Наши инженеры только посмеялись над такой казуистикой. Чертеж называется, в бетон залиты четыре крепежных болта. Охота было на такую хрень еще и чертеж рисовать. Да у нас такое любой рабочий и без чертежа сделает. Ему достаточно только сказать, на каком расстоянии нужно установить эти болты. И все. Больше ничего не нужно, никаких чертежей не нужно. Француз правда предупредил, чтобы оборудование не монтировали, пока он не примет фундамент, но если всех слушать, то некогда работать будет.

Инженер Никитин выдал задание на заливку фундамента двум рабочим, и, в тот же день, фундамент был залит, а тупой француз утверждал, что на это три дня понадобится. А потом еще неделю он должен был сохнуть. Да он уже через три дня высох. Не зря Задорнов говорит, что иностранцы все тупые. Вот и этот тупой им достался. Через три дня, не дожидаясь тупого француза, привезли оборудование и приступили к монтажу. Краном подняли монтируемый агрегат, и начали медленно опускать его на подготовленный фундамент. Помогали монтировать и двое рабочих, заливавших этот фундамент.

– Петя, – кричал Никитин крановщику, – давай чуть правее. Нормально, теперь опускай.

– Стоп! Не так резко. Болт погнули, один болт оказался выше других. Поднимай вверх, – руководил инженер.

– Бери кувалду, и выпрямляй болт, – это уже к рабочему. Болт успешно выпрямили, такое рабочим не впервой. Резьбу правда сильно повредили, но это не страшно, потом поправят.

– Опускай, только очень медленно, – опять крикнул Никитин крановщику.

– Стоп! Немножко на себя. Теперь чуть влево. Опускай. Стоп! – слышались команды.

– Что за черт? – послышался удивленный голос Никитина.
– Поднимай! – скомандовал он крановщику.

Никитин достал из кармана рулетку, измерил расстояние между крепежными отверстиями в монтируемом оборудовании, потом между забетонированными болтами.

– Вы как забетонировали?! – заорал он на рабочих. – Разница в десять сантиметров. Вы чем слушали?

– Как ты сказал, так мы и забетонировали, – оправдывались рабочие.

– Я вам правильно говорил! – орал дальше Никитин. – Простую работу не можете сделать.

– Мы вдвоем слышали, что ты говорил, – не сдавались рабочие, мы все правильно сделали, это ты напутал.

– Ладно, теперь хрен разберешься, кто из нас напутал, – закончил разговор Никитин. – Берите отбойные молотки, и разбивайте фундамент, будете заливать по новой.

Когда француз Жан пришел принимать фундамент, рабочие уже заканчивали его разбивать. Бетон был очень хороший, и разбивать его было очень сложно.

– А что это вы делаете? – поинтересовался француз.

– Да вот, немного не на месте болты оказались, – пояснили рабочие.

– Как они могли не на месте оказаться? – не понял француз. – Вы ведь по чертежу делали?

– Да, – переглянувшись подтвердили рабочие, хотя никакого чертежа они и в глаза не видели.

– Нужно было по месту делать, – сказал один из рабочих, когда француз ушел, – тогда точно бы совпало.

Когда закончили разбивать этот фундамент, Никитин выдал рабочим задание еще раз. На этот раз он подстраховался, и записал им размеры на бумажке. А рабочие, в свою очередь подстраховались, и сделали трафарет из большого куска картона, по форме станины монтируемого оборудования. Они по собственному опыту знали, что надежнее всего делать по месту, тогда точно все совпадет. Сварили каркас фундамента. Наложили на него заготовленный трафарет. В отверстия в трафарете вставили крепежные болты, и приварили их к каркасу. Теперь уж точно все будет по размеру. Пригласили Никитина, и показали ему приготовленный каркас. Тот тоже все проверил, и дал добро на заливку бетоном. Залили фундамент бетоном, и, через три дня пригласили француза.

– Бетон еще сырой, – сразу же заявил вредный француз.

– Ну, почему сырой? – начал спорить Никитин. – Давно все высохло.

– Он только сверху высох, – возразил француз, – а внутри еще сырой.

– Ну, ты хоть размеры проверь, – посоветовал Никитин.

– Размеры обязательно нужно проверить, – согласился француз.

Он достал из кармана лазерный указатель, проверил горизонтальность поверхности фундамента, и расстояние между крепежными болтами.

– Иди сюда, – позвал он Никитина. Видишь? Вот этот болт не на месте, на целых одиннадцать миллиметров в стороне. Так не пойдет.

– Что за хрень? – не поверил своим глазам Никитин. – Я ведь сам перед заливкой все проверял, все точно было. Наверно при заливке немного повело.

– При заливке не могло повести. В этой конструкции все предусмотрено, – возразил наивный француз.

Он даже представить себе не мог, что фундамент делали не по его чертежу, а по наитию, то есть, исходя из собственных соображений. Его чертеж рабочие в глаза не видели.

– Жан, да ты не волнуйся по этому поводу, – успокоил его Никитин. – Это ерунда. Ребята сейчас кувалдочкой подправят, и все будет нормально.

– Это не есть ерунда, – возразил француз. – Разбивайте, и делайте снова. Иначе сниму гарантию.

И Никитин, и рабочие, на чем свет стоит материли тупого француза, но делать было нечего, пришлось разбивать фундамент во второй раз.

– Ну зачем дурную работу делать? – недоумевали они. – Ведь все хорошо сделали. Подумаешь, на какие-то одиннадцать миллиметров болт ушел. Да два удара кувалдой, и все бы прекрасно село, раньше и на больше подгибали, и ничего, все садилось. А этот дурак уперся, и не сдвинешь.

Когда фундамент делали в третий раз, Никитин от рабочих уже не отходил. С чертежом в руках он контролировал все работы. Каркас фундамента оказался намного сложнее того, который они делали перед этим, и, пока его сварили, провозились два дня. Оказалось, что болты привариваются точно в углах решетки каркаса, а не на середине, как получалось у них. Только на третий день фундамент залили бетоном. Через неделю пригласили француза принимать фундамент. Сделав замеры француз остался доволен.

– Вот теперь все нормально, – одобрительно сказал он. – Я начинаю понимать, почему у вас в стране нет безработицы. Если бы в нашу страну хотя бы десяток ваших инженеров, у нас бы ее тоже не было.

Было конечно обидно такое выслушивать от француза, хотя и понимали, что он прав. Ведь этот несчастный фундамент они только с третьего раза залили. Сколько времени и средств зря потрачено. Но зато, после третьей заливки, агрегат встал на место без сучка и задоринки. Опустили его

на место, и все везде совпало. Закрутили гайки, и монтаж закончен. Такого в их практике еще не было. Но, несмотря на удачное завершение работы, инженер Никитин думал, что Жан жуткая зануда. Ведь второй раз фундамент можно было и не разбивать, они бы и так все смонтировали. А французский инженер Жан думал о бестолковых русских инженерах, которые элементарную работу по чертежу не могут сделать с первого раза. Он не понимал, как же, с такими инженерами, они собираются коммунизм построить. Наверно, как и фундамент, тоже будут несколько раз строить, и разбирать.

Новогодний кошмар

Приближался очередной Новый Год. По уже сложившейся традиции, встречать его собирались всем управлением армии в кафе, расположенном на территории части. Здесь было очень удобно. Во-первых, здесь большой зал. Во-вторых, практически все офицеры живут очень близко. Кроме того, здесь не бывает посторонних, так как вход на территорию только по пропускам. И, пожалуй, главное, за аренду помещения не нужно платить, только за выпитое и съеденное. Это вполне устраивало и офицеров, и работников кафе, которые за новогодний вечер получали солидную прибыль.

Инициативная группа, состоящая из офицеров и жен офицеров, имеющих какие-либо таланты в музыке, пении или декламации, готовила программу новогоднего вечера, в которую входили небольшой праздничный концерт, а также различные конкурсы. Ждали елку, которую летчики должны были привезти из северной дивизии, так как, в месте расположения управления армии, елки не росли. Каждый раз, под конец года, летчики специально экономили керосин, чтобы было на чем слетать за елками. Этим бортом обычно привозили много елок. Офицеры управления звонили своим знакомым в дивизию, и те заготавливали для них елки. На каждую елку цепляли бирку, на которой было написано, для кого она предназначена. Но в управлении армии, как и в любом

коллективе, не все были людьми честными и порядочными. На аэродроме, где разгружался самолет с елками, некоторые офицеры, которым елку не прислали, или которым присланная елка не понравилась, забирали себе понравившуюся им елку, а прикрепленную к ней бирку, отрывали и выбрасывали. В прошлом году, в результате именно такой наглости, некоторые офицеры отдела связи на Новый год остались без елок. Поэтому, в этом году, майор Аксенов, офицер отдела связи армии, договорился с начальником связи дивизии, что для отдела связи елки упакуют в ящики из-под аппаратуры и опломбирую, чтобы наглецы не смогли до них добраться.

Самолет за елками обычно отправляли по распоряжению начальника штаба армии, но новый начальник штаба, делать это явно не торопился. Так вообще можно было без елок на Новый год остаться. Один из начальников управлений и зашел к начальнику штаба, чтобы напомнить ему о елках.

– Товарищ генерал, а самолет за елками будем посылать? – спросил он.

– За какими елками? – не понял генерал.

– Каждый год, перед Новым Годом, мы привозим для офицеров управления елки из дивизии. Они заказаны и подготовлены, нужно только самолет туда послать.

– И кто должен его послать? – спросил генерал.

– Это всегда делал Ваш предшественник, – ответил полковник.

– А для меня елка там есть? – поинтересовался генерал.

– Так точно! И для командующего есть, и для всех генералов, – доложил полковник.

– Ладно, тогда самолет отправим, – пообещал генерал.

Самолет слетал в дивизию, и привез елки. Но при этом был совершен стратегический промах – новый начальник штаба не согласовал этот вопрос с командующим. И он, как говорится, узнал об этом последним, а как узнал, сразу же вызвал к себе начальника штаба.

– Товарищ генерал, это Вы отправили самолет за елками? – тихим, немного в нос голосом, не обещающим ничего хорошего, спросил он.

– Так точно, товарищ командующий! – ответил генерал.

– А кто Вам позволил без моего ведома самолетами распоряжаться?

– Я думал....

– Вам не нужно думать! Вы должны исполнять то, что я приказываю!

– Извините, товарищ командующий. Мне сказали, что этим занимался мой предшественник, и я даже не подумал...

– А генерал обязан думать, прежде, чем что-то сделать. Идите, и чтобы подобного больше не было, – закончил разговор командующий, который разговаривал с подчиненными генералами, как с мальчишками.

Прибывший самолет на аэродроме уже ждали офицеры управления. Как только самолет зарулил на стоянку и остановились винты, вся эта толпа бросилась к нему. Но коман-

дир самолета внутрь никого не пустил.

– Сначала выгрузим елку для кафе, а потом уже будете свои разбирать, – распорядился он.

Большую елку выгрузили из самолета, погрузили в автобус, и увезли в городок. Вот тут возле самолета и остановилась «волга» командующего.

– Командир! – обратился он к командиру самолета.

– Слушаю Вас, товарищ командующий.

– Ничего не выгружать! Заправляешься, и летишь в южную бригаду. Там и разгрузишься. Пусть и наши южане Новый год с елками встретят. Вопросы есть?

– Никак нет, товарищ командующий! – ответил командир самолета.

– Товарищ командующий, разрешите обратиться, – подошел к командующему майор Аксенов.

– Чего тебе? – повернулся командующий к майору, с которым они были знакомы еще с Забайкалья.

– Товарищ командующий, там у меня два ящика с аппаратурой. Разрешите их выгрузить.

– Командир, – опять обратился командующий к командиру самолета, – выгружайте ящики майора.

Ящики быстренько выгрузили. Командующий посмотрел на пломбы, которыми они были опломбированы, и разрешил грузить их в машину. Майор Аксенов, вместе с водителем, погрузили ящики в машину, и уехали.

– Все командир, – сказал командующий, – заправляйся, и

можешь лететь.

– А вы чего ждете? – спросил он обалдевших офицеров. Быстро на службу. Пока я доеду, чтобы все уже были на рабочих местах.

В этот Новый год, елки были дома только у офицеров отдела связи, да еще у экипажа самолета. Свои елки они в южной бригаде не выгрузили. Вот так неудачно началась подготовка к Новому году.

Не успел улечься неприятный осадок от неудачного мероприятия с елками, как начальнику штаба доложили о еще одной неприятности – в дивизии, с которой доставляли елки, отказала аппаратура АСУ, и все полки дивизии на новогодние праздники остались без основного канала управления. О принятом решении по устранению этой неисправности нужно докладывать в Москву.

– Кто у вас за аппаратуру АСУ отвечает? – спросил начальник штаба у начальника войск связи.

– Подполковник Березин и капитан Иванов, – доложил тот.

– А Иванов, это тот, который в моей дивизии служил? – уточнил начальник штаба.

– Так точно. – подтвердил начальник войск связи.

– Давайте его ко мне.

– Товарищ капитан, а вы в курсе, что у вас аппаратура АСУ неисправна? – спросил он, когда Иванов прибыл к нему.

– Так точно, товарищ генерал-майор, – ответил тот.

– И какие меры по устранению принимаете?

– На месте работает старший помощник начальника связи дивизии капитан Угнич, вместе с ним пытаемся установить причину неисправности, – доложил капитан.

– И как успехи?

– Пока никак. Неисправность какая-то странная. После замены блока в стойке, она, вроде бы устраняется, но через некоторое время появляется снова. Меняют другой блок, она на некоторое время снова устраняется, и опять появляется. Такое ощущение, что где-то контакт пропадает, а потом восстанавливается, – ударился капитан в ненужные генералу технические подробности.

– А по телефону ты сможешь установить причину неисправности? – переходя на «ты» поинтересовался генерал. – Мне докладывали, что во время службы в дивизии, ты и по телефону неисправности устранял. Это правда?

– Правда, – подтвердил Иванов, – но это было только один раз на аппаратуре «Радиус-С», а не на АСУ.

– Да и на аппаратуре АСУ, помнится, ты нашел неисправную кнопку, когда даже представители промышленности не могли найти неисправность, – вспомнил генерал.

– И это было, – согласился капитан.

– Значит так, даю тебе время до конца рабочего дня, если к этому времени с неисправностью не определишься, то вечером выезжаешь к ним в командировку. Нужно срочно

устранить эту неисправность. Понял? – закончил разговор генерал.

– Так точно, товарищ генерал-майор! Только быстро никак не получится. Туда ехать с двумя пересадками, и вечернего поезда нет, есть только утром. Так-что я приеду туда только первого.

– Ну, значит поедешь утром, если нет вечернего, – подтвердил свое решение генерал.

Капитану очень не хотелось ехать в командировку накануне Нового года, но ничего не поделаешь, если неисправность не найдут, то придется ехать. В принципе, к командировкам ему не привыкать, по полгода в году проводит в командировках, командировочный портфель всегда стоит наготове, но именно новогоднюю ночь, он еще никогда не проводил в поезде. Если придется ехать, то это будет первый раз. В обед неприятную новость он сообщил жене.

– А как же я? – изумилась та. – Я одна не пойду на новогодний вечер. Что мне одной там делать?

– Как не пойдешь? – удивился муж. – Ты ведь там ведущая. Так быстро замену тебе не найдут. Да и не одна ты там будешь, там будут Аксеновы.

– И с каким настроением я буду вести этот вечер? Нет, я откажусь вести вечер.

Так и не уговорив жену, Иванов ушел на службу. К концу рабочего дня с неисправностью, вроде бы, определились. Открыв задние крышки стоек, Угнич увидел, что во многих

местах растрескалась пайка проводов, а, в некоторых местах, пайка вообще рассыпалась, и провода еле держатся. Иванов пошел опять к генералу, докладывать результаты.

– Товарищ генерал-майор, причина неисправности установлена, но быстро устранить ее не смогут, – доложил капитан.

– И в чем причина?

– От старости потрескалась и рассыпалась пайка в стойках. Аппаратура уже больше двадцати лет отработала. Нужно восстанавливать пайку на всех стойках, а это работа не на одну неделю, да и наши не имеют права выполнять такую работу. Вызвали представителей промышленности, они придут после Нового года.

– Ладно. В любом случае, в командировку ты не едешь. Ко мне уже прибегали ходатаи, просили не отправлять тебя в командировку, а то твоя жена отказывается вести новогодний вечер.

Очередную проблему, вроде бы, разгребли. Как потом установили приехавшие в дивизию представители промышленности, отказавшая аппаратура вообще не подлежала восстановлению, и было принято решение о ее замене. Дивизия больше месяца несла дежурство без этой аппаратуры, и ничего страшного не случилось.

Повеселевший капитан ушел, а генералу нужно было дальше разгребать так неожиданно навалившиеся на него проблемы. Утверждение, что генералам живется легко,

очень далеко от истины. Жизнь у них очень тяжелая. Завтра уже тридцать первое, предстоит смена дежурных сил, а с северных дивизий докладывали, что у них уже третьи сутки идет снег, и снега навалило уже больше метра. В одной из них всего пять полков, и с расчисткой снега они должны справиться, а в другой, как раз бывшей его дивизии – десять полков. Командир дивизии докладывает, что в инженерно-саперном батальоне всего три единицы техники, способные расчищать такой глубокий снег, и, к началу движения колонн, которые повезут личный состав на смену, они могут не успеть расчистить все дороги. Центральная трасса конечно будет расчищена и без них, ее постоянно чистят снегоуборочные машины. А вот проселочные дороги, от этой трассы до командных пунктов полков, нужно чистить самим, а это от десяти до двадцати километров дороги в каждом полку только до командных пунктов. А еще дороги к пусковым установкам. Их тоже нужно чистить. Согласовали, что два больших артиллерийских тягача с ковшами будут расчищать дороги к ближним полкам. Роторную колесную снегоуборочную машину отправят в восьмой, самый дальний полк, там от трассы до командного пункта не очень далеко, всего двадцать километров. Наибольшую тревогу вызывал седьмой полк. Он и далеко, до него семьдесят километров, и от трассы до него сорок километров. Прочистить туда дорогу явно не успеют, поэтому командир дивизии попросил разрешения доставить туда дежурную смену вертолетами. На-

ученный горьким опытом с елками, начальник штаба уже не стал самостоятельно принимать решение, а доложил о сложившейся ситуации командующему, и тот этот план одобрил.

Наступило тридцать первое декабря. Офицерам управления, не задействованным в оперативной работе, после обеда на службу разрешили не выходить. А к девяти часам вечера, офицеры, с празднично наряженными женами, собрались в кафе. Не было только начальника штаба, который обещал быть на новогоднем вечере. Из окон кафе было видно, что свет в его кабинете горит. Один из полковников позвонил дежурному по управлению и спросил, не знает ли тот, почему генерал задерживается. Тот сказал, что в одной из дивизий пропал вертолет, но подробностей не знает. Тогда позвонили генералу.

– Товарищ генерал, Вы когда планируете к нам присоединиться?

– Начинайте без меня, – был ответ. – Я подойду позже.

Начали без генерала. Проводили старый год. Со своими номерами выступили участники самодеятельности. Послушали поздравление Леонида Ильича, передаваемое по телевизору, и выпили за наступивший Новый год. А начальника штаба все не было. Пришел он минут через тридцать. Поздравил всех с наступившим Новым годом, выпил вместе со всеми рюмку коньяка, и, извиняясь, собрался уходить, ссылаясь на срочные дела.

– Товарищ генерал, ну, что за дела такие, которые даже в новогоднюю ночь нельзя отложить, – загалдели женщины.

– Бывают и такие дела, – не стал вдаваться в подробности генерал. – А вы отдохайте.

Генерал ушел, а веселье в кафе продолжилось. Встретили Новый год по московскому времени. Проводились различные конкурсы с вручением победителям символических призов: за лучшую песню, за лучший танец, самому неутомимому танцору, и так далее. Немного выпившие люди уже ничего не стеснялись, и с удовольствием участвовали в этих конкурсах. Выходившие на улицу курить, сообщили, что мороз крепчает, уже никак не меньше сорока градусов мороза. Но собравшихся в кафе это не страшило. Расходиться начали только в четыре часа утра, а любители выпить, продолжали праздновать. Уходящие домой отметили, что свет в кабинете начальника штаба все еще горит.

Развод дежурных сил в дивизии начался как обычно, но к концу развода поднялся ветер и повалил сильный снег. А поскольку температура была около тридцати градусов мороза, то стоять на плацу стало очень неприятно. Смены погрузились в теплые кунги автомашин, и убыли в полки. Нужно было успеть доехать до позиционных районов полков, пока опять не перемело расчищенную накануне дорогу. Дежурную смену седьмого полка отвезли на вертодром, их доставят к месту двумя вертолетами. Вертолеты оказались еще не готовыми к вылету, и расчеты спокойно сидели в машинах и

ждали, когда их подготовят. Торопиться некуда, вертолетами их доставят быстро, это не то, что автомашинами. Через полчаса их погрузили на борт, и полетели.

А снег повалил еще больше, и ветер усилился. Летчики вертолета, на борту которого находилась и дежурная смена командного пункта полка, вдруг обнаружили, что не видно трассу, вдоль которой они летели. И не понятно, куда она подевалась и где ее искать. Справа она находится, или слева? Внизу была только белая пелена, и больше ничего не видно. Решили спуститься ниже, чтобы осмотреться, и сориентироваться. Опустились всего метров на десять, до земли, судя по приборам, было не менее пятидесяти метров, как почувствовали удар в хвостовой части. Вертолет потерял управление и полетел вниз. Как выяснилось позже, они находились над сопкой, как раз на ее склоне, и, при снижении, хвостовым винтом задела крону дерева, вот хвост и отвалился. Упали они со сравнительно небольшой высоты, порядка двадцати метров, но, поскольку упали на склон сопки, то пару раз и кувыркнулись. Летчики погибли сразу. Погиб и, сидевший возле кабины, командир дежурных сил полка.

Капитан Терентьев, заместитель командира дежурных сил полка, пришел в себя от холода. Сознание возвращалось медленно, голова болела. Было понятно, что он был без сознания, но сколько времени он находился в таком состоянии, он не понимал. Огляделся по сторонам. Он находился в вертолете, но вокруг никого не было. Пошевелил руками, они,

вроде бы, целы, по крайней мере, боль он не ощущал. Попробовал пошевелить ногами. Сильной боли в ногах не было, но пошевелить ими он не смог, понял, что ноги ему чем-то придавило. Попробовал шевелить пальцами ног. Пальцы он ощущал, значит не все так плохо, ноги целы, просто придавлены. Но куда же все девались?

– Есть кто живой? – сколько было сил закричал он.

На его крик прибежал сержант.

– Товарищ капитан, Вы очнулись?

– Как видишь. А где все остальные?

– Мы всех вытащили, только Вас не смогли, у Вас ноги зажалю, и до летчиков не смогли добраться, вся кабина сплющена.

– Все живы?

– Нет. Летчики, наверно, погибли, и командир дежурных сил погиб. Остальные живы. У меня, и у восьми солдат вообще ни единой царапины, а остальные ранены. Мы всех оттащили подальше от вертолета, и там развели костер, греемся, а то мороз больно крепкий, – докладывал сержант.

– А я долго был без сознания?

– Часа три.

– То-то я так замерз.

– Я не знаю, как Вам помочь, – оправдывался сержант, – вытащить мы Вас не можем, а разводить костер здесь, тоже очень опасно, вертолет может загореться.

– А с полком связываться не пробовали?

– Нет. Никто не умеет рацией пользоваться.

– Неси сюда рацию, – распорядился капитан.

Рация была в порядке, настройки не сбились. Это была радиостанция Р-105М, с антенной Куликова.

– Смотри сюда, – обратился капитан к сержанту, – нажимаешь на эту тангенту, и говоришь в микрофон, потом отпускаешь тангенту, и слушаешь. Понял?

– Понял. А что говорить?

– Говоришь: «Первый, я третий, ответьте», или «Первый, ответьте третьему». Вызывай, пока не ответят. А когда ответят, доложи о том, что с нами произошло. Будут спрашивать где мы находимся, скажи, что в лесу, на склоне какой-то сопки. А теперь поднимись на самую вершину сопки, и оттуда вызывай.

Сержанта не было больше часа, но он вернулся повеселевшим.

– Товарищ капитан, я дозвонился. Было очень плохо слышно, но я им все передал. Обещали прислать помощь.

Капитан понимал, что помощь придет не скоро, так как метель не унималась, и вертолет на их поиски не пошлют. А техника сюда просто так не дойдет, дорогу к ним еще расчистить нужно, все местные леса завалены буреломом, по ним даже летом пешком ходить сложно. Да и никто точно не знает, где они находятся.

Всю ночь они провели в лесу. Тем, которые находились возле костра, было легче, они могли греться, а Женя Терен-

тьев околел окончательно, хотя и пытался согреться, махая руками. Ног он вообще не чувствовал. К утру метель прекратилась, и это был хороший знак. Вскоре их нашли, и к обеду вертолетами вывезли. В госпитале, куда доставили раненых, у Жени констатировали обморожение обеих ног, и их пришлось ампутировать. Отвоевался, а ему ведь только двадцать семь лет. И кому он теперь будет нужен без ног?

Начальник штаба армии провел в своем кабинете без сна и отдыха всю ночь, и весь следующий день, координируя спасательную операцию. Он очень опасался реакции командующего на его доклад о происшествии, но все обошлось. Командующий спокойно выслушал его доклад, и только потребовал постоянно ему докладывать о ходе спасательной операции. Только теперь генерал осознал, как ему оказывается повезло, что накануне он прокололся с елками. Не зря говорят, что нет худа без добра. Если бы не этот прокол, то он не стал бы согласовывать с командующим доставку дежурной смены вертолетами, ведь все это входило в его прямые обязанности, и не требовало согласования с командующим. Помня реакцию командующего на отправку им самолета за елками, он просто перестраховался, и, как оказалось, не зря. Только это его и спасло. Не согласуй он этот вопрос, сейчас, после падения вертолета и гибели людей, его бы съели вместе с . . . . ., в общем, вместе с тем, что находится у него в кишках. Очень жаль, конечно, погибших и раненых, особенно того капитана, который остался без ног, но не растерялся в

сложных обстоятельствах, и сделал все от него зависящее, чтобы спасти всех. И все из-за нелепейшего стечения обстоятельств. И эта жуткая метель, и то, что, при снижении, вертолет оказался хвостом к сопке. Будь он развернут к сопке кабиной, летчики наверняка увидели бы деревья, и ничего этого не случилось бы.

Прошло время, и о происшествии все забыли. Но генерал еще долго не мог забыть и этот упавший вертолет, и зажатого в нем молодого капитана, который, в результате всего этого, в мирное время остался без ног.

Женское коварство

Распространяемые женщинами слухи, о том, что все мужики козлы и гуляки, очень сильно все преувеличивают. Не совсем верно также и утверждение мужчин, что все бабы дуры. Как среди мужчин, так и среди женщин, люди есть разные. Есть конечно среди мужчин и откровенные гуляки, но большинство мужчин, верны своим женам. Бывает, конечно, что и такие ходят иногда налево, но это только в крайнем случае, то есть, если другая женщина сама об этом попросила, а они боятся обидеть ее своим отказом. Ведь все мужчины знают, что женщинам нельзя отказывать.

Женщины тоже бывают разные. В большинстве своем, они очень добрые, хотя среди них встречаются и откровенные ведьмы. Но таких мужчинам опасаться не стоит, их сразу видно, и здесь главное правило – держаться от них подальше. Но, среди женщин довольно часто встречаются очень хитрые и коварные существа, которых сразу и не разглядишь. Вот они то – страшнее всего. Они заманивают неопытных и безобидных мужчин с свои сети, и, чтобы эти бедные мужчины никогда не смогли выбраться из этих сетей, делают все возможное, чтобы поссорить их с женами. Вот такое коварство. И это далеко не редкость. Вот таких женщин и нужно опасаться мужчинам, но, распознать их очень сложно. Чаще всего, у мужчин открываются глаза только тогда, когда уже

слишком поздно.

Служили в управлении армии два антипода: майор Колесов, и подполковник Тишиков. Майор – балагур и весельчак, выше среднего роста и среднего возраста, крепкого телосложения, да и на лицо, очень даже симпатичный малый, а по характеру – полный раздолбай. А подполковник – в возрасте уже за сорок, не разговорчив, слова лишнего не вытянешь, среднего роста, с неуклюжей мешковатой фигурой, да и лицом не вышел, женщины на таких не засматриваются. По характеру спокойный и уравновешенный, к тому же спортсмен, по утрам всегда бегал на физзарядку, причем, в любую погоду, в общем, личность весьма положительная.

В городке все, в том числе и его жена, знали, что Колесов бабник, да он этого никогда и не скрывал, о своих похождениях на каждом углу рассказывал. Мог утром пойти в магазин за булкой, а вернуться домой только на следующее утро, и без булки. Просто, в магазине он встретил какую-то девушку, разговорились, и он поехал к ней домой, ну, а там, немного задержался. Мужики удивлялись, как он так быстро с женщинами знакомится. Это же надо, поговорил с женщиной, пока стояли в очереди в магазине, и она уже на все согласна, повезла его к себе домой.

– Юра, – спрашивали его, – как тебе это удастся? О чем ты с ними разговариваешь? Поделись опытом. Ты им сразу в постель предлагаешь, или как?

– Да при чем тут я? – возражал Юра. – Я им вообще ни-

чего не предлагаю. Они меня сами приглашают, я просто не могу отказать женщине.

– А почему женщины только тебе это предлагают, а другим нет? – не унимались мужики.

– Да откуда мне знать, почему они другим не предлагают, – отвечал Юра, – может у них на морде написано: «Не влезай – убьет!», как у нашего Тишикова.

– А сколько у тебя любовниц? – продолжали цепляться к Юре мужики.

– Да какие любовницы? Зачем они мне. Мне жены достаточно.

– А как же девушки из магазина?

– Да какие же это любовницы, – удивлялся Юра, – это не считается. Это разовые контакты. Сегодня одна, завтра другая. Здесь нет никакой привязанности, а, следовательно, и измены жене нет.

А вот Боря Тишиков, никогда и никуда надолго не пропадал, если не считать того, что он каждое утро бегал не менее часа на физзарядке, но это ведь для здоровья полезно. Он никогда не давал жене ни малейшего повода для подозрений, и жена была в нем абсолютно уверена. Да и кому он нужен такой, женщины в его сторону никогда даже не смотрели. Она тоже была под стать мужу, с такой же мешковатой фигурой, и с таким же, не очень привлекательным лицом. В общем, жили они уже много лет душа в душу, и горя не знали. В командировки он ездил часто, но оттуда всегда, каждый вечер,

звонил жене, так что, был вне всяких подозрений. В командировках он также каждое утро бегал на физзарядку, единственный, из всех офицеров управления. Так и бегал один, пока в управлении не появился еще один бегун. Во время одной из командировок, этот второй бегун и рассказал товарищам, что Тишиков бегает не очень далеко. Буквально до соседнего с гостиницей дома, а там заходит в подъезд, минут через сорок выходит из него, и бежит обратно в гостиницу. Вот таким странным спортсменом оказался Тишиков. Расспрашивать его об этом конечно было бесполезно, поэтому секрет такого бега решили раскрыть сами. Оказалось, что, находясь в командировке в другой дивизии, Тишиков бегает точно так же. Ну не мог же он сорок минут просто сидеть в подъезде? Проверили и это, в подъезде его не было.

– Боря, колись! – пристали к нему товарищи. – Ты по утрам к любовницам бегаешь?

Пойманный, что называется, с поличным, Боря не стал отпираться, и признался, что у него во всех дивизиях есть любовницы, и бегает он именно к ним.

– Боря, а почему по утрам то? – удивились товарищи.

– А по утрам никаких подозрений, – раскрыл свой секрет Боря. – Кроме того, у одной из любовниц, муж тоже спортсмен, и каждое утро убегает на час на физзарядку, а вечером он всегда дома. Вот мы этим часом и пользуемся.

Товарищи просто обалдели от столь гениального замысла.

– А дома ты так же бегаешь? – поинтересовались они.

– И дома так же, – не стал скрывать Борис, – только вы никому не рассказывайте, а то дойдет до жены, и все провалится.

Вот тебе и примерный семьянин, подумали товарищи. А они Юру бабником считали. Да Юра супротив Бори – агнец невинный.

А дома Боря бегал к Вале, лучшей подруге своей жены, которая и была его любовницей. Потом она ему надоела, и он перестал к ней бегать. Начал бегать к другой. Валя, конечно, на него обиделась, но вида не подала, поэтому Боря и считал, что они расстались друзьями. Но Валя так не считала, и хотела вернуть Борю обратно. Он обязательно к ней вернется, верила она, его только нужно к этому подтолкнуть. Было бы лучше всего, если бы жена выгнала его из дому, тогда ему деваться будет некуда, и он придет к ней. И она терпеливо ждала своего часа. Со временем Борису надоела и вторая любовница. А может и не надоела, просто он встретил такую удивительную девушку, от которой просто голову потерял. Но встречаться у нее на квартире было нельзя, уж очень ревнивый у нее муж, да и не спортсмен он, по утрам не бегает. Кроме того, живет она далеко, туда не набегашься. И Борис решил попросить помощи у Вали.

– Валя, выручай, нужна твоя квартира. Буквально на один час в день.

– Что, новая любовница? – поинтересовалась Валя.

– Ты не представляешь, какая она чудесная. Таких у меня

еще не было, – расхваливал Боря новую любовницу.

– А мне куда прикажешь деваться на это время? – удивилась такой просьбе Валя.

– Ну, ты ведь не раньше девятнадцати с работы возвращаешься? Ты нас даже видеть никогда не будешь.

На том и порешили. Валя передала Борису запасной ключ от своей квартиры, и любовники встречались в ней с восемнадцати до девятнадцати часов. Со временем, все это Вале надоело до чертиков, но она терпела. И вот подвернулся подходящий случай, ее отправляли в командировку. Она завезла своей подруге Дусе, то есть, Бориной жене, ключ от квартиры, и попросила покормить ее кошку, пока ее не будет дома.

– Дуся, – попросила она, – только ты ее корми где-то с восемнадцати до девятнадцати, кошка уже привыкла к этому времени.

Любовники находились в позе «а ля краб», когда Боря вдруг услышал неизвестно откуда прозвучавший грозный голос своей жены: «Со мной бы так старался!». Боря подскочил как ужаленный. Разгневанная жена стояла уже в комнате, и смотрела на любовников. У Бори от ужаса волосы везде зашевелились, и лицо перекошилось. Он раскрыл рот, пытаясь что-то сказать, да так и застыл. Он не мог сказать ни слова, челюсть не двигалась. Жена сначала на него орала, а он все так же стоял, с перекошенным лицом и открытым ртом, только вращал перепуганными глазами. Наконец-то она сообразила, что ее мужа переклинило. Пришлось вызывать скорую

и везти его в больницу. Там Боре рот закрыли, а вот перекося лица устранить не удалось, сказали, что у него какой-то лицевой нерв зажало.

Первое время Дусе пришлось кормить мужа с ложечки, так как он не мог самостоятельно открывать рот. Потом его немного отпустило, и он кушал самостоятельно, а вот лицо так и осталось перекошенным, да и разговаривать он толком не мог. Из армии пришлось уволиться. Вале он, в таком состоянии, тоже не был нужен, впрочем, как и бывшая лучшая подруга. В общем, никому Боря больше не был нужен, кроме его собственной жены. Со временем они помирились, и опять жили душа в душу, мирно и счастливо. По крайней мере, в этом была уверена его жена. У Бори, на этот счет, возможно и было другое мнение, но он его скрывал, и никогда никому не высказывал. Теперь он действительно был примерным семьянином. А что ему еще оставалось, в его то положении.

Вундеркинд

Лиля давно хотела завести себе кошечку или собачку, но мама их терпеть не могла и не разрешала. Никакие уговоры не помогали.

– Мне в квартире только кошачьих блох не хватает, – говорила она.

– Ну тогда давай собачку заведем, – упрашивала Лиля.

– А собачка должна во дворе жить, как у бабушки, – приводила свой железный аргумент мама, – в комнате ей вообще делать нечего.

Поняв, что маму уговорить не удастся, и кошечки или собачки у нее никогда не будет, Лиля решила завести попугайчика.

– Мама, а давай заведем попугайчика, – предложила она.

– А ты за ним сама ухаживать будешь? – спросила мама. – Его и поить, и кормить нужно, и в клетке каждый день убирать.

– Конечно сама, – заверила Лиля. – Что я, маленькая, что ли?

И действительно, она уже была не маленькой, в шестом классе училась. На попугая мама согласилась, более того, договорилась со своей знакомой, у которой были попугаи, что та продаст ей маленького попугайчика со следующего выводка. Вот так у Лили появился маленький голубой волнистый

попугайчик. Сначала считали, что это девочка, так как роговица клюва у него была розовой, но потом, роговица посинела, и стало понятно, что это мальчик. Попугая назвали Гошей.

Лиля, как и обещала, за Гошей ухаживала сама. У него всегда были и еда, и свежая вода, и клетка всегда была чистой. Начала она учить Гошу и разговаривать.

– Гоша, скажи: «Гоша – попугайчик, Гоша – хорошая птичка», – учила она его.

Но из Гоши, видимо, был плохой ученик, он что-то чирикал на своем языке, но на человеческий язык переходить не хотел. Много времени на общение с попугаем у Лили не было, нужно было еще и уроки делать, и в художественную школу ходила, и на гитаре училась играть, и на все нужно было время.

– Так он у тебя никогда не заговорит, – сказала как-то мама, и стала сама обучать Гошу человеческому языку.

Она разговаривала с ним постоянно, и когда Гоша сидел в клетке, и когда гулял в комнате, и когда она помогала Лиле убирать в клетке.

– Гоша, это кто у нас так насорил? – спрашивала она. – Что за такая птица нехорошая? Ты зачем яблоко по всей клетке разбросал? Почему нельзя аккуратно покушать? Ай яяй! Кто у нас такой хулиган? Гоша хулиган? Гоша бандит?

Гоша все это слушал и молчал, или отвечал на своем птичьем языке, которого Галя, Лилина мама, не понимала. Мо-

жет он тоже хотел научить ее своему языку?

Но Гоша не был совсем бездарным и бестолковым. Со временем, Галя научила его целоваться. Она брала его на руку, подносила к губам, и говорила: «Гоша, давай поцелуемся», и целовала его в клюв, изображая при этом звук поцелуя. Гоша это запомнил, и услышав эту фразу, сам наклонялся к ее губам и изображал звук поцелуя. Мы все поняли, что это безнадежное дело с мертвой точки сдвинулось.

А еще Гоша очень любил купаться. Он сам залетал в ванную, садился в раковину, и громко чирикал, прося включить воду. Когда ее включали, он с удовольствием плескался под струей, потом садился на край раковины, отряхивался, и летел в большую комнату, где садился на шкаф, и прятался за подсвечник, выполненный в виде эфеса сабли, на котором была надета красного цвета свеча, сделанная в виде шара. Гоша иногда выглядывал из-за этого подсвечника, но, увидев нас, тут же стыдливо прятался обратно, как барышня, которая стесняется показаться перед посторонними взорами в непричесанном виде. Так он и сидел за подсвечником, периодически выглядывая из-за него, пока его перья не высохли, после чего, распушив вымытые перья, гордо выходил из-за подсвечника и прохаживался по краю шкафа, поглядывая на нас. А дальше, или садился к кому ни будь па плечо и лез целоваться, или садился на верх красной свечи, щебетал, и целовал ее. Когда Гоша кого-то целовал, он требовал взаимности, его тоже должны были целовать. Если это-

го не происходило, то Гоша наклонялся к не отвечающему ему взаимностью человеку, и кусал его за губу. Чаще всего доставалось мне, так как это занятие мне не нравилось. А вот разговаривать, несмотря на все старания Гали, Гоша не хотел. Так прошло месяцев семь.

Пришло время ехать нам в отпуск. На время отпуска за Гошей согласилась присмотреть Аня, Лилина школьная подруга. Мы накрыли клетку Гоши черным платком, чтобы он не испугался при переезде к новому месту жительства, и Лилия отнесла его к Ане. Забрали мы его оттуда через месяц.

– А ваш попугай заговорил, – сразу же сообщила нам Аня. – Он в первый же вечер заговорил, причем голосом тети Гали. Отчетливо так сказал: «Гоша – хорошая птичка».

Такому сообщению мы обрадовались, не зря Галя старалась. А дальше Гошин словарный запас быстро пополнялся. Оказывается, он запомнил почти все, что ему говорили, видимо просто стеснялся говорить на человеческом языке. Теперь на птичьем языке он разговаривал только с птичкой, которую видел в висящем в клетке зеркале, и которую все время кормил. А со временем, и при разговоре с ней стал вставлять в свою речь человеческие фразы.

– Ты что, кушать хочешь? – спрашивал он птичку. – Кушай птичка, кушай, – и кормил птичку со своего клюва.

О том, какой Гоша хороший, он теперь говорил постоянно. Теперь все, кто приходил к нам в гости, знали, что «Гоша – попугайчик», и, что «Гоша – хорошая птичка». Как только

Лиля начинала убирать у него в клетке, Гоша тут же спрашивал: «Кто наса?». И сам отвечал на свой вопрос: «Гоша наса. Гоша бандита хулигавый». А когда в клетке убирала Галя, речь Гоши немного изменялась: «Кто наса? Лиля наса? Лилечка хулигавый».

И целоваться он уже просто так не лез, а, как истинный джентльмен, всегда предупреждал о своих намерениях.

– Гоша хороший, – говорил он. – Давай поцелуемся.

И только после этого лез целоваться, видать эта игра ему очень нравилась. И теперь уже не его вина, если некоторые его не понимали, и не хотели играть с ним в эту игру. Тех, которые не отвечали на его поцелуи, он, по-прежнему, больно кусал за губу.

Гоша был истинным джентльменом. Он не доставлял Лиле никаких неудобств. Не поднимал ее с утра пораньше своими криками, как обычно делали другие попугаи, и Лиля даже не накрывала на ночь его клетку темным платком. И вечером его не нужно было загонять в клетку. Золото, а не птица. Вечером, во всех комнатах, кроме Лилиной, выключали свет, и Гоша перелетал в Лилину комнату. Потом Лиля выключала верхний свет, оставляя только ночник, и Гоша самостоятельно садился в клетку. Он понимал, что пора всем спать. И до самого утра не издавал ни звука, даже в свой любимый колокольчик не звенел. Просыпался он конечно намного раньше, чем Лиля, но вел себя очень тихо. Ходил по клетке и поглядывал на спящую Лилию, ожидая, когда она проснется, даже

внутри клетки не перелетал с жердочки на жердочку, чтобы не шуметь. Но стоило Лиле только открыть глаза, как Гоша тут же начинал разговаривать.

– Гоша кушать хочет, – говорил он. – Иди кушать Гоша. Кушай птичечка.

Иногда, по выходным, Лиле сразу вставать не хотелось, хотелось еще немного понежиться и поваляться в постели. Видя, что его не собираются кормить, Гоша пускал в ход тяжелую артиллерию, он начинал звонить в колокольчик, да так, что Лиле с постели приходилось подниматься, и обновлять ему корм в кормушке.

Гоша был у нас четвертым членом семьи. И кушал он не только у себя в клетке, но и вместе с нами за столом на кухне. Когда мы шли кушать, он, вслед за нами, залетал на кухню и садился на люстру.

– Гоша, ты кушать хочешь? – спрашивал он. – Гоша, иди кушай.

Пришлось ставить на столе маленькую тарелочку и для него. Он садился на край тарелочки, клевал то, что ему положили, но кушал плохо, больше разбрасывал по столу. Тогда Галя перестала давать ему еду, а стала наливать в блюдце чай.

– Гоша, иди пить чай, – приглашала она его.

Чай Гоше нравился, и он пил его с удовольствием. Сидя на краю блюдца, он набирал чай в клюв, потом поднимал голову вверх, и, немного так постояв, чай проглатывал.

– Пять чай, – говорил он после этого, и опять набирал чай в клюв.

Он не просто повторял эту фразу, а четко привязал ее к конкретному действию. Как только Галя говорила: «Гоша, пойдем пить чай», он сразу летел на кухню, садился на люстру, и говорил: «Пять чай, пять чай». Мозги у Гоши, без всякого сомнения, были, и работали хорошо.

Вместе с Гошей по вечерам мы и телевизор смотрели. Мы сидели на диване, а Гоша бегал за нашими спинами по спинке дивана. Галя придумала с ним новую игру. Она, перебирая двумя пальцами по спинке дивана, изображала движение руки по направлению к Гоше, и говорила: «Поймаю, поймаю Гошу. Поймаю, поймаю птичку». Гоша, радостно чирикавая, убежал от ее руки, а потом снова возвращался, и опять убегал. Эта игра ему тоже понравилась. Через некоторое время он уже сам просил поиграть с ним в эту игру. Он подходил к Галиной руке, теребил ее клювом и говорил: «Помаю, помаю птичку», и делал вид, что убегает. Как-то, в комнату залетела большая муха, и села на ковер недалеко от Гоши.

– Пти-чеч-ка, – удивленно сказал Гоша. – Помаю, помаю птичку, – продолжал он, и начал потихоньку подходить к мухе.

Муха перелетела немного дальше. Гоша опять начал к ней подкрадываться.

– Помаю, помаю птичку, – не переставая говорил Гоша, преследуя муху.

А потом Гоша, как-то случайно, забрался за занавеску, закрывающую окно, и обнаружил, что там тоже есть птички, то есть мухи. Вот с ними он теперь и игрался, и из-за занавески слышалось: «Помаю, помаю птичку». Как-то Лиля обнаружила, что Гоша гуляет за занавеской, а в окне полностью раскрыта форточка.

– Мама, что ты делаешь, зачем ты открыла форточку? Гоша ведь мог улететь через нее.

– Да куда он улетит? Что ему там делать? – не хотела признавать свой промах мама.

Но после этого начала учить Гошу говорить фразу: «Гоша Шлома». Через некоторое время Гоша выучил и это.

– Ну вот, – с гордостью сообщила она нам, – теперь, если Гоша и улетит, он скажет, что он Гоша Шлома, и нам его принесут.

Были у Гоши свои отношения и с пылесосом. У нас тогда был мощный пылесос «Тайфун», громкий звук которого Гоше явно не нравился. Когда включали пылесос, бедный Гоша даже вздрагивал от неожиданности.

– Ты чего кричишь? – спрашивал он. – Кушать хочешь?

Гоша запоминал даже те фразы, которым его даже не учили. Я сделал музыкальный звонок, который издавал трель канарейки. Когда раздавался звонок, Галя обычно говорила: «Кто это к нам пришел?», а потом вошедшего спрашивала, зачем он пришел. Гоша и это запомнил, и когда слышал трель канарейки, сразу спрашивал: «Кто пришелочка?»

Ты чего пришел?».

В то время к нам приходил в гости Андрей, который тогда учился в военном училище, сын моего знакомого по Оренбургу. Галя решила пополнить Гошин словарный запас еще одной фразой.

– Это Андрюша пришел, – учила она попугая, когда из прихожей слышался голос Андрея.

После этого Гоша стал Андрея узнавать.

– Андрюша пришел, – начал говорить Гоша, когда слышал голос Андрея.

Галя начала учить Гошу более сложным фразам: «Папочка, отдай Галочке палочку!», и «Папочка, ты где был? Ты что пил? Ах ты пьяница!». Обе фразы попугай очень быстро запомнил, но произносил их немножко на свой лад.

– Папочка, дай Галочке палочку, – говорил он.

Услышав эту фразу, соседка была в шоке.

– Галя, что он такое говорит? – в ужасе спросила она. – Что он имеет в виду? То, что я думаю? Кто его этому научил?

– Ира, это у тебя дурные мысли в голове, а не у попугая. Я учила его говорить: «Отдай Галочке палочку», а он все перепутал.

Потом все, кто слышал от попугая эту фразу, понимали ее точно так же, как и соседка Ира, и перед всеми Гале приходилось оправдываться.

Как-то из Оренбурга приехала мать Андрея, Альбина Ивановна, чтобы навестить сына, и остановилась у нас. Ве-

чером пришел к нам и Андрей.

– Кто пришелочка? – сказал Гоша, услышав трель канарейки.

– Он так на звонок реагирует? – удивилась Альбина.

– Здравствуйте, это я, – поздоровался Андрей.

– Андрюша пришел, – обрадовался Гоша услышав его голос. – Ты чего пришел?

А дальше Гоша выдал фразу, которую раньше никогда не говорил: «Андрюша, ты где был? Ты что пил? Ах ты пьяница!». Услышав эту фразу, Альбина так и села на диван.

– Андрей, если про тебя такое птицы говорят, то что можно от людей услышать? Ты что здесь творишь? – спросила она сына.

И опять Гале пришлось оправдываться и объяснять, что бестолковый попугай все перепутал. Она его не этому учила.

Пришло время мне увольняться из армии. Это событие было решено отметить в бане, для чего и сняли на двенадцать часов баню в одном из санаториев, расположенном между Протвино и Кременками. Там мы, чисто мужской компанией, и гуляли до трех часов ночи, сочетая приятное с полезным, пока нам не объявили, что наше время закончилось. А душа, у всех присутствующих, требовала продолжения праздника. Всей толпой мы оттуда и приехали ко мне на квартиру. Пока гости мыли руки, а жена накрывала на стол, мои сослуживцы зашли к Лиле в комнату, и увидели клетку с попугаем. В их пьяных головах сразу же возникла идея

научить попугая говорить. Видя столько незнакомых людей, обступивших его клетку, Гоша испугался, попятился назад и забился в дальний угол.

– Скажи: «Попка дурак! Попка дурак!», – учили его окружившие клетку офицеры.

Гоша молчал и только затравленно озирался по сторонам, ожидая от этих людей какой ни будь пакости.

– Бестолковая птица, – сказал один из них. – Мозгов у нее совсем нет. Это только большие попугаи разговаривают, маленькие нет.

Присутствующие немного отошли от клетки, и Гоша осмелел.

– Ты чего пришел? – сказал он, выходя со своего угла. – Ты чего кричишь? Иди отсюда вообще.

– Какая гостеприимная птица? – сказал один из них.

– А ты говорил, что маленькие не разговаривают, и что у нее мозгов нет, – заметил другой. Видишь, как нас отбрила. И все к месту.

– Вы к нему близко не подходите, – посоветовал я, – тогда он вам еще много чего расскажет.

В течение получаса, пока накрывали на стол, Гоша без умолку и рассказывал им все, что знал. А знал он очень много.

– Да он у вас прямо вундеркинд какой-то, – сказали офицеры, когда сели за стол. – Это ведь уникальный попугай, у него словарный запас как у Пушкина. Вы на магнитофон его

разговоры записывайте.

– Да мы уже потихоньку записываем, но все записи идут отдельными кусками. Потом как-то нужно будет все это склеить, – ответил я.

Гоша прожил у нас лет шесть, все время пополняя свой словарный запас. Тот бардак, который творился у нас в стране в девяностые годы, сказался и на судьбе Гоши. Почему-то начались внезапные отключения электричества. Если отключалось электричество только в доме, но продолжали гореть уличные фонари, то Гоша спокойно прилетал в свою клетку, и устраивался там на ночь. Но однажды, электричество пропало во всей Слободе, той части города, где мы живем. В полной темноте Гоша, который в это время сидел в большой комнате, полетел в свою клетку, находящуюся в Лилиной комнате. Напротив двери большой комнаты находится дверь на кухню, а дверь в Лилину комнату – левее. И коридорчик, в котором Гоша должен был сделать двойной разворот, чтобы попасть в Лилину комнату, очень узкий, всего полтора метра. Но с этой задачей Гоша справился, в Лилину комнату он залетел. Дальше на его пути было еще одно препятствие, прямо перед дверью, на расстоянии полутора метров от двери, стоял большой шкаф. Я его специально там поставил, чтобы он и свет с окна не загораживал, и Лилина комната не просматривалась с коридора. А уже за шкафом стояла швейная машинка, на которой и находилась клетка для попугая. Днем Гоша легко облетал этот шкаф, в вот в

потемках, он его облететь не смог. На большой скорости он и врезался в этот шкаф. Сильный удар, и по стенке шкафа Гоша сполз вниз. Мы зажгли свечу и подняли его с пола. Гоша тяжело дышал, но был жив. Положили его в клетку. Он лежал на полу клетки и даже не шевелился. Так он пролежал и весь следующий день. Только через день он смог встать на ноги и медленно пошел к кормушке. А еще через день, он опять прыгал по всей клетке, весело чирикал и разговаривал. Гоше повезло, что этот шкаф делал я сам. Его каркас был сделан из деревянных брусков, а сверху прибиты листы ДВП. Поскольку площадь этих листов была довольно большая, то, при нажатии на них, они немного прогибались и пружинили. Это и смягчило удар. Злополучный шкаф было решено переставить к окну, хотя он и будет загораживать свет. Теперь от окна стоя шкаф, потом Лилин письменный стол, и на входе – клетка с попугаем.

Прошло еще с полгода. Электричество пропадало не реже, чем два раза в неделю, но полных отключений не было. И вот опять полное отключение, свет погас везде, и опять, в полной темноте, Гоша полетел из большой комнаты в свою клетку. На этот раз он не рассчитал разворот в коридорчике, и на большой скорости врезался в бетонную стенку между кухней и Лилиной комнатой. Удар был страшный, наверно он все отбил себе внутри. Немного оклемался он только через четыре дня. После этого он и начал слабеть. Уже не было того веселого и жизнерадостного Гоши, который был рань-

ше. По комнатам он уже летал мало, хотя его клетку вообще перестали закрывать. Большую часть времени он проводил в своей клетке, хотя был такой же разговорчивый, как и раньше. А вот целоваться больше не предлагал, и птичку больше не ловил. И кушал все меньше и меньше, и пить чай на кухню больше не приходил. Как-то утром Лиля и обнаружила, что Гоша помер.

Лиля завернула тело Гоши в красивую тряпочку, положила в небольшую картонную коробочку, и мы пошли с ней порт, где на кустах всегда было много птичек. Под одним из кустов мы его здесь и похоронили. Лиля хотела, чтобы и здесь ее Гоша не скучал, чтобы и здесь он мог слышать пение птиц.

Коммерсант

Способности к коммерции у Фёдора обнаружили давно, еще, когда он служил на Алтае. Собственно говоря, такое понятие как коммерция, тогда не использовалось, просто, в отличие от других, он мог заработать дополнительные деньги. А деньги ему были нужны. Высокий и симпатичный, с пышными усами и заразительным раскатистым смехом, он любил жизнь, любил и все хорошее в этой жизни, а для этого нужны были деньги, желательно такие, о которых не знает жена. Начал Фёдор с мумиё. Мумиё – биологически активное смолоподобное вещество, вытекающее из расщелин скал южных гор – горное масло.

Предполагается, что мумиё представляет собой отходы жизнедеятельности летучих мышей и грызунов. Горные пещеры дают прибежище колониям летучих мышей, питающихся насекомыми горных регионов, которые, в свою очередь, питаются горными травами и/или нектаром их цветов. Существует теория, что содержащиеся в горных травах эфирные масла и прочие значимые для медицины соединения, частично концентрируются и ферментируются в пищеварительном тракте летучих мышей. В дальнейшем экскременты скапливаются в местах ночевок летучих мышей и подвергаются дальнейшему процессу ферментации и концентрации в уникальных микроклиматических условиях горных

пещер. Исторически мумиё использовалось в качестве лекарственного средства в медицине Древней Индии, Древней Греции, средневекового Арабского Востока.

Федор сходил в горы, нашел пещеру, в которой жили летучие мыши, и набрал этого мумиё целый рюкзак. Это было баснословное богатство, оставалось только его правильно продать. Федор неделю просидел в читальном зале местной библиотеки, и прочитал про мумиё всё, что смог там найти. Прочитал он и про технологию очистки мумиё от посторонних примесей. После очистки, Федор получил почти десять килограмм красивого, темно-коричневого мумиё, и стал его рекламировать среди знакомых. Люди с удовольствием брали у него пакетики с мумиё, которые он раздавал для пробы, говорили, что оно им помогло, и хвалили Федю, но покупать не торопились. Удалось продать только с десятков таких пакетиков. Но разве это деньги? Не о таких деньгах мечтал Федор.

Гораздо большие перспективы должны были открыться в Москве, где он будет жить два ближайших года, так как поступил слушателем в военную академию. Там, возможно, мумиё будет лучше продаваться. Мебель он решил в Москву не тащить, и продал её на месте. Сложил кухонную утварь, своё драгоценное мумиё, и домашние вещи в большие ящики из-под аппаратуры «Брелок», загрузил все это в контейнер, и отправил в Москву. Комнату, в квартире с подселением, в Москве он получил сразу, в общем, устроился неплохо.

Оказывается, правильно он сделал, что не потащил сюда мебель. Где здесь её ставить? Жена Дуся тогда была категорически против продажи мебели, купленной с таким трудом, но ему удалось её уговорить. Теперь, из ящиков, в которых были вещи и посуда, Фёдор соорудил два спальных места: одно себе с женой, а второе – дочери Оксане.

– Надо было хотя бы шкаф один оставить, – грустно сказала Дуся. – Вещи мы куда будем вешать?

– Сейчас решим и эту проблему, – успокоил её Фёдор.

Он прибил к стене деревянную рейку, и забил в неё десяток гвоздей.

– Ну вот, сюда и будем всё вешать, – заявил он, довольный найденным решением.

– Папа, ты что? Здесь же все пылиться будет! – не поняла его восторга Оксана.

– Ну, так прикроете какой ни будь тряпкой, – нашелся Фёдор. – Не покупать же шкаф на два года. Потом ведь опять куда-то переезжать нужно будет.

Вот так, на ящиках вместо кроватей, и с одеждой, развешенной на стене, они и прожили два года. Так могла жить только семья советского майора, ни один майор иностранной армии, жить так, конечно же, не стал бы.

Соблазнов в Москве было много, и театры, и рестораны, и вкусные колбасы и торты, которых просто невозможно было достать на прежнем месте службы. Да и учебное отделение, в котором учился Фёдор, оказалось очень дружным. По

крайней мере, два раза в месяц они посещали рестораны. Все дни рождения отмечали в ресторанах, да и так, по праздникам заходили. И советские праздники отмечали, и большие религиозные, несмотря на то, что все были коммунистами. Ну и такие международные, как День Парижской коммуны, или День взятия Бастилии, тоже могли отметить, только это уже не в ресторане, а просто возле какого ни будь пивного киоска, предварительно купив еще и пару бутылок водки. А водка уже была дорогая, больше десяти рублей за бутылку. Потом, правда, появилась новая, более дешевая водка, так называемая «Андроповка», по пять рублей. Как слушатели не старались экономить, со временем они спустили все сбережения, с которыми приехали в Москву. Не стал исключением и Фёдор. Через некоторое время денежки у него тоже закончились. Правда, на остаток денег Дуся успела купить ему куртку. Вещи уже тоже были в дефиците, поэтому купила её без Фёдора, без примерки, и даже не была уверена, что она ему подойдёт. К счастью, куртка подошла, и Федя решил в ней сразу сходить в магазин. Но, не тут то было.

– Куда? – не позволила Дуся. – Ну ка снимай. В старой пока ходишь.

И спрятала новую куртку в ящик.

– А мне Дуся новую куртку купила, я на неё даже успел посмотреть, – шутя рассказывал он товарищам эту историю. – А потом заперла ее в ящике на ключ, чтобы я её не носил.

Фединой зарплаты на жизнь в Москве не хватало, и при-

шлось ему доставать из ящика своё мумиё. Он купил аптекарские весы, взвешивал мумиё дозами по десять грамм, упаковывал в полиэтиленовую плёнку, и эти пакетики заваривал. Распечатал также инструкцию по применению мумие при различных болезнях. Эти пакетики он и предлагал слушателям академии, вместе в инструкцией, бесплатно, для пробы, вдруг заинтересуются.

Взял у него такой пакетик и его товарищ Владимир, у которого был хронический гастрит, и которого боли в желудке просто донимали. Он растворил, согласно инструкции, этот пакетик в литре кипячёной воды, и пил по пятьдесят миллилитров два раза в день. Через десять дней боли в желудке прекратились. Владимир был доволен, и благодарил за это Фёдора. Тот сказал, что успех нужно будет закрепить. На неделю нужно сделать перерыв, а потом пропить ещё один курс. У Владимира от болей в желудке страдали ещё его мать и крестная. Поэтому, он купил у Фёдора сразу пять пакетиков, один себе, и по два матери и крестной. Фёдор был доволен, дело сдвинулось с мертвой точки. А Владимир отправил мумиё родным, и надеялся, что оно им тоже поможет. Но пришли письма, в которых сообщалось, что ни матери, ни крестной, мумиё не подошло, так как оно сильно поднимает давление, которое у них и так высокое. А Владимир продолжил своё лечение. Но, через неделю после начала второго курса лечения, у него из носа пошла кровь, и лечение пришлось прекратить. Он понял, что и у него поднялось давле-

ние. Но желудок больше не болел, и он был доволен результатами лечения, обычными лекарствами, которые ему выписывали доктора, такого эффекта он достичь не смог.

Через некоторое время Фёдор поинтересовался у Владимира, не нужно ли ему еще мумиё. Тот сказал, что больше не нужно, и объяснил причину.

– Извини, я думал, что ты на продажу берешь, – неожиданно извинился Фёдор. – Если бы я знал, что для родственников, я бы тебе бесплатно дал.

– Да не заморачивайся, – ответил удивленный Владимир, – все нормально.

Покупали мумиё у Фёдора и другие ребята, но не в таких объемах, о которых он мечтал. Как раз в это время в Москве начали появляться стихийные рыночки возле метро и вокзалов, на которых люди продавали всякую всячину, от колбасы до одежды. На таких рынках Федор и попытался продавать своё мумиё, но его покупали редко. Охотнее покупали копченую колбасу, которая начала исчезать из магазинов, но колбасы у Федора не было.

Через год у Владимира опять заболел желудок, и он попросил Федора продать ему еще четыре пакетика мумиё, чтобы было и на будущее. Федор, как истинный джентльмен, взял деньги только за два пакетика, а два отдал бесплатно. В дальнейшем, при возобновлении болей, Владимир принимал мумиё только в течение десяти дней, за это время и желудок переставал болеть, и давление не поднималось. И, как

ни странно, после того, как он пролечился, выпив последний из этих купленных пакетиков, желудок у него больше не болел. Мумиё Фёдора его вылечило.

После окончания академии, Фёдор уехал на должность научного сотрудника в НИИ-4, где и прослужил до начала девяностых. Но эта скучная научная работа была ему не по душе. В воздухе начал витать дух предпринимательства, и Фёдор устремился туда. Он ездил в Среднюю Азию, покупал там пух, обрабатывал его и красил. Дуся на веретене пряла из него нити. А потом, используя деревянную рамку с набитыми в неё гвоздями, они вручную ткали разноцветные шарфы. Бизнес начал приносить небольшие доходы, и Фёдор решил расширить производство. Он купил настольную вязальную машину, на которой, в дальнейшем, и вязал шарфики. Нужно было облегчить и труд жены. Фёдор узнал, что на одной из ткацких фабрик Серпухова, принимают частные заказы. А туда уехал служить его товарищ, тот самый Владимир, которому он помог вылечить желудок. Как-то, вместе с Дусей, Фёдор и приехал к нему в гости. Владимир был рад приезду гостей. Расспрашивал его об их товарищах, с которыми они вместе учились, но Фёдор знал только о тех, которые служили вместе с ним, но там никого из их отделения не было. Хорошо посидели за столом, вспоминая годы учебы в академии. Утром Фёдор уехал на ткацкую фабрику, где и договорился, что ему там будут чесать и красить пух, и прясть из него нити, а Дуся на рынок, чтобы продать там неболь-

шую партию шарфиков, и понять, насколько они востребованы. Шарфики она продавала по девяносто девять рублей, и буквально за час распродала всю привезенную партию. Значит спрос есть, и можно вязать их дальше. К обеду все опять собрались у Владимира, и с радостью рассказывали о своих успехах.

– А почему вы по девяносто девять продаете, а не по сто? – поинтересовался Владимир. – По сто, вроде бы, было бы удобней, не нужно этот несчастный рубль сдачи давать.

– Ничего ты не понимаешь в коммерции, – как школьнику попытался разъяснить Фёдор. – По сто брать не будут, людям будет казаться, что это дорого. А по девяносто девять берут с удовольствием.

– А мумиём ты больше не занимаешься, – вспомнил его прежнее занятие Владимир.

– А что, нужно? – оживился Фёдор.

– Да нет, просто вспомнил.

– Как появилась возможность, я его, почти всё, по аптекам распахал. Покупали плохо, и выручил за него копейки. Где-то еще немного валяется, но это мне уже не интересно.

Дела у Федора шли хорошо, и он приезжал в Серпухов еще несколько раз. Говорили о наступивших тяжелых временах, об огороде, который завел Владимир, и о его изобретениях, заявки на которые тот начал подавать.

– А мне тоже пришлось рационализаторской работой заняться, – сообщил Фёдор. – Купили мы с Дусей подольскую

швейную машинку, а в ней челнок какой-то недоделанный, пришлось надфилем доводить до ума.

– Так у нас тоже подольская машинка, и нормально работает, – удивился Владимир.

– Пойдем, покажу, – предложил Федор.

Владимир открыл машинку и достал челнок. Федор показал, где, и что он подтачивал. Владимир не понял, зачем это нужно было делать, но ничего Фёдору не сказал. Поставил челнок на место и собрался закрывать машинку.

– Постой, – остановил его Федор. – А разве челнок так ставится?

– Конечно. По-другому он просто не встанет.

– А я вот так ставил, – и Федор показал, как он ставил челнок, развернув его на сто восемьдесят градусов.

– Ну, теперь понятно, почему ты его подтачивал, – наконец-то понял его Владимир.

Было удивительно, что даже с челноком, находящимся в перевернутом состоянии, он заставил машинку заработать. Вот это творческий энтузиазм, вот это сила русской мысли. Нашему народу еще и не такое по плечу.

– Как же у вас хорошо, – часто говорил Фёдор, – сидим, спокойно обо всем разговариваем, как в старые добрые времена. Прямо душа отдыхает. А у нас все разговоры только про деньги. Да и не разговоры это, а одна ругань. Как я устал от всего этого.

Накопив немного денег, Фёдор перестал заниматься шар-

фиками, а, соответственно, перестал и ездить в Серпухов. Он стал коммерсантом. Покупал оптом партии телевизоров и компьютеров, а потом продавал их в розницу. Он даже открыл свой офис в Москве. Владимир побывал у него в это время и дома, и в офисе, и поздравил его с достигнутыми успехами. Состоянием дел Фёдор был доволен. Потом его познакомили с каким-то авторитетным человеком, и Фёдор надеялся, что теперь его бизнес резко пойдет в гору. На первой встрече тот спросил: «Погоняло есть?».

– Дядя Фёдор, – назвал Фёдор свою кличку, которая была у него была в академии.

– Что за дурацкое погоняло? – удивился авторитет. – Только-что придумал?

– Да это из мультика про Простоквашино, – пояснил Фёдор, – меня так в академии звали.

– Так ты еще и академик? – удивился авторитет. – Ладно, будешь «Академиком».

После этого Фёдор производил и какую-то водку, и газированную воду. Были неприятности с ОБХСС, что, как понял Владимир, приезжавший тогда в последний раз к нему в гости, грозило потерей имущества, и Фёдор развелся с женой, чтобы её это не коснулось. Но из этого он как-то выкрутился. Потом у Фёдора появилась возможность сорвать солидный куш. В Тбилиси не было сливочного масла, и можно было очень хорошо заработать, если вовремя доставить туда сливочное масло. Фёдор с партнерами зафрахтовали гру-

зовой самолет, скупили все масло в Москве, и загрузили в этот самолет. Утром он должен был вылететь в Тбилиси. Но утром пришло сообщение, что масло в Тбилиси уже завезли. Ну и куда им теперь было девать столько масла? Реализовать его они не смогли.

Поскольку в это мероприятие были вложены все деньги, Фёдор разорился, и больше подняться не смог. На телефонные звонки он больше не отвечал, а потом, голос в телефонной трубке стал сообщать, что этот номер больше не обслуживается. Так Владимир и потерял связь с Фёдором. Где он, и что с ним – неизвестно. Владимир попытался разыскать его через сайт одноклассников. Ему повезло, и он вышел на страничку его дочери Оксаны, которая уже жила в Штатах. Судя по фотографиям, с ней жила и Дуся. Но Фёдора на фотографиях не было. Владимир написал Оксане письмо, в котором просил сообщить ему, где её отец, и, что с ним. Но Оксана на письмо не ответила, несмотря на то, что с Владимиром она была знакома. Похоже, что коммерция Фёдора сгубила.

Сползание в пропасть

Владимир был с семьей в отпуске на Украине, когда услышал о ГКЧП. На всякий случай, приготовил свой чемодан, чтобы сразу выехать домой, если придет телеграмма из части. Но телеграммы не было, и он успокоился, значит все не так серьезно, как передавали по телевизору. Он спокойно догулял свой отпуск, и вернулся в часть.

А потом, три «русских богатыря»: Ельцин, Кучма и Шушкевич, одним росчерком пера, сделали то, чего не удавалось сделать внешним врагам – они развалили Советской Союз. И началась чехарда. После Чубайсовской приватизации, большинство заводов и фабрик перестали работать, а их, никому не нужные рабочие, остались на улице без средств к существованию. Офицерам, выходцам из других республик, было предложено сделать выбор: или оставаться служить в Российской армии, или уезжать в свою республику. Многие тогда уехали и на Украину, где их сначала приняли на службу в Украинскую армию, а через пару месяцев всех уволили. Владимиру тогда повезло. У него давно было желание перевестись служить на Украину, поближе к родителям, но теперь, когда он недавно получил квартиру, которую ожидал семь лет, переезжать на Украину, и опять остаться без квартиры, ему не хотелось. И он остался служить, теперь уже в Российской армии, хотя по сути – в той же Советской, так

как в его службе абсолютно ничего не изменилось, даже новую присягу не нужно было принимать.

А по телевизору шли нескончаемые шоу с заседаний парламента, потом в прямом эфире показали расстрел Белого дома из танков. Зрелищ было много, а вот продуктов было мало. В магазинах везде зияли пустые полки, если где-то выбрасывали колбасу, то ее разметали за несколько минут, и далеко не всем ее хватало, часто в магазинах происходили драки. Не спасали и введенные талоны на продукты, по ним просто нечего стало покупать. И народ потянулся к земле, действуя по принципу: спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Раскопали все, мало-мальски пригодные для посадки картошки участки. Стихийные огородики появились на всех бывших пустырях, и по берегам рек, и вдоль железных дорог. Все старались выжить, и не помереть с голоду. Никто не понимал, что будет дальше. Страна сползала в пропасть, и никто не знал, что их там ждет. Началась жуткая инфляция, деньги обесценивались каждый день. Многие попытались заняться торговлей. Полковник, бывший командир части, стоял на рынке и торговал французскими духами, которые он привозил из Польши. Рядом стоял подполковник, бывший преподаватель и кандидат наук, и продавал кожаные куртки, привезенные из Турции. В другом конце рынка, два доктора наук торговали запчастями к автомобилям. И это были не самые несчастные люди, доктора наук не были безработными, и продолжали преподавать, только их про-

фессорской зарплаты на жизнь уже не хватало, приходилось подрабатывать. Многие, как бывшие, так и действующие военнослужащие, пошли в охрану. Им тоже разрешили подрабатывать в свободное от нарядов и занятий время. Много и полковников, и кандидатов наук, подрабатывали простыми охранниками. А куда было деваться? Иногда такой простой охранник зарабатывал больше командира части. Армия оказалась на грани развала, но это мало кого интересовало. Основной задачей для большинства народа, стало выжить в этих чудовищных условиях. Для советских людей началась совершенно другая, чужая для них жизнь. Все моральные устои рухнули в одночасье, как будто их никогда и не было. Обман уже не считался чем-то неприличным и позорным, а обмануть «лоха», стало считаться нормой поведения. Некоторые люди такой жизни не выдерживали. По телевизору передали сообщение, что бывший защитник Брестской крепости, приехал в Брест, и, в знак протеста против всего, творящегося вокруг, в этой крепости и повесился. Другой человек, генерал, участник войны, Герой Советского Союза, застрелился в своей квартире из наградного пистолета. Выжить в таких условиях честному человеку было крайне сложно. Но, несмотря на все, люди пытались выжить.

Владимир тоже раскопал для себя огородик размером в две сотки на пустыре возле Нары. Посадил картошку, немного лука и морковки, а также укроп и петрушку. До речки было далековато, поэтому пару раз полил лук и морковку, при-

нося воду ведрами из Нары, но это было тяжело, и, в дальнейшем, огород поливал только дождь. Те, у кого участки были поближе к реке, посадили даже клубнику, и все лето таскали воду из реки, поливая ее. Как только на огородах подрос лук, у огородников появились добровольные помощники, которые помогали им собрать зеленый лук и продать его на рынке. Правда они забывали отдавать хозяевам участков заработанные деньги. По ночам стали организовывать на огородах дежурства, но это мало помогало, лук воровали и днем. Поняв всю бессмысленность этой затеи, лук вообще перестали там сажать.

Пришло время и Владимиру увольняться из армии. Он не сомневался, что на гражданке ему будет легко устроиться, так как он знал программирование и мог ремонтировать практически любую бытовую технику, в том числе и компьютеры. В крайнем случае, он может устроиться столяром или плотником, так как в юности работал на производстве столяром. Но реальность оказалась гораздо хуже, чем он ожидал. Сначала он предложил свои услуги по обслуживанию компьютеров банкам. Потом хотел устроиться преподавателем информатики в школы. Никому он не был нужен. Даже в столярной мастерской для него места не нашлось. А жить на что-то нужно было, так как пенсию обещали начать выплачивать только через три месяца. В таком морально подавленном состоянии Владимир еще никогда не был. В свое время, когда им говорили, что у советских людей есть то, чего нет

у других – уверенность в завтрашнем дне, он этого не понимал. И только теперь понял, как же страшно, когда больше нет этой уверенности. Вот теперь он не понимал, как будет жить дальше. Чувство ненужности его буквально съедало изнутри. Ему всего сорок шесть лет, а он уже никому не нужен. Не нужны ни его руки, ни голова, не нужны ни знания, ни умения. А ведь он очень хороший инженер, и неплохой преподаватель. Да и столяр он прекрасный, еще в юности делал и оконные рамы, и филенчатые двери. Что делать дальше? Как жить? Как прожить хотя бы эти три месяца, когда он не будет зарабатывать деньги и не будет получать пенсию? Сидеть на шее у жены?

Он впервые в жизни чувствовал себя нахлебником. Оказалось, что морально это очень тяжело – чувствовать себя никому не нужным и бесполезным. Поиски работы он прекратил, теперь целыми днями лежал на диване, как он это называл – проводил время с четвероногим другом, и смотрел телевизор. Иногда что-то делал на своем маленьком огороде. Чтобы как-то оправдать в глазах жены свое существование, решил сделать уголок на кухню. Он ведь, все-таки, столяр, и инструмент у него есть. За три месяца он потихоньку сделал из облагороженной ДСП уголок на кухню, состоящий из трех диванчиков: углового, и двух обычных. Все с открывающимися крышками сидений, в ящики под которыми можно будет укладывать продукты. Обтянул диванчики искусственной кожей, и остался доволен своей работой. Уголок

получился даже лучше, чем те, которые продавались в мебельных магазинах. Не зря жена кормила его три месяца на свою зарплату медсестры. На душе, вроде бы, стало немного легче, но, все равно, неудовлетворенность собой осталась. И он опять пошел искать работу. На этот раз ему повезло, его взяли инженером по ремонту оргтехники в частную фирму. Правда много платить не обещали, но он был рад и этому. Другим было не легче. А у них теперь будут две, хоть и небольшие зарплаты, и на огороде что-то вырастет, да и пенсию скоро начнут платить, как ни будь проживут.

Осенью на огороде собрали четыре мешка картошки. На целине она выросла крупной и очень вкусной, в магазине такой вкусной картошки не купишь. А потом и пенсию начали платить. У Владимира появилось такое ощущение, что его все это время засасывало в трясины, и вот наконец, он ощутил твердую почву под ногами, хотя из трясины еще и не выбрался. На душе стало немного легче. Появилась надежда, что теперь они выживут.

Инженером Владимир проработал два года. Инфляция галопировала, заработанных денег не хватало, и он устроился еще и преподавателем информатики в вечерний университет. Теперь он днем работал на основной работе, а вечером подрабатывал в университете, но в университете он получал в два раза больше, чем на основной работе. Больше года он работал на двух работах, пока в университет не приехала какая-то комиссия, от которой он и узнал, что реаль-

но он работает на трех должностях: преподавателя, инженера и лаборанта, хотя платят ему только за должность преподавателя. Это ему не понравилось, и он предложил руководству университета оплачивать ему работу на двух должностях, а на третьей, он, так и быть, будет работать бесплатно. От его щедрого предложения руководство отказалось. Он на них обиделся, и уволился. В это же время знакомый предложил ему зимой поработать в охране, у них в это время была острая нехватка людей, за сон на посту уволили всю смену. Владимир плохо представлял себя охранником. Что ему там делать, с ростом в сто шестьдесят четыре сантиметра? В его представлении, охранник должен быть высоким и сильным. Но знакомый его успокоил, у них всякие работают, даже кандидаты наук есть. И Владимир согласился поработать у них три месяца, то есть, до весны. Согласился на три месяца, а проработал четырнадцать лет, пока эта работа не надоела ему до чертиков, так, что под конец, он уже ненавидел эту работу. Но сначала все было нормально. Зарплата охранника оказалась в полтора раза больше, чем он зарабатывал на двух работах. Работать по суткам, а потом еще работать днем на основной работе, было крайне неудобно. Ему нужно было отоспаться после суточного дежурства, но спать было некогда, нужно было идти на работу. Кроме того, в охране зарплата начислялась в долларах, а выдавалась в рублях по текущему курсу, поэтому, в связи с инфляцией, в рублях она все время росла. А на основной работе она была фиксированной.

рованной в рублях, поэтому соотношение между основной зарплатой и зарплатой охранника все время уменьшалось, и уменьшилось до такой величины, что работать на основной работе уже не было смысла. Владимир уволился с работы инженера, и остался работать только охранником. На этой работе конечно можно было и отупить, но куда деваться, более хорошей работы ему никто не предлагал, а семью нужно было кормить, поэтому и проработал на этой работе много лет, пока не дошел до такого состояния, что приходилось буквально заставлять себя ездить на эту работу, так она ему опротивела. Однако у него остались и некоторые хорошие воспоминания об этой работе. В то время всем было тяжело, и он не исключение. Человек ко всему привыкает, и пытается выживать в любых условиях, однако иногда наступает и предел, когда он уже не в состоянии все это терпеть.

Огородники

В девяностые годы многих людей жизнь заставила завести огороды. На пустыре возле Нары завели огороды и два подполковника, старшие преподаватели военного училища, Петр и Михаил. Они, как и многие другие их товарищи, раскопали себе участки по две сотки, целинной, никогда раньше не паханной земли, и, неожиданно для себя, стали огородниками. Как и что нужно делать, они понятия не имели. До армии они были городскими жителями, потом мотались по военным гарнизонам, и к сельскому хозяйству никогда никакого отношения не имели. И вот теперь, в это смутное время, когда никто не мог предположить, как его жизнь сложится завтра, им пришлось взяться за лопаты. Консультировал их Александр, такой же подполковник, как и они, но уже имеющий навыки огородных работ, так как родился и вырос в украинском селе. Под его руководством юные огородники и вскопали свои участки.

Копать конечно было тяжело, ведь это была не мягкая земля, а дерн. Откапывали небольшой кусок дерна, переворачивали наизнанку, потом острым концом лопаты дробили его на мелкие куски. После этого откапывали следующий кусок, и опять его дробили. Поскольку работали в основном после окончания рабочего дня, то до наступления сумерек удавалось вскопать всего пару квадратных метров в день. К

тому же, на второй день работы, у обоих и мозоли появились. Петя еще держался, не зря у него была кличка «Лось», а Миша начал искать более простой выход из создавшегося положения.

– А давай найдем трактор, – предложил он, – ведь в частном секторе огороды лопатой не копают, они их трактором пашут.

– Давай, – согласился Петр, – иди ищи. А я пока покопаю. Петр остался копать свой участок, а Михаил ушел искать трактор. Трактор он, все-таки, нашел, правда не в этот день, а на следующий. Тракторист посмотрел на их участки.

– Нет, я здесь не возьму. Беларусь целину не вспашет, здесь гусеничный нужен. Да и он вам такие отвалы сделает, в которые вы ничего не посадите. Потом дисковать нужно будет. Но где вы дискователь возьмете? Опять же, лопатами дерн разбивать придется, и при этом вы ничего не выиграете. Так что, лучше копайте, дешевле обойдется.

Фокус с трактором не удался, и огородники продолжили копать свои участки лопатами. А тут еще и Александр подошел.

– Так не пойдет! – заявил он, посмотрев на их работу. – Вон те крупные корни чернобыльника, и других подобных растений, нужно выбирать и выбрасывать, так как они не перегниют, а прорастут. Траву выбирать не нужно, она перегниет. А вон еще и деревца корчевать придется.

Миша с Петром приуныли. Но, сделав перерыв на пару

дней, и подождав, пока мозоли на руках немного заживут, они приступили к работе с новыми силами. За три недели они свои огороды вскопали, как раз к девятому мая управились. На Мишиной «копейке» съездили в Дашковку, и купили там картошку на посадку. По пути заехали и на рынок, где купили семена морковки, петрушки и укропа. Какая-то старушка предложила им купить у нее еще и лук-севок. Купили и его. Теперь эти хлопоты были им уже в радость. Вернулись на огород. Сделали небольшие грядки под зелень, и, побольше, под лук и морковку. Все остальное засадили картошкой. Теперь оставалось ждать урожая.

Другие огородники начали поливать грядки на своих участках.

– Миша, а мы будем поливать свои грядки? – спросил Петр.

– Не знаю, нужно у Саши спросить.

Спросили у Александра.

– Да, как хотите. Лишним конечно не будет, но таскать ведрами воду из Нары – это тяжело, – предупредил он. – Я свой огород поливать не буду, пусть дождик поливает.

Друзья сходили на огород Александра, чтобы посмотреть, как все растет у опытного огородника.

– Да тут кроме картошки и нет то ничего, – удивился Петр.

– Конечно, ему можно и не поливать, – согласился Миша, – тут и дождика хватит. А у нас и лук, и морковка. Как их не поливать. Да и зелень, наверно, нужно поливать. Дру-

гие ведь поливают.

И они решили поливать свои грядки. Купили ведро, и по очереди ходили на Нару за водой. Далековато конечно, метров триста, но ничего не поделаешь.

– Козорезу повезло, – завидовал Миша, – у него участок прямо возле самой воды. Он даже клубнику посадил.

– Не завидуй, – успокоил его Петр, – там тропинка вдоль Нары идет, по которой рыбаки ходят. Они у него всю клубнику и съедят. Так что еще неизвестно, чей участок лучше расположен.

В это время по огородам стали ходить какие-то люди, которые предлагали заплатить взносы за использование земельных участков. Сначала люди подумали, что это какие-то мошенники, которые хотят на них нажиться, разных мошенников тогда появилось много. Но, требовавшие заплатить взносы, представлялись работниками местной ватной фабрики, которой, якобы, и принадлежала эта земля, и они грозилась подать в суд на пользователей участков за самовольный захват земли. Народ недоумевал, не один десяток лет этот пустырь стоял никому не нужным, а когда люди его раскопали, тут же и хозяева объявились. Большинство людей платить взносы отказались, но, Петр с Михаилом, как законопослушные граждане, сходили в бухгалтерию ватной фабрики, и заплатили эти взносы.

Через некоторое время участки заросли зельем, и юные огородники опять пошли к Александру.

– Саша, а что с зельем делать?

– Пропалывать конечно.

– А чем?

– Можно тяпкой.

– А взять ее где?

– Одну я вам могу дать на время, а еще одну в магазине купите.

Александр дал им одну тяпку, а заодно и показал, как нужно пропалывать. И работа закипела. Буквально за три дня они все пропололи. Теперь их участки стояли чистенькими, нигде ни одной соринки. Просто душа радовалась, глядя на огороды. Лук значительно подрос, стоял весь зеленый и красивый. Друзья посмотрели на соседние огороды, больше такого красивого лука ни у кого не было. У многих его вообще не было, а у тех, у кого он был, он стоял какой-то замороженный, видимо его совсем не поливали.

– Вот видишь, – гордо сказал Петр, – не зря мы его поливали.

– Это точно, – согласился Миша, – лук у нас самый красивый.

– Может сорвем немного домой? – предложил Петр.

– Да нет, пусть еще растет, – не поддержал идею Миша, – маленький еще.

Через пару недель огороды опять заросли бурьяном, и лука опять не стало видно. Картошку, правда, бурьян не забил, и она уже начинала цвести белыми и синеватыми цветками.

Опять пригласили Александра на консультацию.

– Ну что ж, – сказал он, осмотрев огороды, – нужно еще раз все прополоть, и, пожалуй, сразу после этого, картошку можно будет окучивать.

– А как окучивать? – поинтересовались друзья.

Александр тут же им и продемонстрировал, как нужно окучивать картошку. Оказывается, ничего сложного в этом не было. И они так сумеют. И снова закипела работа. Но оказалось, что второй раз пропалывать картошку гораздо сложнее, чем в первый. Тогда ботва картошки была еще маленькой, и орудовать тяпкой между рядами было легко. Теперь же, ботва была высокой, и уже сильно мешала работать тяпкой, которая так и норовила задеть и срезать куст картошки. Несколько кустов были срезаны бесповоротно. С прополкой провозились пять дней. Но зато, огороды опять стояли чистенькие и аккуратные. И лук стоял на загляденье, любо-дорого посмотреть. Прямо душа радовалась. И укропчик уже приличный вырос. Вот только петрушка сидела маленькая и невзрачная.

– Давай хоть укропа домой нарвем, – предложил Петр.

– Давай, – согласился Михаил.

Нарвали по пучку укропа.

– А я наверно еще и лука немного нарву, – решил Петр.

– Ну зачем же весь лук срывать? – не поддержал его Михаил. – Можно просто оборвать нижние, самые толстые листья, а остальное пусть растет дальше. Я видел, так многие

делают.

Они так и сделали, и нарвали домой еще и по пучку зеленого лука. На следующий день приступили к окучиванию. Это заняло еще четыре дня. Когда пришли окучивать в последний день, то сразу почувствовали, что с огородом что-то не так, но не могли сообразить, что.

– Петя, лука нет! – наконец-то понял Михаил.

– Точно, – подтвердил Петр. – А у меня еще и укропа нет, почти весь сорвали.

– Так и у меня нет! – заметил и у себя пропажу Михаил.

– Вот гады! – в один голос сказали они.

– Наверно поэтому Саша ничего, кроме картошки, и не сажал, – заметил Петр.

Они закончили окучивание, сорвали остатки лука и укропа, и ушли домой. Обидно было, они столько здесь вкалывали, а какой-то алкаш воспользовался результатами их труда, все сорвал, продал, и деньги пропил.

Позже один из их товарищей, местный поэт Владимир, написал им целую поэму, в которой были и такие строки:

Еще ребята огородят,

Картошку садят, и лучок.

Их урожай потом на рынке,

Им продал местный мужичок.

Время шло. Друзья опасались еще и за свою морковку, но ее посадили поздновато, и выросла она не очень крупной,

поэтому ее не трогали. Подросла и картошка. Молодую картошку Петя с Мишей уже попробовали, выкопав несколько кустов в середине участков, чтобы не привлекать внимания посторонних. Картошка была очень вкусной. Такой вкусной картошки они еще никогда не пробовали. Настроение у юных огородников поднялось, теперь они всю зиму будут кушать свою, вкусную картошку. Пришло и время сбора урожая. Местные знатоки порекомендовали им за пару недель до выкапывания картошки, скосить ботву, тогда все соки пойдут в картошку, а не в ботву, и урожай будет еще больше. Они так и сделали. Прошло еще две недели, и картошку уже можно было выкапывать. Петр, который каждое утро бегал по двадцать километров, решил после пробежки забежать и на огород. То, что он увидел, привело его в ярость, половина картошки, на его огороде, была выкопана. Петр не поленился, сбегал домой, нашел фанерку, прибил ее к палке, и на фанерке написал: «Поймаю кто ворует – убью!».

Сбегал обратно на огород, и водрузил там табличку.

В этот день у них с Мишей было по четыре пары занятий, и им было не до картошки. Но зато следующий день у обоих был свободен. В этот день они и решили выкопать всю картошку. К девяти часам утра они уже были на огороде. Но их опередили. Вся картошка была выкопана, а на табличке карандашом было дописано: «Если поймаешь – убьешь!». Матерясь, и проклиная воров, огородники выкопали оставленную им морковку, и унесли ее домой. Вот так закончилась

попытка двух начинающих огородников заняться сельским хозяйством. Поняв, что занятие сельским хозяйством, дело неблагодарное, и далеко не прибыльное, они к этому занятию больше не возвращались. Всю зиму, они, как обычно, кушали невкусную покупную картошку, и вспоминали ту, вкусную, которую они с таким трудом вырастили, но не успели собрать.

Зимняя рыбалка

Большинство рыбаков предпочитают летнюю рыбалку, намного приятней ловить рыбу, когда тепло и светит солнышко. Если даже рыба при этом не клюет, то, хотя бы, позагорать можно. А если еще и рыба клюет, то это полный кайф. А зимой холодно. И ноги, и руки мерзнут. А надеть на мормышку мотыля замерзшими руками, это целая проблема. Да и снять с крючка мокрую рыбку, тоже не просто. Если снимать рыбку в перчатках, то они очень быстро намокают, а потом замерзают на морозе и становятся негнушимися, и ловить в них дальше невозможно. Приходится снимать рыбку голыми руками. Но при этом слизь с рыбки остается на руках, и, после снятия рыбки, их нужно помыть в лунке. Помыть нужно на морозе, в холодной воде. И так после каждой рыбки. Представляете? Хорошо, если рыба клюет редко. Тогда надеваешь варежки, и до следующей поклевки руки успевают немного согреться. А если поклевки частые? Тогда руки согреться не успевают, и через некоторое время превращаются в замерзшие култышки, которыми не то, что мотыль нельзя на крючок насадить, ими даже рыбку с крючка невозможно снять. Ни малейшего удовольствия, одни неудобства! Вот поэтому большинство рыбаков на зимнюю рыбалку и не ходит.

Я тоже в зимней рыбалке особого удовольствия не нахо-

дил. Дважды пытался зимой рыбачить на реке Урал, но без особого успеха. Один раз рыбачил зимой на реке Ишим, там уже с большим успехом, и мне та рыбалка понравилась, так как клевали сравнительно крупные окуни. Потом я, вместе со старым и опытным рыбаком Павлом Ивановичем, сходил зимой на Оку. Для зимней рыбалки я даже унты купил. От дома до Оки больше трех километров, хотя из окна квартиры ее видно. Идти нужно через колхозное поле, вроде бы ничего сложного, но идти по полю оказалось намного сложнее, чем я предполагал, так как оно изрезано довольно глубокими канавами, из которых летом берут воду для полива. Таких канав с десятков, и преодолевать их довольно сложно. К тому же, Павел Иванович высокого роста, не то, что я, и шаг у него в полтора раза шире моего. Поэтому он шел впереди своим широким шагом, а я, вприпрыжку, почти бежал за ним, стараясь не отстать. К тому же, Павел Иванович был в легких валенках, а я в тяжелющих унтах. Когда мы через сорок пять минут добрались до Оки, я был весь мокрый от пота, и, к тому же, понял, что унтами растер обе ноги. Пространство на Оке открытое, и спрятаться от ветра негде, поэтому еще и замерз вдобавок. В общем, первая зимняя рыбалка на Оке мне не понравилась. Да и клева особого не было, под берегом клевал мелкий окушек и мелкая плотвичка, а на глубине вообще клева не было. Я еще пару раз сходил зимой на Оку, примерно с таким же успехом, разочаровался в зимней рыбалке, и больше на нее не ходил.

Вспомнил я о зимней рыбалке только тогда, когда очень сильно поругался с женой. А работал я тогда в охране, в режиме сутки-трое, то есть, сутки дежуришь, и трое суток отдыхаешь. Поскольку с женой мы не разговаривали, то сидеть трое суток дома было настоящим мучением. И я решил сходить на зимнюю рыбалку. Купил мотыля, взял зимние удочки, надел унты и пошел на озеро Долгое, поскольку оно ближе от дома, до него всего полтора километра. Была середина февраля, но Долгое меня удивило. Поверх льда везде стояла вода, а на кустах вербы, растущих по берегам озера, распустились почки, те самые, которые несут святить в церковь на Вербное воскресенье. Чудеса природы, да и только, ведь до весны еще далеко. В унтах на войлочной подошве, естественно, зайти на лед я не смог. Пришлось ехать в магазин за армейскими чулками из комплекта химзащиты, которые надеваются прямо на сапоги или на унты. На рыбалку я попал только на следующий день. Ледобура у меня еще не было, но он и не понадобился, незамерзших лунок на льду было достаточно. Хорошо клевала небольшая плотвичка и окушки, иногда попадалась плотвичка размером с ладошку. И я за полдня наловил полпакета рыбы. Эта рыбалка мне понравилась. И не устал, как при походе на Оку, и рыбы наловил больше, чем на Оке. После этого я стал ходить на рыбалку на Долгое. Теперь меня уже просто тянуло на рыбалку, и я старался ходить на рыбалку как можно чаще. Даже сильно уставший, в день смены с дежурства, я старался сходить на

рыбалку. Уже не пугали ни холод, ни ветер. И руки перестали мерзнуть, я рыбачил вообще без перчаток, так как во время рыбалки они только мешали. Однажды, когда я пришел на рыбалку после дежурства, я нашел там своего товарища, Михаила, который пришел на рыбалку раньше. Рыба у него клевала буквально на каждой проводке. Я сел на соседнюю с ним лунку, и понеслась. У меня тоже клевала довольно крупенькая плотва, и тоже почти на каждой проводке. Такого интенсивного клева я не видел ни до того, ни после. За три часа мы наловили по полному целлофановому пакету. Вес пакета оказался больше двух килограмм. Такого большого улова до этого у меня еще никогда не было. И все ....., я пропал. Теперь я уже не мог не сходить на рыбалку между дежурствами. Душа моя поселилась на водоеме, и постоянно звала меня к себе. Я больше не мог обходиться без рыбалки. Зимняя рыбалка начала мне нравиться гораздо больше летней. На летней рыбалке забросил удочки, и сидишь, ждешь поклевки. А на зимней рыбалке нужно играть мормышкой, и именно от твоей игры зависит, клюнет рыба, или нет. Получается такое единоборство с рыбой, что гораздо интереснее летней рыбалки. А когда меня спрашивают, почему я начал ходить на зимнюю рыбалку, я неизменно отвечаю, что зимней рыбалкой я увлекся исключительно благодаря своей жене. И это ведь чистая правда.

Позже мы с Мишей ходили и на Оку. Но туда пока приходишь – уже весь мокрый от пота, а сидеть потом потному

на ветру не очень приятно. А старые рыбаки говорили, что они совсем не вспотели за время пути. Однажды нам удалось раскрыть их секрет. Мы не торопясь шли на Оку за идущими впереди двумя старыми рыбаками, и догнали их уже в посадке перед рекой. Они стояли без верхней одежды и надевали свитера. Оказалось, что из дома они, в отличие от нас, идут без свитеров, свитера они несут в рыбацком ящике, и только дойдя до места рыбалки, надевают свитера. Мы тоже стали так делать, и больше мокрыми на рыбалку не приходили. Но крупных уловов на Оке у нас не было. Один раз я правда поймал окуня на полкило. В тот день было полное бесклевье, рыбаки перемещались по льду от лунки к лунке, но ни у кого ничего не клевало. Я решил попробовать ловить на границе между стоячей водой и началом течения. Морышка мизерная, меньше половины грамма, и вместо мотыля я решил использовать личинку, похожую на большую икринку, которая зимует в стволе чернойбыльника. Пробурил вдоль границы течения десятков лунок, и стал их по очереди обследовать. В третьей лунке почувствовал сильный удар в руку. Клынуло что-то крупное, таких поклевков у меня еще не было. Попытался поднимать леску вверх, но она не поднималась. На крючке было что-то тяжелюшее. Минут через пять леска начала поддаваться. Я медленно поднимал свою добычу вверх. Рыба не дергалась, не делала никаких рывков, просто очень тяжело поднималась. Наконец-то я завел рыбу в лунку, а когда она показалась из лунки, я просто обалдел.

Большая круглая голова заняла всю лунку. Это был какой-то монстр, по виду головы я даже не мог определить тип пойманной рыбы. Только когда я вытащил ее из лунки, стало понятно, что это большой окунь. Но, в отличие от обычных окуней, он был не очень длинным, но очень толстым, поэтому я его сразу и не узнал. Крючок мормышки глубоко вошел в верхнюю мясистую губу окуня. Вытащить крючок руками я не смог, следовательно, и у окуня не было никаких шансов сбежать. Вытащить крючок удалось только пассатижами, которые имеются в моем рыбацком ноже. Весил он ровно полкило. Пока я возился с окунем, ко мне и подбежали несколько рыбаков. В этот день ни я, ни другие рыбаки больше ничего не поймали. Это была единственная поклевка на всех рыбаков, и она досталась именно мне. Я был несказанно счастлив. Весть о моей удаче быстро разошлась между рыбаками, поэтому всем хотелось посмотреть на мой улов, и я с гордостью демонстрировал его всем желающим.

Был у меня в том году еще один, сравнительно большой улов. Мы с Мишей в очередной раз рыбачили на Оке, но клев был никудышный, и мы практически ничего не поймали. А когда возвращались домой, решили зайти еще и в Затон, вдруг там что-то клюнет. В затоне рыбаков уже тоже не было, видать и здесь не клевало. Я мало верил в успех этого предприятия, поэтому бур не стал разворачивать, а сел на старую, уже почти затянувшуюся коркой льда лунку. И на первой же проводке получил поклевку. Внизу дергалось

что-то приличное, сопротивлялось и пыталось уйти. Но мне удалось его вытащить. Это был приличного размера судак, который весил триста пятьдесят грамм. И хорошо, что это оказался судак – длинная и узкая рыба. Другая рыба в такую узкую лунку просто не пролезла бы. Мне опять повезло. Вот так я и стал зимним рыбаком. И это теперь уже навсегда. Без рыбалки я жить больше не могу, постоянно тянет на рыбалку как магнитом. Как говорится, лиха беда – начало. Стоит только попробовать, потом человека от рыбалки уже не оторвать.

Ограбление

В девяностые годы прошлого века, когда Россия, под мудрым руководством ее первого, правда не всегда трезвого, президента, Бориса Николаевича Ельцина, двинулась по пути к демократии, и деятельность Коммунистической партии, которая в свое время исключила Бориса Николаевича из членов Политбюро, уже была запрещена, а заводы и фабрики, как пережиток коммунистического прошлого, перестали работать, перед людьми встал вопрос: «Как жить дальше?» У большинства людей работы не было, а те, которые еще работали и получали зарплату, вынуждены были тратить все деньги сразу после получения заплаты, так как через месяц они обесценивались в два раза. В этих условиях большинство людей начали учиться торговать. Торговали всем, чем придется: куриными яйцами, сливочным маслом, электрическими утюгами, духами, обувью и одеждой. Кандидаты, и даже доктора наук ездили в Турцию и Китай челноками, закупали там пуховики и дубленки, а затем, на российских рынках продавали весь этот товар. Далеко не у всех это получилось, но некоторые раскрутились, и стали предпринимателями. Некоторые, в основном бывшие спортсмены, нашли более легкий способ добычи денег, и пошли в бандиты. Те же, которые в бандиты идти не хотели, а торговать не умели, пошли в охрану. В основном это были, мало приспособлен-

ные к гражданской жизни, бывшие военные. Бывшие милиционеры оказались немного пошустрее бывших военных, и стали их начальниками.

Вот такая группа, в составе трех начальников – бывших милиционеров, и сорока охранников – в основном бывших военных, и охраняла склады в Бирюлево. Основной фирмой, которая располагалась на этой территории, была фирма «Росервис», именовавшаяся так в честь ее владельца, болгарина по имени Ростислав. Фирма имела много ресторанчиков и точек питания под названием «Ростик», разбросанных по всей Москве, а здесь располагались цеха по выпечке булочек и круассанов, изготовлению тортов, и разделке и приготовлению курей. Кстати, торты этой фирмы действительно были замечательными, особенно «Черный лес», и, так называемые, сырные. В этой же фирме была и столовая, которая кормила всех работников этих складов, причем, охрана питалась бесплатно. Была еще одна большая, и очень хорошая голландская фирма «Эмборг». Эта фирма поставляла продукцию во все рестораны Москвы, и очень скрупулёзно следила за качеством поставляемой продукции. На их складах товар, у которого заканчивался срок годности, заранее отбраковывался, и специальными машинами вывозился на мусорные полигоны. Потом местные руководители подсказали этим тупым голландцам, что они зря тратят деньги на утилизацию еще не совсем просроченного товара. Товар, у которого оставалось еще день или два до окончания срока

годности, стали вывозить на тележках в распоряжение местной мусорки, и там оставлять. В течение часа местные работники, в том числе и охранники, разбирали все вывезенное, а фирма начала экономить большие деньги на утилизации. Каких только деликатесов местные работники здесь не попробовали, и вяленая рыба, в том числе и деликатесные вяленые угри, и консервы из мяса акулы, и вяленая оленина, и невиданные ими раньше сорта колбас. Но, недолго счастье их тянулось. Наученные русскими товарищами экономии, голландские менеджеры пошли еще дальше, они вообще перестали выбрасывать просроченную продукцию. Они стали нанимать студентов, которые, за умеренную плату, поверх бирок с просроченными датами, наклеивали новые бирки с актуальными датами. Халява закончилась.

Кроме этих крупных фирм, которые содержали по одному охраннику на каждом своем складе, была еще масса мелких фирм и фирмочек, которых вполне устраивало уже то, что на въездных воротах дежурят три охранника. Среди них была фирма, которая арендовала большой металлический ангар, и названия которой никто не знал. Директором этой фирмы был косоглазый Саша, который пригонял фуры с дагестанской поддельной водкой. В этом ангаре женщины, из числа лиц без определенного места жительства, в чане с водой замачивали бутылки с этой водкой, снимали с них прежние этикетки, а вместо них наклеивали этикетки водки известных дорогих брендов. Водку с новыми этикетками Саша

опять загружал в фуры, и куда-то отвозил.

Была еще одна странная фирма, которая собиралась варить чешское пиво. В арендованном складе она установила оборудование для производства пива. Установила также оборудование для производства пластмассовых бутылок. Директором этой фирмы был молодой человек лет двадцати пяти, с явными признаками дауна, который всем представлялся как Петя. Никаких других работников на этой фирме не было. Пете привезли сусло, сахар, и небольшую книжечку, с описанием процесса приготовления пива. Читая эту книжечку, Петя и сварил первую партию пива, которым и угощал всех желающих. Получившееся варево пить было невозможно, и пиво оно не напоминало даже отдаленно. Больше Петя ничего не варил, так как не из чего было. О нем все забыли, даже за работу ничего не заплатили. Хозяева здесь больше не появились, так и не заплатив за аренду помещений, и арендодателям пришлось за свой счет демонтировать все установленное оборудование и сдать его в металлолом.

Была еще одна маленькая фирмочка, которая торговала курами. В бараке, стоявшем возле въездных ворот, она сняла небольшую комнатку под офис, и установила на территории складов небольшой контейнер-холодильник, в котором и держала свой товар. Она где-то оптом закупала тушки курей, а здесь мелким оптом и в розницу их продавала, причем не на вес, а на штуки. За счет разницы цен на опт и розницу, они и существовали. В их офисе обычно находи-

лись кассирша и кладовщица, отпуская курей. Иногда они на несколько дней закрывались на технический перерыв, во время которого приносили из холодильника в свой офис бумажные ящики с тушками курей, размораживали их, замачивали в растворе горчицы, и, после высыхания, уносили обратно в холодильник.

Точно так же работали и две другие небольшие фирмы, снимавшие комнатки под офисы в этом же бараке. Одна из них торговала мороженым, а другая рыбой. В бараке, в котором они снимали комнатки под офисы, было два входа: в первом размещалась охрана ворот и общая раздевалка для всей охраны, а во втором – офисы этих фирм. Никаких указателей, показывающих расположение этих фирм, и названий этих фирм нигде не было, и покупатели, приходившие в эти фирмы, спрашивали куда им пройти у охраны. В зависимости от того, что покупателям было нужно, охрана и объясняла, куда им дальше идти. Если за мороженым, то на второй вход в бараке, а дальше с коридорчика налево, если за селедкой, то с коридорчика прямо, а если за курами – то направо.

В тот день, сразу после обеда, пришли два небритых, невзрачно одетых молодых человека, и спросили, как пройти за курами. Обычно именно такой контингент и был покупателями этой фирмы, поэтому, ничего подозрительного охрана в них не увидела. Зайдя в коридорчик на втором входе в барак, один из них, старший по виду и с несколькими

синими перстнями, наколотыми на пальцах руки, вытащил из кармана пистолет ПМ, передернул затвор, и придерживая его рукой, чтобы не было слышно щелчка, аккуратно дослал патрон в патронник. Затем оба зашли в куриный офис, и, угрожая пистолетом кассирше, которая там находилась одна, потребовали отдать им все деньги из кассы. Перепуганной кассирше ничего не оставалось, как отдать им все деньги, больше тридцати семи миллионов рублей. Деньги не такие уж и большие, но и не маленькие, месячная зарплата простого охранника тогда составляла немного больше миллиона рублей. Довольные легкой добычей, грабители, улыбаясь, пошли к воротам. Но кассирша, быстро отойдя от шока, выскочила вслед за ними, и закричала: «Держите их, они нас ограбили». На против ворот, возле офиса компании «Бирюлево», которой и принадлежали здешние склады, как раз стояла толпа народа, курившего здесь после обеда. Естественно, все повернулись в сторону грабителей. Они не выдержали столь пристального к себе внимания, и побежали к воротам. На воротах в это время стоял Витя Родин, прапорщик, раньше служивший с строительных войсках. Не долго думая, он подставил ногу ближайшему, пробегающему мимо него грабителю. Тот споткнулся и чуть не упал, но на ногах, все-таки, удержался. Грабитель остановился, вытащил пистолет и направил его Вите в голову, но потом передумал, прицелился Вите в ногу и нажал на спусковой крючок. Послышался сухой щелчок, но выстрела не последовало. Бандит чер-

тыхнулся и передернул затвор, но он в переднее положение не вернулся, а остался в отведенном назад положении. Это и спасло Вите ногу, а может и жизнь. Витя понял, что первый патрон остался в патроннике, то есть в стволе, а второй вышел из обоймы, и уперся в него, поэтому пистолет и заклинило. Бандит же не стал больше разбираться с пистолетом, сунул его в карман, и побежал дальше.

Всю эту картину наблюдал и находящийся возле офиса заместитель начальника службы безопасности Арсирий Анатолий Карлович, бывший начальник ГАИ какого-то города в Узбекистане, человек в возрасте около пятидесяти лет, достаточно высокий и крепкого телосложения.

– Быстро заводи машину! – крикнул он стоявшему рядом бирюлевскому водителю.

Не успели беглецы скрыться за поворотом, как Арсирий уже подъехал на этой машине к воротам.

– Быстро садись в машину! – скомандовал он Родину, который по комплекции, пожалуй, не уступал Арсирию.

Грабителей они нагнали метров через двести за поворотом, в начале Покровского рынка. Они уже перестали бежать, и спокойно шли по тротуару, больше не опасаясь преследования.

– Ты бери на себя молодого, – сказал Вите Арсирий, – а я займусь тем, у которого пистолет.

На остановившуюся машину бандиты даже внимания не обратили, чем упростили свое задержание. Витя скрутил мо-

лодого быстро, тот даже не пытался сопротивляться. Со старшим Арсирию пришлось немного повозиться, но достать пистолет он не успел, а мощный удар в челюсть заметно уменьшил его желание сопротивляться. Руки им связали их собственными поясными ремнями, и привезли обратно. Пока ожидали приезда милиции, Арсирий проводил свое собственное дознание.

– Ну и кто вас навел на эту фирму? – интересовался он.

– Да никто, – отвечал старший бандит, – случайно узнали, что они выручку по несколько дней не сдают.

– Что же ты такой бестолковый? – спросил он бандита. – Судя по перстням – три ходки, а ума до сих пор нет.

– Надо было конечно связать эту курицу, – соглашался бандит, имея в виду поднявшую тревогу кассиршу, – кто же мог предположить, что она так быстро очухается?

– А вот пользоваться пистолетом ты не умеешь, – заявил Арсирий, рассматривая отобранный у бандита пистолет. – Небось затвор придержал, когда передергивал, вот захваты выбрасывателя патрон и не захватили, а просто уперлись в него. Поэтому, при выстреле, боек до капсюля патрона и не достал. Поэтому, при следующем передергивании затвора, первый патрон не выбросился, а второй дослался, вот пистолет и заклинило. В армии небось не служил?

Бандит слушал рассуждения Арсирия как китайскую грамоту.

– Я в то время уже на зоне чалился, – гордо ответил он.

– А тебя я запомнил, – повернулся бандит к Родину, – мы с тобой еще встретимся.

– Ты, со мной? – удивился Витя. – Не советую. Я ведь тебя голыми руками задавлю.

Прибывшие сотрудники милиции, вместо благодарности за задержание преступников, прежде всего указали Арсирию на неправомерность его действий. Если бы он сам погнался за вооруженными преступниками, то это его дело, но привлекать для этого не вооруженного охранника, он не имел права. Это ведь хорошо, что бандит не успел перезарядить пистолет, а так было бы два трупа. Зато директор этой куриной фирмы, деньги которой они спасли, оценил их подвиг по достоинству, и прислал им подарок – по одной куриной тушке, из своего холодильника, каждому. Но и Арсирий, и Витя от такого щедрого подарка почему-то отказались.

Умный сантехник

Михаил просто удивлялся бестолковости своего руководства. Гонору на десятерых, а ума совсем нет. Какой дурак их руководителями назначил? Лето заканчивается, а о подготовке к зиме они даже не думают. Прошлый год их абсолютно ничему не научил. Ну разве ж так можно работать? А зимой в корпусах опять прорвет трубы отопления. Опять горячей водой зальет и товар, и компьютеры сотрудников. Все будут замерзать, а им, сантехникам, опять придется в мороз трубы менять. А потом еще и премию не выплатят, ссылаюсь на то, что при аварии фирма понесла большие убытки. Ну неужели нельзя летом, пока тепло, провести профилактические работы? На прежней работе, где Михаил руководил бригадой технических рабочих, у него никогда никаких аварий не было. Видно ведь, что трубы гнилые, и зиму не выдержат. Или это только ему одному видно? Другие ничего не видят.

Михаил поговорил с другими сантехниками. Они тоже все это видели, но предпочитали в работу руководства не вмешиваться, и помалкивать. Деньги платят, и ладно. Тем более, что фирма Россервис, в которой они работают, иностранная. Чего лезть не в свое дело? Условиями работы они довольны. Каждый день в смену заступают по два сантехника. А еще в технической смене дежурят электрик и сварщик. Аварии

случаются редко, поэтому, на дежурстве техническая смена в основном играет в карты, а за это еще и деньги получают. Чем плохая жизнь? Грех на такую жизнь жаловаться. Ну а то, что иногда приходится устранять аварии в мороз, так это жизнь, никуда от этого не денешься, иногда и повкалывать нужно. Но Михаил все не мог успокоиться. Он решил переговорить со всеми сантехниками, и убедить их в необходимости проведения профилактических работ.

– Ну как ты не понимаешь? – убеждал он очередного сантехника, – если мы летом все поменяем, то потом, в мороз не будем вкалывать. Аварий не будет, и мы будем тихо и спокойно дежурить в тепле. Ну ты со мной согласен?

– Я не знаю, тебе видней, – отвечали сантехники. – Ты один среди нас с высшим образованием. Смотри только, чтобы от этого хуже не было. Какому начальнику понравится, что его подчиненные учат, как правильно работать? Давай лучше оставим все как есть.

– Да не бойтесь вы. Я к самому Норберто схожу, и все ему объясню. Он поймет, а нашему начальнику просто поступит команда сверху, он даже знать не будет, что все это мы сами придумали.

И Михаилу удалось-таки уговорить всех сантехников. Теперь все были согласны с его предложением. Действительно, зимой лучше спокойно дежурить в тепле, чем вкалывать на морозе.

Михаил, как и обещал, сходил к генеральному директору

Норберто, все ему объяснил, и даже сам удивился, что тот все сразу понял, и с ним полностью согласился, только предупредил, что за дополнительную работу он доплачивать не будет. Но Михаил его заверил, что ничего доплачивать и не нужно, ради общего блага сантехники поработают и бесплатно. И работа закипела. Между своими дежурствами, сантехники каждый день выходили на работу. Все восемь сантехников и четыре сварщика работали каждый день больше месяца. Они срезали в корпусах все старые трубы отопления и заменили их новыми, которые закупил Норберто. Практически за месяц они сделали капитальный ремонт отопительной системы предприятия, не получив за это ни копейки. Но они были уверены, что делают все это для своего же блага. Ведь теперь аварий не будет, и они всю зиму будут дежурить в тепле, им больше не придется вкалывать на морозе, устраняя результаты аварий.

Но понимали это не только они, но и генеральный директор, он ведь тоже был с высшим образованием. Капитальный ремонт системы отопления проведен, зимой аварий больше не будет. А зачем тогда держать по два сантехника в дежурной смене? Зачем платить лишние деньги? Чтобы устранять мелкие неисправности, достаточно и одного сантехника в смене. Да и сварщики в дежурной смене больше не нужны, раз аварий не будет, достаточно держать всего одного сварщика, который будет работать только днем. Действительно дельную вещь ему подсказал этот «умный сантехник». Со-

лидная экономия для предприятия будет. Как только закончили работы на системе отопления, четыре сантехника, и три сварщика были уволены. Среди уволенных оказался и «умный сантехник» Михаил. Никакую компенсацию за проделанную сверхурочную работу им, конечно же, не выплатили. Со своими знаниями, полученными в советском техническом ВУЗе, Михаил никак не вписывался в новую, рыночную экономику, в которой действовали свои, волчьи законы. Такого результата от своей, казалось бы правильной инициативы, он даже предположить не мог. Ведь это именно из-за него семь человек остались без работы. И правильно, что уволенные сантехники и сварщики его чуть не убили. Ему пришлось на коленях просить у них прощения за свою дурную инициативу. Еще хорошо, что его тоже уволили, всем было понятно, что он не специально их подставил, а так бы точно убили.

Но проведенной реконструкцией остались довольны оставшиеся работать сантехники. Как и обещал Михаил, теперь они всю зиму будут дежурить в тепле, и им не придется больше вкалывать на морозе. А больше всех в этой ситуации выиграл Норберто, у которого, в отличие от сантехника Михаила, было не техническое, а высшее экономическое образование. За умелое руководство предприятием, и экономию средств, он получил большую премию.

Первая рыбалка на Оке

Рыбалка в пруду и на реке очень сильно отличаются. Я с детства рыбачил в прудах, так как в той местности, где я жил, не было мало-мальски приличной речки, на которой можно было бы рыбачить. Один только раз я рыбачил с лодки на Десне, в компании двух опытных рыбаков. Как известно, рыбачить втроем с лодки не очень удобно, что называется – третий лишний. Поэтому, опытные рыбаки заняли места на носу и на корме лодки, а меня, шестнадцатилетнего пацана, поставили на середине лодки. В проводку ловили голавлей. Мало того, что я в проводку вообще ловить не умел, так мне еще нужно было так забрасывать свою удочку, чтобы не мешать ни одному, ни другому рыбаку. И, тем не менее, одного голавля, весом примерно на полкилограмма, я тогда поймал. Лет через двадцать после этого, я решил сходить порыбачить на Оку. Зимой я там уже рыбачил, а вот летом еще ни разу туда на рыбалку не ходил. И ловить я решил не на поплавочную удочку, а на закидушки с кормушками. Мест для рыбалки я тоже толком не знал, поэтому решил идти в район пляжа, куда мы иногда ходили купаться. Там, частенько, и рыбаки сидели. Приготовил две удочки длиной 210 см, и телескопический спиннинг, с лучшей советской катушкой «Дельфин». Для спиннинга я приготовил снасть для ловли на живца, а для удочек – шесть комплектов снастей с кормушками. В ка-

честве прикормки забрал из холодильника гречневую кашу. Рыбаки для этой цели обычно используют пшеничную кашу, но мне казалось, что гречневая каша рыбу будет привлекать лучше, так как, по моему мнению, она вкуснее пшенной. В качестве наживки – черви и опарыш.

В шесть часов утра я уже был на берегу Оки. В том месте, куда я пришел, ни одного рыбака не было, только гораздо левее, ближе к тому месту, где в Оку впадает Нара, сидел один рыбак. Я поставил две удочки прямо на пляже. Здесь берег песчаный, поэтому легко втыкать колышки для удочек, а в других местах берег каменистый, и там деревянные колышки вообще нереально воткнуть. Посидел с пол часика возле удочек, но ни одной поклевки не было, и я решил снарядить из спиннинга поплавочную удочку и поймать живца. Живцов мне удалось поймать довольно быстро. И в том месте, где я их ловил, почти возле самого берега, на них охотилась какая-то довольно крупная рыба, ее всплески были настолько мощными, что мне захотелось ее поймать. Звона колокольчиков от заброшенных удочек с кормушками слышно не было, и я занялся снастью для ловли на живца. Насадил живца на крючок, и забросил спиннинг как раз в то место, где охотилась большая рыбина. Она не заставила себя долго ждать, раздался громкий всплеск как раз в том месте, куда я забросил живца. У меня аж сердце замерло. Сейчас клюнет! Но поклевки не последовало, видимо хищник схватил какую-то другую рыбку. Минут через пять атака повторилась, и серд-

це у меня опять замерло. Но поклевки опять не было. Так повторялось еще несколько раз, но мой живец атакующего хищника так и не заинтересовал. Я не понимал, почему хищник не клюет на мою рыбку, она ведь не может далеко убежать, и должна быть идеальной целью для хищника, но мы с ним видимо по-разному мыслили, и мою рыбку он почему-то брать не хотел. А потом атаки хищника в этом месте вообще прекратились, и я ушел к своим удочкам, так как уже пора было поменять наживку и корм в кормушках. К моему удивлению, на одной из удочек сидел неплохой голавлик, весом примерно грамм на четыреста. А колокольчик даже не звенел. А может я его просто не слышал? Только хотел перезабросить удочки, как на пляж пришла какая-то мамаша с детьми. Пришлось уходить от пляжа левее.

Здесь на берегу еще был песок, колышки воткнулись нормально, но дальше дно уже было каменистое. На первом месте удочки у меня как-то с первого раза нормально забросились, а здесь начались проблемы. Кормушка падала слишком близко, и никак не хотела лететь туда, куда я планировал ее забросить. Только с четвертого раза я забросил ее нормально. Отсутствие опыта сказывалось. Поклевка случилась через полчаса, колокольчик звенел аж захлебываясь, и кто-то пытался сбросить мою удочку с колышка. Я вытащил неплохую густерку, весом примерно с полкило. Через полчаса еще одна поклевка, примерно такая же, как и первая. Я подумал, что надо было сразу здесь становиться, здесь место

клевое, не то, что на пляже. После подсечки рыбы, я начал выматывать леску. Рыба шла тяжело, по весу она была явно больше первой. Когда половина лески уже была вымотана, произошел зацеп. Все мои попытки от него избавиться, ни к чему не привели. Пришлось тянуть леску на себя со всей дури, в результате чего вся снасть, вместе с кормушкой и рыбой, осталась в реке. Пришлось ставить запасную кормушку. И больше поклевов долго не было. Чтобы увеличить вероятность поклевки, я решил забросить еще одну удочку, снарядив кормушкой спиннинг. Забрасывать эту снасть с гибким удилищем, оказалось намного хуже, чем более жесткие удочки. Кормушка опять падала не туда, куда нужно. Наконец-то кормушка полетела далеко. Но оказалось, что она летит дальше, чем мне нужно, и я решил немного придержать леску. Придержал. Кормушка улетела туда, куда и хотела, оторвавшись от лески. Произошел так называемый отстрел кормушки. Я тогда еще не знал, что во время заброса леску нельзя придерживать. Прицепил на спиннинг еще одну кормушку, и снова забросил. И снова отстрел кормушки. На этот раз, во время заброса, почему-то скоба на катушке закрылась. Еще нет и девяти часов утра, а я уже потерял три кормушки из шести. Следующий заброс был удачным, и теперь я ловил сразу на три удочки. Но поклевов не было. Только через час что-то клюнуло. Вытащил еще одну густерку, размером немного больше ладони. Потом еще одну, примерно такого же размера. А дальше я только переза-

брасывал удочки, добавляя прикормку в кормушки. Солнце пригревало, и становилось жарко. Моя прикормка размягчилась, и перестала держаться в кормушках. Если бы в нее добавить сухарей или муки, она опять стала бы нормальной. Но ни того, ни другого у меня с собой не было. Попробовал добавить в прикормку песок. Прикормка стала плотнее, но вместе с тем и тяжелее. При следующем забросе кормушки с такой прикормкой, опять произошел отстрел кормушки. Теперь я остался с двумя удочками. А жара уже донимала со страшной силой. Я выпил весь чай и всю воду, и больше пить было нечего. Жутко мучила жажда, но уходить домой еще не хотелось, так как я планировал проверить наличие клева за весь день, чтобы в дальнейшем ходить на рыбалку именно в то время, когда есть клев. На мое счастье, мимо проходила какая-то компания, с пятилитровой флягой воды. Они и спасли меня от уже невыносимой жажды, отлив мне пол-литра воды. Они же меня и предупредили, что я зря дальше здесь сижу, до самого вечера больше клева не будет. Подаренной мне воды хватило ненадолго, вскоре бутылка опять была пустой. При очередном выматывании кормушки опять произошел зацеп. Минут пять я промучился, пытаюсь спасти кормушку, но все мои усилия были тщетны. Зацеп был жестким, и кормушка не хотела отцепляться. Момент был критическим. Если я потеряю и эту кормушку, то ловить дальше на одну удочку не будет смысла. Нужно было как-то спасти эту несчастную кормушку.

И мне в голову пришла просто гениальная идея – доплыть до кормушки, и вытащить ее, поднимая леску вертикально. Как я раньше до этого не додумался? Ведь так можно было спасти все кормушки, потерянные в результате зацепов. Сказано – сделано. Я разделся и поплыл к месту, где должна была находиться кормушка. Нырнул, и попытался найти под водой леску, но леска не находилась, и до дна я не достал, здесь была глубина не менее трех метров. А когда вынырнул и осмотрелся, то оказалось, что я нахожусь метрах в двадцати от кормушки. Первый блин был комом. Я выплыл на берег и пошел обратно к удочкам. Нужно было менять тактику. Нужно было плыть к кормушке, держа леску в руке, тогда у меня будет шанс оказаться над кормушкой и дернуть леску вверх. Я взял леску в левую руку, и гребя правой рукой, поплыл к кормушке, но очень скоро понял, что гребя одной рукой, мне не справиться с мощным течением. Положил леску себе на плечо, и, гребя двумя руками, поплыл дальше. Но и эта уловка меня не спасла. Через некоторое время я почувствовал, что леска очень больно врезается мне в шею. Оглянувшись вокруг, я понял, что меня опять очень сильно снесло влево.

Нужно было плыть против течения, чтобы добраться до места расположения кормушки. И я поплыл. Преодолеть течение можно было только плывя «кролем». Обычно я мог проплыть кролем без остановки не менее пятидесяти метров, и по плаванию имел только отличные оценки, но здесь у

меня хватило сил только на то, чтобы проплыть против течения буквально метров пятнадцать, дальше сил хватало только на то, чтобы держаться на месте и не давать течению себя сносить. До места расположения кормушки оставалось каких-то пять метров, но сил, чтобы их преодолеть, у меня уже не было. Пришлось бросить леску и плыть к берегу. Стало понятно, что осуществить свою гениальную идею я не смогу, у меня на это просто не хватает сил, течение в Оке слишком мощное. Почему-то вспомнился рассказ школьного учителя о том, как принимали в Запорожские казаки: претендент должен был трижды перекреститься, и переплыть Днепр туда и обратно, вернувшись в точку заплыва. А ведь в Днепре течение не меньше, чем в Оке. Меня в казаки точно бы не приняли. Такой экзамен я бы не сдал.

Поскольку кормушку отцепить не удалось, ее пришлось обрывать. Несмотря на все мои старания, я потерял еще одну кормушку, а ловить дальше на одну оставшуюся удочку, большого смысла уже не было. Я собрал свои снасти, и потихоньку пошел домой. Итак, в эту первую рыбалку на Оке, я потерял пять снастей с кормушками, и поймал четыре рыбки, общим весом немного больше килограмма. На те деньги, которые стоили утерянные кормушки, в магазине можно было бы купить намного больше рыбы, чем я поймал. Но для рыбака смысл рыбалки не столько в количестве пойманной рыбы, сколько в самом процессе ожидания поклевки и последующем вываживании рыбы, хотя, когда клева совсем

нет, тоже плохо. Как позже оказалось, это был не самый плохой мой улов. В дальнейшем были дни, когда приходилось довольствоваться двумя совсем мелкими густерками. Были и дни, когда все утро нет ни одной поклевки, а в обед, когда уже потерял всякую надежду на поклевку, и свернул половину удочек, вдруг клюет огромный лещ, и поездка на рыбалку сразу становится оправданной. Все зависит от погоды, от природы, а больше всего, от рыбацкого везения и удачи. Повезет – будешь с хорошим уловом, а если не повезет – останешься ни с чем. Вот такое оно – рыбацкое счастье, никогда не знаешь, когда найдешь, а когда потеряешь.

Вредительство

Была пятница, последний день рабочей недели. Охранники, как обычно, второй электричкой ехали на смену, и, как обычно, полтора часа дороги играли в карты. Народ в вагоне в основном спал, досматривая те сны, которые не успели досмотреть дома в постели. Их периодически будили бродившие по вагонам продавцы товара, которые громко, иногда даже в громкоговорители, рекламировали продаваемый ими товар. Товар этот, в большинстве своем, был некачественным, но цена была привлекательная, тем более, что продавцы всегда говорили, что в магазине такой товар стоит намного дороже, да и инфляция просто зашкаливала, за месяц деньги обесценивались в два раза, и за этот месяц деньги нужно было куда-то потратить, иначе они просто пропадут, поэтому, некоторые пассажиры этот товар покупали, хотя рядом сидящие и говорили им, чтобы не покупали. Многие из купленного таким образом, потом выбрасывалось на мусорку. Так одним из охранников был куплен стеклорез. Почти такой же как обычный, с колесиком для резки стекла, только еще с трубочкой, в которую заливался керосин, поступающий к колесу. Продавец наглядно демонстрировал чудесные свойства этого стеклореза. Он легонько проводил колесиком по куску стекла и после этого легко разламывал его пополам. Потом проводил колесиком в пяти или семи миллиметрах от

края стекла, и опять легко пальцами отламывал эту полоску, ровненькую и аккуратную. Соблазнившись на такие чудеса, охранник и купил этот стеклорез. Ему продали конечно не тот, который демонстрировали, а другой. Так вот, этот другой, вообще ничего не резал, хотя человек, купивший его, не был новичком в этом деле, и прекрасно резал стекла обычным стеклорезом. Другой охранник купил универсальные ножницы, которые прекрасно резали как бумагу, так и железо. Демонстрируя товар, продавец кончиками ножниц разрезал бумагу, а затем, той частью ножниц, которая находится ближе к центральному винту, разрезал медную монету. Продали, естественно, не демонстрационные ножницы, а другие, которые, как выяснилось позже, вообще ничего не резали.

Пару раз за поездку проходили попрошайки, собирающие деньги на билет домой или на лечение ребенка. Многие люди им подавали, кто сколько может, но только не охранники, которые видели этих попрошаек здесь уже несколько лет подряд, и точно знали, что им никуда не нужно ехать, и никого не нужно лечить, таким способом они просто деньги зарабатывают, причем зарабатывают гораздо больше, чем люди, подающие им деньги.

Ни одна поездка не обходилась и без вагонных артистов. Одни играли на гармошке или баяне, другие играли на гитаре и пели, третьи просто пели, четвертые пели под магнитофон. В общем, разнообразие здесь было полное. Тем, кото-

рые пели хорошо и долго, хорошо и платили, они ведь трудились, а не просто деньги собирали. Тем, которые спев при входе в вагон только одну песню шли собирать деньги, давали деньги редко – какой труд, такая и плата. Пассажиры очень хорошо платили группе воинов-афганцев, состоявшей из трех человек, одетых в форму десантников, из которых один был на костылях. Они с большим чувством пели военные афганские песни, причем пели по несколько песен. К ним относились как к людям, прошедшим войну, а теперь оставшимся без средств к существованию. И все у этой группы было хорошо, пока однажды эта группа не вышла из вагона на промежуточной станции, наверно с целью пересесть на встречную электричку. Вот здесь инвалид с костылями и допустил промашку, он взял костыли подмышку, и спокойно пошел по перрону, а люди из окон тронувшейся электрички наблюдали эту картину. Слух об этом быстро распространился по электричкам, и щедрые сборы у этой группы закончились. Теперь на них смотрели как на ряженых, косящих под афганцев.

Играющих в карты от игры отвлекло объявление по электричке, что на платформе «Красный строитель» электричка останавливаться не будет. Об этом видимо уже не один раз объявляли, просто они этого не слышали. Придется ехать до платформы «Каланчевская», а уже оттуда добираться до Бирюлево. Так можно и на работу опоздать. Хорошо если успеют на свой служебный автобус, который возит рабочих от

метро. Но еще и не факт, что в этом автобусе для них найдется место. Им не повезло, служебный автобус был переполнен, и втиснуться в него не удалось. Пришлось идти на другую сторону моста, на остановку рейсового автобуса. Теперь на работу точно опоздают. На мосту стоял вооруженный автоматами полицейский патруль, следствие событий 11 сентября в Америке, который выборочно проверял пешеходов. Подозрительным показался им и охранник Сергей, который нес в руках приличной величины тяжелый сверток с проволокой цветных металлов, которую он собирался сдать в пункт приема металла и заработать немного не подконтрольных жене карманных денег. Другие охранники попытались вступить за Сергея, но полицейские предупредили, что если они будут вмешиваться, то задержат всех. Пришлось уезжать без него. А Сергей приехал на работу через два часа, весь цветмет у него, естественно, отобрали. Вот так неудачно началась эта смена. Дальше, правда, все шло нормально. И от начальства не сильно влетело за опоздание на работу, и весь день прошел без происшествий. К восемнадцати часам вечера практически все работы на складах были закончены, склады сданы под охрану, и рабочие уехали домой. Почти все автомашины Росервиса и Эмборга из рейсов вернулись. В ночную смену остались работать только работники пекарни, и кондитерского цеха, в котором изготавливали торты. А торты здесь делали замечательные, особенно такие, как «Черный лес» и сырные. На все праздники работники Би-

рюлево заказывали торты только в своем цехе. Те торты, которые продавались в магазинах, тортам из своего кондитерского цеха и в подметки не годились. А торты с истекшим сроком хранения, которые возвращали из ресторанов, раздавали работникам бесплатно. За счет этих раздач охранники и попробовали все виды тортов, которые производились в этом цехе. Всеобщее признание, как самый вкусный, получил торт «Нью Чиз». Это действительно было объедение, а не торт.

Последним, когда уже стемнело, прибыл из рейса автомобиль ЗиЛ-130 из фирмы «Эмборг». Его водитель, угрюмый и неразговорчивый мужик Виталий, поставил автомобиль на место, и чертыхаясь, и кого-то громко ругая, пошел переодеваться. Охранник автопарка осмотрел автомобиль, убедился, что на нем нет видимых повреждений, и тоже ушел в свой вагончик, стоявший на входе в автопарк. Вечером дежурный электрик Валерий сделал обход своих объектов, посмотрел в комнате старшего смены телевизор, и лег спать. Ночь прошла нормально, везде было тихо и спокойно. Утром, несмотря на то, что была суббота, приехал водитель ЗиЛа Виталий, и заведующий складом Эмборга. Им нужно было срочно отправить какой-то товар в один из ресторанов. Виталий не стал переодеваться, и сразу пошел заводить машину. Через пять минут он вернулся, и сообщил, что его машину ночью изуродовали, порезали все тормозные шланги возле колес. Без тормозов ехать в рейс он не мог. Доложили о происше-

ствии по команде, и Виталий уехал домой.

Это было явное вредительство, но зачем и кому это понадобилось? На эти вопросы ответа не было. Кому хотели насолить? Эмборгу, водителю, или охране? И кто? На базе ведь никого посторонних не было, только охрана и дежурный электрик. Ночные смены пекарни и кондитерского цеха из здания вообще не выходили, только утром, под контролем охранника, выбросили мусор, и вернулись обратно. Охранник автопарка уверяет, что на его территорию ночью вообще никто не заходил, только вечером приходил дежурный электрик. Но ему это зачем? К Эмборгу он вообще никакого отношения не имеет. И охрану подставлять ему незачем, уже пять лет в одной смене работают, и никогда никаких конфликтов не было.

Старший смены, вместе с охранником автопарка, осмотрели порезы на шлангах. Они были неровными и рваными, сделаны явно не ножом. На одном из шлангов, немного в стороне от основного разреза, имелся еще один небольшой надрез с вырванной резиновой оболочкой, на которой сохранились вмятины, как от тупых боко­резов. Через час приехал начальник службы безопасности. Посмотрели записи с камеры видеонаблюдения, которая стоит на входе в автопарк. Поврежденная машина стоит за углом, и ее с камеры не видно, а жаль. Никого посторонних в автопарке не было. В одиннадцать часов вечера зашел дежурный электрик, и буквально через пять минут вернулся. Дежурный охранник, как и по-

ложено, раз в час делал обходы автопарка, дважды за ночь приходил с проверкой старший смены, и они делали обход вместе с охранником. И больше никого не было. Получается, что тормозные шланги могли повредить только сам охранник автопарка, или дежурный электрик.

– Будем рассуждать логически, – сказал начальник службы безопасности. – Зачем охраннику портить то, что он охраняет? Чтобы с работы выгнали? Он не будет этого делать, да и бокорезов у него нет. Остается дежурный электрик, бокорезы у него точно есть, и возможность была.

– Да не мог он этого сделать, – возразил старший смены, – он в нашей смене уже пять лет работает, и никаких претензий к нему не было. Да и зачем ему это?

– Я не знаю, зачем ему это. Может за что-то водителю мстит, может еще что-то, но ведь больше некому. Ты ведь сам говоришь, что вечером водитель парковал машину в присутствии охранника, причем припарковал он ее вплотную к стене, значит тормоза были в порядке. Кроме вас двоих заходил сюда только электрик. Так что, вывод может быть только один – возможность порезать шланги была только у него.

На следующий день электрика Валерия уволили за вредительство. Как он ни пытался убедить всех, что невиновен и этого не делал, ему никто не поверил.

Через пару недель смена опять заступила на дежурство. Был будний день, народа много, везде суета. Водители Эм-

борга, собравшись кучкой, что-то обсуждают, пока идет погрузка их машин. Проходя мимо, охранник автопарка слышит, что водителя Виталия спрашивают, отпустил ли его начальник на свадьбу.

– Нет, не отпустил, – отвечает Виталий, – но я все равно съездил.

– И как тебе удалось?

– Пришлось в машине немного тормоза подправить, чтобы нельзя было на выезд ехать.

– Так это ты сам шланги порезал?

– А кто же еще?

– Да, только Валерку жаль, ни за что пострадал мужик. А когда ты успел, ведь у тебя машину охрана принимала.

– А я не пошел сразу в раздевалку, а когда охранник ушел, вернулся обратно, залез под машину и перекусил шланги. Все легко и просто.

Об услышанном охранник доложил начальнику службы безопасности. Водитель Виталий тоже был уволен за вредительство. А перед несправедливо обвиненным во вредительстве и напрасно уволенным электриком Валерием никто не то что не извинился, о нем никто даже не вспомнил. Вот такая жизнь в начале 21-го века. Вроде бы уже и не бандитские девяностые, когда в жизни людей не стало ничего святого, но гниль, которую они принесли в жизнь людей, укоренилась прочно, и, наверно, еще долгое время люди не смогут от нее избавиться.

Зимний лещ

В очередной раз я пришел на рыбалку в Затон. Просверлил первую лунку возле понтонов, и сразу же поймал приличного размера плотвичку. Крупная рыба, в смысле рыба, больше полкилограмма, в Затоне клюет крайне редко, поэтому плотвичка весом в двести граммов, уже считается приличной рыбой. После этого проверил еще с десяток лунок, но больше поклевки не было. Под берегом клевал совсем мелкий окунек, но его я ловить не хотел. Вернулся опять на середину водоема, пробурил новую лунку и сделал несколько проводок. Клынул нормальный окунек, больше ладошки размером. Опустил опять мормышку в лунку, и заметил, что она на прежнюю глубину не опустилась, а остановилась на двадцать сантиметров выше. На дне была какая-то неровность, то ли небольшой резкий свал, то ли там лежал какой-то предмет. Попробовал опустить мормышку с правого края лунки, и она опять опустилась на прежнюю глубину. Я сразу понял, что эта лунка очень перспективная, возле этой неровности всегда будет крутиться рыба. Мои надежды оправдались, буквально за полчаса я поймал еще двух приличных окуней и одну плотвичку, размером не меньше, чем была первая. Потом, на некоторое время, клев прекратился. Я уже собирался переходить на другую лунку, как опять последовала поклевка.

Подсек, и сразу же почувствовал, что на крючке сидит что-то огромное. Таких поклевков у меня еще никогда не было. Это что-то, тянуло с такой силой, что могло порвать леску. А лесочка ведь совсем тоненькая, всего 0,1 мм. Пришлось срочно стравливать леску. Стравил метра два лески, и рыба успокоилась. Успокоиться то она успокоилась, но поднять ее я не мог. Пару минут я держал леску в натяг, не зная, что делать дальше. У меня не было опыта вываживания таких больших рыб, и подсознательно я понимал, что, скорее всего, вытащить эту рыбку мне не удастся, но попробовать это сделать следовало. Наконец-то рыба сама стала двигаться, и пошла в сторону лунки. Леска ослабла, и мне удалось вытащить примерно метр лески. А рыба пыталась плыть дальше, и опять сильно натянула леску. Я вовремя не стравил леску, продолжая ее удерживать, и леска уперлась в край лунки. Ситуация была критической. Если я теперь буду стравливать леску, она может перетереться о край лунки, а если я не буду ее стравливать, то рыба может ее просто порвать. И я решил попробовать удержать рыбу не стравливая леску. Леска уже аж звенела, но рыба поняла, что вперед хода нет, и повернула назад. Пока она плыла обратно к лунке, я вытащил еще с полметра лески, и леска опять уперлась в край лунки, и опять натянулась так, что аж звенела. Мои нервы выдержали и этот натиск, и рыба опять развернулась и поплыла в обратную сторону. Через несколько таких проходов я подтянул ее довольно близко к лунке, и, при очеред-

ном ее проходе под лункой, я ее увидел. Это был огромный лещ, с очень широкой спиной, килограмма на полтора весом. Мне стало не по себе. Как я буду его вытаскивать? В мою лунку он вообще не пролезет. Чтобы его вытащить, нужно рядом пробурить еще одну лунку, тогда он может и пролезет. Но для этого нужно сначала подцепить его багорчиком, но багорчика у меня не было. Спросил о багорчике у сидящих неподалеку рыбаков, но у них его тоже не было. Да и никто багорчик в Затон не носит, здесь большая рыба не ловится. Надежда вытащить этого леща совсем испарилась, но я продолжал подтаскивать его к лунке. Вот он уже совсем рядом, но увидев свет, он испугался, и опять резко ушел на глубину, и мне опять пришлось стравливать леску.

И опять пошла борьба. Он ходил взад и вперед под лункой, а я потихоньку подтягивал его вверх, надеясь, что рано или поздно он устанет. Но, неожиданно для меня, лещ сменил тактику, он сам пошел резко вверх. Я такого от него не ожидал, и своевременно не выбрал леску. Буквально на мгновение леска ослабла, а когда я ее потащил наверх, то оказалось, что леща на крючке уже нет. Он воспользовался тем, что леска не была натянута, и выплюнул мормышку. Борьба закончилась победой леща, я эту схватку проиграл. Да оно и понятно, он ведь боролся за свою жизнь, а я всего лишь за еду, и то, не за последний кусок. Повезло мне хотя бы в том, что он не оторвал мою любимую очень уловистую мормышку, уже за это я был ему благодарен. Это была явно

не моя рыба, и вытащить ее у меня никаких шансов не было. Но адреналина у меня выплеснулось много. Руки у меня дрожали, и я еще с полчаса не мог играть мормышкой. Просто сидел возле лунки, и ждал, когда руки успокоятся. Было понятно, что даже в те места, где крупная рыба клюет очень редко, на рыбалку нужно ходить с багорчиком, а вдруг крупная клюнет.

На следующий день я съездил в магазин и купил себе багорчик. С тех пор он постоянно лежит у меня в рыбацком ящике, но поклевки такой крупной рыбы у меня больше не было. Только один раз он мне пригодился, когда в лунке, опять же в Затоне, у меня застрял подлещик грамм на четырехста. Леска тогда у меня оборвалась, а подлещик остался в лунке, только голова его торчала наружу. Его я и вытащил из лунки багорчиком. Но я надеюсь, что мой крупный зимний улов еще впереди, и мой багорчик мне еще пригодится.

Запах ладана

Электрик Саша появился в коллективе охранников после того, как был уволен прежний электрик Валерий, несправедливо обвиненный во вредительстве. Строго говоря, Саша появился не в коллективе, а примкнул к коллективу охранников. К тому времени дежурных сантехников и дежурного сварщика уже не было, в смене были только дежурные охранники, и дежурный электрик. Поэтому Саше ничего не оставалось, как дружить с охранниками, не сидеть же безвылазно одному в своей каморке, в которой и телевизора нет. А у охраны сразу два официально разрешенных телевизора: у старшего смены, и на въездных воротах. Если нет нештатных ситуаций, то работы у дежурного электрика не очень много, поэтому, по вечерам, Саша проводил время возле одного из этих телевизоров. Спокойный и уравновешенный, имеющий свое мнение, но не пытающийся навязать его другим, через некоторое время он стал своим в коллективе охранников. С его мнением не все, и далеко не всегда соглашались, да и по возрасту он был моложе охранников, в основном военных пенсионеров, поэтому к нему относились как к младшему товарищу, который в этой жизни еще не во всем разобрался, но у которого еще все впереди, и он обязательно во всем разберется.

Коллектив охранников был довольно дружным, как гово-

рится, со своими устоявшимися традициями. Особых традиций правда не было, но вот все праздники, в том числе и все дни рождения, они отмечали вместе, после смены с дежурства. Не зря говорят, что ничто так не сплачивает коллектив, как общее застолье. И в этом действительно что-то есть. После общих застолий народ становится дружнее, люди охотнее помогают друг другу, и, при необходимости, подстраховывают товарищей. Такие «застолья» организовывались в основном в посадке, расположенной между складами «Бирюлево» и железнодорожной платформой «Красный строитель», реже – в маленьком кафе, расположенном на самой этой платформе. В посадке им нравилось больше, здесь нет посторонних людей, как в кафе, можно без опаски и поговорить, о чем угодно, и спорить до хрипоты, никто тебя не остановит и не осудит. Пожалуй, именно это им и нравилось больше всего – возможность поговорить. Они ведь целые сутки находятся на своих постах и друг с другом не общаются. А здесь есть возможность пообщаться, высказать свое, наболевшее, и люди тебя выслушают. Может не во всем с тобой согласятся, но выслушают. А после пары выпитых рюмок, разговоры всегда откровенные, здесь уже никто на хитрит и не притворяется. Именно за это и любили эти выходы на природу, и неважно, лето это, или зима.

В какой-то праздник попал на такое застолье и Саша, и это мероприятие ему очень понравилось. С тех пор он стал постоянным участником этих выходов на природу. Сменя-

лись с дежурства в половине девятого утра, как раз к отмене электричек, которые всегда отменялись по будним дням до обеда, поэтому до ближайшей электрички в запасе не менее трех часов, если есть повод, то можно и в посадке это время скоротать.

– Ребята, – говорил Саша, – я думал, что у вас просто пьянка, а у вас тут целые диспуты. Вот только водка у вас не та! Вот у меня будет день рождения, и я настоящую водку принесу. Черноголовку.

Как-то зимой Саша предупредил, что на следующей смене будем отмечать его день рождения. Черноголовку он достал. Всем конечно было очень интересно, чем же отличается «настоящая» водка от той, которая продается в магазине. В день рождения Саши вся смена дружно вышла в посадку. Расстелили на снегу полиэтиленовую пленку, на ней разложили закуску: хлеб, колбасу, сыр, мясную нарезку и яблоки на десерт. И три бутылки черноголовки. Запивать Саша приготовил томатный сок. Первый тост – как водится, за именинника. Все дружно выпили, пытаясь понять отличие этой водки от той, которую они пьют обычно.

– Ну как? – спросил Саша. – Почувствовали разницу?

Мужики как-то неуверенно пожали плечами.

– Что, не почувствовали? – удивился Саша. – Ну тогда давайте еще по одной. Со второго раза точно почувствуете.

Налили еще по одной. Теперь предложили тост за родителей, которые у Саши еще были живы и здоровы. Выпили

все, кроме старшего смены Владимира.

– Саша, – сказал он, – в ней привкус и запах керосина. Ты где ее брал?

– Мне знакомые принесли. Сказали, что прямо с завода вынесли.

– По-моему, тебя обманули. Это подделка, – высказал свое мнение Владимир. – У меня дурной организм, если в водке есть примеси, то вторую рюмку такой водки я не могу выпить, так как у меня появляется рвотный рефлекс, который не позволяет мне проглотить такую водку. Вот и сейчас, я не могу выпить эту водку, как только я подношу рюмку ко рту, у меня все содержимое желудка кверху поднимается.

Другие тоже подтвердили, что в водке есть неприятный привкус. Саша налил себе в стакан еще немного водки, и попробовал ее более внимательно. Теперь и он почувствовал этот неприятный привкус. Расстроенный Саша закурил сигарету, на чем свет стоит ругая знакомых, которые его так подставили. Кто-то их охранников поднял со снега пустую бутылку и посмотрел ее на свет.

– Этикетка не на заводе наклеивалась, – сообщил он. – При заводской наклейке клей полосками наносится, а здесь один раз кистью провели. Точно подделка.

– А не Саша-косого ли это продукт? – предположил другой охранник. – Он ведь фурами привозит к нам в ангар дагестанскую водку. Там женщины в тазах замачивают эти бутылки, смывают старые этикетки, и наклеивают новые –

брендовые, в том числе и черноголовку. Я сам видел.

– Да не может быть, – не согласился с таким предположением Саша, – мои знакомые живут в противоположном конце Москвы.

– Так Саша-косой здесь водку и не продает, – подначил его еще один охранник, он ее потом по всем магазинам развозит.

– Да мошенников сейчас везде полно, Саша-косой не один. – поддержали и другие.

Грустно конечно, но не пропадать же добру. Старшему смены налили томатного сока, и остальную водку выпили уже без него. Дальше разговор пошел о мошенниках.

– А у нас в руководстве фирмы мало мошенников, что ли?! – не то спрашивал, не то утверждал Николай.

– Да Норберто и есть самый первый мошенник, – согласился Сергей. – Вон сантехники и сварщики больше месяца бесплатно вкалывали, а он заработанные ими деньги положил себе в карман, а их уволил.

– А вы заметили, что нам уже второй раз дают подписывать декабрьские зарплатные ведомости? – поинтересовался Виталий.

– Да, очень странно, – согласились все. – В прошлом году мы дважды подписывали декабрьские ведомости, говорили, что их утерjali, и в этом году опять утерjali ведомости, и опять именно декабрьские.

– Я думаю, что это мы расписывались за свою премию в размере оклада, – высказал предположение Владимир.

– Ну это уже наверно руководители нашей службы безопасности химичат, – предположил Михаил.

– А чего гадать? Саша, ты в этом году премию получал? – спросил Владимир.

– Получал, – ответил Саша.

– В размере оклада?

– Да.

– Ну за прошлый год ты не знаешь, тогда тебя еще не было. Так что, это мы, братцы, за премию расписывались. А раз другие работники премию получили, то точно наши начальники химичат.

– Вот сволочи! А ввали, что ведомости утеряли, – дружно вздохнули охранники. – И ведь никому не пожалуешься.

– Сходи, пожалуйста. Два года назад один ходил, пожаловался, что ему не полностью зарплату заплатили. Перед ним даже извинились, и все доплатили. А через два месяца уволили, – вспомнил Ярослав.

Всем стало очень грустно, и Саша опять закурил. К своему удивлению он обнаружил, что курит только один. Из двенадцати человек охраны ни одного курящего не было.

– Что больше никто не курит? – не поверил он своим глазам.

– И тебе не советуем. Бросай, дольше проживешь, – порекомендовали охранники.

– Да я уже пробовал, не получается, – сознался Саша. – И леденцами пытался заменить сигареты, как мне советовали,

но ничего на выходит. Больше одного дня не выдерживаю.

– Для этого какой ни будь стресс нужен, – сказал Владимир, – тогда точно бросишь. Вот мой тесть за один день бросил курить. И Владимир рассказал историю своего тестя.

Пошел тесть на прием к врачу, и пожаловался, что ему стало трудно дышать. Тот его осмотрел и спросил, много ли он курит. Тесть сказал, что не очень много, полторы или две пачки в день.

– Послушай дед, что я тебе скажу, – обратился к нему врач, – единственное, что у тебя осталось здорового – это лысина. Если не бросишь курить, то жить тебе осталось максимум полгода. А теперь иди и думай – жить, или курить.

А «деду» тогда было всего пятьдесят четыре года, и дедом он себя совсем не считал. Он вышел из кабинета врача, вытащил из кармана пачку сигарет, смял их и выбросил в мусорную урну возле больницы. С тех пор больше не курил, и прожил после этого еще двадцать лет.

– Твоему тестю просто повезло с врачом, он его вовремя напугал. А у меня откуда такому стрессу взяться, чтобы я тоже курить бросил? – вздохнул Саша.

А через пару недель Саша всем сообщил, что ему приснился страшный сон, и он бросил курить. Саше приснилось, что он лежит в гробу, везде горят свечи, и отчетливо чувствуется запах ладана. Возле гроба плачут жена и дети. Съехались все родственники, он четко видит их лица и всех узнает. Даже его нелюбимая теща плачет возле гроба и пригова-

ривает: «Ну зачем ты так с нами? Зачем умер таким молодым? На кого жену и деток оставил? Говорили ж тебе, придурку, чтобы бросил курить! Не послушал! Вот и докурился». Саша проснулся в холодном поту. Это явно был вещий сон. Ему казалось, что запах ладана он четко ощущал даже когда проснулся. Нужно бросать курить. Об этом его явно предупредили высшие силы. Он отчетливо понимал, что второго предупреждения может и не быть, и наверняка не будет. Вспомнил он и рассказ старшего смены про своего тестя. Саша собрал все сигареты, которые были в доме, и выбросил в мусорное ведро. Больше Саша не выкурил ни одной сигареты. Иногда ему предлагали закурить, и угощали сигаретой, но, как только он брал сигарету в рот, ему сразу же казалось, что он ощущает запах ладана.

Рыбалка на чертика

На мой взгляд, зимняя рыбалка намного интереснее, чем летняя, хотя уловы, конечно же, больше на летней рыбалке, да и летняя рыба покрупнее зимней. И, тем не менее, я больше люблю зимнюю рыбалку. На летней рыбалке не так интересно, забросил удочки, и сидишь, ждешь поклевки. Клюнет рыба после этого, или нет, от тебя никак не зависит. Можно конечно менять прикормки и наживку, но это не то. То ли дело на зимней рыбалке! Здесь ты делаешь проводку, и только от качества твоей игры зависит, клюнет рыба, или нет. Здесь у тебя прямое противоборство с рыбой. Сумеешь перехитрить рыбу, она клюнет, а не сумеешь – не клюнет. Здесь все в твоих руках. Со временем, на зимней рыбалке я приобрел определенный опыт, и без улова домой практически никогда не возвращался. Я уже считал себя достаточно опытным рыбаком. Но однажды, рыбача в Затоне, я увидел, как ловит мой знакомый рыбак, живший в соседнем подъезде нашего дома. Он ловил на пустую мормышку, совсем без наживки. И я понял, что совсем я не опытный рыбак, по сравнению с соседом, меня и начинающим рыбаком еще назвать сложно. И мне тоже захотелось научиться ловить рыбу на пустую мормышку. В этом была масса преимуществ. Во-первых, перед рыбалкой не нужно ехать в магазин за мотылем, но это еще полдела, так как я, кроме мотыля, ловил еще и на «чер-

нобыльник», который не нужно покупать, и который долго храниться в холодильнике. Во-вторых, на морозе не нужно наживку насаживать на крючок. А с насаживанием наживки у меня уже были свои сложности, так как к этому времени я уже стал плохо видеть, и без очков насадить наживку я уже не мог. То есть, для того, чтобы насадить наживку, мне нужно было достать из кармана футляр с очками, достать из него очки и спрятать футляр обратно. Потом надеть мотыля на крючок мормышки, после чего опять достать футляр, положить в него очки и спрятать футляр обратно. Все это занимало довольно много времени и постоянно меня раздражало. И вот появилась возможность от всех этих лишних действий избавиться. Да и сам процесс ловли обещал быть проще. Не нужно будет после каждой неудачной поклевки поднимать наверх леску и проверять, не сожрала ли рыба мотыля, поскольку мотыля там и не было. Перспективы казались мне очень радужными, и я начал учиться ловить на безмотылку. Сосед посоветовал мне начинать так ловить не на любую мормышку, как ловил он, а на чертика, то есть на мормышку с тремя крючками.

Ловить на безмотылку оказалось гораздо сложнее, чем с мотылем. В первую зиму, при ловле на чертика, я не видел ни одной поклевки, поэтому продолжал ловить также и на мотыля, чтобы не возвращаться с рыбалки без рыбы. Только следующей зимой я, наконец-то, увидел первую поклевку на безмотылку, а окончательно отказался я от ловли на

мотыля только через три года. В очередной раз я как-то рыбачил в Затоне на чертика. Рыбак, у которого я учился ловить на безмотылку, к этому времени уже умер от цирроза печени, слишком много пил, и на безмотылку, кроме меня, практически никто не ловил. Клев был неважный, и рыбаки бродили по всему водоему в поисках рыбы, но поклевки были крайне редкими. Уже под вечер, когда начало смеркаться, я набрел на лунку, с которой вытащил одну за одной шесть плотвичек, весом примерно грамм по сто пятьдесят. Дальше совсем стемнело, и ловить стало невозможно, так как кивок я уже не видел. Я засыпал снегом клевую лунку и ушел домой. Это была удача, я вернулся домой с уловом. До дома от Затона было всего пятьдесят метров, ворота в Затон, где на зимовке стояли корабли речфлота, тогда еще не закрывали, и ходить сюда на рыбалку было одно удовольствие. На следующий день, еще только начало сереть, я уже был на льду. Боялся, чтобы кто ни будь не занял мою клевую лунку. Ведь другие рыбаки вчера могли видеть, что я из этой лунки таскал крупненькую рыбу, и если я опоздаю, то ее точно займут. Когда я зашел на лед, сердце мое сжалось. Опоздал. На месте моей лунки уже сидели два рыбака. Значит кто-то вчера видел, что я ловил здесь рыбу, и меня опередили. Теперь придется опять долго-долго искать рыбу, и неизвестно, удастся ли мне найти ее сегодня. Решил подойти ближе, чтобы посмотреть, кто это такой шустрый занял мою лунку. На льду сидели два незнакомых мне рыбака, не местные. И, слава бо-

гу, сидели не на моей лунке, а метрах в трех от нее. На мое счастье, моя лунка была свободной. Я поздоровался с ними, и спросил разрешения пробуриться недалеко от них.

– Да бурись, – сказал один из них, – клева все равно нет.

Я пробурил одну лунку, как раз на вчерашнем месте, и стал ловить. Поскольку клева не было, рыбаки внимательно наблюдали за моими действиями. У меня клева тоже не было. Минут через двадцать, один из рыбаков спросил: «А на что ты ловишь?»

– На чертика, – ответил я.

– Я не про это. Наживка какая? – уточнил свой вопрос рыбак.

– А что, нужна наживка? – сделал я удивленное лицо.

– Конечно нужна! – хором сказали рыбаки. – Дать тебе мотыля?

– Спасибо! Не нужно, – отказался я. – Мне старые рыбаки сказали, что здесь рыба очень голодная, и берет даже на голый крючок.

Рыбаки покатались со смеху, такого придурка им еще не приходилось видеть.

– Тебя обманули, – сказали они, – рыба на голый крючок не клюет.

– Не может быть, – продолжал я косить под дурачка. – Люди они серьезные, опытные рыбаки. Сказали, чтобы я просто шевелил удочкой, и медленно поднимал ее вверх, и рыба будет клевать.

И опять взрыв гомерического хохота. Рыбаки хохотали так, что чуть с ящичков не падали. Через некоторое время они поймали по одному маленькому окушку, размером с мизинец.

– Возьми мотыля, – опять предложили они мне, – и у тебя будет клевать.

– Спасибо! Но я попробую ловить так, как мне советовали, – снова отказался я.

Они на до мной уже даже не смеялись. Им наверняка было понятно, что перед ними полный кретин, который просто не в состоянии здраво соображать и мыслить. А еще через пять минут и у меня произошла первая поклевка. Я тоже вытащил окушка, но побольше, чем у них. Мой был размером больше ладошки.

– Ну вот, и у меня клюнуло, – радостно сообщил я им. – А вы говорили, что на голый крючок клевать не будет. Значит старые рыбаки меня не обманули.

– Дуракам везет, – сказал в ответ один из рыбаков, явно расстроенный моей удачей. – Посмотрим, как у тебя дальше клевать будет!

Минут через десять я вытащил еще одного окуня, по размеру даже большего, чем был первый.

– Смотрите, смотрите, еще один, – радостно закричал я рыбакам.

Они явно были в шоке, уже ничего не говорили, и только смотрели на меня широко открытыми глазами.

– На голый крючок клюет. А вы говорили, что не будет, – продолжал я разыгрывать наивного начинающего рыбака.

А дальше я, с интервалом минут в пять, вытащил еще четыре плотвички, весом от ста пятидесяти до двухсот грамм, для местного водоема очень крупную рыбу. Рыбаки больше ничего на ловили, а только во все глаза смотрели на меня. В их глазах читалось изумление и полное непонимание происходящего. Пришел чудак, дурак-дураком, а такую рыбу ловит. А у них, опытных рыбаков, только два окушка с мизинец, и больше клева нет. Разве так бывает?

– А попробуйте без мотыля ловить, как мне посоветовали, – предложил я им.

Но они были настолько шокированы увиденным, что не в состоянии были мне что-то ответить. Они смотрели на меня и молчали. Я еще с полчаса посидел на этой лунке, но больше и у меня ничего не клевало. Я встал, поблагодарил рыбаков за хорошую компанию, пожелал им хорошего улова, и ушел дальше искать рыбу. Хотел было сознаться, что уже второй год я ловлю только на безмотылку, но, посмотрев на их угрюмые лица, понял, что делать этого не нужно. Пусть лучше думают, что начинающему рыбачку-дурачку просто крупно повезло.

Бультерьер и Муха

Началось все с кошек. Сначала в первом корпусе появился маленький симпатичный рыженький котенок. Он жалобно мяукал, и, судя по всему, искал мамку, так как подходил ко всем людям, входящим в центральный зал корпуса, и прижимался к их ногам, мешая проходу. Некоторые, видя такое чудо природы, наклонялись к котенку и гладили его, при этом он изящно изгибал спинку и радостно мурлыкал. Другие злобно отшвыривали его ногой. Котенок отлетал в сторону на несколько метров, издавая жалобный писк. Жалостливые женщины из кондитерского цеха принесли ему молочка и сливок. Котенок все это скушал, и улегся спать под стенкой зала на бетонном полу. Женщины и тут позаботились о бедном подкидыше, соорудив ему в углу зала спальное место на мешковине. Женщины из куриного цеха не стали отставать, и принесли котенку мясных отходов, образующихся при разделке кур, но котенок, видимо, был еще слишком маленький, и остался безразличным к мясным деликатесам. Теперь, приезжая на работу, женщины старались угостить котенка чем ни будь вкусеньким, и в его углу постоянно стояло несколько баночек с различным кормом. Со временем котенок подрос, и уже кушал все подряд.

Видя, что рыжему котенку здесь хорошо, кто-то принес еще одного маленького котенка, на этот раз черненького, но

тоже симпатичного. Некоторое время они жили в своем углу вдвоем. Но, лиха беда – начало. Через полгода котят уже было больше десятка, скорее всего, их тащили сюда все сердобольные женщины, которым было жалко выбросить их из дома на улицу. Кроме котят появилось здесь и несколько взрослых котов и кошек. Возможно они сами пришли сюда с улицы, но, скорее всего, их тоже принесли женщины, работницы куриного и кондитерского цехов, которым эти коты и кошки надоели дома. А еще через полгода, кошки уже принесли свой приплод, и по центральному залу уже сложно было пройти, без риска наступить на котенка или кошку. Норберто, генеральный директор Росервиса, в ведении которого были кондитерский и куриный цеха, приказал убрать всех кошек и котят, пока санэпиднадзор не закрыл производство. Большинство кошек и котят отловили и куда-то вывезли, но, видимо, выловили не всех, так как через некоторое время в центральном зале опять было полно кошек.

Где-то в это время на территории базы появилась и первая собака. Это была небольшая белая, с небольшими черными пятнами, собака. Собака была ласковая, и достаточно умная. Ее возраст определить было сложно, так как маленькая собачка – до смерти щенков. Собака была изможденной и очень худой. Поселилась она под навесом перед овощным складом, и оттуда ее никто не прогонял. Собака смотрела на всех проходящих мимо жалобными грустными глазами, поэтому работники склада и водители, подъезжающие на по-

грузку, начали ее подкармливать. Собака жалобно скулила и с жадностью съедала все, что ей давали. Собаке, почему-то, дали кличку – Муха, и, со временем, она стала отзывать на эту кличку. Вскоре Муха полностью освоилась с территори-ей базы. Она уже знала запасной выход из куриного цеха, и приходила к нему именно тогда, когда работники цеха долж-ны были выбрасывать мусор на помойку. Они и стали ее под-кармливать мясными отходами куриного производства. Ху-доба ее начала проходить, ввалившиеся бока выровнялись. Муха стала ходить и по постам. Придет на пост, сядет воз-ле вагончика, и смотрит на входную дверь. Охранники уго-щали ее бутербродами с колбасой и сыром, у кого что бы-ло. Муха съедала все, что ей дали, в том числе и булку или хлеб, и переходила к следующему посту. Но лучше всего о ней заботились водители. Они специально для нее покупали колбасу, которую ей утром и скармливали, без всякого хле-ба. И Мухе это понравилось. Со временем, когда ее угощали бутербродом, она перестала съедать хлеб, а съедала только колбасу. За отходами к куриному цеху она вообще больше не ходила. Муха раздалась в боках, и уже совсем не была по-хожа на ту худющую собаку, какой она пришла на базу. А водители старались, кто лучшее угощение для Мухи прине-сет. И через некоторое время Муха совсем обнаглела – она перестала есть сосиски и варенную колбасу, съедала только полу копченную и копченую. А со временем, перестала ку-шать и дешевую полу копченную колбасу. Водители шути-

ли, что Муха колбасу, дешевле чем по десять тысяч рублей за килограмм, не кушает. Десять тысяч рублей пусть читателя не смущают, время тогда было такое, зарплата охранника была двести долларов, но выдавали ее по курсу в рублях, в то время это было порядка восьмисот тысяч рублей, но инфляция была жуткой, за месяц рубль обесценивался в два раза. Поэтому за месяц всю зарплату нужно было потратить, иначе деньги просто пропадут. Но Муха об этом не знала, и нагнала.

Как умная собака, Муха старалась показать, что ее здесь не зря кормят. Она изучила график обхода территории старшими смены, и в ночное время подходила к посту старшего смены именно тогда, когда они должны были делать обход. Вместе с ними Муха и обходила территорию, как бы охраняя старших смены. У читателя может возникнуть закономерный вопрос, что это за контроль такой, что время обходов даже собака запомнила. Вот такой был контроль. Сначала, когда на посту у старшего смены был еще и суточный охранник, старшие смены имели возможность выбирать время обхода по своему усмотрению. Но потом, с целью экономии денег, охранника на этом посту перевели на двенадцатичасовой режим работы, и ночью на своем посту старший смены оставался один. Поскольку в корпусе работала ночная смена, то бросить на время обхода постов свой пост без присмотра, он не мог. Поэтому, на время обхода, он вызывал к себе охранника с ворот, а сделать это он мог только перед

тем, как первая смена охранников ляжет на два часа спать, и второй раз, во время их пересменки, когда первого охранника уже разбудили, а второй еще не лег спать. Других вариантов просто не было. Ничего этого Муха конечно не знала, но время обходов она запомнила. Знали время обходов и охранники, и в другое время проверок со стороны старшего смены не ждали.

Других собак на базе не было, и Муха чувствовала себя полновластной хозяйкой территории. Но через некоторое время положение изменилось. Какая-то фирма взяла в аренду часть территории базы, огородила ее забором, и организовала там стоянку для автомашин. Это были подержанные легковые и небольшие грузовые автомашины без регистрационных номеров. Днем здесь дежурили два охранника этой фирмы, и на цепи были еще несколько черных собак, а на ночь, они спускали этих собак с цепи, и уезжали домой. Во время обхода территории со старшим смены, Муха смело бросалась к воротам стоянки и громко облаивала находящихся за воротами собак. А собаки на стоянке надрывались от лая. Такой собачий хор мертвого мог разбудить. Иногда одной из собак удавалось проскользнуть под воротами, и она пулей неслась к несчастной Мухе, готовая разорвать ее в клочья. Умная Муха громко визжала от страха, но далеко не убегала, а пряталась за старшего смены, и тот отгонял от Мухи злую черную собаку, спасая ей жизнь. Несмотря на все свои страхи, и на следующую ночь Муха шла со старшим

смены на обход. Муха была не только умной, но и смелой. Но здесь нарисовалась другая проблема. Убежавшая за ворота стоянки собака, обратно на цепь возвращаться не хотела, и охранники стоянки поймать ее не могли. Но с территории базы она никуда не уходила. В дальнейшем она была уже не такой агрессивной по отношению к людям, но на Муху пыталась напасть при каждом обходе. Вместо убежавшей собаки, охранники привозили новую. Со временем со стоянки убежали еще две собаки, и теперь они жили на территории базы своей стаей. Теперь Мухе стало не до вольготных прогулок по базе. Муха ночью по-прежнему сопровождала старшего смены, но, проходя мимо стаи собак, она поджимала хвост, и жалась к ногам старшего смены.

Да что там Мухе, теперь и охранникам ночью стало опасно ходить по территории. Видя, что на территории живет стая собак, другие собаки с улицы стали заглядывать к ним в гости. Чаще всего стая встречала пришельцев недружелюбно, завязывались собачьи драки, и чужаков прогоняли, но некоторых стая принимала, и они пополняли стаю. Через некоторое время в стае уже было семь собак. Охранники обратились к руководству с просьбой избавить их от таких соседей, но те считали этих собак безобидными животными, и ничего с ними делать не собиралось. Не помогла даже новость, что в посадке, рядом с соседней овощной базой, стая бродячих собак насмерть загрызла женщину. Тех собак перестреляли, а на базе появился раненный бультерьер. Это был боль-

шой пёс, такого же окраса, как и Муха. Он зашел на территорию базы днем, через центральные ворота, но охранники не рискнули его остановить. На помощь им бросилась смелая Муха, и громко облаяла пришельца. Пес остановился, и посмотрел в сторону Мухи. Та поджала хвост, и с громким визгом убежала к себе под навес, где и спряталась за стопкой сложенных полетов. А пришелец спокойно проследовал дальше. Когда он проходил по территории базы, ни одна из собак стаи на него даже не твякнула, все, поджав хвосты, тихонько удалились. Бультерьер тоже вел себя тихо и миролюбиво, никого не трогал. Он лег за ангаром, и там зализывал свою рану на ноге.

Было очень жарко, а в вагончике вообще дышать было нечем, поэтому, уходя на обед, Витя, охранник с четвертого поста, решил оставить дверь в вагончик открытой, чтобы немножко его проветрить. Когда он вернулся обратно, то услышал недружественное рычание из-под топчана, стоящего в вагончике. Под топчаном лежал большой белый пес, судя по морде – бультерьер. Про бультерьеров Витя кое-что знал. Это конечно не гиена, у которой сила сжатия челюстей двести атмосфер, но и у этого ненамного меньше, руку человека он может перекусить с одного раза. Витя закрыл дверь, и пошел на соседний пост, чтобы доложить о происшествии.

– Николай Иванович, – докладывал он, – ко мне в вагончик бультерьер забрался, и не выходит.

– Так выгони, – не долго думая сказал начальник охраны.

– Как я его выгоню? – жалобно спросил Витя. Это ведь бультерьер.

– Ладно, сейчас подойду, посмотрю, – успокоил его Николай Иванович.

Прибыв на место, он смело открыл вагончик, и заглянул под топчан.

– Ого! – вырвалось у него. – Вот это псина!

– Попробуй его на еду выманить, – посоветовал он Вите.

Витя сходил в куриный цех и принес оттуда куриных обрезков. Разложил все перед вагончиком и открыл дверь. Бультерьер даже глазом не повел на это угощение, он даже голову с лап не поднял. Витя с начальником охраны просто-ляли возле вагончика с полчаса, но пес даже не шевелился.

– А ты зайди с другой стороны вагончика, и постучи в стенку, – придумал новую тактику Николай Иванович.

Витя так и сделал. Пес недовольно зарычал, но выходить и не собирался.

– Николай Иванович, а как я буду дверь закрывать, если он даже выйдет? Он ведь может меня укусить, – вдруг осознал всю опасность задуманного ими мероприятия Витя.

– Действительно, – согласился с ним Николай Иванович, – этот может.

Сходи к Юре на склад и попроси веревку и лестницу.

Витя принес лестницу и веревку. Лестницу приставили к обратной стороне вагончика, а веревку привязали к верхней части двери и перебросили через крышу.

– Ну вот и хорошо, – остался доволен Николай Иванович. – Будешь наблюдать за входом с крыши вагончика, а как только собака выйдет, потянешь за веревку, и закроешь дверь. И еще, сходи еще раз в куриный цех, и попроси поджарить отходы, а то сырые ему не нравятся.

Витя сбегал в куриный цех еще раз, и принес обалденно пахнущие жаренные куриные шкурки. Как говорится – сам бы ел, но собака не соблазнилась и на них. Она и не собиралась покидать облюбованное место. Николай Иванович ушел к себе, а Витя остался сторожить дверь и собаку. Оставалась надежда, что собака проголодается, и может ночью выйдет покушать. После окончания рабочего дня Витя принял под охрану склады и опять залез на крышу вагончика, надеясь, что собака выйдет, и ему удастся закрыть за ней дверь вагончика.

Ночью, как обычно, старший смены пошел с Мухой на обход. На этот раз, стая пару раз тявкнула в сторону Мухи, и замолчала, а не набрасывалась на нее, как обычно. Оставался десяток метров до вагончика четвертого поста, когда вдруг Муха поджала хвост, заскулила, жалобно глядя на старшего смены, попятилась назад, потом резко развернулась и со всех ног умчалась в ту сторону, где сидела свора собак. Видимо они пугали ее меньше, чем тот, чей запах она унюхала впереди. Пес, по-прежнему, спокойно лежал в будке под топчаном, а измотанный Витя спал на крыше вагончика.

На следующий день Николай Иванович порекомендовал

охраннику срубить в посадке длинный шест, и, сидя на крыше, этим шестом выгнать собаку из вагончика. Так и сделали, в посадке охранник срубил длинный шест, и с ним залез на крышу вагончика. Он опустил шест в дверь вагончика, и попытался достать им до топчана, но шест упирался в верхний косяк двери, и до топчана не доставал. Пес, не издав ни звука, недоуменно наблюдал за этим шестом. Очередная затея провалилась, и было пронято решение просто ждать. Ждать, пока пес проголодается и, наконец-то, выйдет из вагончика, не может же он сидеть там вечно.

Через четыре дня Витя опять заступил на дежурство. Пес из вагончика не выходил, и, по-прежнему, тихо лежал под топчаном.

– Николай Иванович, мне что, опять сутки не спать, – поинтересовался он на разводе.

– Потерпи, сегодня должен охотник приехать, – успокоил его начальник охраны.

Вечером, когда уже стемнело, действительно приехал охотник. Бультерьера он застрелил прямо в будке. Вите оставалось только оттащить труп собаки на мусорку и отмыть вагончик от крови. А через пару дней приехали собаколовы, отловили всех собак, и куда-то увезли. Увезли они и Муху. Охранники пытались заступиться за нее и отстоять, но их мнение никого не интересовало. Вслед за собаками последовали и кошки, их тоже запихнули в ящики, и вывезли за пределы Москвы. Но кошки оказались хитрее собак. Парочка

из них опять где-то спряталась, и через полгода маленькие котята опять разгуливали по центральному залу.

На рыбьей тропе

У нас есть три места, куда можно ходить на зимнюю рыбалку: озеро Долгое, Затон и Ока. Именно ходить, а не ездить. Ездить можно куда угодно, но ездить я не люблю. И все из-за переобувания. Ехать на машине в огромных рыбацких сапогах очень неудобно, постоянно попадаешь этим сапогом сразу на две педали. Представляете себе эффект, когда одновременно жмешь и на педаль газа, и на тормоз? Так недолго и в аварию попасть. Пробовал ездить в ботинках, а уже на месте надевать рыбацкие сапоги. Ехать на рыбалку конечно нормально, но после рыбалки нужно опять переобуваться в ботинки, которые за время рыбалки просто задубели, лежа в машине на холоде. После переобувания обратно в ботинки, ноги замерзают очень быстро, буквально минут через десять ты ног уже не чувствуешь, и даже включенная печка не может их согреть. Чтобы избежать всех этих мучений, я и хожу на зимнюю рыбалку пешком.

Клев лучше всего на Долгом, но рыбка там больно мелкая. В основном клюет мелкая плотвичка, размером меньше ладошки, и такой же окушек. Редко попадается плотвичка, весом грамм на сто пятьдесят, или такой же подлещик. Бывает конечно, что клюет и подлещик, весом грамм на триста-четыреста, но это очень редко. Один рыбак при мне поймал такого подлещика, всем его показывал, и объяснял, что

нашел его с помощью эхолота. Мне тоже захотелось искать и ловить здесь крупную рыбу. И я тоже купил себе эхолот, двухлучевой. Узкий луч шириной двадцать градусов, и широкий – шестьдесят. Просто чудо современной техники, сразу видно, где рыба есть, а где и лунки бурить не стоит. Но оказалось, что в узкий луч рыба попадает крайне редко, а в широком луче, точность определения местоположения рыбы очень низкая. В общем, этот эхолот оказался бесполезной игрушкой, хотя три года я им пользовался, и был уверен, что он помогает мне искать рыбу.

Однажды, крупная рыба попала мне в узкий луч, и расстояние до нее было всего шесть метров. Как раз в этом месте находилась старая лунка, возле которой были следы прикормки. Сомнений быть не могло, рыба находится именно под этой лункой. Чтобы сильно не шуметь, я немного раздолбил эту, почти затянувшуюся льдом лунку, и стал ловить. Уже на второй проводке произошла поклевка, и я вытащил подлещика, грамм на сто пятьдесят. Я позвал к себе своего товарища Мишу, так как здесь могла стоять стайка подлещиков. Миша пробурился в метре от меня, и тоже вытащил неплохую плотвичку. И у меня опять клюнуло. На крючке было что-то тяжеленькое. Я потихоньку подвел рыбу к лунке. Это опять был подлещик, но беда была в том, что он не пролазил в лунку, а багорчика у меня не было. Подлещик был, по крайней мере, в два раза шире лунки. Зря я не раздолбил ее побольше. Хотя, даже в новую лунку такой подлещик вряд

бы пролез. Раздалбливать лунку было поздно, вряд ли подлещик будет на крючке дожидаться, пока я это сделаю. Если бы его подцепить багорчиком, то он конечно же подождал бы, но багорчика не было. Я решил завести его насколько можно в лунку, и потом взять рукой, но не рассчитал силы натяжения и оборвал леску. Подлещик ушел гулять дальше, вместе с моей любимой мормышкой. Из-за узкой лунки, я потерял такого прекрасного подлещика. После этого случая старые лунки я всегда раздалбливаю полностью, и несколько раз на Долгом мне удавалось поймать приличных подлещиков. Но это случается редко. Поэтому мы рыбачим на Долгом только в начале зимы, пока не встанет лед в Затоне, и в конце, когда лед остается только на озере.

Большую часть зимы мы ловим рыбу в Затоне. Здесь рыба клюет реже, но покрупнее, можно и на полкило рыбку вытащить. На Оке, вероятность вытащить большую рыбу, еще больше, но туда и идти далековато, больше трех километров, а клев иногда бывает даже хуже, чем в Затоне. В Затоне, конечно, можно тоже ничего не поймать, но здесь не так обидно, так как идти до Затона гораздо ближе. Вот в такой период, когда нигде ничего не клюет, я и рыбачил в Затоне. Рыбаки ходили из угла в угол в поисках рыбы, но нигде ничего не клевало. Я тоже обошел почти весь водоем, но ни одной поклевки нигде не видел. Пробурил очередную лунку метрах в пяти от берега, и, наконец-то увидел первую поклевку. Вытащил неплохую плотвичку, весом грамм на сто

пятьдесят. Сделал еще с десятков проводок, но клева больше не было. В принципе, с этого места уже можно было и уходить. Если в течение десяти проводок поклевки нет, то рыбы поблизости нет. Но я уже устал искать эту неуловимую рыбу и бурить все новые и новые лунки. Никуда идти не хотелось, и я решил посидеть еще на этой лунке, чтобы немного отдохнуть. Сделал еще десять проводок, поклевки не было, но бурить новую лунку еще не хотелось. Решил сделать еще десять проводок, и потом уже уходить. На девятой проводке произошла поклевка, которую я даже не ожидал. Опять вытащил плотвичку приличного размера, грамм на сто пятьдесят. Возможно к лунке подошла стайка плотвичек. Но стайки под лункой явно не было, так как в течение следующих двадцати проводок поклевки больше не было. А на третьем десятке проводок, опять поклевка, и опять такая же крупенькая плотвичка. Было похоже, что моя лунка находится на рыбьей тропе, и рыба по ней периодически перемещается. Поклевки были очень редкими, примерно одна в двадцать минут, но они были. А остальные рыбаки по-прежнему бродили по Затону, но поклевки ни у кого не было. Две группы рыбаков свернулись и уехали на Цимлянское водохранилище, чтобы попытать счастья там. А ко мне подошел Павел Иванович, мой старый приятель, с которым я когда-то ходил ловить рыбу на Оку.

– Владимир, привет! У тебя клюет? – удивился он.

– Клюет, Павел Иванович, только очень редко, – подтвер-

дил я, хотя это и так было видно, так как возле лунки лежала рыба.

– А почему ты рыбу не спрятал? – удивился Павел Иванович. Неосмотрительно с твоей стороны. Видишь же, ни у кого ничего не клюет, кто ни будь увидит, сразу набегут и обверлят, и пропал твой клев.

Он был прав, и я быстренько убрал рыбу в ящик, от греха подальше.

– А можно, я рядом с тобой пробурюсь? – спросил Павел Иванович.

– Буритесь, – разрешил я.

Павел Иванович пробурил лунку в метре от моей, насадил на мормышку нового мотыля и стал ловит. Но поклевок у него не было. Через полчаса ему это явно надоело, хотя у меня за это время было две поклевки. Павел Иванович отложил свою удочку, и наблюдал за тем, как ловлю я.

– Владимир, ты подсекаешь без поклевки? – спросил он.

– Почему без поклевки? – не понял я.

– Ну вот ты сейчас подсек, и вытащил плотву, а поклевки не было.

– Поклевка была, – возразил я, – поэтому и подсек.

– Но я ведь очень внимательно наблюдал за твоим кивком, и никакой поклевки не видел, – не согласился Павел Иванович.

– У меня безмотылка, – начал объяснять я. – Здесь не так, как с мотылем, кивок загибается крайне редко, чаще всего он просто останавливается. Прошлый раз как раз и была оста-

новка кивка.

В это время у меня опять произошла поклевка, и я опять вытащил плотвичку.

– На этот раз видели остановку кивка? – спросил я.

– Ничего я не видел, – честно признался Павел Иванович.

– Вот видите, при проводке у меня кивок все время колеблется вверх и вниз, – попытался я объяснить ему принцип ловли на безмотылку. – Идет вниз, потом пойдет вверх, потом опять вниз. Но если, в какой-то момент, он останавливается, или идет не в ту сторону, куда он должен был идти, то это поклевка. Поняли?

– Понял, – сказал Павел Иванович.

В это время произошла еще одна поклевка.

– Видели поклевку? – спросил я.

– Ничего я не видел, – вздохнул Павел Иванович. – Видно это не для меня. Я уж буду по старинке, на мотыля ловить.

– А можно я в твоей лунке на мотыля ловить попробую? – неожиданно спросил он.

– Нет, Павел Иванович! – не разрешил я. – Безмотылка работает только на тех лунках, где еще не ловили на мотыля. После того, как Вы уроните в мою лунку пару мотылей, на мою удочку рыба здесь больше клевать не будет. Можете пробуриться еще ближе к моей лунке, но в саму лунку с мотылем нельзя.

Павел Иванович пробурил еще две лунки в полуметре от моей, но клева в них все равно не было, и расстроившись, он

ушел домой. Я же вытащил со своей лунки с десяток плотвичек, общий вес которых составил больше килограмма. С учетом того, что у остальных рыбаков улова или вообще не было, или поймали одну-две плотвички, мой улов был вполне внушительным. Вот такая рыбалка на рыбьей тропе, при полном бесклевье, может спасти рыбалку. Жаль только, что найти эту тропу можно только случайно.

Рыбалка в Дракино

Как-то, ранней весной, мы с женой поехали в деревню Дракино, где жила ее знакомая. Пока женщины разговаривали, я сходил посмотреть на пруд, находящийся буквально за огородом этой знакомой. Пруд оказался узким, всего метров тридцать в ширину, но очень длинным, ни вправо, ни влево, конца его не было видно. В пруду ловили рыбу местные мужики. В руках у них были удилища из орешника, с привязанным к ним куском лески, на конце которой висела большая мормышка с какой-то насадкой. Ловили они методом вертикального блеснения. Они опускали мормышку в воду, несколько раз поднимали и опускали ее, вытаскивали рыбку и клали ее в ведро с водой. Я подошел ближе.

– Здравствуйте! – поздоровался я. – Что здесь ловится?

– Ротан, – ответили мужики.

– И больше ничего? – хотел уточнить я.

– И больше ничего, – подтвердили мужики. – Там, где живет ротан, другая рыба не водится. Он сжирает все, и чужую икру, и чужого малька, и даже своего малька сжирает.

Я заглянул в их ведра. По полведра рыбы там уже было. Были и небольшие рыбки, и довольно крупные, некоторые экземпляры, наверно, и до двухсот грамм доходили. Раньше я видел и ловил ротанов только в пруду парка имени Олега Степанова. Но там рыбки были не больше ладошки, поэто-

му я их просто ловил и отпускал, а размер здешних ротанов меня удивил.

– И что вы с ними делаете? – поинтересовался я.

– Как, что? – не поняли рыбаки. – Жарим, конечно, и едим.

– А на что ловите? – спросил я, так как не мог сам определить, что висит у них на крючке.

– На мясо креветки, – ответили мужики.

С тех пор прошло несколько лет. Как-то в глухозимье, когда нигде и ничего не клевало, я и вспомнил про пруд в Дракино, каких огромных ротанов там ловили мужики. И я предложил съездить на этот пруд своему старому приятелю, Павлу Ивановичу. Он сразу же согласился. И вот ранним утром мы приехали на этот пруд. Машину оставили метров за триста от пруда, так как дальше дорога не была прочищена, и пешком пошли на пруд. На пруду уже сидели десятка два рыбаков. Мы пробурили лунки поближе к камышу, и тоже стали ловить. Первым свою мормышку оторвал Павел Иванович.

– Да здесь ловить невозможно, – сказал он, – здесь сплошная трава.

А я все еще даже не мог опустить свою мормышку на дно, тоже трава мешала. Мы пробурили лунки подальше от камышей, где уже должна была быть чистая вода. Но и здесь мормышки не опускались, тоже мешала трава. Оказалось, что в этом пруду трава везде, и наши легкие мормышки до дна

нигде не опускаются. Я заменил свою мормышку на маленькую блесну, и она достала до дна. Насадил на крючок кусочек креветки и начал ловить, но поклевок не было. Тогда я положил удочку на лед и сходил к Павлу Ивановичу, узнать, как у него дела.

– Да ничего здесь не клюет, – пожаловался Павел Иванович.

– А местные ловят, – возразил я. – Мы, наверно, еще не приспособились.

– У них тяжелые мормышки, которые пробивают траву, – согласился он, – а у нас очень легкие, поэтому ничего и не ловится.

– Я уже заменил мормышку на блесну, – сообщил я, – но пока тоже ничего не ловится.

– А у меня ничего тяжелого нет, – вздохнул Павел Иванович.

– Давайте я Вам блесну принесу, – предложил я, – у меня еще одна есть.

– Принеси, – согласился он.

И я пошел за блесной. За то время, пока я ходил, мою удочку чуть не утащило в лунку, хорошо, что поперек ножек удочки я догадался палку положить. Она и спасла мою удочку. Из лунки я вытащил ротана приличного размера, почти с ладошку. Это был мой первый улов на этом пруду. Отнес Павлу Ивановичу блесну, а когда вернулся, то увидел, что у меня опять поклевка. На этот раз ротан был немного по-

меньше. Стало понятно, что ротан не хочет брать на игру, а на стоячку он прекрасно берет. Так я дальше и ловил, или на стоячку, или немного шевелил блесной возле дна. И клев пошел. Из каждой лунки я вытаскивал пять или шесть ротанов, после чего клев прекращался, наверно под этой лункой ротаны заканчивались, и я сверлил новую лунку. Практически во всех лунках ротаны клевали. Иногда попадались и экземпляры, размером гораздо больше ладошки. Вдали, там, где не было ни одного рыбака, я увидел растущую на берегу пруда вербу, которая наклонилась в сторону пруда, и ветки которой нависали над самым льдом. Я и решил пробурить лунки под этой вербой. Там на дне должны были лежать листья, упавшие с этой вербы, а в них могла завестись и какая-то живность, которой питается ротан. Первая поклевка не заставила себя долго ждать, и я вытащил огромного ротана, размером в полторы ладошки. В нем, наверняка, не меньше двухсот грамм было. Потом пошли ротаны немного поменьше. Я заметил, что в лунке сначала клюют крупные ротаны, а потом их размер постепенно уменьшается. Я пересел на соседнюю лунку, и опять начали клевать крупные ротаны. У меня под этим деревом были просверлены три лунки, вот по ним я по кругу и перемещался. Самое интересное, что за то время, пока я ловил рыбу под другими лунками, под предыдущими количество рыбы восстанавливалось, и она опять в этих лунках клевала. Так по этим трем лункам можно было ходить до бесконечности.

Но я не знал, как дела у Павла Ивановича, который остался ловить на прежнем месте. Я оставил свой ящик под вербой, чтобы мое место никто не занял, и пошел к нему. Он сидел на своем раскладном стульчике, с пришитым к нему карманом для складывания рыбы, и ничего не ловил.

– Как успехи? – поинтересовался я. – Много наловили?

– Да с килограмм будет, – ответил он, – только они все мелкие какие-то.

– А у меня уже килограмма четыре, – похвастался я, – и много крупных. Пойдемте со мной, там крупных наловите.

– Никуда я уже не хочу, – сказал Павел Иванович. – Я упал, и больно спиной ударился.

– А где Вы упасть умудрились? – поинтересовался я.

– Залез вон на ту горку, а когда спускался обратно, то поскользнулся, и упал.

– А чего Вас туда понесло? – удивился я.

– Да хотел посмотреть, где пруд заканчивается.

– Ну и как? Увидели?

– Нет, не увидел. С горки конца пруда еще не видно, – грустно сказал он.

– А спина сильно болит? Или еще половим? – спросил я.

– Сильно. Поехали лучше домой. Хватит с нас и этой рыбы.

Я сходил за своим ящиком, и мы уехали домой. Дома я почистил рыбу, и сразу отрезал большие головы ротанов, на уху пойдут. Сразу же нажарили две сковородки рыбы. От обыч-

ной рыбы жаренные ротаны отличались тем, что они были сладковатыми на вкус, и это нам не очень понравилось. Моя семья предпочитала кушать обычную рыбу, окуней и плотвичек. Долго еще замороженные ротаны лежали у нас в морозилке, и только к концу зимы мы их наконец-то доели. С голов ротанов и уху сварили, но, несмотря на то, что я туда еще и много окуней добавил, в ней также чувствовался их сладковатый привкус, что не позволяло наслаждаться вкусом настоящей ухи. Мы ее конечно съели, но это была немножко другая уха. Больше ловить ротанов я не ездил. Пусть их кушают те, кому они нравятся, а для меня окуней, плотвичек, и подлещиков будет достаточно.

Власть милиции

Эту историю рассказал охранникам Николай Иванович, подполковник милиции в отставке, один из руководителей службы безопасности. Сначала он был единственным начальником охраны в фирме. Но потом на фирме появились еще два отставных милицейских полковника. Один из них стал начальником службы безопасности, а второй – его заместителем. Николая Ивановича с его должности как бы никто и не смещал, но при этом он перестал быть первым лицом в охране, в новой иерархии он стал только третьим, над ним теперь было аж два начальника. Но деваться было некуда, деньги как-то нужно было зарабатывать, и он продолжал работать, неся на своих плечах практически всю нагрузку по работе с охранниками. Он и охранников подбирал, и инструктировал их перед заступлением на дежурство, и графики дежурств составлял. Он же доводил до охранников и все распоряжения руководства, иногда очень даже противоречивые. В один день он доводил до охранников, что товар со складов должен выноситься только по накладным, в том числе и начальниками, в другой раз ругал охранника, который задержал товар, выносимый без накладной одним из руководителей фирмы. Своего мнения Николай Иванович никогда не высказывал, он всегда только озвучивал мнение руководства. Было видно, что все это ему чертовски надоело, но что-

то изменить он не мог. Как-то, у него, видимо от всего этого, было очень скверно на душе, и сидя в комнате старшего смены, он начал вспоминать прежнее время и свою службу в милиции.

– Как же тогда хорошо было служить, – с ностальгией вспоминал он, – власть у милиции была практически безграничной.

И он рассказал подтверждающий это случай, который случился в их подразделении.

Случилось это еще в советское время. Трое милиционеров возвращались с дежурства, и, по пути, зашли в пивную попить пива. Обычный такой пивной киоск, перед которым был натянут брезент от дождя, и под которым стояли высокие столики, вокруг которых и располагались желающие попить пива. Несмотря на то, что было еще утро, желающих попить пива здесь уже было достаточно. Почти все столики уже были заняты. Да оно и понятно, это была единственная в ближайшей округе пивная точка, где, по слухам, пиво водой не разбавляли. Поэтому не удивительно, что именно сюда народ и тянулся. Пиво, как и везде, по двадцать четыре копейки за кружку, но здесь еще и вяленную рыбу можно было купить. За умеренную плату, из-под прилавка, продавал ее продавец пива. Может поэтому и пиво не разбавлял, за рыбу он имел навар куда больше. Продавала здесь рыбу еще и какая-то бабка, которая крутилась между столиками, причем продавала дешевле, чем продавец пива. У нее и ста-

рались все покупать. Продавец пива ее периодически прогонял, грозился сдать ее в милицию, но она возвращалась снова и снова.

Милиционеры увидели свободный столик, расположенный от дороги, на самом краю навеса. Не самое удобное место, так как придется стоять на виду у всех, но других свободных мест не было. Заняли тот, который был, может позже удастся перебраться за другой, который может со временем освободиться. Николай остался караулить столик, а Ярослав с Михаилом пошли за пивом. Решили взять сразу по три кружки.

– Коля, сходи заведи еще одну кружку, у нас рук не хватило, – сказали они товарищу, когда вернулись.

– А зачем так много? – удивился Николай, – мы ведь еще пистолеты не сдали.

– Чтобы второй раз в очереди не стоять, – в свою очередь удивился его непонятливости Ярослав.

Тут же возле столика нарисовалась бабка, и предложила им купить свежую воблу. Вобла действительно была свежайшая, и еще мягкая, наверно не больше недели, как завяленная. Стражи порядка расстелили на столике газетку, и принялись чистить рыбу, обсасывая выдернутые плавники, и запивая это пивом. Вобла действительно оказалась вкусной и жирной, все руки были испачканы этим жиром, и появилась опасность испачкать этим жиром рукава рубашек, так как жир уже начинал течь по рукам к локтям. Пришлось закатать

рукава рубашек.

– Вобла наверно волжская, – предположил Николай.

– Да неважно какая, главное, что очень вкусная, – поддержал разговор Михаил.

– Эту бабку посадить бы конечно надо, за спекуляцию, – вставил свое слово и Ярослав, – но где мы тогда будем такую вкусную воблу брать.

– А за что ты ее посадишь? – усомнился Николай. – Как ты докажешь, что она спекулирует? У нее рыба стоит дешевле, чем в магазине. Что это за спекуляция?

– А где ты в магазине вяленную воблу видел? – удивился Михаил. – Во сне, что ли? Ты наверно имел в виду, дешевле чем на рынке?

– Ну да, на рынке, – согласился Николай.

– Так и на рынке воблы нет. Вяленная рыба конечно есть, но это не вобла, – не унимался Михаил.

– Тем более, не сдавался и Николай, – она скажет, что сама наловила и завялила рыбу, а теперь продает.

– Где она ее могла наловить? В Москве-реке, что ли? – возразил Ярослав.

Выпитое пиво уже ударило им в головы, и спор разгорался не на шутку. Ярослав не привык никому уступать в споре, и, даже если был абсолютно не прав, всегда брал противников измором, приводя в споре самые нелепые доводы до тех пор, пока те не прекращали с ним спорить, видя всю бессмысленность такого спора. Но Ярослав оставался доволен таким ис-

ходом, ведь последнее слово оставалось за ним.

– Да она просто скажет, что поймала рыбу в Москве-реке, а ты попробуй доказать, что это не так, – поддержал Николая и Михаил.

– Да что тут доказывать, – не унимался Ярослав, такая рыба у нас не ловится.

– Ни у кого не ловится, а она случайно попала на косяк такой рыбы и наловила. Может этот косяк случайно с Волги зашел? – не сдавался Михаил.

– А почему я вообще должен что-то доказывать? – спохватился Ярослав. Мое дело ее обвинить, а она уж пусть сама потом доказывает, что невиновна.

– А о презумпции невиновности ты ничего не слышал? – напомнил ему Николай.

– Да твоя презумпция невиновности существует только на бумаге, – возразил Ярослав. – Я могу посадить любого, просто предъявив ему обвинение, а оправдываться он сам будет, и хрен оправдается. Любого могу посадить, и никакая презумпция невиновности ему не поможет.

– Бахвалишься, как всегда! – попытался урезонить его Михаил.

– А вот и нет! Хотите, докажу? – не унимался Ярослав. – Спорим, на что угодно. Хочешь, на ящик коньяка?

– А давай, – разошелся и Михаил. – Только мы тебе сами укажем, кому ты будешь предъявлять обвинения.

На том и порешили. Николай разбил спорящим руки, и

они стали рассматривать людей, проходивших мимо пивной.

– Вот видишь, идет очкарик, маленький такой и тщедушный, при галстукe и с портфелем. Наверняка какой ни будь профессор. Попробуй ему предъявить претензии, – указал Ярославу на пешехода Михаил.

– Хорошо, – согласился Ярослав, и пошел навстречу очкарику.

Не доходя до него, Ярослав вынул из кобуры пистолет и уронил его под ноги очкарику.

– Мужик, – обратился он к очкарику заплетающимся языком, – будь добр, подай мне пистолет, а то я лишку выпил и могу упасть, если наклонюсь.

Не подозревающий подвоха очкарик, поднял пистолет и протянул его Ярославу. Вот тут Ярослав на него и набросился.

– Ах ты гад! Нападение на сотрудника милиции! Граждане, будьте свидетелями, он хотел отобрать у меня пистолет.

Свидетелей было предостаточно, все видели, что очкарик действительно держал в руке пистолет. Очкарика забрал приехавший милицейский патруль, а Ярослав вернулся к столику в пивную.

– Ну что, проиграл? – обратился он к Михаилу.

– Ты его еще не посадил, – резонно ответил Михаил, – проиграю тогда, когда он сядет.

Но Михаил действительно проиграл этот спор. Через некоторое время состоялся суд, и очкарика, за нападение на

сотрудника милиции и попытку завладения оружием, посадили на семь лет. Никакая презумпция невиновности ему не помогла, это он должен был доказывать свою невиновность, но ему это не удалось.

– Вот такая раньше была власть у милиции! – с гордостью закончил свой рассказ Николай Иванович.

Охранники, все бывшие военные, молча переглянулись. Они не понимали, чем здесь можно гордиться? Три подонка в милицейских погонах, на спор, подвели под статью ни в чем неповинного человека, и этим гордятся? В головах у военных такое вообще не укладывалось. Им не хотелось верить, что такое вообще могло быть при советской власти.

– Николай Иванович, а этим Николаем были Вы? – осторожно спросил один из охранников.

– Нет, это был мой знакомый.

Николай Иванович ушел, а охранники продолжали обсуждать его рассказ.

– Да не могло такого быть, – все еще не мог поверить в рассказанное старший смены Петр.

– Вполне могло, – не согласился Владимир, охранник с поста на входе в здание. – Я лично был свидетелем, как два пьяных милиционера в троллейбусе, на глазах у всего честного народа, избивали дубинками ни в чем неповинного человека, только за то, что он не хотел уступать им свое место в троллейбусе.

– И где это было? – опять не поверил Петр.

– В Оренбурге, на маршруте четвертого номера троллейбуса, который ходил в наш военный городок, – уточнил Владимир. – Подонков везде полно, и в милицейской форме, и без нее. Были и раньше, есть и теперь. Теперь, правда, их побольше будет.

Рассказ Николая Ивановича испортил им настроение до конца смены. И все же, в рассказанное начальником, им не хотелось верить.

Экстремальная рыбалка

Зима в том году длилась очень долго. Успели порыбачить и на Оке, и в Затоне, и на Долгом. На Оке я тогда впервые поймал плотву весом в четыреста пятьдесят грамм. Более крупной плотвы я не ловил зимой никогда. В тот год в основном ловили на Оке, так как там был отменный клев. Потом Ока вскрылась, и рыбаки перешли рыбачить в Затон. Днем светило солнышко, и сидеть на льду было тепло и комфортно, а по ночам был небольшой мороз, в результате чего на водоемах держался крепкий и безопасный лед. До конца марта мы ходили на рыбалку в Затон. На полях снег уже давно везде растаял, а в Затоне и на Долгом держался прекрасный лед. Рыбакам это был подарок природы. Видя рыбаков, идущих с буром на зимнюю рыбалку, люди удивлялись.

– А куда это вы? – спрашивали их все встречные. – А разве лед еще не растаял?

Рыбаки счастливо улыбались.

– На рыбалку, – говорили они, – лед еще очень толстый, при такой погоде его еще на месяц хватит.

Но на месяц льда не хватило. Пришла Орловская вода. Уровень воды в Оке, а соответственно и в Затоне, повысился, и на лед в Затоне стало невозможно зайти даже по уложенным бревнам. Но до Долгого пришедшая вода еще не добралась, так как перепад высот между Долгим и Затоном больше

трех метров. И все рыбаки переместились на Долгое. Здесь лед еще даже от берега не отошел. Еще почти две недели рыбаки здесь и рыбачили. Рыбка здесь конечно мелкая, не то, что в Затоне или Оке, но выбирать уже было не из чего. Но, со временем, пришедшая вода добралась и до Долгого. По канаве, соединяющей Долгое с Нарой, вода пошла в обратную сторону, и лед на Долгом начал отходить от берега.

В очередной раз мы с Мишей пришли рыбачить на Долгое четырнадцатого апреля. На льду, вдали от нашего берега, сидели полтора десятка рыбаков. А от дамбы, разделяющей озеро Долгое и Купалку, заход был не очень хороший. Вода в озере поднялась метра на полтора, а лед отошел от дамбы метра на два. Для перехода на лед лежали два не очень толстых бревнышка, но никакого шеста, на который можно было бы опираться при переходе, поблизости не было.

– Как же они переходили? – не понял Миша. – Здесь и искупаться можно.

– Еще хорошо, что спуск сухой, а то можно было бы сразу в воду улететь, – не добавил оптимизма и я.

От воды до верха дамбы осталось еще порядка полутора метров высоты, и этот склон уложен бетонными плитами, которые в тот день были сухими. Мы спустились к воде. Я встал на бревна, возле берега они лежали прочно, и не прогибались. Можно попробовать переходить. У нас с Мишей есть свои палки с металлическими наконечниками на конце, на которые мы опираемся при ходьбе. Они незаменимы при пе-

редвижении по скользкому льду, такому, как сейчас на озере. До дна озера они конечно не достанут, но на них можно будет опираться, если ставить их на бревна. Какая-никакая, а опора. Я потихоньку двинулся вперед. Сначала все было нормально, но чем ближе к середине бревен я подходил, тем больше они шатались. Я с трудом удерживал равновесие. Было бы гораздо проще и безопасней, если был бы шест, которым можно опираться сбоку. Но его не было. Поэтому упираюсь палкой в бревно впереди себя, потом переношу тяжесть тела на одну ногу. При этом бревно под ней сильно прогибается. Медленно поднимаю другую ногу и аккуратно переставляю ее на полступни вперед. Так же медленно становлюсь на две ноги. Переставляю палку вперед и делаю следующий шаг. И так при каждом шаге. Наконец-то добираюсь до льда. Пробую палкой крепость льда за бревнами. Вроде бы лед там крепкий. Медленно и аккуратно перехожу на лед. Держит! Потом на лед переходит Миша.

– Полдела сделано, – говорит он, – на лед забрались. Теперь еще нужно будет обратно выбраться.

– Да без проблем выберемся, – успокаиваю я его. – Запас бревен по полметра с каждой стороны, на сегодня нам этого хватит.

Пробуриваем лунки неподалеку от перехода, и пробуем ловить, но поклевок нет.

– А давай левее попробуем, – предлагает Миша, – там, где свежая вода поступает.

– Давай, – соглашаюсь я.

Мы идем влево. А здесь даже бурить не нужно, лед треснул и образовалась щель шириной сантиметров в пятнадцать. В этой щели и пробуем ловить. Сразу же клюет плотвичка, довольно крупная, грамм на сто пятьдесят. Явно неместная, таких здесь практически нет. Значит вместе с водой в озеро зашла и рыба. Если так пойдет и дальше, то сегодня мы будем с уловом. Но наше счастье длилось не долго. Вытащили по три или четыре плотвички, и клев в этом месте прекратился. Видимо под этой щелью проходила стайка плотвичек, и мы успели несколько из них поймать. Пришлось идти дальше, по пути буря лунки и ища рыбу. Не прошло и часа, как мы ее нашли. Рыба здесь клевала разная, и мелкая местная плотвичка, и более крупная, зашедшая с Оки.

– Наверно течение в озере образовалось, – сказал Миша, – у меня мормышку как на Оке сносит.

– И у меня, – подтвердил я. – Я уже несколько раз леску отпускал, а дно периодически пропадает.

Но, поскольку лунки мы периодически меняли, то так и не поняли, что происходит. Клев был хороший, а на разные мелочи нам некогда было отвлекаться, нужно было ловить рыбу, пока она клюет.

– Миша, все рыбаки почему-то ушли, – сообщил я, оглянувшись по сторонам. Одни мы с тобой на льду остались.

– Значит у них клевать перестало, – не задумываясь отве-

тил Миша.

– Может и нам уже пора домой? – неуверенно предложил я. – Килограмма по два мы уже наловили.

– Давай еще с часик посидим, – не согласился Миша, – скоро начнет темнеть, и тогда может лещ начнет клевать.

В принципе, от такого клева и мне не хотелось уходить, и мы продолжили ловить дальше.

– Миша, смотри. Какой-то военный бежит по дамбе и не может зайти на лед, – отвлек я Мишу от рыбалки.

Миша посмотрел в сторону дамбы, до которой от нас было метров четыреста.

– Да у него палки нет, вот и боится переходить по шатким бревнышкам, – объяснил Миша поведение военного.

А военный куда-то сбегал, притащил две длинные доски, по которым и зашел на лед. К нам он не подходил, а прошел сразу на то место, где иногда клевал лещ. Мы только обратили внимание на то, что он был в ботинках. Теперь стало понятно, почему он не смог перейти на лед по бревнышкам.

Мы посидели еще часа два, но лещ клевать так и не начал, а ловить плотвичку нам уже недоело, та и темнеть начало быстро. Мы свернули удочки и пошли домой. Когда подошли к дамбе, мы не поверили своим глазам. Вся дамба уже была под водой. Следовательно, за то время, пока мы сидели на льду, вода в озере поднялась метра на полтора. Так вот почему нам все время приходилось отпускать леску, чтобы достать мормышкой до дна. Наверно и другие рыбаки поэтому

рано ушли. Только мы с Мишей не поняли, что вода резко поднимается. Бревнышки, по которым мы заходили на лед, плавали под берегом метрах в десяти от перехода. Доски, которые притащил военный, еще лежали на месте. Это были пятидесятки, по шесть метров длиной. Один конец их еще лежал на льду, а другой уже плавал в воде, и находился над бетонными блоками, стоящими на краю дамбы.

– Как же нам повезло, что на рыбалку пришел этот военный, и притащил доски, – подумал я.

– Еще бы полчаса, и доски бы уплыли, – заметил Миша. – Ну что, попробуем перебираться?

– А куда деваться, – грустно ответил я. – Будем пробовать, только они будут шататься под ногами намного сильнее бревнышек, а могут и лопнуть.

Миша пошел первым. Доски сильно пружинили, и прогибались под ногами сантиметров на десять. Было видно, что идти ему очень неудобно, и в любой момент он может потерять равновесие и свалиться в воду. Только минут через пять он достиг дамбы.

– Давай, переходи, – сказал он мне. – Я постою на этом конце досок, чтобы они не всплывали. Тебе будет легче переходить чем мне.

Еще через пять минут на бетонных блоках стоял и я. Палкой замерил глубину воды на дамбе, и приложил палку к своей ноге. Выше колена будет. Хорошо, что мы с Мишей в армейских сапогах-чулках, из комплекта ОЗК. Откатили ранее

закатанные голенища сапог, привязали их специальными завязками к поясному ремню, и спустились с блоков на дамбу. Вода действительно была выше колен. Вот это дорыбачились. А на льду ведь еще оставался один рыбак, который, в принципе, нас спас от холодного купания. Ведь если бы не он, то пришлось бы нам переправляться с льдины на дамбу вплавь.

А до рыбака от дамбы было примерно полкилометра. Мы кричали ему сколько было сил, но на наши крики он никак не реагировал. Махали ему руками, чтобы он возвращался, но он нас не понял. Оставалось надеяться, что он не будет там долго сидеть, и успеет выйти на берег. И мы ушли домой. Выходить пришлось через училище, так как нижняя дорога уже была затоплена.

Прошло несколько лет. Я в очередной раз рыбачил в Затоне, и рассказал рыбакам эту историю.

– Так это был я, – сказал один из рыбаков, и рассказал, что было дальше.

Оказалось, что он видел двух рыбаков на дамбе, которые ему что-то кричали, но решил, что это вновь прибывшие рыбаки, которые не знают, как попасть на лед. Ну не будет же он за полкилометра бежать к ним и объяснять, что там он положил доски, по которым и можно спокойно зайти на лед. Осмотрятся, и сами увидят. Но они не зашли на лед, видимо побоялись. Домой он пошел только тогда, когда уже совсем стемнело. Просидел зря, поклевок леща он так и не до-

ждался. А когда подошел к дамбе, то своих досок он не увидел. Их куда-то унесло ветром. Да и дамбы больше не было, везде стояла сплошная вода. И вокруг ни души. Ему стало страшно, и он принял решение переночевать на льду, а уже утром разбираться, что делать дальше. Может на берегу кто появится и окажет помощь, а может направление ветра изменится, и льдину пригонит ближе к дамбе. Ночью, в своих ботиночках, он жутко замерз. Когда рассвело, он осмотрелся. Картина была неутешительная, водой залило даже дорогу на полигоне училища, на которой курсанты отработывали навыки вождения. Следовательно, над дамбой воды не меньше метра, и на рыбалку больше никто не придет. Значит помощи он не дождется. И ветер, по-прежнему, дует от дамбы, и льдина, кажется, отошла от нее еще дальше. Придется выбираться вплавь, другого выхода он не видел. Он снял ватный бушлат, чтобы он не утащил его на дно, когда намокнет, и положил его на рыбацкий ящик. Все это придется оставить здесь, на льдине. Но потом передумал, ящик все-таки жалко, ведь там все зимние рыбацкие снасти. К тому-же, в нем много воздуха. А вдруг он будет как поплавок? С ящиком он и поплыл к дамбе. Сначала ящик действительно служил поплавком, но потом в него набралась вода, и он пошел ко дну. С ящиком пришлось расстаться. Он наверно и сейчас лежит на дне озера, метрах в десяти от дамбы. А рыбак добрался до дамбы, где воды ему было по грудь, выбрался на берег и побежал к машине, которая стояла у него за ворота-

ми училища. Вытащил из кармана брелок, и попытался открыть машину. Замокший брелок не срабатывал, и машина не открывалась. Пришлось бедняге в мокрой одежде, бегом бежать домой в поселок Большевик. Через бор это примерно два километра, для тренированного военного сущий пустяк. Вот так, оказывается, закончилась тогда эта экстремальная рыбалка.

Конкуренты

Случай с повреждением машины фирмы «Эмборг» не прошел бесследно. Несмотря на то, что вредительством занимался сам водитель этой фирмы, через некоторое время фирма «Эмборг» отказалась от услуг общей охраны базы Бирюлево, и наняла свою, как казалось руководству, элитную охрану, в которой было много бывших сотрудников группы «Альфа». Руководству службы безопасности пришлось свою охрану сократить на три человека в каждой смене, итого двенадцать человек охранников были уволены. На базе появились конкуренты общей охраны базы, высокие, спортивного телосложения люди, одетые в черную форму. Вагончик для отдыха им поставили на территории автопарка, куда имелся выход из основного склада фирмы «Эмборг», располагавшегося в главном корпусе. Второй выход из этого склада был в центральный зал этого корпуса, а дальше, мимо поста охраны у комнаты старшего смены, можно было выйти на другую сторону корпуса, где стояли автомашины индийской фирмы, занимавшейся торговлей различными видами газированной воды. Через некоторое время руководство фирмы «Эмборг» попросило передать им комнату старшего смены под диспетчерскую, на что руководство фирмы «Бирюлево» и согласилось. Пост старшего смены был перенесен в барак, расположенный возле центральных ворот, а пост общей охраны в

главном корпусе – ликвидирован. Таким образом, в ночное время, полновластными хозяевами главного корпуса стали конкуренты. Теперь они имели свободный выход и в автопарк, охраняемый основной охраной, и к стоянке автомашин индийской фирмы. Вот тут и началось воровство запасных колес, как в автопарке, так и со стоянки машин индийской фирмы, которая вообще не охранялась. При очередном обходе своей территории, охранник автопарка вдруг обнаруживал, что на одной из автомашин нет запасного колеса, а пропажа запасных колес с автомашин индийской фирмы, обнаруживалась только утром, когда водители этих машин приходили на работу. Начались скандалы. Подозрение в воровстве колес сразу упало на охранников Эмборга, но они это, естественно, отрицали, а доказательств не было.

В это время в охране Бирюлево и появился охранник Игорь Тетушкин. Это был мужчина лет пятидесяти, больше напоминающий громадного медведя, чем человека. В свое время он отслужил в армии десантником. Потом, в пьяной драке, не рассчитав удар и кого-то убил, за что ему грозило до десяти лет тюрьмы. В это время в камере появились люди в штатском, которые и предложили спасти его от тюрьмы, но для этого ему нужно было записаться к какой-то спецотряд. Обещали легкую службу и хорошую зарплату, даже две зарплаты: одну, в долларах, будет получать он, а другую, в рублях, будет получать его семья. Игорь сравнил эти два варианта: суд приговорит его как минимум к пяти годам, и в

это время его жена и дочь никакой помощи вообще получать не будут, или он будет далеко от семьи, но семья будет всем обеспечена. И Игорь подписал контракт. За свободу каких только африканских стран он после этого не боролся. Прослужил больше двадцати лет, и за все это время только дважды приезжал домой в отпуск, тем не менее, успел сделать еще одну дочь. И вот теперь окончательно вернулся домой. И жена, и дочери были для него чужими, так же относились к нему и они. Это была не семья, а только видимость семьи. Некоторое время Игорь беспробудно пил, но потом взялся за ум, ведь так недолго и в ящик сыграть, решил бросить пить, и устроился на работу в Бирюлево охранником. Взяли его с испытательным сроком, и не на суточное, а на двенадцатичасовое дежурство. Вместе с другим охранником, Мишей Загибаловым, они вместе и ездили через день на работу из Серпухова. И Мише стало веселее, а то страшновато, все-таки, одному возвращаться домой последней электричкой. А рядом с таким медведем ничего не страшно. Но как-то, когда они возвращались домой, и Игорь вышел покурить в тамбур, Миша услышал разговор парней, которые сидели у него за спиной.

– Как думаешь, – спросил один, – втроем мы его одолеем?

– Не знаю, – ответил второй, – можем и не одолеть. Видишь, чисто медведь.

– А давайте попробуем, – предложил третий. – Ну не убьет же он нас.

– Убить не убьет, но кости точно переломает, – не поддержал идею первый.

Мише стало страшно. Оказывается, даже под защитой Игоря он не в полной безопасности. Найдутся придурки, которые захотят на Игоре испытать свою силу, а тогда и он рикошетом пострадает. И Миша решил держаться подальше от Игоря. А вскоре в автопарке опять украли очередное запасное колесо, прежнего охранника уволили, а Игоря поставили на его место.

Первое, с чего начал на новом месте многоопытный Игорь, это подружиться с конкурентами. Тем более, что они как-бы одного поля ягоды: он двадцать лет прослужил в спецгруппе, и они из элитной группы «Альфа». А не будет в его смену воровства запасных колес, не будет у него и проблем. Игорь взял бутылку водки, и ночью пошел в вагончик конкурентов в гости. Приняли его хорошо, и водку выпили, и, казалось, поговорили по душам. Игорь рассказал им о себе и о своей службе, они вспомнили интересные события из своей жизни. Конкуренты заверили Игоря, что ему нечего опасаться, это не они воруют запаски, это кто-то из Бирюлевской охраны ворует, и подставляет своих товарищей. Несколько дежурств прошло спокойно, в смену Игоря воровства не было, и он был доволен – дружба с конкурентами удалась.

Тем временем, возле въездных ворот, между воротами и административным двухэтажным корпусом администрации

фирмы «Бирюлево», азербайджанцы поставили большую палатку, и в ней открыли кафе. Похоже, что это у них был семейный подряд: хозяин кафе – седой человек лет шестидесяти, его сын – довольно упитанный человек лет сорока, и племянник – молодой человек лет двадцати. Наемным работником у них была только повариха – пожилая женщина лет пятидесяти. Охранники, дежурившие на воротах, с интересом наблюдали, как с соседней овощной базы грязные и оборванные бомжи приносят к ним испорченные овощи и фрукты. Такие же бомжи приносят им и мясо, ни во что не завернутое, прижимая его к своей грязной одежде. Где они его брали, для охранников оставалось загадкой. Возможно какой-то цех выбрасывал на мусорку испорченное мясо. Овощи и фрукты точно были с помойки. На соседней базе работало много женщин со Средней Азии, которые перебирали там подпорченные овощи и фрукты. Зарплату им каждый день выдавали частью перебранного товара. Потом эти женщины ходили по электричкам и продавали этот товар, пытаясь выручить какие-то деньги на пропитание. Сильно испорченные овощи и фрукты, на этой базе не перебирались, а просто выбрасывались на мусорку. По мнению охранников, именно оттуда бомжи и приносили все это добро в кафе. Внутри палатки хозяин кафе бомжей не пускал, они складывали принесенное, в том числе и мясо, на пороге, громко звали хозяина. Он выходил наружу, смотрел принесенный товар, и здесь же рассчитывался с бомжами. Получив деньги,

те, счастливые, уходили. После этого на крыльцо выходила бабка-повариха, такая же грязная, как и бомжи. Она с ножом садилась на пороге и перебирала принесенный товар, отрезая сгнившую часть овощей и фруктов, складывая еще пригодное в кастрюли. Большую часть принесенного, после переборки она относила на местную мусорку. Похоже, что она действительно была бомжихой, так-как и ночевала в этом же кафе, сдвинув для этого стулья в зале и постелив на них какой-то матрац.

Как-то вечером Игорь подошел к охранникам на воротах. Его пост находился всего в двадцати метрах от ворот, поэтому он мог себе это позволить, тем более, что рабочий день уже закончился, и всё Бирюлевское начальство уехало домой. На воротах, кроме охранников, находился и старший смены.

– Володя, а ты был в этом кафе? – спросил он старшего смены.

– Нет. А что мне там делать? – ответил старший.

– А давай зайдем посмотрим. Просто из интереса, – предложил Игорь.

– Ну давай посмотрим, – согласился Владимир.

Их появлению хозяин кафе обрадовался. Предлагал заходить после смены с дежурства всем охранникам. И водка у него дешевая и вкусная, и за бутерброды для закуски он с охранников обещал деньги не брать. Но бутерброды на стойке лежали сильно заветренные, с уже начинающей чернеть

колбасой, а водка стоила в два раза дороже, чем в магазине. Охранники посмотрели на ценники, и, ничего не взяв, вышли из кафе.

– Ну, что ты заметил? – спросил Игорь у Владимира

– Просроченную закуску и дорогущую водку, – ответил тот.

– А сколько людей сидело в кафе? – спросил Игорь.

– Не знаю, я не считал.

– Трое, – ответил на свой вопрос Игорь. – Двое за ближним столиком слева, и один впереди справа. При необходимости, сначала нужно было бы убрать одиночку, чтобы в спину не выстрелил, а потом уже этих двоих.

Владимир смотрел на Игоря широко открытыми глазами, и тот это заметил.

– Извини, – сказал он, – двадцатилетняя привычка. Заходя в любое помещение, я сразу оцениваю, как из него выходить буду, и кто мне может помешать.

– Как же ты с этим живешь? – удивился Владимир.

– Вот так и живу, – ответил Игорь, – сам от этого страдаю, но ничего не могу с собой поделать. Иногда по ночам снится, что меня заблокировали в каком-то помещении, и я не могу оттуда выйти. Вот недавно ходил в гости к конкурентам. Предлагали на почетное место за столом сесть, но я скромненько, на краешку скамейки, спиной к двери примостился, хотя ребята вполне нормальными оказались.

А хозяин кафе решил обеспечить себе постоянную при-

быль, так как посетителей в кафе было очень мало. Он пригласил в гости руководителей службы безопасности. Угостил их коньяком и шашлыком, и предложил кормить в обед всю охрану, мотивируя это более низкими ценами, чем теперь в столовой, где все работники Бирюлево и питались по бесплатным талонам, которые оплачивала фирма, а также тем, что он будет кормить и по выходным, в то время, как по выходным охранники готовят себе сами. Руководство службы безопасности и предложило охранникам питаться в этом кафе, но все отказались, особенно несговорчивыми были охранники, которые дежурили на воротах.

– Мы не будем здесь питаться, – заявили они, – здесь все продукты с мусорки. Мы не будем это кушать.

– Я сам кушал у них в кафе, – убеждал их заместитель начальника, – все очень вкусно.

– Вот Вы у них и кушайте, если Вам там нравится, – не соглашались охранники, – а мы не будем. Мы каждый день видим, что продукты сюда приносят бомжи с мусорки соседней базы, а готовит все это, грязная, похожая на бомжиху повариха. Мы лучше сами себе будем каждый день готовить. Переубедить охранников начальству не удалось, а вот начальство охранники похоже переубедили – кушать в кафе они больше не ходили.

Тем временем началась зима, и выпал снег. В очередное дежурство Игорь решил немного схитрить, и лечь спать на полчаса раньше, чтобы поспать не два часа, а два с полови-

ной. Поэтому и на обход перед сном пошел на полчаса раньше. Рядом со входом в склад Эмборга он увидел автомашину, на которой запасное колесо уже было откручено, но еще лежало на скобе крепления. Приди он на пять минут позже, его бы уже не было. Он явно спугнул вора. Возле автомашины, рядом с открученным колесом, на снегу был четкий след армейского ботинка. Именно в таких ботинках ходили охранники Эмборга. Игорь зашел в вагончик к конкурентам. Там сидели все трое охранников.

– Пойдем со мной, – сказал он старшему.

– Видишь, – спросил он, когда они подошли к машине.

– Ну и что? – изобразил непонимание охранник.

– След видишь? – продолжал Игорь. – Такие ботинки только у вас. Ставь ногу рядом с этим следом.

Охранник поставил. По мнению Игоря, отпечатки совпали. Дальше он разбираться не стал. От сильного удара в челюсть охранник Эмборга потерял сознание и рухнул возле машины. Два других охранника Эмборга, тоже бывшие сотрудники группы «Альфа», молча стояли в пяти метрах от них, но помогать товарищу не рискнули.

– Забирайте, – обратился к ним Игорь, указывая на лежащего на снегу охранника. – Если кого-то из вас заподозрю в воровстве – убью сразу. А этому, как очухается, передайте, пусть сегодня же увольняется. Еще раз его здесь увижу – убью.

Охранники утащили своего товарища в вагончик, а Игорь

прикрутил на место снятое запасное колесо, и ушел спать в свой вагончик. Ни он, ни охранники Эмборга о происшествии никому не доложили. Только старший смены Эмборга почему-то, совершенно неожиданно для руководства, в тот же день уволился с работы. Воровство запасных колес после этого прекратилось. Видимо, все трое охранников Эмборга, которые были участниками и свидетелями этого происшествия, вполне серьезно отнеслись к предупреждению Игоря и сделали из этого правильные выводы. На следующем дежурстве Игорь рассказал о происшествии старшему своей смены, но тот тоже не стал никому об этом рассказывать, чтобы случайно его не подставить.

Игорь проработал после этого еще месяца три. Как-то он не приехал утром на дежурство. Пришлось для дежурства на его посту оставить еще на сутки охранника, которого он должен был сменить. Игорь приехал только к обеду, с сильным запахом спиртного.

– Ну что, я пошел заступать на дежурство? – спросил он старшего смены.

– А почему вовремя не приехал?

– С вечера с женой поругался, выпил лишку, и утром проспал.

– Теперь иди к начальству, вместо тебя уже полдня человек из другой смены дежурит. Как бы тебя не уволили.

– Ничего, не уволят. Я с ними договорюсь.

Но с начальством ему удалось договориться только о том,

чтобы его уволили не «за нарушение трудовой дисциплины», а «по собственному желанию». От желающих устроиться на работу тогда отбоя не было, поэтому с нарушителями дисциплины начальство не церемонилось. За малейшее нарушение работников увольняли сразу, перевоспитывать их, как было в советское время, никто не собирался.

Рыбалка накануне Крещения

В том году, еще в середине декабря, ударили сильные морозы. Больше недели стояли морозы за тридцать градусов, а снега еще вообще не было. Для садоводов и огородников это очень плохо. Клубника вымерзнет однозначно. Может приморозить даже корни кустов и деревьев. А для рыбаков это в радость. За неделю весь Затон покрылся льдом. Оставалось незамерзшим только русло реки Нары. За моей памяти это был первый случай, когда мы могли так близко по льду подходить к Наре. Обычно, метров за пятьдесят до русла, была открытая вода, и льда там никогда не было. Естественно, рыбаки воспользовались этим случаем, и ловили на самой кромке льда, надеясь на поклевки крупной рыбы. Рыба ловилась не особенно крупная, но все же покрупнее, чем на середине Затона. Среди желающих поймать крупную рыбу был и я.

Через неделю выпал снег, и мороз уменьшился до минус двадцати градусов. Ловить рыбу стало намного комфортнее. Ловилась довольно крупная плотвичка, до двухсот грамм весом, и такие же голавлики. Иногда попадались и приличного размера окушки. Рыбаки не могли нарадоваться, такой рыбалки здесь давно не было. Блаженствовали мы аж до середины января. Мороз уменьшился до минус пятнадцати градусов, и сидеть на льду стало еще комфортнее, но начали

появляться промоины. Течение в Наре сильное, и с потеплением оно начало подмывать лед. Причем, промоины появлялись в самых неожиданных местах. Один рыбак провалился буквально возле самого берега, где глубина была всего полуметра. Другой почти возле самой кромки льда, где глубина больше трех метров. Ему правда повезло, только одной ногой провалился. А если бы двумя? Тогда еще неизвестно, чем бы все это закончилось, при таком течении могло бы и под лед затащить. Рыбаки, как могли, пытались себя обезопасить, бросали на промоины ветки, чтобы пометить эти промоины. В те места, где лежали ветки, рыбаки и не ходили. Перед Крещением морозы опять усилились, промоины немного затянуло, и рыбачить стало опять безопасно. Рыбаки опять подходили к самой кромке льда, где клевала более крупная рыба.

Шестнадцатого января я рыбачил в Затоне вместе с другими рыбаками. У меня клевала плотвичка размером с ладошку, поэтому я просидел полдня на одной и той же лунке. Поклевки не очень частые, но и не очень редкие. Что называется, нормальный клев. Недалеко от меня сидел старый рыбак, подполковник в отставке Лущик, мой старый знакомый, которому уже было около семидесяти лет. У него рыба клевала намного реже, чем у меня, но зато она была гораздо крупнее. В итоге за полдня, по весу, он поймал в два раза больше, чем я. В обед он собрался уходить домой.

– Володя, садись на мою лунку, – предложил он мне, – у

меня здесь плотвичка до двухсот грамм клюет.

Я подошел к его лунке, посмотрел улов. Размер пойманной рыбы действительно впечатлял. После его ухода я и занял эту лунку. И у меня также клевала приличная плотва, несколько штук даже около двухсот пятидесяти грамм попались. Больше ни у кого такая крупная рыба не клевала. Вокруг моей лунки собралось несколько рыбаков, всех интересовал вопрос, как и на что я ловлю такую крупную рыбу.

– Да на чертика я ловлю, – отвечал я, – без наживки. Никаких секретов нет. Просто Лущик уступил мне свою клевую лунку, вот и ловлю на ней.

Видя столпотворение возле моей лунки, подошли еще рыбаки.

– Отойдите, пожалуйста, чуть дальше, – попросил я всех. – Вон видите, в пяти метрах за вами промоина, лед не выдержит, провалится, и пойдем всей толпой на дно.

Любопытные разошлись, а я продолжал ловить. Полтора десятка крупных плотвичек я на этой лунке поймал, и ушел домой когда в порту уже зажглись огни. Порт тогда еще не был огорожен металлическим забором, как сейчас, и я пошел домой через территорию порта, а это всего пятьдесят метров от лунки до дома. Сейчас до Затона можно добраться только в обход порта, приходится топать больше полутора километров.

На следующий день я проснулся пораньше. Быстро позавтракал и побежал на лед. Нужно было поторопиться, чтобы

никто не успел занять мою клевою лунку, ведь вчера ее многие видели и запомнили, если опоздаю, то останусь без клевой лунки. Еще только начало сереть, а я уже был на льду. Быстрым шагом пошел к своей лунке, так как недалеко от нее уже просматривались фигуры рыбаков. Моя лунка была свободной. Теперь, уже не спеша, я пошел к лунке. Обошел промоину и подошел к лунке, подошел как раз с той стороны лунки, где вчера стояла целая толпа рыбаков. Осмотрелся, группа рыбаков бурила лунки метрах в тридцати от меня, и больше на льду, пока-что, никого не было. Сам себя похвалил, что пришел вовремя, теперь у меня опять будет хороший улов. Положил бур на лед, и только хотел снимать с плеча рыбацкий ящик, как вдруг почувствовал, что проваливаюсь вниз. Все произошло мгновенно, я даже не успел ничего сообразить. Успел только локти в стороны расставить. На них я на льду и задержался, не достав ногами до дна. Мой рыбацкий ящик лежал рядом со мной на льду, слава богу, под лед он не провалился. Я оттолкнул его подальше от лунки, ведь там лежат все мои зимние снасти. Как я потом без них, если ящик уйдет под воду? После этого попробовал облокотиться на лед. Вроде бы края лунки держат нормально, можно попробовать выбираться. Я поставил ладони на лед, и на руках отжался от льда. Лед держал, и это радовало. Мне крупно повезло, на краях промоины лед не крошился. Я вытащил из воды свою намокшую и сильно потяжелевшую задницу, сел на лед, и, не дожидаясь, пока он опять провалится,

лег на бок и откатился от промоины. Теперь уже можно было вставать на ноги. А ко мне уже бежали рыбаки с веревками в руках, чтобы вытаскивать меня из промоины.

– Ну как ты? Сам выбрался? – спрашивали они. – А мы думали, что придется тебя спасать.

– Большое спасибо, что прибежали, – поблагодарил я. – На этот раз сам выбрался, лед вокруг промоины был крепким, но ведь всякое могло случиться. Еще раз большое вам спасибо!

– Ты что, промоину не заметил? – спрашивали рыбаки.

– Да в том то и дело, что вчера здесь никакой промоины не было, – объяснял я. – Вчера, на том месте, где я провалился, возле моей лунки стояли шесть человек, мой улов рассматривали, и лед всех выдержал, а сегодня одного меня не выдержал. Наверно за ночь подмыло.

Рыбаки разошлись по своим местам, а я сел на ящик, вылил воду из сапог, обулся, и напрямик через порт пошел домой. На этом моя рыбалка закончилась, так и не начавшись. Несмотря на то, что было восемнадцать градусов мороза, холодно мне не было, хотя сухими у меня остались только плечи и голова. Через пятнадцать минут я был уже дома. Отдал жене в стирку мокрую одежду, выпил сто грамм, за здоровье спасшегося утопающего, и вдруг вспомнил, что завтра Крещение. Много людей будет купаться в проруби. А я опередил их всех, искупался на сутки раньше, правда не по своей воле. Добровольно я бы не полез в прорубь. Но все прелести

зимнего купания я все же ощутил. Ничего страшного, можно купаться, даже не очень холодно. Самое интересное, что после этого купания я не заболел, даже насморка не было. Два дня после этого пришлось сидеть дома и ждать, пока высохнет зимняя рыбацкая одежда, а через два дня я опять был на рыбалке. При дневном свете рассмотрел то место, где я провалился. Сама лунка, в которой я перед этим ловил, осталась целой и невредимой, в двадцати сантиметрах от нее была большая «лунка», диаметром около метра. Следов на снегу вокруг моей лунки не было, следовательно, никто больше не осмелился к ней подходить. Не стал это делать и я, одного купания накануне Крещения мне было достаточно.

Смертельная доза

Основной костяк охранников в смене работал стабильно уже несколько лет, несмотря на то, что охранников увольняли за малейшую провинность или оплошность. А вот два человека из восьми, которые работали в смене по суткам, периодически менялись. В основном это были люди, которые сутки не могли прожить без спиртного. Они или на смену приезжали с запахом спиртного, или умудрялись где-то хлебнуть спиртного во время дежурства, и если руководство это замечало, то их тут же увольняли.

После увольнения одного из таких охранников, в смене и появился Александр. Это был мужчина в возрасте около сорока пяти лет, среднего роста и плотного телосложения, житель близлежащей Щербинки. Он был вполне вменяемым человеком, и добросовестно исполнял свои обязанности. В его поведении охранников настораживало только одно – неприкрытое желание выслужиться перед начальством.

– Как бы не начал стучать? – говорили между собой охранники. – Два стукача на одну смену будет многовато.

Об одном стукаче в своих рядах все знали, это был Миша Загибалов. Ну Миша – это особое явление природы. Миша боялся всего: боялся ездить поздно в электричках, боялся темноты, боялся косога взгляда начальников. Поэтому, когда начальники обходили территорию, он нижайше кланял-

ся им в пояс, чем смешил всех охранников. И это, несмотря на то, что Миша был подполковником запаса. Охранники не понимали, как он, при боязни всего и вся, смог дослужиться до такого звания? Но Миша как-то дослужился. А может и там стучал на всех, и за счет этого продвигался по службе. Было в армии и такое явление. Здесь своего стукачества Миша даже не скрывал. По утрам, когда начальник охраны на своей машине объезжал посты, Миша подбегал к нему, низко кланялся, и вручал лист бумаги, как понимали охранники, доклад о всех замеченных Мишей недостатках. Начальник охраны внимательно читал этот доклад, и только после этого ехал к старшему смены, от которого уже получал официальный доклад о событиях за ночь.

Но опасения охранников оказались напрасными, стукачом Александр не стал, хотя всегда подобострастно заглядывал в глаза начальникам. Сначала Александр дежурил на посту в автопарке, потом на посту возле четвертого склада, в котором пытались варить пиво. Пиво было такого качества, что пить его было просто невозможно, тем не менее, человек, варивший это пиво, охранников им угостил. Ночью, делая очередной обход постов, старший смены Владимир застал Александра на посту спящим. Он спал сидя на стуле за столом. В принципе – ничего страшного, с кем не бывает. Ну сморило человека, не заметил, как глаза закрылись, вот и уснул. Владимир разбудил Александра, и отправил его умыться, чтобы отогнать сон. А когда тот вернулся, то Влади-

миру показалось, что от него чем-то попахивает. Он не был в этом уверен, поскольку у него был хронический насморк, и его нос постоянно был заложен, но, если уж его нос что-то унюхал, то какой-то запах действительно есть.

– А что тыпил? – спросил он у Александра.

– Ничего, – сделал удивленные глаза Александр.

– Не ври, я ведь чувствую какой-то странный запах.

– Да это пиво, – как о чем-то пустяшном сказал Александр, – меня этот недоделанный парень, который пиво варит, угостил.

– Все выпил, или еще осталось? – поинтересовался Владимир.

– Да его пить невозможно, дрянь ужасная. Я полбутылки одним махом выпил, и меня чуть не вырвало.

– Показывай остаток.

Александр протянул Владимиру полбутылки пива. Тот его попробовал и тут же выплюнул.

– Да, гадость редкостная, – согласился он, выливая остаток пива на землю.

– Зачем? – протянул к бутылке руки Александр.

– Вот как раз затем, чтобы ты эту дрянь не допил. Я никому не буду об этом докладывать, но ты, пожалуйста, больше не пей на посту. Ничего, даже пива. Понял?

– Понял. Да сколько я там выпил? Всего пару глотков.

– И одного не нужно. У нас в смене на дежурстве не пьют. Ты ведь и уснул потому, что эти два глотка выпил. Если бы

проверял не я, а кто-то из начальников, то тебя сразу бы уволили.

Больше замечаний к Александру не было, и он продежурил на этом посту еще с полгода. Потом его перевели на пост возле ангара, в котором Саша-косой бодяжил с дагестанской водкой, переклеивая старые этикетки на брендовые.

В очередной раз смена заступила на дежурство в воскресенье. Начальник охраны, как всегда, провел инструктаж заступающей смены, дождался доклада о смене всех постов, и уехал домой. Женя, охранник с поста офиса «Бирюлево», прибыл на центральный пост и начал на всю смену готовить обед. Женя умел варить очень вкусный борщ, таких вкусных борщей охранники даже дома никогда не ели. На территории базы ни один склад не работал, работали, как обычно, только пекарня, куриный и кондитерский цеха, да еще в ангаре Саши-косого шли какие-то работы. В общем, все было тихо и спокойно. За час до обеда Владимир пошел на обход постов. Возле ангара Саши-косого шла погрузка полетов с водкой в фуру. Каких только видов водки здесь не было, и импортная, и отечественная. Даже такие забытые виды водки, как «Пшеничная» и «Столичная» здесь присутствовали. Не говоря уж о таких, как «Черноголовка», «Немиров», «Беленькая», «Русская», «Деревенька», «Майкопская», и другие. Саша наклеивал на бутылки с дагестанской водкой самые разные этикетки, и потом фурами ее куда-то отправлял. Охране было дано указание не препятствовать его деятель-

ности, но при вывозе, оставлять у себя копию накладной вывозимого товара. Так, на всякий случай.

Обычно, при обходе старшим смены постов, охранники сами выходили ему навстречу, чтобы было видно, что они бдительно несут службу, и на своем посту все видят, и все замечают. Александр, со своей будки, специально поднятой на двухметровую высоту, чтобы с нее был большой обзор, навстречу Владимиру не вышел. Владимир поднялся по лестнице наверх и открыл дверь в будку. Александр спал, лежа на топчане, и, даже своим нечувствительным носом, Владимир отчетливо почувствовал запах водки. Растолкал Александра.

– Ты что, совсем обнаглел? Среди бела дня пьешь и спишь? Да тебя ведь тот же Саша-косой или Миша заложит! Или тебе работа больше не нужна?

– Да я только прилег, – оправдывался Александр.

– А водку где взял?

– Саша угостил.

– Саша? Да он скорее удавится, чем кого-то угостит.

– Ну не совсем угостил, у них бутылка разбилась, я ее и подобрал. Там буквально на доньшке оставалось.

– Я тебя в последний раз прикрою, но смотри, больше ничего не подбирай и не пей.

На других постах все было без происшествий, и Владимир вернулся на свой пост. Жене одному было сложновато и обед готовить, и за входом в корпус смотреть. От готовящегося борща запах стоял уже на весь корпус. Женя был масте-

ром своего дела, и Владимир решил тоже научиться готовить вкусный украинский борщ. Женя с удовольствием рассказал ему все секреты.

Сначала нужно поставить, в отдельной кастрюле, варить столовую свеклу. Не чищенную, только помытую, и варить не меньше сорока минут. В это же время поставить варить бульон, лучше всего – из куриных крылышек. С куриными крылышками у охраны проблем не было. В этом же здании работал цех по разделке кур, и охране, в выходные дни, вместо положенного обеда выдавали жаренные крылышки или бедра. Женя шел в этот цех, и договаривался, чтобы по одному крылышку на каждого охранника не жарили, а выдавали ему сырыми. Из них он и варил бульон. Бульон тоже нужно было варить порядка сорока минут. В это время Женя чистил и резал картошку, которую по очереди приносили охранники – дежурные по кухне. Картошку он резал соломкой, так как считал, что пища должна быть не только вкусной, но и красивой, тогда ее и кушать приятно будет. Теперь нужно было готовить пассировку. Ее Женя готовил на курином жире, которого в курином цехе можно взять сколько угодно. Сначала на нем он жарил мелко нарезанный лук, до золотистой корочки, потом добавлял туда натертую на терке морковь. Все это вместе тушилось под крышкой, приобретая приятный оранжевый оттенок, до тех пор, пока морковь не становилась мягкой. К этому времени бульон уже был готов, и в него Женя забрасывал приготовленную перед этим

картошку. После этого на сковородку Женя добавлял еще и нашинкованную капусту. С капустой пассировка продолжалась еще минут пятнадцать, а в это время он чистил сварившуюся свеклу и нарезал ее, тоже соломкой. Теперь нужно было следить за готовностью картошки в борще, и, как только она готова, забросить в кастрюлю приготовленную свеклу. К этому времени и пассировка, поспевала, оставалось только добавить в нее томаты. Томаты можно добавлять в любом виде, как мелко нарезанные помидоры, так и томатную пасту, предварительно разбавив ее водой. Еще десять минут, и пассировка готова. Женя проверял борщ на соль, и если все нормально, добавлял в борщ пассировку. Минут десять борщ варился еще и с пассировкой. Теперь оставался последний штрих – Женя брал две дольки чеснока, раздавливал их лезвием ножа, и, мелко нарезав, бросал в борщ. Если была какая-то зелень, то в борщ добавлялась еще и зелень. Вкусный украинский борщ готов. Женя накрывал его крышкой, и в таком виде он томился, пока Женя смотрел по телевизору очередной розыгрыш спортлото. Женя был игроманом, и не пропускал ни одного розыгрыша. Небольшие суммы иногда он выигрывал, но серьезных выигрышей у него никогда не было.

Владимир позвонил на посты, и пригласил охранников по очереди приходить на обед. Охранники кушали борщ, который им наливал в тарелки Женя. Борщ хвалили все, и Жене это было приятно. Женя кушал всегда предпоследним. По-

следним приходил дежурный по кухне. Он съедал свою порцию борща и мыл всю посуду. Дежурили по кухне все по очереди, в том числе и старшие смены. Такой был установлен порядок. Налил Женя тарелку борща и пришедшему на обед Александру.

– Он где-то хорошо поддал, – сказал Женя Владимиру, когда тот ушел. – От него такой шлейф. Ты не заметил?

– Нет, – соврал Владимир. – Может тебе показалось?

Ему не хотелось подтверждать подозрения Жени, потому, что если эта информация дойдет до начальства, то влетит и ему.

– Может и показалось, – понимающе согласился Женя.

После обеда Владимир пошел на очередной обход. На этот раз Александр увидел его издали, и сам вышел из будки на верхнюю площадку. Владимир спросил у него как дела, и пошел дальше. Язык у охранника не заплетался, и то хорошо. Можно было надеяться, что до утра он отойдет. При вечернем обходе Александр тоже его увидел, и вышел на площадку, но на ногах не удержался, и упал, чуть не свалившись вниз с двухметровой высоты. Он пьяно улыбался, и нечленораздельно говорил, что у него все нормально. Владимир поднялся наверх и завел его в будку.

– Сколько же ты выпил? – спросил он Александра.

– Два, – ответил тот.

По наивности, Владимир подумал, что тот выпил два стакана, так как сам пил мало.

– А закусывал чем?

– Ничем.

– Охренеть, два стакана без закуси! Ты не помрешь до утра?

– Каких два стакана? Я два пузыря выпил.

– Две бутылки? – обалдел Владимир. А взял где? Что, опять Саша угостил?

– Нет, я сам насливал, – заплетающимся языком пытался объяснить Александр. – Они там целый полет с ящиками водки уронили, и все побили. С битых бутылок остатки водки я и слил, не пропадать же добру.

– Ну что ж, можешь ложиться отдыхать, твой пост дальше будет Миша Загибалов охранять. Так что, завтра будешь уволен.

Утром Владимир опять зашел к Александру, чтобы убедиться, что тот не помер в своей будке. Тот не спал. Он стоял на четвереньках возле топчана, упираясь в пол руками. Пытался встать на ноги, опираясь на топчан, но у него ничего не поручалось, и он падал на пол. Сделав несколько таких неудачных попыток, он, наконец-то, поднял голову и посмотрел на вошедшего.

– Похоже ты еще добавил? – спросил Владимир.

Александр кивнул.

– И сколько еще выпил?

Александр что-то промычал, пытаясь ответить, но у него ничего не получилось. Тогда он сделал усилие, оторвал одну

руку от пола, показал два пальца, и тут же рухнул на пол. На трех подпорках он удержаться не смог. Больше Владимир не стал у него задерживаться. Было件нятно, что это запойный мужик. Пока не пьет – держится, но стоит начать пить, будет пить до тех пор, пока все не выпьет, или пока не помрет, что раньше наступит. Это же надо, за ночь, без закуски выпить четыре бутылки водки? Как только не помер? Это ведь смертельная доза для нормального человека. Лично Владимир и от одной бутылки помер бы. У него в жизни был только один случай, когда они с приятелем на Новый год вдвоем выпили бутылку водки. Так это всего по полбутылки, и при хорошей закуске, и то он считал, что тогда они выпили слишком много. А этот четыре бутылки в одиночку. Долго он так не проживет.

В тот же день Александра уволили. Долго о нем ничего не было слышно. Потом охранник Николай, который тоже жил в Щербинке, сообщил, что Александр пошел в лес за грибами и пропал. Нашли его только следующей весной. Его, уже начавшее разлагаться тело, лежало в какой-то ямке, а рука крепко держала недопитую бутылку водки.

Эхолот

Рыбачить зимой на озеро Долгое ходят в основном пенсионеры, которым уже тяжело ходить на Оку, или очень ленивые, которым лень туда идти. С каждым годом рыбалка здесь становится все хуже и хуже. Раньше и плотвичка покрупнее ловилась, да и рыбы было намного больше. Мелкой плотвы всегда не меньше чем по полкило за полдня налавливали. Теперь же, за полдня и десятка плотвичек можно не поймать, нет клева.

В один из таких дней, когда клева совсем не было, на Долгом и появился молодой прапорщик с эхолотом. Он ходил от рыбака к рыбаку и показывал свой улов – большого подлещика грамм на триста. Такой улов был для Долгого настоящим событием, так как подобные подлещики ловились здесь крайне редко, буквально два или три за весь зимний сезон.

– Я его по эхолоту увидел на другом берегу озера, – бурно рассказывал прапорщик, – побежал туда, пробурил лунку, он и клюнул.

Прапорщик охотно демонстрировал всем действие своего эхолота, показывал, что видно на экране, и как он ищет рыбу. Увидев, во время демонстрации, на экране большую черную рыбу, он оставил нас, и убежал сверлить новую лунку и ловить эту рыбу.

Мой товарищ Миша эхолотом не заинтересовался, а ме-

ня он заинтересовал, и даже очень. И я решил и себе купить эхолот. Ведь здорово будет находить и ловить рыбу в то время, когда ни у кого ничего не клюет. Я походил по рыбацким магазинам, поинтересовался типами и возможностями продаваемых эхолотов. Большинство продавцов рекомендовали мне покупать тубусный двухлучевой эхолот. Им, правда, невозможно будет смотреть вдоль водоема, как на эхолоте прапорщика, а только под лункой, но продавцы меня уверяли, что это и не нужно, все равно на большом расстоянии точное местоположение рыбы определить невозможно. Уверяли, что тот прапорщик нам сказки рассказывал, не мог он на расстоянии в сто метров определить местоположение рыбы. Ему просто повезло. И я принял решение покупать именно тубусный эхолот, в виде складывающейся трубы, по типу подзорной трубы. Немного смутил его вес, почти два килограмма, но его можно было носить на ремешке через плечо, и это меня устраивало. Знающие люди подсказали, что покупать нужно через интернет-магазин, обойдется на три тысячи дешевле. По телефону сделал заказ, с доставкой товара по месту моей работы в Москве. Через четыре дня эхолот обещали доставить, оплачивать товар нужно будет курьеру, который доставит эхолот. Я предупредил, продавца, чтобы курьер привез с собой и элементы питания для эхолота, чтобы можно было проверить его исправность. Но курьер доставил эхолот без элементов питания. Проверить его исправность я не мог, а покупать «кота в мешке» не хотелось, да и размер

этого тубуса оказался больше, чем я ожидал. Ходить с таким тубусом на рыбалку будет крайне неудобно. Кроме того, при осмотре этого эхолота у меня возникла мысль, а что будет, если после опускания его в воду, раздвижная труба замерзнет, и обратно не сложится. Курьер пояснил, что это случается часто, и в этом нет ничего страшного, дома в тепле труба оттает и сложится.

– А домой я буду нести его в разложенном виде? – поинтересовался я.

– Ничего страшного, – успокоил меня курьер, – многие так носят.

Вот теперь мне окончательно стало ясно, что такой эхолот мне и даром не нужен, не то, что за двадцать одну тысячу рублей, при моей зарплате в двенадцать тысяч. И от его покупки я отказался, ссылаясь на то, что без элементов питания я не могу его проверить, а без проверки я его брать не буду.

Через неделю я съездил на выставку рыболовного снаряжения и купил эхолот там. Это был двухлучевой эхолот, с небольшой камерой на длинном проводе, и стоил он гораздо дешевле, всего шестнадцать тысяч рублей. Да и весил он всего шестьсот грамм. С ним я и начал ходить на рыбалку. Поворотная камера позволяла искать рыбу как под лункой, так и в стороне от лунки. Два луча, узкий, с углом обзора двадцать градусов, и широкий, с углом шестьдесят градусов, работают одновременно, и все сразу отображается на экра-

не. Рыба, которая попала в узкий луч, отображается черным цветом, а попавшая в широкий луч – серым цветом. Найти рыбу в стороне от лунки, было конечно проблематично, так как в узкий луч рыба попадает не очень часто, а найти ее по отображению в широком луче, практически невозможно. К примеру, если рыба находится в широком луче, и расстояние до нее всего десять метров, то это означает, что она может находиться в любой точке дуги длиной в десять метров, находящейся в десяти метрах от точки погружения в воду камеры эхолота. Чтобы ее найти, нужно пробурить как минимум десять лунок на этой дуге, но пока будешь их бурить и проверять на наличие в них рыбы, искомая рыба конечно же уйдет, не такая она и дура, чтобы полчаса стоять на месте и ждать рыбака. Другое дело, когда рыба попадает в узкий луч, и, на счастье рыбака, в предполагаемом месте стоянки рыбы обнаруживается старая лунка, лучше всего ранее кормленная, тогда рыба точно находится под этой лункой. В этом случае эхолоту можно верить.

Верил я эхолоту еще и в том случае, когда он рыбу не показывал. Если не показывает, то рыбы в этом месте однозначно нет, и нечего зря тратить время на разбуривание этого места и поиск здесь рыбы. Три года я ходил на рыбалку с эхолотом, и был убежден, что он мне экономит время на поиск рыбы. Как-то на Долгом знакомые рыбаки попросили меня найти для них место стоянки рыбы. Я посмотрел эхолотом вокруг своей лунки, и в двадцати метрах от нее увидел

стайку черных рыбок. Рыбаки сели на указанное мной место, и начали ловить там плотвичку. Нашел рыбу в тот раз я и для себя. Развернул камеру в другую сторону, и, буквально в десяти метрах от себя увидел большую черную рыбу. Это наверняка был подлещик. Отмерил десять больших шагов в нужном направлении, и обнаружил две старые, ранее кормленные лунки. Позвал и Мишу к этим лункам. Чтобы лишний раз не шуметь и не пугать рыбу, я сел на лунку, которая уже начала замерзать, но еще не совсем замерзла. В ней еще оставалось отверстие диаметром сантиметров в семь или восемь. На мой взгляд, этого было вполне достаточно, чтобы проверить наличие рыбы под лункой. Буквально на третьей или четвертой проводке произошла поклевка, и я вытащил приличного подлещика, весом грамм на сто пятьдесят. Миша, с соседней лунки, вытащил примерно такого же подлещика. Ура! Мы попали на стайку подлещиков! Теперь главное их не распугать, и мы будем с уловом. Я снова опустил свою удочку в лунку. Сделал еще пяток проводок, и опять поклевка. На этот раз клюнуло что-то более солидное, чем в первый раз.

– Миша, у меня что-то очень хорошее, – сообщил я товарищу.

– Смотри не упusti, и не распугай всю рыбу, – предостерег он меня.

Я медленно и аккуратно подтащил пойманную рыбу к лунке. Это опять был подлещик, раза в два больше первого.

Я сразу прикинул его вес – грамм триста или четыреста будет. Вот только в узкую лунку он не пролезал. Голова его из лунки высунулась, но поддеть его пальцами под жабры мне не удавалось. Была бы леска потолще, можно было бы потащить его дальше вверх, чтобы он застрял в лунке, но леска у меня 0,1 мм, оборвется сразу, как уже было один раз.

– Миша, – обратился я к товарищу, – он не пролазит, нужно лунку раздалбливать.

– Ну раздалбливай, – равнодушно ответил тот.

Ему явно не хотелось отрываться от процесса ловли, ведь в любой момент крупная рыба могла клюнуть и у него.

– Одному неудобно. Подержи пожалуйста его на леске, пока я буду раздалбливать, – прошу я его, – а то уйдет и распугает всю рыбу.

Последний аргумент действует на Мишу более убедительно. Ему не хочется, чтобы мой сорвавшийся подлещик распугал всю стайку, тогда у него точно поклевков больше не будет. Он оставляет свою удочку и подходит ко мне.

– Ладно, давай помогу, – говорит он. – Только ты сам держи свою рыбу, а я буду долбить. А то потом будешь говорить, что это я упустил твою рыбу.

При первых ударах пешней, ранее смирно сидевший на крючке подлещик, вдруг заволновался и сделал несколько резких движений. Чтобы он не порвал тонкую леску, я немножко его отпустил. И этого было достаточно. Подлещик сделал кувырок и ушел. Еще хорошо, что любимую мормыш-

ку не оторвал. Я удивляюсь, как они так легко освобождаются от крючка, когда появляется малейшая слабина? Ведь этот крючок из рыбы я руками с трудом вытаскиваю. Иногда при этом крючки на мормышке даже обламываются. А тут раз, и мормышку выплюнул. Интересно, как они это делают? Может как-то языком крючок выбрасывают? Тогда у них должен быть очень сильный язык. А в принципе, какая разница, как он освободился. Очень обидно, что такой большой подлещик от меня ушел. Это был бы рекорд сезона. Как и следовало ожидать, ни у меня, ни у Миши, в этих лунках больше поклевки не было.

Как я сейчас вспоминаю, это был последний случай, который мне запомнился, когда эхолот мне помог на рыбалке. Брал я его с собой на рыбалку и всю следующую зиму, но особого эффекта от его использования не было. А носить его было не очень удобно, так как в рыбацкий ящик он не помещается, и я носил его в отдельной сумке, переброшенной через плечо поверх ящика. Поэтому эта сумка вечно сползала в сторону и мешала мне. Особенно это меня раздражало, когда переходишь на лед, или со льда, через открытую воду по двум шатающимся под ногами жердям, и вдруг из-за спины сползает сумка с эхолотом и бьет по руке, в который ты держишь палку, на которую опираешься. Пару раз я таким образом чуть было не оказался в воде из-за потери равновесия. В общем, через некоторое время эхолот из помощника превратился в обузу. Последней каплей стал случай в Зато-

не. Клев тогда был плохой, и я пытался с помощью эхолота найти стайку рыбы. Но там, где эхолот показывал наличие рыбы, поклевок не было. В одном месте сидела кучка рыбаков. Я посмотрел эхолотом в то место, где они сидели. Никакой рыбы в этом месте эхолот не показывал. Я подошел к ним и поздоровался.

– Вы здесь зря сидите, – сообщил я им, – здесь рыбы нет.

– Откуда ты знаешь? – спросили меня.

– Эхолотом проверил, – ответил я.

– А посмотри на моем месте, – попросил рыбак, который сидел немного в стороне от основной группы.

Это был Николай, по прозвищу Тамада, очень хороший рыбак, который ловил рыбу даже тогда, когда у других вообще не клевало.

– Привет, Коля! – поздоровался я и с ним. – Сейчас посмотрю.

– В твоей стороне тоже ничего нет, – сообщил я ему, посмотрев эхолотом в его направлении.

– Ну тогда подходи ко мне ближе, – пригласил меня Николай.

Я подошел к нему.

– А это что по-твоему? – спросил меня Николай, показывая на десяток крупненьких плотвичек, разбросанных возле его лунки.

Я обалдел. Николай ловил рыбу там, где эхолот ее не показывал. А я ведь свято верил, что если эхолот наличие ры-

бы не показывает, то ее там точно нет, и в таких местах даже не пытался искать рыбу.

– Коля, а можно я в твоей лунке эхолотом посмотрю, – спросил я.

– Можно, мне даже самому интересно, что он покажет, – разрешил Коля.

Как ни странно, под Колиной лункой эхолот рыбу также не показывал.

– Фигня все эти ваши эхолоты, – констатировал Коля. – Лучший эхолот – это удочка. Она всегда точно показывает, есть рыба, или нет.

Он опять опустил свою удочку в лунку, и через несколько проводок вытащил очередную плотвичку.

Я пробурил лунку в трех метрах от Колиной, и тоже стал ловить плотвичек. Под моей лункой эхолот рыбу также не показывал, но она ведь клевала. И я был полностью согласен с Колей: «Фигня все эти эхолоты, лучший эхолот – это удочка». Если рыба стоит под лункой, то он ее конечно покажет. Но если рыба проходящая, то для того, чтобы эхолот ее обнаружил, нужно держать его в лунке постоянно включенным, а при разовом опускании он рыбу может и не показать.

С тех пор я эхолот на рыбалку больше не беру. Лежит в шкафу на полке, и ждет, когда я о нем вспомню. Может, когда ни будь, в бесклевье, я и вспомню о нем. Ведь в глухозимье бывают дни, когда за весь день рыбалки ни одной поклевки на видишь. Вот тогда и вспоминаешь об эхолоте. Мо-

жет еще и возьму его с собой.

Неудачный ответ

После увольнения Александра, выпившего за ночь четыре бутылки водки, на его место взяли еще одного Александра, жителя Серпухова. Это был довольно высокий человек лет пятидесяти, плотного телосложения, один из немногих в охране, гражданский человек. Его порекомендовал кто-то из охранников, и, поскольку у него уже был опыт работы охранником, он был сразу принят в смену, а не на двенадцать часов, как делали обычно. Жизнь продолжалась своим чередом. Мишу Загибалова перевели на пост возле ангара, чтобы он мог с высоты больше видеть, а Александра поставили на пост возле четвертого склада.

Проверки охраны усилились. Руководство начало проверять работу охраны не только днем, но и ночью. Для этого Анатолий Карлович, заместитель начальника службы безопасности, после окончания рабочего дня незаметно оставался в своем кабинете. Охранникам, дежурившим на въездных воротах, старшими смены всегда ставилась задача отслеживать убытие Зама с работы, но те не всегда это выполняли. Никем не замеченный, не включая свет, Зам тихонько сидел в своем кабинете до середины ночи. Потом тихонько выходил из офиса, и шел по постам. Охранники в это время, в лучшем случае, спокойно смотрели телевизоры, а в худшем – спали. Зам, не тревожа охранников, обходил все посты, по-

сле чего заходил к старшему смены.

– Ну пойдём со мной, посмотришь, как твои подчиненные дежурят, – говорил он.

Тех, кто спал, утром сразу увольняли, а тем, мимо которых он прошел незамеченным – объявляли выговор. Были и бдительные охранники, которые выходили посмотреть, кто это ночью по территории базы шатается. Таких Зам при обходе забирал с собой, чтобы не могли предупредить других о проверке. Один раз, при такой проверке, спящими оказались все, в том числе и старший смены, и утром была уволена вся смена. Смене Владимира или везло, или там служба была лучше организована, но таких проколов у них не было. Пару раз Зам оставался на ночь в кабинете, но охрана на воротах это замечала, и ночью все были начеку. Тогда Зам решил сменить тактику. Он приехал на ночную проверку из дому, причем не на своей машине. Въездные ворота, как и положено, были закрыты на замок. Охранник подошел к воротам и ждал, пока приехавший подойдет к нему и скажет, чего он хочет. Но приехавший из машины не выходил, и только рукой показывал, чтобы открывали ворота. Охранник, тоже рукой, показал приехавшему, чтобы тот подошел к нему. Приехавший опять рукой показал, чтобы открывали ворота. Тогда охранник рукой показал, чтобы тот уезжал, и ушел на пост. Только после этого приехавший Зам подошел к воротам, предварительно поставив машину на стоянку за воротами, и стал звать охрану.

– Анатолий Карлович, это Вы? – удивился охранник. – А я думаю, что за бестолковый мужик приехал? Не может понять, что нужно подойти к воротам и объяснить, зачем он приехал.

– Открывай ворота, – перебил его Зам.

– Сейчас, только ключи возьму.

– А ты что, их не взял? – удивился Зам.

– Нет, они на столе лежат.

– А рация с собой?

– Да.

– Давай ее сюда. И не вздумай никому звонить, я за тобой наблюдаю.

Охранник принес ключ и открыл ворота. Зам зашел на территорию.

– Ну как дела? – спросил он.

– Все нормально.

– Старший смены давно проверял?

– Где-то час назад.

– Закрывай ворота на замок, и пойдешь со мной.

– Сейчас, только отдыхающего охранника разбужу.

– Не нужно никого будить.

– Мы что, ворота без охраны оставим? – удивился охранник.

– Постоят полчаса без охраны, – успокоил его Зам.

– Но здесь ведь касса. А если кто зайдет и кассу обчистит? – все еще не соглашался с решением Зама охранник.

– Всю ответственность я беру на себя, – подтвердил свое решение Зам.

– Ну тогда ладно, пойдемте, – наконец-то согласился охранник.

Вместе они подошли к посту возле ангара. Миша Загибалов увидел их издали и вышел навстречу.

– Здравствуйте, Анатолий Карлович, – поздоровался он, как обычно, низко кланяясь. – У меня все нормально.

– Давай сюда рацию и пошли со мной, – скомандовал Зам.

Втроем пошли на пост к Александру. Тот мирно спал, положив голову на стол. Будить его не стали, и пошли дальше. Пришли в автопарк. Охранник тут же вышел из вагончика, как только они зашли в ворота.

– Чего это вас так много? – удивился он. – А, это Вы Анатолий Карлович? Тогда понятно.

– Оставь рацию в вагончике, и пойдешь с нами, – скомандовал Зам, не вступая в разговоры.

Всей толпой они и пришли на пост старшего смены.

– Анатолий Карлович, Вы с целой свитой? А на постах кто остался? – удивился Владимир. – Ты чего мне зразу не позвонил? – обратился он к охраннику с ворот.

– Это я запретил, – сказал Зам. – А ты знаешь, что у тебя спят на посту?

– Судя по тому, что нет Александра – спит именно он. Час назад не спал, и встречал меня возле вагончика, – понял Владимир.

– А сейчас спит! Плохо ты службу организовал, – упрекнул старшего смены Зам.

– Давайте все по своим постам, – обратился Зам к охранникам. А мы с тобой, – это уже к Владимиру, – пойдем на четвертый пост.

– Миша, погоди, побудь здесь, пока я буду ходить, – остановил Загибалова Владимир.

Вдвоем с Замом они и пришли на четвертый пост. Александр продолжал спать мирным сном, и был очень удивлен, когда его разбудили.

– Ты всегда так дежуришь? – спросил его Зам.

– Да я не спал, – оправдывался Александр, – я только сейчас голову на стол положил. Глаза у меня были открыты.

– Я к тебе полчаса назад с охранниками заходил, ты как тогда спал, так и сейчас, – остановил его оправдания Зам.

Александр так и остался стоять с открытым ртом, такого он не ожидал.

– Последнее предупреждение! Еще одно замечание, и я тебя выгоню, – закончил разговор Зам.

После этого пару месяцев смена работала без замечаний. Когда ехали заступать на дежурство в очередной раз, Владимир еще в электричке заметил, что Александр какой-то весь помятый.

– Что случилось? – спросил его Владимир.

– А что? – не понял Александр.

– Та такое впечатление, что тебя всю ночь корова жевала,

а под утро выплюнула.

– А твое какое дело, кто меня жевал? – огрызнулся Александр.

Разговор явно не складывался, и Владимир от него отстал. Все сели играть в карты, только Александр дремал в стороне от других.

После заступления на дежурство, Владимир сделал утренний обход постов. После него обход постов сделал начальник охраны. А вслед за ним пошел на обход и Зам. Александр увидел его вовремя, и доложил, что у него все в порядке.

– А почему в таком виде? – спросил Зам, имея в виду его внешний вид, так как он был небрит и в измятой одежде.

Но Александр его не понял.

– Анатолий Карлович, Вы не подумайте, я сегодня не пил. Это у меня со вчерашнего запах остался, – объяснил он.

– Так ты еще и пьян? – удивился Зам. – Действительно, запах чувствуется.

– Да я не пьян, это только запах остался, – оправдывался Александр.

– Я тебя предупреждал, что у тебя было последнее замечание? – спросил Зам.

– Да.

– Ну тогда иди в администрацию за расчетом, и по пути скажи Мише, чтобы смотрел и за твоим постом.

– Это меня старший смены заложил? – поинтересовался Александр.

– А при чем тут старший смены? – не понял Зам.

– Да он еще в электричке ко мне цеплялся, доставал распросами, а теперь, он пришел проверил, потом Николай Иванович, и сразу после него Вы. И все принохиваетесь.

– Да ты только что сам себя заложил, – наконец-то понял его Зам. – Я тебя спрашивал, почему ты не брит, а ты мне начал про запах водки рассказывать. Ответ был неудачным.

Оказывается, бывает и такое, можно и самому себя заложить.

По волчьим законам

Очень часто люди не ценят то, что имеют. Им почему-то кажется, что в других условиях они бы жили гораздо лучше. Так казалось и советским людям, многие из которых считали, что в станах капитализма жизнь намного лучше, чем в Советском Союзе. Там и зарплаты большие, и пенсии не в пример нашим, пенсионеры могут путешествовать по всему миру, а не вкалывают на своих огородиках, чтобы свести концы с концами. Но вот и у нас наступил капитализм, и у людей появилась возможность самим сравнить преимущества и недостатки капитализма и социализма. И то, с чем они столкнулись, их не обрадовало. Тот «звериный оскал капитализма», о котором им рассказывали при социализме, они теперь увидели своими глазами. На своей шкуре испытали, что значит жить в обществе, где «человек человеку – волк».

В то время в Москве и появилась сеть пунктов быстрого питания и ресторанов «Ростикс», специализирующихся на блюдах из курицы, а в Бирюлево находилась фирма «Росервис», обеспечивающая эти пункты питания необходимой продукцией. Все руководящие посты в этой иностранной фирме занимали иностранцы. Генеральным директором фирмы был Норберто, выходец из Южной Америки, цехом по разделке курей руководил Диего, его соотечественник, а пекарней и кондитерским цехом руководил француз Серж.

Завскладом у Сержа был Хуан Карлос, тоже соотечественник Норберто. Ко всем русским, работающим на фирме, иностранцы относились свысока, и весьма пренебрежительно, как к людям низшего сорта. «Финиш контракт!» – часто слышали от Сержа не только его работники, но и охранники, которые ему вообще не подчинялись. В общем, иностранцы на фирме чувствовали себя полновластными хозяевами. Работников увольняли за малейшую провинность, и никто, никакую воспитательную работу, как это было при советской власти, с ними больше не проводил.

Справедливости ради, следует отметить, что француз Серж не был ни баринром, ни белоручкой. Он лично получал на складе тяжёлые мешки с мукой, грузил их на тележку и поднимал на второй этаж здания, где располагалась пекарня. Лично иногда и тесто месил, в общем, никакой работы не чурался, хотя мог бы этого и не делать. Пекарня выпекала прекрасные булочки и круассаны, кондитерский цех делал вкуснейшие торты, которые просто расхватывали в магазинах. В связи с большим спросом на торты, их начали продавать и непосредственно в кондитерском цехе. Их с удовольствием покупали как работники базы, так и внешние покупатели. При выносе тортов из корпуса, покупатели предъявляли охране накладную. За какую провинность Серж попал в немилость к Норберто, никто не знал, но как-то охране поступила команда, при выносе тортов из корпуса, накладную проверять не только у покупателей, но и у Сержа, если он вы-

носит торты. Вскоре в гости к Сержу пришла какая-то женщина, и он подарил ей два торта. Поздно вечером, вместе с этой женщиной они и выходили из корпуса, один торт несла женщина, а второй Серж. На выходе охрана потребовала у Сержа накладные на эти торты. Таким поведением охраны Серж был возмущен до глубины души, и весь аж побагровел от злости. Было видно, что ему было очень неудобно перед этой женщиной.

– Финиш контракт! – кричал он охранникам. – Я всех вас завтра уволю. Я начальник цеха. Я подарил эти торты женщине. Какая накладная?

Но охрана была неумолима, и с тортами их из корпуса не выпустила. Тогда Серж высоко поднял эти торты и, со злостью бросил их на пол, да так, что они разлетелись по всему коридору.

– Финиш контракт! – еще раз предупредил он охрану, и они с женщиной ушли.

О происшествии охранники доложили своему начальству, те доложили Норберто, от которого сразу же и поступила команда, на территорию базы Сержа больше не пускать. Ему не позволили даже за своими вещами зайти, его бывший кладовщик Хуан Карлос, а теперь новый начальник цеха, вынес их ему за ворота. Русские работники фирмы были просто шокированы такими отношениями между начальниками. Волчьи законы капитализма здесь были весьма наглядно продемонстрированы.

Дальше была очередь Диего. Как говорили, в его цехе обнаружили крупную недостачу. В отличие от Сержа, его сразу не выгнали, и он еще неделю передавал дела Алине, назначенной вместо него. Это была среднего роста, очень красивая молодая русская женщина. Это было весьма неожиданно, первый русский человек в руководстве фирмы, да еще и женщина. Но ничего странного в этом не было, ее перевели сюда из центрального офиса, где она тоже занимала довольно высокую должность. А Диего пообещали, что если он уплатит в кассу выявленную недостачу, то его оставят у Алины замом. И Диего внес в кассу нужную сумму. Но, как только деньги оказались в кассе, Норберто дал команду на территорию базы Диего больше не пускать. Несколько дней Диего простоял за воротами базы, пытаясь как-то поговорить со своим соотечественником Норберто, но тот всячески избегал этой встречи, и, поняв бессмысленность стояния за воротами, Диего больше не приезжал.

А новый начальник кондитерского цеха, Хуан Карлос, молодой мужчина выше среднего роста, здоровый и сильный, завел в кондитерском цехе, где работали только женщины, новые порядки. Каждый вечер он вызывал к себе одну их женщин, и требовал удовлетворить его сексуальные желания. Тех, кто на это не соглашался, он грозился уволить. И многим женщинам, чтобы не потерять работу, на это пришлось согласиться. А всех непокорных он действительно уволил. И никому пожаловаться женщины не посмели, зна-

ли, что Хуан Карлос с Норберто друзья. Потом, с разрешения Норберто, Хуан Карлос завел себе секретаршу, которая и стала его постоянной любовницей. Теперь уже она сама следила за тем, чтобы Хуан не занимался сексом ни с кем, кроме нее. Женщины облегченно вздохнули, а секретарша вела себя как хозяйка кондитерского цеха, раздавала всем указания, и требовала неукоснительного подчинения. Через год она родила ребенка, и видимо ожидала, что Хуан Карлос на ней женится, но тот не женился, а уволил ее с работы. И опять для женщин кондитерского цеха настали тяжелые времена.

Тем временем начал заниматься подобными делами и Норберто. Ему нравилась Алина, и он начал звать ее с собой в баню, которая находилась на территории базы. Та долго не соглашалась, но несколько раз ей, все-таки, пришлось с ним туда ходить. А потом у Норберто появилась новая секретарша, Алесея, высокая, стройная, и очень красивая девушка. И Норберто переключил свое внимание на нее. Но Алесе, как и Алине, это тоже не понравилось, и она делала все от нее зависящее, чтобы избежать этих походов в баню. В те дни, когда планировался поход в баню, она просила мужа приехать за ней на работу, и забрать ее домой.

– Я сегодня не могу в баню, – говорила она Норберто, – за мной муж приехал.

Но несколько раз ей все-же пришлось там побывать. Потом Норберто уволил русских программистов, которые ра-

ботали в офисе, и вместо них появился иностранный программист, еще один Хуан, судя по внешности, тоже соотечественник Норберто. Теперь в баню они ходили вместе. Приглашали с собой и Алесю, но та категорически отказалась ходить в баню с двумя мужчинами. Вот тут Норберто и вспомнил опять про Алину. Вдвоем с Алиной Алеся согласилась сходить с ними в баню, и Норберто успокоился. Но хитрая Алеся и не собиралась с ними никуда идти, она решила и на этот раз проверить свой старый фокус, и вызвала на работу мужа, чтобы после работы тот забрал ее домой.

Когда после окончания рабочего дня Норберто с Хуаном зашли за Алиной, та очень удивилась.

– А где Алеся? – спросила она.

– Уже в бане, – ответил Норберто.

Втроем пошли в баню. Но Алина была слишком умной женщиной, чтобы дать себя провести на ровном месте. У нее были большие сомнения, что Алеся сама пошла в баню. Когда подошли к бане, она попросила, чтобы Алеся к ней вышла, так как ей сначала нужно с ней переговорить. Видя, что дело срывается, Норберто с Хуаном попытались затащить ее в баню силой, что и наблюдал охранник с соседнего поста. Но Алина вырвалась и убежала.

Утром следующего дня, на инструктаже заступающей смены охраны, Николай Иванович сообщил, что Норберто и программист Хуан уволены. На территорию базы их больше не пускать. Генеральным директором фирмы «Россервис» на-

значена Алина Михайловна.

Ну вот пришла очередь и Норберто. Как он поступал с другими, точно так же поступили и с ним. Люди еще помнили и уволенных им сантехников, и электрика Валерку, и считали, что такое отношение к себе он заслужил. Теперь уже Норберто, бывший генеральный директор фирмы, стоял за воротами и пытался хотя бы с кем-то поговорить и выяснить, почему его уволили. Но ему никто ничего не хотел объяснять. Его не пропускали ни в его бывший офис, ни к вышестоящему руководству. Простояв два дня за воротами, но так ничего и не узнав, Норберто больше не появлялся.

Вот так в России возрождался капитализм, со всеми его волчьими законами и правилами. Люди смотрели на все, творившееся вокруг них, и им было не по себе. Не к такой жизни они стремились. Не было больше ничего, к чему они привыкли раньше, никому больше они не были нужны, и завтра за воротами жизни мог оказаться любой из них.

Кошачья месть

Небо было затянуто сплошными тучами, и моросил неприятный и весьма прохладный осенний дождь. Ирина остановилась под небольшим навесом на входе в больницу, не решаясь шагнуть под дождь. Она работает здесь старшей медсестрой в хирургическом отделении, а эту ночь дежурила вместо заболевшей медсестры. Вчера дождя ничто не предвещало, поэтому сегодня она оказалась без зонтика. Домой она обычно ходит пешком, но сегодня идти домой под дождем ей не хотелось. Но и ехать автобусом ненамного лучше. Расстояние до автобусной остановки составляет примерно треть расстояния до дома, его тоже нужно пройти под дождем. И автобус ходит редко, можно и целый час его ждать. Ирина стояла в раздумьях, и не знала, что выбрать: идти пешком, или ехать на автобусе? Ее внимание привлек тоненький жалобный писк. Под стеной больницы, на дожде, сидел маленький, промокший насквозь и дрожащий котенок, и тихонько плакал. Ирине даже показалось, что она видит, как из глаз котенка текут слезы. Ирина, наклонилась к котенку, чтобы погладить его, но котенок весь ошетинился и зашипел на нее.

– Ты чего такой дикий? – спросила его Ирина. – Или тебя еще никогда на руки не брали?

Ирина опять протянула к нему руку. Котенок снова заши-

пел, но не убежал. С третьего раза котенок позволил к себе притронуться, а почувствовав тепло руки, выгнул спинку, и прижался к ладонке. Ирина взяла котенка на руки. Он был весь мокрый и дрожал от холода. Это была кошечка. Совершенно дикая, но очень симпатичная кошечка, темно-серого стального цвета, с беленькой грудкой. Ирина достала носовой платок, насколько смогла, вытерла им котенка, и спрятала его от дождя к себе под плащ. От тепла тела котенок быстро согрелся, и замурлыкал. Тем временем, дождь немного утих, и Ирина пошла с котенком домой пешком. Вот так у Ирины и появилась кошка, которую она назвала Муркой.

В квартире Мурка быстро освоилась, на Ирину больше не шипела и позволяла себя гладить, однако на всех гостей шипела, и даже пыталась укунить их за ногу. В общем, она велась не как кошка, а как собака, охраняющая свою территорию. Скоро кошечка подросла, и начала заглядываться на женихов. Чтобы избавить ее от любовных мучений, а себя от лишних хлопот с котятами, Ирина отнесла ее в ветеринарную клинику, и там кошечке удалили все ненужное, что могло помешать ее будущей счастливой жизни. Но Мурка не оценила добрых намерений Ирины, и, вместо благодарности, обиделась, очень долго на нее шипела и не позволяла себя гладить. Потом успокоилась, и жила своей обычной жизнью. По утрам она будила Ирину, чтобы та не проспала на работу, потом на кухне помогала ей готовить завтрак. Вместе они и завтракали, только Ирина за столом, а кошка под столом.

Мурка справлялась со своей порцией гораздо раньше Ирины, потом терлась об ее ноги и мурлыкала, после чего выходила из-под стола и заглядывала Ирине в глаза, прося еще добавки.

– Не будет тебе добавки, – обычно говорила ей Ирина, – растолстеешь, и будешь некрасивая. Фигуру береги.

Но, иногда, она не выдерживала этого просящего взгляда Мурки, и давала ей еще немного еды. Тогда Мурка была очень довольной, и старалась особо выразить свою признательность хозяйке, для чего, не отходя от Ирины ни на шаг, терлась об ее ноги, мешая мыть посуду.

– Уйди! Не мешай! Не видишь, что я на работу опаздываю? – кричала на нее Ирина. – Если будешь так себя вести, добавки больше не получишь.

И Мурка все понимала. Она отходила в сторонку и больше Ирине не мешала, спокойно ждала пока та помоеет посуду и соберется на работу. Когда Ирина уходила, Мурка провожала ее на работу, опять терлась возле ее ног, и ждала, пока ее поглядят. Потом с тоской смотрела на закрытую Ириной дверь, уходила на кухню, и там весь день скучала, ожидая возвращения Ирины с работы. А вечером, она опять сидела возле входной двери и ждала, когда дверь откроется и войдет Ирина. Здесь уж ее радости не было предела, она, как собачонка, ставила передние лапы Ирине на ноги, и ждала, когда ее поглядят. Потом мурлыкала и терлась об ее ноги, приглашая на кухню, чтобы вместе поужинать. В общем, хозяйка с

кошкой жили душа в душу.

Как-то, Ирина собралась съездить в отпуск на Украину, чтобы навестить свою мать. Давно там не была, поэтому уезжала на целый месяц. За кошкой попросила присмотреть соседку Аню. Накануне отъезда, чтобы кошка немного к ней привыкла, вместе ее покормили. Мурка вела себя более чем пристойно, даже позволила Ане себя погладить. И Ирина со спокойной душой уехала в отпуск. Утром следующего дня Аня пришла кормить кошку, и тут ее ждал первый сюрприз. Мурка грозно шипела и не пускала ее в квартиру.

– Мурка, ты чего? – пыталась успокоить ее Аня. – Не узнала? Я ведь вчера тебя кормила. Пропусти, я только тебя покормлю и уйду.

Кошка немного успокоилась, и пропустила Аню на кухню, но строго следила за всеми ее движениями, готовая в любой момент продолжать защиту своей территории. Аня насыпала ей в мисочку корма и немного постояла, чтобы убедиться, что Мурка будет кушать. Но Мурка кушать и не собиралась, она недружелюбно смотрела на Аню и ждала, когда та уйдет. Так Аня и ушла, не дождавшись начала трапезы. Вечером, когда Аня снова пришла кормить Мурку, та опять встретила ее недоброжелательно, но корма уже не было. Аня снова положила Мурке корм в мисочку, и сразу ушла, чтобы больше не смущать кошку. Так продолжалось неделю. Потом Мурка к Ане привыкла, и уже не смотрела на нее так враждебно, и кушать начинала не дожидаясь, когда та уйдет. Еще через

неделю Мурка уже встречала Аню у порога и терлась об ее ноги, она окончательно признала Аню своей новой хозяйкой. Но Аня видела, что мурка, сидя сутками одна в квартире, очень скучает. Пару раз, покормив Мурку, она на пол часика осталась посидеть с ней, чтобы немного развеять кошкину грусть. Кошке это видимо понравилось. Когда Аня в следующий раз положила корм и собралась уходить, Мурка бросила недоеденный корм и побежала за ней. Она обхватила ногу Ани передними лапами и не отпускала. Пришлось Ане немного задержаться и подождать, пока Мурка все скушает. После этого Мурка Аню отпустила. Теперь Ане приходилось все время задерживаться и ждать, пока Мурка покушает, сразу Мурка не хотела ее отпускать. Аня уже, наверно, больше Мурки ждала возвращения Ирины.

Наконец-то отпуск у Ирины закончился, и она вернулась домой. Аня знала, когда она приезжает, но никак не ожидала, что та зайдет к ней в первый день приезда. Но Ирина пришла сразу же.

– Аня, перевяжи мне ногу, – попросила она.

– Где ты так? Что с тобой? – удивилась Аня, рассматривая окровавленную ногу Иры.

– Кошка покусала, – ответила Ира. – Представляешь, только я зашла, она обрадовалась, обняла меня за ногу. А потом в нее как будто бес вселился. Выпустила когти и впилась в ногу когтями, а потом еще и укусила. Не понимаю, что с ней случилось? Теперь забила за диван и там сидит.

– Я понимаю, что случилось, она тебе отомстила, – пояснила Аня. – Она по тебе очень скучала, особенно последнее время. Места себе не находила, и меня домой не хотела отпускать. Это она тебе за то, что ты ее бросила.

– Ты думаешь? Неужели кошка может все это чувствовать?

– Может, – подтвердила Аня. – Кошки очень умные животные, они все понимают и все помнят.

– Так может это она мне еще и кастрацию припомнила, тогда она на меня за это долго обижалась.

– Может и это припомнила, – согласилась Аня, заканчивая перевязывать рану. – Так-что иди домой и миришься с кошкой.

Ирина с Муркой помирились, и, как и раньше, они опять жили душа в душу. Никто не вспоминал старых обид, и кошку Ирина больше не обижала. Мурка, по отношению к Ирине, тоже больше не проявляла агрессии. Она одним разом отомстила хозяйке за все нанесенные ей обиды, и теперь была умной и послушной. Она заставила хозяйку себя уважать, и этого ей было достаточно.

Конфискация имущества

Закон о конфискации имущества политики обсуждают уже давно. Вернее, не сам закон, а необходимость его введения. Одни считают, что такой закон необходимо вводить немедленно, тогда и воровать будут меньше, особенно в крупных размерах. Действительно, послушаешь телевизор, голова кругом идет. Какие деньги люди воруют? Или берут взятками за один раз? Простому смертному такое и не снилось. Такие суммы он не то, что в руках никогда не держал, он их за десять жизней не смог бы заработать. Иногда этих воров и взяточников даже судят. Да что толку? Ну отсидит он два или три года, а потом выходит на свободу, и, с чистой совестью, всю оставшуюся жизнь пользуется наворованным. И не только он, этого наворованного зачастую не только его детям, но и внукам хватает. Другие политики и парламентарии считают, что закон о конфискации имущества ни в коем случае вводить нельзя, так как это будет посягательством на частную собственность. А по сути, они просто боятся за свое будущее. Рыльце то ведь у многих в пушку, сами немало наворовали. Зачем же им против себя самих закон вводить? Да никогда они его не введут. С ума ведь они еще не сошли?

А деду Николаю очень хотелось, чтобы такой закон ввели. Тогда миллиарды денег высокопоставленные воры вернули бы в казну. Тогда может и пенсионерам жилось бы полегче.

Может быть и ему к пенсии какая ни будь прибавка бы была. А то этой несчастной пенсии ни на что не хватает. Вот сделали монетизацию льгот. Обещали, что теперь пенсионеры будут и жить припеваючи, и по всему свету путешествовать смогут, прямо как пенсионеры за рубежом. Ну и где сейчас эти деньги. Приходят ему за эту компенсацию на книжку какие-то две смешные суммы: пятьдесят семь рублей, и сто два рубля. Он уже даже не помнит, что конкретно тогда ему компенсировали, помнит только, что на момент введения компенсации, это были приличные деньги. Он тогда еще подумал, что если на эти деньги купить дрова, то их на всю зиму хватит. Ну и где они теперь, эти деньги? Все инфляция съела! Вот если бы компенсировали дровами, а не деньгами, тогда все было бы нормально. И не приходилось бы ему теперь с детскими саночками и ножовкой бродить по бору в поисках дров. Бор этот очень старый, еще довоенный, и расположен на окраине города, в так называемой Слободе, где он, собственно говоря, и проживает в небольшом частном домике. Несмотря на всеобщую газификацию, газа в его доме нет, отопление печное, на дровах. Вот и приходится им с бабкой ходить в бор за дровами. На отсутствие здесь дров конечно грех жаловаться. То сильным ветром ветки на соснах обломает, то при сильном и мокром снегопаде столько снега навалит на деревья, что ветки не выдерживают и ломаются. Дед Николай эти упавшие ветки распиливает, грузит на детские саночки или в старую детскую коляску и привозит

домой. И себе хорошо, и для людей польза, ведь он убирает из бора валежник, и людям легче ходить по бору, не цепляясь за упавшие ветки. Дед Николай даже взял себе за правило, после бури, сначала обходит все тропинки бора, и убирает упавшие ветки с них, а уж потом, подбирает упавшие ветки в тех местах, где люди не ходят. Вот и вчера, опять была сильнейшая буря, некоторые деревья в бору вырвало с корнем. Огромная упавшая сосна, на входе в бор, перегородила сразу две тропинки, по которым люди обычно идут на работу. И обходить ее очень неудобно, только через низину, где снега по пояс. Завтра он сходит к этой сосне, и попытается перепилить ствол, чтобы обеспечить людям проход. Это правда будет нелегко сделать ножовкой, ствол толстоват для ножовки. Была бы его бабка здоровее, тогда можно было бы вместе с ней двуручной пилой распилить, но у бабки на это сил уже нет. Придется одному с ножовкой ковыряться.

На следующий день дед Николай проснулся пораньше, позавтракал чем бог послал, вернее, тем, что бабка приготовила, взял ножовку, саночки, и пошел в бор. Примерил свою ножовку к упавшему дереву возле одной из тропинок. Нет, здесь он ножовкой не распилит, дерево слишком толстое, а вот возле другой тропинки может и получится, там толщина дерева гораздо меньше. По снегу перебрался на другую тропинку. Снег глубокий, пока переходил, уже устал, люди точно не смогут обходить это дерево. Сел на дерево, немного отдохнул, и приступил к работе. Сначала пилил в более тон-

ком месте. Пилить пришлось долго. То ли ножовка тупая, то ли силы уже не те, но, пока пилил, отдыхать пришлось дважды, да и взмок весь. Так и простудиться недолго.

– Далось ему это дерево. Благодетель нашелся, – ругал он себя. – Напилил бы, как обычно, веток. Уже давно бы дома сидел.

Но начатое бросать не хотелось. Не такой уж он и немощный, чтобы это несчастное дерево не осилить. Расстегнул старенькое пальтишко, еще посидел на бревне, в очередной раз отдыхая. Отступил на метр от первого распила, и снова стал пилить. Одного метра для прохода людям будет достаточно. Лучше бы конечно взять подальше, но чем дальше, тем толщина сосны больше, а, следовательно, и пилить дольше придется, а он уже и так сильно устал. На второй распил ушло еще часа полтора. Дед уже не рад был, что решился на эту авантюру. Наконец-то, и второй распил закончен. Бабка небось волнуется, не знает куда он пропал и что с ним случилось, даже к обеду не пришел. Но теперь уже торопиться некуда. Еще с полчаса он отдыхал, сидя на отпиленной колоде. Потом стал грузить колоду на санки. Тяжеловатая зараза, не поднять. Но мастерство, как говорится, не пропьешь, хотя здоровье и можно. Дед положил на санки один конец бревна, потом второй, а потом развернул его вдоль санок, и, придерживая, чтобы оно с санок не скатилось, веревкой привязал его к санкам. На дорожку еще немного посидел, собираясь с силами. Тут на тропинке и показалась какая-то женщина.

– Ну вот и первый человек, который мне спасибо скажет за мой труд, – подумал дед Николай.

– А что это вы здесь делаете? – не здороваясь спросила женщина.

– Да вот проход сделал, чтобы ходить можно было, – объяснил дед.

– А бревно зачем на санки погрузили? – не удовлетворилась ответом женщина.

– Так печку топить буду, у меня газа нет, – добродушно пояснил дед.

– А кто вам позволил государственное имущество разворовывать? – перешла на повышенный тон женщина.

– Вот так «спасибо» получил! – подумал дед Николай. – Плохо, что первой женщина прошла, если бы первым прошел мужик, то все было бы нормально. Не зря считается плохой приметой, если в первый день Старого Нового года, первой в дом женщина заходит. Его соседи в этот день женщин в дом вообще не пускают.

– Вы что, оглохли? Или сказать нечего? – опять заорала на деда женщина.

– Вы чего орете?! – возмутился уже дед Николай. – Я доброе дело сделал, освободил проход по тропинке, а Вы ко мне с претензиями. Вы кто такая, чтобы здесь командовать?

– Я представитель «Русского леса». Вы нам хорошее бревно испортили. Вы знаете, что полагается за незаконную вырубку леса? До трех лет тюрьмы, с конфискацией имущества.

–Да какая же это вырубка леса? Это ведь валежник. Да и конфискация имущества, как я слышал по телевизору, сейчас отменена.

–А вот мы сейчас и посмотрим, что отменено, а что и нет. Я вызываю полицию, – заявила женщина.

Полиция приехала довольно быстро. Буквально через пятнадцать минут два здоровых молодых сержанта погрузили маленького и худенького деда, вместе с его санками и привязанным к ним бревном, в полицейский УАЗик, и отвезли в полицию. Там на деда составили протокол за незаконную порубку леса. Саночки и ножовку, как орудия незаконного промысла, конфисковали, и больше их деду не вернули. Посадить на три года, как обещала женщина из «Русского леса», деда Николая конечно не посадили, но пять тысяч рублей штрафа, ему пришлось заплатить. С тех пор в бору тропинки от валежника дед Николай больше не расчищает, уж больно дорогое это хобби. Знает теперь он и то, что конфискация имущества отменена только для тех, кто ворует много. Для таких как он, конфискацию имущества никто не отменял.

Рак,

или

«хождение по мукам»

О такой болезни как «рак», Иван слышал еще в детстве. Но эта болезнь была где-то очень далеко, да и болели ею очень редко. Впервые он услышал о ней в десять лет, тогда

раком заболела его родственница, тетка Варя. Она плакала, говорила, что не хочет умирать такой молодой, но все равно умерла. И больше об этой болезни Иван не слышал аж до двадцати лет, пока его невеста не попросила съездить вместе с ней к ее родственнику, дяде Коле, у которого тоже был рак. Дядя уже не вставал с постели, но еще разговаривал, и был при памяти. Он лежал весь высохший, казалось, что на нем остались одни кожа и кости. Полная противоположность тетке Варе, которая за время болезни не сильно похудела. Лет через пять обнаружили рак у тети Мили, родной тетки его жены. Она тоже все время плакала и не хотела умирать. Но медицина была бессильна. После этого про рак он больше десяти лет ничего не слышал. В следующий раз он услышал про него в госпитале, где ему лечили хронический гастрит – результат длительных командировок, в которых приходилось питаться где придется, и как придется. Вместе с ним в палате лежал уже пожилой прапорщик, которого звали Михаилом. Ему сделали операцию по поводу язвы желудка. Обещали скоро выписать, так как операция прошла успешно. На обходе Михаил спросил у лечащего врача, какой режим питания ему нужно будет соблюдать после выписки, и можно ли будет пить спиртное. Врач заверил его, что ему можно кушать и пить абсолютно все уже сейчас, разумеется в разумных дозах, чем очень удивил Ивана. Михаил такому чудесному выздоровлению очень обрадовался, и попросил жену принести ему бутылку коньяка, что та и сделала. В па-

лате тогда лежало четыре человека. Перед ужином они этот коньяк и выпили, за скорейшее выздоровление Михаила, сам Михаил при этом выпил всего одну рюмку. Он рассказывал о планах на будущее, сожалел о том, что не успел подготовить дачу к зиме, но еще надеялся все это наверстать, так как доктор обещал скоро его выписать. Иван, и все остальные, были рады за него, что он так легко отделался, хирург говорил, что совсем немного желудка вырезали. Но, при прогулках по коридору, Иван слышал разговор врачей между собой, и понял, что никакую язву желудка Михаилу не оперировали, сделали разрез, увидели, что там уже четвертая стадия рака, и разрез зашили. Вот почему Михаилу разрешили все и есть и пить. Говорили, что проживет он не больше месяца. По наивности, Иван подумал, что и жена Михаила об этом ничего не знает, и спросил ее об этом при ее очередном посещении. Но она обо всем знала, просто Михаилу решили ничего не говорить, чтобы он спокойно прожил оставшиеся дни. Михаил умер в палате через неделю. Умер легко, всем бы такую смерть. Лег спать и не проснулся. После этого случая, больше двадцати лет Иван с этой болезнью не сталкивался, и даже ничего о ней не слышал. Раком тогда болели не очень часто.

Все изменилось в начале двадцать первого века. Рак посыпался на людей как из рога изобилия, по крайней мере, так показалось Ивану, так как среди его знакомых оказалось много людей, больных раком. Первый звоночек прозвез-

нел правда еще в середине девяностых прошлого века. Тогда друзья позвонили Ивану из Оренбурга и сообщили, что умер его знакомый, Володя Голов. Это был очень здоровый и сильный мужик, казалось, что ему износа не будет. Дочь Володи родилась с пороком сердца, и они с женой делали все от них зависящее, чтобы ее вылечить. К каким только докторам они не обращались, жена с дочерью больше лежала по больницам в Москве, чем была дома, но кардинального улучшения не было. Вся зарплата Володи уходила на то, чтобы его дочь жила, хотя бы так как есть, но жила. И вот Володя неожиданно умер от рака, сгорел буквально за три месяца. Что теперь будет с его дочерью? Даже представить страшно, она ведь теперь обречена.

Потом от рака умерли двое одноклассников Ивана: Тоня и Николай. После этого умер Николай Андреев. Вернее, не умер, а повесился. И это при том, что он был веселым и жизнерадостным человеком. После увольнения из армии, он два года проработал завхозом в местной гимназии, и все было прекрасно, пока неожиданно не начали болеть ноги. Вроде бы ничего страшного, но обследование показало, что у него четвертая стадия рака. Болезнь развивалась очень быстро, вскоре боли стали такими, что терпеть их было невозможно. И достать обезболивающие было практически невозможно. В поликлинике выписывали рецепт только на одну ампулу, но и эту ампулу купить в тот же день в аптеке не всегда удавалось. Иногда приходилось ее ждать два-три дня, и все это

время Коля мучился от страшной боли. При выписке следующего рецепта, нужно было обязательно предъявить использованную ампулу, поэтому каждый день делать уколы не получалось, а боли все усиливались. И Коля не выдержал, когда дома никого не было, он повесился.

Потом умер Коля Еремин, с которым Иван и служил вместе, и потом они вместе работали после увольнения. О его смерти Иван узнал случайно, и сразу в это даже не поверил, ведь буквально месяц назад он его видел и разговаривал с ним. Коля тогда ни на что не жаловался. И вот, буквально через месяц, Коли не стало, опять рак. Какая же это страшная и коварная болезнь, которую, чаще всего, обнаруживают тогда, когда лечить ее уже невозможно. А вскорости стало известно о смерти профессора Акиндинова, который умер от рака простаты. Для Ивана это уже был серьезный звоночек, ведь у него тоже была аденома простаты, которая могла перерасти в злокачественную опухоль. Он твердо решил, что будет следить за состоянием этой аденомы, вовремя сдавать анализы, чтобы, при необходимости, вовремя сделать операцию по ее удалению, и не допустить рака.

А о заболевших раком приходили все новые сообщения. Заболел раком кум Женя, и, в связи с целым букетом других заболеваний, ему даже химиотерапию нельзя было делать. И Женя решил лечиться содой, по методу профессора Неумывакина, вычитанному в интернете. Заболел и друг Ивана, Коля Багмет, у которого сразу два заболевания: рак

крови и рак простаты. Буквально через полгода еще одно сообщение, у его однокашника Саши Белякова, тоже рак простаты, и уже сразу четвертая стадия. Он обратился в госпиталь тоже по поводу боли в ногах, а оказалось, что это уже метастазы везде разбросало. До чего же коварная болезнь. Иван решил больше не затягивать, и удалить свою аденому простаты, пока опухоль не переросла в злокачественную.

С аденомой простаты он жил уже семь лет. Началось все очень неожиданно. В тот день он был на зимней рыбалке. Шел небольшой снег с дождем, но плащ спасал куртку от промокания и уходить домой Иван не торопился. Под вечер он обнаружил, что его брюки сзади мокрые, так как крышка рыбацкого ящика, на котором он сидел, от дождя и снега все время намокала, а он садился на эту мокрую крышку. Сидеть в мокрых брюках было холодно и некомфортно, и он ушел домой. А вечером он не смог нормально сходить в туалет по-маленькому. Промежутки между посещениями туалета все сокращались, а количество мочи с каждым разом сливалось все меньше и меньше. Пришлось обращаться в больницу. В урологическое отделение его приняли, но положили в коридоре, так как мест в палатах не было, да и коридор уже почти весь был заставлен койками с больными. Ему сразу поставили капельницу объемом 700 мл. Все это капали больше трех часов, и на просьбы Ивана сделать перерыв и отпустить его в туалет, отвечали отказом, терпи мол, уже не маленький. А после этой капельницы, сходить в туалет Иван вообще не

смог, пришлось вызывать дежурного хирурга и ставить катетер. С этим катетером Иван и пролежал в отделении две недели. Не самые приятные ощущения. Некоторые из лежащих здесь больных уже были прооперированы, другие только готовились к операции. Прооперированные выздоравливали довольно быстро, и большинство из них уже через неделю выписывались домой. Был правда один пациент, который после операции лежал здесь уже почти месяц, боли у него были настолько сильными, что штатными обезболивающими уколами они не снимались, и он где-то доставал свое обезболивающее, которое ему и вводили. Тяжело было на все это смотреть, но больше всего Ивана удручал вид готовящихся к операции больных, у которых моча из мочевого пузыря выводилась через прокол в животе. Некоторые в таком состоянии находились уже полгода, и даже больше. У одного из них, буквально накануне операции, резко ухудшились анализы, операцию отменили, а его еще на полгода отправили домой долечиваться. Это ему еще полгода ходить дома с пакетом для мочи! Какой ужас! Такой участи для себя Иван точно не хотел бы, и попросил лечащего врача, чтобы ему побыстрее сделали операцию.

– У тебя речь об операции еще не идет, аденома совсем маленькая, всего 32 см³, она еще не созрела для операции. Ты лучше побольше ходи, чтобы, когда снимем катетер, моча сама пошла, иначе придется и тебе живот пробивать, – объяснил врач.

Этого Иван никак не хотел, поэтому все свободное время ходил вверх и вниз по больничным лестницам, наматывая таким образом километры дистанции. Через две недели катетер сняли, и Ивана выписали, слава богу, пробивать живот не пришлось. При выписке, правда, еще не было какого-то анализа на ПСА, но выписали и без него, так как новых больных класть было некуда, теперь уже и в коридоре все койки были заняты. Врач рекомендовал Ивану раз в год делать УЗИ простаты, чтобы контролировать ее объем, и сдавать этот самый анализ на ПСА, что это такое, Иван не понимал, а со временем забыл его название, поэтому делал только УЗИ. Объем простаты увеличивался не сильно, поэтому можно было не беспокоиться.

Через три года Иван опять попал в урологию, на этот раз с почечной коликой. И случилось это за неделю до поездки в санаторий. Ивана опять продержали в отделении две недели, и поездка в санаторий накрылась медным тазом. Он так хотел свозить жену на море, где та была всего один раз, что просил врача выписать его сразу же, как снимут боль, чтобы успеть в санаторий. Но врач сказал, что пока не выйдет камень, он даже под расписку его не выпишет. Боли ему сняли уже на третий день, но ждали пока выйдет камень, а он или вообще не вышел, или Иван его проглядел. Пользуясь моментом, Иван поинтересовался и состоянием своей простаты, не пора ли ее оперировать. Оказалось, что такой необходимости еще нет. Объем простаты был 63 см^3 , а ПСА – 6,8.

Тут уже Иван поинтересовался, что это за ПСА. Оказалось, что это тест на онкологию, пока этот показатель меньше десяти, беспокоиться нечего. В дальнейшем Иван уже контролировал и объем простаты, и ПСА, результаты немного ухудшились, но все было в норме. Простата увеличилась до 75 см³, а ПСА стало 7,8, но это не те показатели, при которых у других делали операции, у них размер простаты был от 120 до 180 см³.

Иван опять стал подумывать об операции, когда от рака простаты умерли еще три его товарища. Уж очень ему не хотелось дожидаться перерождения аденомы простаты в злокачественную опухоль. И он пошел на прием к своему лечащему врачу. Тот сказал, что в принципе, операцию уже можно делать, хотя и не обязательно, так как тревожных показателей нет. Но у них в отделении сейчас операцию сделать не получится. Все аппараты, с помощью которых проводится эта операция – сломаны. Есть четыре прекрасных хирурга, но нет ни одного аппарата. Посоветовал обратиться в Оболенск, или в военный госпиталь. Иван обратился в военный госпиталь в декабре, с таким расчетом, чтобы в январе, сразу после каникул, ему и сделали операцию, тогда в начале февраля он уже будет на работе. Но не зря говорят: «если хочешь насмешить Бога, поделись с ним своими планами на будущее». Так получилось и у Ивана.

В декабре он на четыре дня лег в госпиталь, и у него взяли биопсию, если все будет в норме, то после десятого января

можно будет ложиться на операцию. Вместе с ним в палате лежал его сверстник, Николай, которому месяц назад сделали операцию по удалению аденомы простаты. Операция вроде бы прошла успешно, но у Николая до сих пор осталось недержание мочи, и он до сих пор не мог ходить на работу. Этот факт Ивана сильно напряг, до сих пор он еще ни от кого не слышал, чтобы недержание мочи продолжалось так долго. По тем сведениям, которыми он располагал, это длилось четыре, максимум семь дней, но никак не месяц. Грешным делом, Иван уже начал сомневаться, а следует ли ему делать такую операцию в госпитале. Может договориться в Оболенске? Хотя еще неизвестно, как там делают. Плохо, что в своей больнице сейчас такие операции не делают, там ведь у всех все нормально было, и на недержание мочи вообще никто не жаловался. Восьмого января он поехал за анализами. Такого результата биопсии он никак не ожидал, у него обнаружена вторая стадия рака. Вот это поворот! На такое Иван никак не рассчитывал. Операция отменялась, нужно было становиться на учет к онкологу и дальше уже действовать по его указанию. Здесь же в очереди сидел и его сосед по гаражу, Леонид, ему повезло немного больше – у него обнаружена первая стадия рака. Биопсию ему делали как раз в Оболенске, и операцию в госпитале он не хотел делать. У него были какие-то связи, и он хотел ими воспользоваться.

А у Ивана начались «хождения по мукам». Пока человек здоров и работает, ему кажется, что жизнь прекрасна, и все

у нас в стране хорошо, живи и радуйся. Истинная картина открывается только тогда, когда человек сталкивается с какой-то проблемой, пусть даже не с проблемой, а маленькой такой, почти пустяковой проблемкой. И тут он понимает, что никому он со своими проблемами не нужен, и никому нет до него дела, его даже выслушать толком никто не хочет. И начинает он барахтаться в этом болоте, стараясь выплыть и не утонуть. Хорошо, если в это время ему встретиться нормальный человек, который посочувствует и поможет, а если нет, то пиши пропало. Поначалу сложно пришлось и Ивану. Когда он пришел в регистратуру поликлиники и попросил дать ему талон к онкологу, то ему сказали, что к нему он может попасть только через полтора месяца, ближе свободного времени у онколога нет. Иван был в шоке. Ему предлагают подождать с началом лечения полтора месяца. Для него это было неслыханно. Неужели такое возможно в нашей медицине? Его знакомый, Коля Еремин, за месяц помер. Может он тоже не смог попасть на прием к врачу из-за большой очереди?

– Послушайте, а если я к этому времени помру? – спросил он у регистраторши.

– Ну, если у Вас все так серьезно, то возьмите талон на любую дату, а на прем идите сегодня, – посоветовала регистраторша. – Дождетесь, пока пройдут все по сегодняшним талонам, а потом попросите врача Вас принять, она добрая, не должна отказать.

Иван так и сделал. То, что он увидел возле кабинета врача, поразило его еще больше. В узеньком коридорчике возле кабинета врача, на маленькой скамейке сидели три старушки, всего же приема ожидали человек сорок, они плотной толпой стояли и в коридорчике, из-за чего медработники не могли протиснуться в свои кабинеты, такая же толпа стояла и в соседнем коридорчике, и на лестнице, аж до первого этажа. Неужели у нас столько раковых больных? В поликлинике четыре онколога, и принимают они по четыре дня в неделю, а очередь на полтора месяца. Несложный расчет показывал, что только в этой поликлинике около тридцати тысяч больных раком. Сколько же больных раком в городе? Ведь в городе три поликлиники. Что случилось? Почему так много больных раком? Ведь раньше такого не было. Или он был очень далек от всего этого и просто ничего не видел? В этой очереди стояли и несколько человек, которые были ему знакомы, а он даже не догадывался, что у них рак. Среди них были и два Владимира, которые жили буквально в соседних домах. Оказалось, что оба уже прооперированы. У одного, ровесника Ивана, был рак горла, а у второго, Владимира Александровича, постарше Ивана, рак простаты, и у него недавно была такая же операция, какая предстояла Ивану. Тут сам Бог велел узнать у него про эту операцию.

– Владимир Александрович, – обратился к нему Иван, – расскажите про операцию, а то я еще ничего не знаю. Насколько она сложная? Какие последствия?

– Да мне буквально перед Новым годом в госпитале операцию сделали, – начал рассказывать Владимир Александрович. – Там и свое 80-летие отмечал. Операция длилась три часа, под общим наркозом, потом сутки в реанимации, а через четыре дня я уже мог вставать.

– А почему так долго операция шла? – поинтересовался Иван.

– Да это не долго, – возразил Владимир Александрович, – такие операции иногда и по четыре часа идут.

– А потом все нормально было? – поинтересовался Иван.

– Не совсем. Когда убрали катетер, и я пошел помочиться, то чуть на стенку не полез от боли. Там что-то еще не зажило, и у меня еще неделю при каждом походе в туалет были жуткие боли. А потом прошло.

– А как с недержанием мочи, долго было? – задал еще один вопрос Иван.

– Да вот как боли прошли, так и с мочой все нормализовалось. Еще с месяц с бутылочкой в кармане поездил, так, на всякий случай, и все.

Этот разговор Ивана успокоил, оказывается, не так все и страшно. А то ему наговорили, и с постели неделю не разрешают вставать, и моча потом больше месяца не держится. Лучше больше никого не слушать. Он на десять лет моложе Владимира Александровича, значит у него должно быть не хуже.

Иван добросовестно отстоял в коридоре более четырех

часов, пока врач не приняла всех записанных на этот день больных. Время приближалось уже к девятнадцати часам, хотя официально прием должен был продолжаться только до восемнадцати, когда он, наконец-то, попал в кабинет к врачу. Врач, Людмила Викторовна, поставила его на учет как онкобольного, и выписала направление на медицинскую онкологическую комиссию в Подольск. Оказалось, что самостоятельно назначать лечение онкобольным она не имеет права, все решает эта комиссия, которая работает два дня в неделю, но предварительно на прием нужно записаться или по телефону, или съездить туда лично, и записаться. Записываться по телефону можно также два дня в неделю, накануне приемных дней работы комиссии, с семнадцати до восемнадцати часов. Все очень просто, как сказала Людмила Викторовна. А потом, с заключением этой комиссии, нужно опять прийти к ней.

– Но к Вам запись только на полтора месяца вперед, – заметил Иван.

– Записывайтесь на любой день, а приходите, когда будут на руках документы, я Вас всегда приму, – успокоила его Людмила Викторовна.

Через два дня Иван начал звонить в комиссию, чтобы записаться на прием. В течение часа телефон был непрерывно занят, а после восемнадцати часов, на звонки перестали отвечать. Такая же картина получилась и в следующий раз, когда можно было записываться на прием. Понимая, что так

может продолжаться вечно, Иван решил в следующий раз съездить в Подольск лично, далековато конечно, но иначе на прем не запишешься. Здание, и кабинет, где принимает комиссия, Иван нашел быстро, но кабинет был закрыт, правда еще не было семнадцати часов, когда начинается запись на прем. Возле кабинета был большой холл, в котором стояло пять или шесть диванчиков, на одном из которых и расположился Иван, и стал ждать. Было немного странно, что кроме него никого не было. Но это наверно даже хорошо, он будет первым. В семнадцать часов кабинет не открылся, наверно работник, принимающий заявки на прием, опаздывал. Не открылся он и через пятнадцать минут, и Иван начал понимать, что тут что-то не так. У проходивших мимо медработников он начал интересоваться, где принимают заявки на онкологическую комиссию, но этого никто не знал. Все знали, что именно в этом кабинете два раза в неделю заседает эта комиссия, а вот где принимают заявки – никто не знал. Так ни с чем Иван оттуда и уехал. Оставался только один выход, каким-то образом дозвониться по телефону. После этого еще трижды Иван безуспешно пытался дозвониться, и только на четвертый раз ему повезло, ему, наконец-то ответили, и он записался на прием. Тому, что прием будет только через месяц, Иван даже не удивился, теперь он уже знал, как это обойти: он приедет в ближайший приемный день, и пройдет в конце очереди. Но видимо таких хитрых уже было много, так как голос в трубке его предупредил: «И не взду-

майте приехать в другой день. В другие дни Вас не примут». Вот те раз! Полмесяца уже прошло, и еще месяц ждать, пока назначат лечение. А когда лечить будут? Видно не зря больные раком мрут как мухи. Вот это медицина! Вот это отношение к больным! Если бы Иван всего этого не видел своими глазами, а ему об этом просто рассказали, он бы никогда в жизни не поверил, как в свое время не верил рассказам про то, как украинские ДАИшники, обирают российских автомобилистов, выдвигая против них ложные обвинения, пока сам с этим не столкнулся.

На заседание комиссии Иван приехал за три часа до начала ее работы, чтобы пораньше занять очередь, а еще лучше быть одним из первых. Его надежды не оправдались, весь холл перед кабинетом уже был забит народом. Иван занял очередь и решил посчитать, сколько же здесь народа. Досчитал он до пятидесяти и сбился, народ ведь на месте не стоял, некоторые занимали очередь и куда-то уходили, другие приходили. В десять часов прием не начался, так как не все врачи собрались, начали работать в половине одиннадцатого, так и не дождавшись двух членов комиссии. Иван попал в кабинет около пятнадцати часов. В комиссии посмотрели его документы и спросили, давно ли у него стоит стен. Иван вопрос не понял, так как не знал, что такое «стен». Оказалось, что врач госпиталя, который делал биопсию, ошибочно сделал запись и про какой-то стен. Решение комиссии было однозначным – кардинальная резекция простаты. А перед

этим, в течение трех месяцев подготовка к операции – три специальных укола, и пить какие-то таблетки. Выйдя из кабинета, Иван еще рез осмотрел холл. Хотя до конца работы комиссии оставалось всего два часа, народа здесь не убавилось. Значит они каждый раз принимают человек по восемьдесят, а то и больше. Да у них просто времени нет вникать в проблемы каждого больного. Неужели нельзя этой комиссии заседать чаще? Неужели этого безобразия никто не видит? А самим больным наверно не до того, чтобы жаловаться на такое отношение к себе.

С полученным решением Иван и вернулся к Людмиле Викторовне. Как и обещала, она приняла его с талоном на более позднюю дату, выписала и укол, и таблетки, которые Иван здесь же в аптеке бесплатно и получил. Оказывается, укол был не простой, а со специальным шприцом, с помощью которого Ивану и загнали в живот какую-то капсулу, которая будет там постепенно рассасываться. Через три недели процедуру нужно было повторить. Через указанное время Иван опять посетил Людмилу Викторовну. Она опять выписала укол и таблетки, но, на этот раз, ни укола, ни таблеток, в нужной дозировке, в аптеке больницы не было, не было их и в других аптеках города. Вернее, они были, но за плату, нигде не было бесплатных лекарств. Оказалось, что за плату, все есть и в аптеке больницы. Что за фигня? Почему за деньги они есть, а бесплатно их нет? Опять забота о населении? Деваться было некуда, так как курс лечения прерывать

нельзя, и Иван решил купить все за деньги. Названная аптекаршей сумма его ошеломила – больше семи тысяч рублей, один этот укол стоит больше шести тысяч. Когда подошло время для третьего укола, в бесплатном виде в аптеках города его опять не оказалось, и Иван поехал в госпиталь узнать, а можно ли делать операцию без третьего укола. Там сказали, что можно, и Иван решил лечь на операцию, и так слишком много времени потеряно.

Иван съездил в поликлинику при госпитале, и взял направление на госпитализацию. Возле кабинета врача он опять встретил своего соседа по гаражу Леонида. В свой госпиталь он лечь не хотел, у него были какие-то связи в госпитале им. Вишневого, там он и планировал сделать операцию. А сюда он приехал за направлением. У Ивана никаких связей нигде не было, поэтому он мог рассчитывать на бесплатную операцию только в своем госпитале. Если операция пройдет так, как у Владимира Александровича, то он будет вполне доволен. Да и кормят в госпитале намного лучше, чем в гражданской больнице, что тоже немаловажно, так как до госпиталя далеко, и жена туда не наедется.

Вечером, накануне операции, в палату пришел майор, представился, но его имени и отчества Иван не запомнил. Майор сказал, что он анестезиолог, и завтра на операции будет давать наркоз. Анестезия будет спинальная и общая. Иван поинтересовался о длительности операции, и получил заверение, что операция не очень сложная, и продлится не

более трех часов. На следующий день, в девять часов утра, Ивана на каталке доставили в операционную. Анестезиолог велел ему лечь на правый бок и максимально согнуться, поджав коленки к подбородку. Дальше последовал укол в позвоночник. Но игла попала куда-то в кость, и дальше не проходила. Майор со всей силы пытался запихнуть иглу дальше, и чуть не столкнул Ивана с каталки, но игла дальше не двигалась.

– Что ты творишь? – вдруг услышал Иван женский голос. – Ты же мог иглу сломать. Что бы потом делали? Вынимай немедленно. Давай по новой, и без усилий. Ровнее иглу держи.

Со второй попытки укол был сделан. Потом сделали укол в вену, и больше Иван ничего не помнил. Очнулся он только на следующее утро в реанимации, и первой кого увидел, была молоденькая симпатичная медсестра.

– Очнулись? – спросила она. – Как себя чувствуете? Голова не кружится?

– Да вроде все нормально, – ответил Иван. – Голова не кружится. Только немного живот болит.

– Сейчас сделаю укольчик, и все пройдет, – успокоила его медсестра.

– А как Вас зовут? – спросил Иван.

– Маша, – ответила она.

Маша сделала укол прямо в бедро спереди, как обычно делают уколы раненым в боевой обстановке, и боль действи-

тельно прошла. Потом к нему подошел чернявый, среднего роста доктор.

– Вы меня помните? – спросил он.

Иван хотел сказать, что помнит, думая, что это анестезиолог, но вовремя сообразил, что это не он, тот был русый, и немного выше ростом. Этого доктора Иван явно не знал.

– Нет, не помню, – ответил Иван.

– Ну вот, так всегда, реаниматолога, главное лицо, которое их спасает, никто из больных не помнит. Но это неважно, теперь уже все будет хорошо.

Потом был обход. К кровати Ивана подошла целая делегация, судя по всему, во главе с начальником госпиталя. Дмитрий Юрьевич, хирург, проводивший операцию, доложил, что операция прошла нормально, больной чувствует себя удовлетворительно.

– А что случилось на операции, и почему она длилась так долго? – спросил начальник.

Ответ хирурга Иван не слышал, так как вся группа двинулась дальше. Когда Маша снова появилась поблизости, от подозвал ее к себе.

– Маша, а во сколько меня в реанимацию привезли?

– В пять часов вечера, – ответила Маша.

Отключился он после укола примерно в половине десятого утра, следовательно, операция длилась больше семи часов. Ничего себе! И это вместо трех обещанных. Попытки выяснить, что же случилось во время операции, ни к чему

не привели, ему никто ничего не хотел рассказывать. Иван осмотрелся. К кровати были привязаны три пакета для сбора жидкости, один, естественно, от катетера, в два других поступала жидкость от двух трубок, торчащих из живота. Вечером Ивана перевели в отделение, только не в свою палату, а в так называемую послеоперационную, расположенную рядом с постом медсестер. Длина коридора в отделении порядка ста метров, и его палата расположена далеко от поста, не набегаешься, а назначений много: две капельницы и пять уколов в день. А еще и боли были сильные, поэтому Иван три раза в день просил колоть ему обезболивающее. Через неделю, от этих уколов, вся задница у Ивана была синяя, и болела больше, чем живот. Жена примчалась к нему в тот же день, когда его перевели в отделение, привезла разных вкусностей, но ей сказали, что в ближайшие три дня Ивану ничего кушать нельзя, а на четвертый можно будет привезти куриный бульончик.

Восстановление шло медленно. Боли не прекращались, и вечерний укол Иван старался сделать как можно позже, чтобы егохватило до утра, но иногда приходилось просить укол и ночью, а это было очень неудобно, так как для того чтобы вызвать медсестру, нужно было кого-то попросить это сделать, следовательно, для этого, кого-то нужно было разбудить. Вставать с кровати не разрешали, хорошо хоть в туалет не хотелось, так как пять суток не кормили. Потом потихоньку запускали желудок, врач разрешил сначала только десять

ложек куриного бульона без хлеба, на следующий день разрешил немного больше. Через семь дней сняли одну трубку, и разрешили встать с постели. Боли стали меньше, и Иван обходился уже только одним уколом обезболивающего, который делали на ночь. Иван просил врача снять и катетер, но тот не разрешил, но зато разрешил перевести его в свою палату. Это уже была маленькая радость. Катетер сняли только через десять дней, а вторую трубку через две недели. Иван вспоминал Владимира Александровича, у которого ничего не болело, и которому разрешили встать уже на четвертый день после операции. Удалось Ивану кое-что узнать и про свою операцию. Его лечащий врач, Вячеслав Кириллович, сказал, что и его вызывали тогда на операцию, там врачей человек семь было, и всем хватило работы. Оказывается, во время операции повредили несколько крупных сосудов, и очень долго не могли остановить кровь. Поэтому больше семи часов и проковырялись.

Когда Иван избавился от трубок, он решил отблагодарить людей, которые принимали участие в его спасении. Прежде всего, сходил в отделение реанимации, нашел медсестру Машу, и вручил ей торт, который привезла жена. Для лечащего врача он заказал бутылку текилы, но охрана у жены ее отобрала, и вернули ей бутылку только при выходе. Но хорошо, что вернули. Иван спустился вниз, и жена передала ему эту бутылку через забор. Лечащий врач остался доволен подарком. Отблагодарил Иван и ассистента хирурга. А

вот майора-анестезиолога Ивану разыскать не удалось, оказалось, что это был какой-то стажер из войск. Попытался Иван отблагодарить и хирурга, Дмитрия Юрьевича, но тот подарок не принял, сказал, что он не принимает подарков, и даже обиделся на Ивана. Хирург считал, что военные пенсионеры всей своей многолетней службой заслужили, чтобы на старости лет их лечили бесплатно. Это была его принципиальная позиция. О своем фиаско Иван рассказал соседу по палате.

– Ты бы спросил, прежде чем к нему с таким идти, – сказал сосед. – Все знают, что он не принимает никаких подарков. Странно, что ты этого не знал.

И это действительно было странно. Иван впервые встретился с врачом, который был принципиальным противником подарков. До этого, Ивану делали операцию в гражданской клинике, так там, несмотря на то, что операция была по квоте, попросили заплатить шестьдесят тысяч за использование импортных материалов. И в больнице, куда Иван ездил на комиссию, больные тоже говорили, что здесь онкологические операции считаются бесплатными, но хирургу шестьдесят тысяч нужно будет заплатить. Дмитрий Юрьевич был очень редким исключением среди врачей, и Ивану было приятно, что судьба свела его с таким человеком.

В госпитале Иван пролежал больше месяца. Из разговоров с другими больными выяснилось, что почти треть больных здесь лежат с раком. У кого рак простаты, у кого рак

мочевого пузыря. Почему так много больных раком? Откуда все это берется? Ответа на эти вопросы у Ивана не было, да и не до решения мировых проблем ему сейчас было. Ему бы со своими проблемами разобраться. В один из приездов к нему, жена привезла плохую весть: умерла от рака их соседка по даче Людмила. Жена возмущалась бездушием бюрократов от медицины. Когда у Людмилы обнаружили рак, ей сначала дали вторую группу инвалидности. Через два года перевели ее на третью группу, а за полгода до смерти, вообще сняли инвалидность. Так что, Людмила померла вполне здоровой.

Боль у Ивана совсем еще не прошла, но уже была вполне терпимой, и он мог обходиться без уколов. А вот с недержанием мочи было далеко не так, как ему рассказывал Владимир Александрович, у которого уже через неделю все нормализовалось. Врач рекомендовал Ивану как можно больше ходить, и Иван старался выполнять эти рекомендации. Он гулял по парку госпиталя и после завтрака, и перед сном. Сначала он мог пройти только один круг по парку, потом ходил по два круга, а потом и все четыре осиливал. Но при этом была одна существенная проблема, после каждого круга нужно было заходить в туалет, расположенный на первом этаже госпиталя. Если мочевого пузыря один круг выдерживал, и туалет не был занят, то никаких проблем в принципе не было, а вот если где-то случался сбой, то прокладка, которую Иван надевал на прогулку, не спасала, и брюки приходилось стирать. Поэтому Иван предпочитал прогулки по

парку вечером, когда он уже не просматривается из конца в конец, и, при необходимости, можно забежать в кусты и там справить малую нужду. Все это было очень стыдно, но куда денешься. Раньше Иван даже представить себя не мог в таком состоянии.

Насколько же различаются мысли здорового и больного человека. Здоровый человек думает о работе, о карьере, о деньгах и женщинах. Но когда он серьезно заболевает, и приходится каждый день решать задачу, как бы вернуться с прогулки не опозорившись, как вовремя дойти до туалета, его сознание меняется. Он начинает понимать, что все то, что раньше казалось ему важным и значимым, на самом деле мелко и ничтожно. Былые проблемы на работе и в жизни, яйца выеденного не стоят. Главное в жизни – это здоровье. Будет здоровье, будет и все остальное. А если здоровья нет, то и все остальное не нужно, не нужны ни деньги, ни слава, ни машины, ни квартиры. Вообще ничего не нужно. Главное для него сейчас – успешно пройти очередной круг по парку, и чтобы в конце пути туалет оказался свободным. Вот и все, что сейчас было нужно Ивану.

Но как Иван не старался, у него и через месяц толком ничего не наладилось, моча подкапывала, и без прокладки он не мог обходиться, правда теперь достаточно было одной прокладки в день, а не четыре, как раньше. Да и боль не совсем прошла, сидеть ему было больно, даже пищу он принимал стоя. Нормально он себя чувствовал только в положени-

ях стоя и лежа. Но прогресс в восстановлении был, да и держать его больше нельзя было в госпитале, и Ивана выписали.

Вернувшись из госпиталя, Иван опять пошел на прем к Людмиле Викторовне. Возле ее кабинета опять была огромная толпа народа. По предыдущему опыту, Иван взял в регистратуре талон на любой день на который их сегодня выдавали, а к врачу нужно было попасть сегодня. Он занял очередь, постоял, сколько мог, в этой толпе, но долго стоять он не мог, сидеть ему тоже еще было больно, полежать бы, пока боль пройдет, но где. В коридорчике единственная скамеечка для четырех человек, и та бабками занята. Иван спустился на первый этаж, и там увидел свободный диванчик. На нем он и прилег. Но полежать ему не дали.

– Мужчина, Вам плохо? – услышал он женский голос, как только прикрыл глаза.

– Да нет. Все нормально, у меня просто живот болит, – ответил Иван.

– А что с животом? Может Вам врача?

– Не нужно врача. Я после операции, боли еще до конца не прошли.

Через некоторое время опять.

– Мужчина, что с Вами? Вам плохо?

И опять Иван объяснял, что с ним все нормально, но ему еще долго ждать очереди, чтобы продлить больничный, а живот болит, вот он и прилег. Очередная женщина, которая подошла к нему с подобным вопросом, сказала: «Пойдемте со

мною, вас примут без очереди». И его действительно приняли без очереди. Людмила Викторовна продлила ему больничный сразу на две недели, и опять выписала направление на комиссию в Подольск. Иван пожаловался ей, что там почти невозможно записаться на комиссию.

– Теперь будет проще, – обрадовала его Людмила Викторовна, – комиссия теперь работает четыре дня в неделю, а запись на прием проводится каждый день, кроме выходных.

Это, действительно, не могло не радовать. Значит кто-то все же пожаловался на творившееся там безобразие. В первый же день Иван нормально дозвонился и записался на прием. Через две недели Иван и посетил эту комиссию. В зале перед кабинетом находилось не более тридцати человек, очень мало, по сравнению с первым разом. Ивана спросили о состоянии его здоровья, и выписали те же таблетки, которые выписывали и перед операцией. По поводу болей в животе, ему сказали, что к онкологии они не имеют отношения, по этому вопросу ему следует обращаться к своему урологу.

Когда закончился срок продления больничного, Иван опять поехал к Людмиле Викторовне, заодно и передал документы с комиссии. Она выписала ему прописанные комиссией таблетки, и сразу же записала его через две недели на прием, и он счастливый уехал домой. Через две недели он уже придет сюда к определенному времени, и ему не придется четыре или пять часов стоять в этой очереди, пропуская всех, кто пришел по талонам. Много ли человеку нуж-

но для счастья? По-человечески к нему отнеслись, и он уже счастлив.

Иван каждый день гулял по бору. Длина тропинки по большому кругу здесь составляла порядка двух километров, и это Ивана вполне устраивало. Один круг до обеда, другой вечером. Да и людей в бору не так много, как в парке госпиталя, при необходимости справить малую нужду, всегда можно спрятаться за деревьями. Люди собирали здесь какие-то грибы, которые они называли «козленками». Набрал этих грибов и Иван, вкусные грибы оказались. А еще Иван заметил, что в бору много «зонтиков». Эти грибы никто не брал, так как они очень похожи на мухоморы, но на самом деле это очень вкусные съедобные грибы. И готовить их проще простого: разрезать шляпку гриба на части, обмокнуть в муке с солью, и пожарить на постном масле на сковородке. Жаренные зонтики по вкусу напоминают нежного цыпленка. Ну очень вкусно! Иван набрал их два пакета, и жарил каждый день целую неделю.

Жизнь налаживалась. Иван уже мог на прогулку по бору ходить без прокладки, что не могло не радовать. Вот только сидеть Иван по-прежнему не мог. В одну из прогулок по бору, ему почему-то вспомнилась песня «Гуляет по Дону казак молодой». А он, уже старый, вынужден был гулять по бору, весь больной, и далеко не похожий на орла. Пока Иван сделал круг по бору, у него в голове, как-то сами собой, сложились строки стихотворения:

Старый казак

По бору гуляет старый казак,
Тут как ни крути, а уже все не так.
И руки не так, и ноги не так,
Не похож на орла уже старый казак.

Годы, как миг, незаметно прошли,
Лучшее все с собой унесли.
Уж силы не те, и желанья не те,
Но хотелось бы жить на той высоте.

Хотелось бы утром бодрым вставать,
Днем на работе не уставать.
Все успевать, женщин любить,
И на рыбалку почаще ходить.

Но это уже пустые мечты,
Не достичь ему больше той высоты.
Теперь для него доступной сполна,
Реально осталась рыбалка одна.

Но в этот сезон и с рыбалкой никак,
Давно зажили швы, но остался «пустяк»,
Боль не проходит, что-то не так.

Сидеть не может старый казак.

Придется терпеть и по бору гулять.

Прошлую жизнь иногда вспоминать.

Духом не падать, не раскисать.

В лучшее верить, и лучшего ждать!

Иван старался побольше ходить, надеясь, что это будет способствовать выздоровлению. Съездил на дачу, и посмотрел, что там творится. В этом году жена с дочерью и зятем, сами, без него, и вспахали, и посадили огород. Дочери пришлось через интернет искать человека, который мотоблоком вспахал им огород. И у них все получилось. Картошка уже высокая, и порядком заросла зельем. Иван попробовал ее пропалывать, но понял, что такую работу ему делать еще рано. И прополку семье пришлось делать без него. Ему оставалось только смотреть.

Неожиданно позвонили с работы. Звонил начальник отдела.

– Здравствуйте, Иван Федорович! Ну как Ваши дела, как здоровье?

– Здравствуйте, Николай Петрович. Да потихоньку улучшается.

– Когда на работу планируете?

– Не знаю, боль еще не прошла, сидеть не могу.

– Это плохо! А нам Ваша помощь нужна. Пришло техни-

ческое задание на новую НИР, и в этой НИР нужно разработать методику расчета канала радиосвязи.

– А зачем ее разрабатывать? – не понял Иван. – Такие методики уже до нас разработали.

– Они не подходят, у нас для канала особые условия, кроме того, методика должна быть такой, чтобы эта задача решалась на ЭВМ.

– Николай Петрович, а почему Вы ко мне, простому смертному, обращаетесь? У нас в отделе пять профессоров, и еще больше кандидатов наук. Для них интегралы – родная стихия. Среди них, они себя как рыба в воде чувствуют.

– Но среди них нет ни одного связиста. И все они чистые теоретики, они такую методику напишут, что в ней будут одни интегралы, и считать по ней будет невозможно. А Вы подобные методики уже разрабатывали. Нужна такая методика, чтобы по ней любой инженер мог расчет произвести. А потом еще и программу расчета для ЭВМ нужно будет написать.

– Ладно, Николай Петрович, уговорили. Только не знаю, как я буду это делать, сидеть ведь я не могу.

– Иван Федорович, Вы же признанный изобретатель, ну придумайте что ни будь.

И Иван стал думать. Попробовал писать лежа на животе. Очень неудобно, да и руки быстро устают. Попробовал на стул подушку подкладывать, потом сразу две, не помогло, даже с подушками сидеть больно. Хоть сидя на унитазе пи-

ши, это было единственное место, где сидеть было не больно. И тут Ивана осенило, он понял, что решение проблемы найдено. Из толстого пенопласта он вырезал сидение, по форме напоминающее сидение унитаза, на него наклеил поролон, и все это обшил тканью. Получилось вполне симпатичное сидение, на котором теперь Иван мог сидеть на стуле за столом. Теперь ничто не мешало писать методику.

Пришло время окучивания картошки. При окучивании, и Ивану пришлось впрягаться в работу, у жены и дочери для этого просто не хватало сил. Но прошел уже месяц после его выписки из госпиталя, болеть стало меньше, и за три дня он с этой работой справился. Он был рад, что смог оказать помощь жене и дочери.

А через два дня он заметил в моче алую кровь. Что это? Неужели где-то шов разошелся? Откуда кровь? Иван не знал, что и думать. Боли не усилились, а кровь появилась. Пришлось записаться на прием к урологу. Записаться к Ковалеву, тому врачу, у которого он раньше лежал, не получилось, так как произошла какая-то медицинская реорганизация, и теперь их поликлиника относилась к другой больнице. Выписали Ивану талон к Ониськину, врачу- урологу из другой больницы. Врач, даже не осмотрев больного, выписал Ивану антибиотики в таблетках, которые должны были остановить кровотечение. Пить по три таблетки в день, в течение десяти дней. Опять пить антибиотики Ивану очень не хотелось, за время нахождения в госпитале он принял их очень много,

можно было окончательно посадить и без того больной желудок. Но деваться некуда, придется лечиться тем, что прописали. Но, через пять дней приема этих таблеток, состояние не улучшилось, и кровь из мочи не исчезла. Иван все больше сомневался в правильности назначенного лечения, и решил сходить на платный прием к Ковалеву, который, кроме основной работы, подрабатывал еще и в частной клинике. Осмотрев Ивана, Ковалев сказал, что шов не мог разойтись, так как после операции прошло достаточно много времени, чем немного успокоил Ивана. Возможно после операции где-то образовались спайки, и боль идет от них, а вот откуда кровь – этого он определить не мог. Для этого прибором нужно залезть внутрь, и посмотреть. Но делать это сейчас, крайне нежелательно, если не очень больно, то лучше немного подождать. А услышав, какие таблетки, и в каком количестве принимает Иван, Ковалев очень удивился.

– А для прикрытия желудка он тебе что выписал? – спросил он Ивана.

– Больше ничего, только эти таблетки, – ответил Иван.

– И сколько ты уже их пьешь?

– Пять дней.

– Помогает?

– Пока нет.

– Тогда больше их не пей. Я тебе другие выпишу, более щадящие.

Еще три дня Иван попил новые таблетки, но улучшения

все равно не было. Знакомые порекомендовали Ивану съездить на консультацию в институт им. Петровского, и договорились, что Ивана там примут. Ивана принял небольшого роста черноволосый доктор, которого звали Иван Иванович. Кроме имени и отчества, о том, что доктор русский, больше ничего не говорило. Из таблички на двери также следовало, что доктор является кандидатом медицинских наук. Это Ивана сразу обнадежило. Доктор внимательно осмотрел Ивана. В общем, ничего страшного он не видел, но ему было понятно, что после операции там что-то не так срослось. Но лезть сейчас с повторной операцией, он, как и Ковалев, не рекомендовал. Должно пройти не менее шести месяцев, после первой операции. Если боли не прекратятся, и такая операция понадобится, то предлагал обращаться к нему. У них прекрасное оборудование, и через один единственный прокол он все обследует и найдет причину. Иван пообещал обращаться именно к нему, если потребуются повторная операция. За консультацию с Ивана доктор даже денег не взял. К своему врачу Ониськину, Иван решил больше не обращаться, полгода как ни будь перетерпит, а там видно будет.

Прошло сорок пять дней после того, как Ивана выписали из госпиталя, и Людмила Викторовна сказала, что продлять больничный она больше не может. Нужно оформлять инвалидность. На время оформления инвалидности продлевать больничный она сможет. И Иван начал собирать документы для оформления инвалидности. Собрал документы быстро,

буквально за одну неделю. Ему нужно было торопиться, чтобы успеть попасть в санаторий. В этом году ему удалось получить путевку в санаторий на море. Сам он уже трижды был на море, а вот с женой ездили всего один раз, очень давно, когда он был еще старшим лейтенантом. И с тех пор, жена на море не была. Несколько лет назад он подвел свою жену, когда накануне поездки попал в больницу с почечной коликой, и поездку на море пришлось отменить. После этого получить путевку на море ему не удавалось. И вот в этом году, они с женой, наконец-то, могли съездить на море. Главное, опять не упустить эту возможность. Иван сдал документы в администрацию больницы, и спросил, когда приходиться на комиссию.

– Примерно через три недели, – сказали ему, – точную дату мы Вам сообщим позже.

– Как, через три недели? – обалдел Иван. – Я в это время в санатории буду. А нельзя ли перенести мой приход на комиссию на более ранний, или на более поздний срок?

– Нельзя! Вы хотите и рыбку съесть, и ..... , – сказала принимавшая документы женщина. – Придется выбирать: или санаторий, или инвалидность.

– Послушайте, три доктора из четырех, которые подписывали мое медицинское заключение, сказали, что инвалидность мне вообще не дадут, а если и дадут, то через год снимут. Посмотрите, пожалуйста, мои документы и скажите свое мнение.

– Пожалуй они правы, – сказала женщина, посмотрев документы.

– Тогда я не буду подавать документы, – решил Иван, и рассказал про свою соседку по даче Людмилу, с которой за полгода до смерти сняли инвалидность.

– И такое бывает согласилась женщина. Но Вы документы оставьте, вдруг передумаете, или с санаторием что-то не сложится.

На том и порешили. Накануне отъезда в санаторий, Иван пришел к Людмиле Викторовне, и попросил закрыть больничный.

– Как закрыть? – не поняла Людмила Викторовна. – У Вас еще три дня больничного, я не могу закрыть его сегодня. Приходите через три дня.

– Людмила Викторовна, завтра я должен быть в санатории, у меня путевка.

– Ну пусть жена придет.

– Жена со мной едет. А можно, дочь придет?

– Ладно, пусть приходит.

Иван сходил на работу. Отдал начальнику разработанную методику расчета. В исходных формулах для расчетов, которые Иван вывел и обосновал, тоже не удалось обойтись без интегралов, от этого никуда не денешься, но все интегралы ему удалось взять, и в итоговых формулах уже никаких интегралов не было. Не зря его считали сильным математиком. Может быть именно поэтому он, несмотря на возраст, все

еще работал в институте. Как и просил начальник, произвести расчет по разработанной методике мог любой инженер. Более того, Иван еще и программу для расчета на ЭВМ написал. Так что и рассчитывать ничего не нужно, достаточно ввести в программу исходные данные, и параметры канала связи будут рассчитаны. Работой Ивана начальник остался доволен. Иван вспомнил высказывания по поводу математики в социальных сетях, где некоторые недалекие пользователи писали, что математика никому не нужна, что зря они в школе изучали математику, в жизни она им вообще не пригодилась. А у Ивана на каждом шагу математика, и именно она его до сих пор кормит.

Иван ходил в отдел кадров и написал заявление на отпуск, пообещав, что больничный лист дочь принесет через три дня. Сложил чемоданы, положив туда и свое сидение, и уехал с женой в санаторий. А через три дня позвонила дочь, и сказала, что Людмила Викторовна заболела, а работающий вместо нее врач, больничный ей не отдает. Пришлось через знакомых искать их знакомых, работающих в больнице, и просить их забрать больничный лист. Немало было потрачено нервов, но больничный лист удалось забрать.

Жене Ивана в санатории понравилось. Она купалась в море, загорала, ездила на экскурсии. Иван съездил с ней на одну экскурсию, в полчаса езды от санатория, и сразу понял, что это не для него. Даже в столовую он ходил со своим сидением. В основном он лежал в номере и разгадывал кроссвор-

ды. Пару раз искупался в море и полежал на лежаке под тентом, загорать ведь ему врачи запретили. Утром и вечером, в качестве физзарядки, ходил на прогулку по парку. Потом на море был шторм, все тенты на пляже сорвало, и Иван перестал ходить купаться, так как лежать не под солнцем больше было негде. Через некоторое время боль усилилась, и Иван выходил из номера только в столовую, даже на прогулки по парку он уже не мог ходить. А перед отъездом еще одна напасть – прострелило спину, как раз в том месте, куда делали укол во время операции. Жена сделала ему три укола диклофинака, но ничего не помогало. С трудом добрались домой, при этом жене пришлось тащить оба чемодана. Иван уже не понимал, доброе дело он сделал, свозив жену на море, или она уже проклинает эту поездку.

Буквально через два дня после приезда домой боли резко усилились. Было больно не только сидеть и ходить, но и стоять. То ли это дорога так повлияла, то ли еще что, но терпеть такую боль еще полгода Иван уже не мог. Не удалось ему избежать очередной встречи с Ониськиным, пришлось опять идти к нему на прием. Врач взял в руки карточку Ивана, прочитал фамилию.

– Вы ко мне первый раз, или уже были? – спросил он Ивана.

– Уже был, – ответил Иван.

– На что жалуетесь?

– Боль внизу живота, кровь в моче.

– Так это Вам к хирургу нужно.

– Почему к хирургу? Я у Вас уже был, и вы мне таблетки назначили.

– Какие таблетки?

– Я не помню название, откройте карточку и посмотрите, что Вы назначали.

Врач наконец-то открыл карточку и прочитал свои записи.

– Ну и что, лучше стало? – спросил он опять.

– Стало даже хуже, боль усилилась, – ответил Иван.

О том, что за это время он уже был на консультации еще у двух врачей, Иван рассказывать не стал.

– Значит антибиотик слабоватым оказался. Сейчас подберем что ни будь посильнее.

Он поискал что-то в компьютере.

– Будем ставить капельницы, – объявил он, – десять дней по две капельницы. Но для этого придется ложиться в дневной стационар. Будете приезжать утром и вечером. Сейчас я Вам направление выпишу.

– А что капать будут? – спросил Иван.

– Антибиотик конечно, только более сильный.

– А это мне желудок окончательно не угробит? – поинтересовался Иван. Желудок у меня и так уже болит.

– С желудком ничем помочь не могу, это не мой профиль. А по поводу капельниц решайте сами, ничего другого я предложить не могу.

Ивану очень не хотелось ставить эти капельницы. Во-пер-

вых, действительно можно окончательно угробить желудок, и, во-вторых, ездить сюда далековато, от автобусной остановки идти пешком больше километра, а дважды в день брать такси – дороговато. Но направление Иван все-таки взял, надеялся по поводу дневного стационара договориться в своей поликлинике. Но договориться в поликлинике не получилось, там банально не было свободных мест на ближайшее время. Впереди была пятница, приемный день для пенсионеров в поликлинике госпиталя, и Иван решил съездить на консультацию к своему лечащему врачу, ехать конечно далековато, но что делать, может он что ни будь лучше предложит, чем эти капельницы.

На следующий день он приехал в военную поликлинику. Здесь он опять встретил Леонида, своего соседа по гаражу, с которым последний раз виделся еще перед операцией.

– Леня, привет! – обрадовался Иван. – Ты как? Как операция прошла?

– Привет! – ответил Леонид не очень радостным голосом. – Да нормально прошла операция.

– А почему такой грустный? – не унимался Иван.

– Да потом небольшие проблемы появились.

– А у меня и операция прошла не очень удачно, и боль до сих пор не проходит, – сообщил Иван.

– Да и у меня не очень здорово прошло, – признался Леонид. Во время операции обнаружилось, что у меня не первая стадия, а третья. Пришлось удалять больше, чем планиро-

вали. Потом, когда затягивались швы, зарос и мочеточник, пришлось выводить мочу через прокол в животе. После этого была еще одна операция, лазером прожгли дырку в том месте, где зарос канал мочеточника. Но теперь хожу только в памперсах.

– Я думал, что у меня дела хуже некуда, а у тебя, оказывается, еще хуже, – посочувствовал ему Иван. – Но ты ведь по знакомству операцию делал?

– От этого лучше не стало.

Ивану было жаль Леонида. Не повезло мужику. Вот тебе и операция по знакомству. А за себя Иван порадовался. Как хорошо, что он не стал связываться с Оболенском, это ведь именно там Леониду неправильно сделали вывод по биопсии, да еще и деньги за это с него взяли.

Оказалось, что лечащего врача Ивана нет, он в отпуске, и вместо него принимает, другой – Юрий Федорович, тоже пенсионер, но немного моложе его лечащего врача, ему только семьдесят пять. Он внимательно выслушал Ивана, и сказал, что нужно лечь в госпиталь на обследование. Через три дня выходит из отпуска Вячеслав Кириллович, он этим и займется. Иван сообщил еще и о капельницах, которые ему назначили в своей больнице. Посмотрев направление, Юрий Федорович очень долго ругался.

– Двадцать капельниц? Без прикрытия? Да как можно такое назначать? Он там что, совсем дурак? Где он только учился? Да он бы тебе желудок угробил, никакой желудок

такого не выдержит. Ты к нему больше не ходи.

Вячеслав Кириллович очень удивился, когда увидел Ивана в палате.

– А ты чего здесь?

– Да вот боль никак не проходит, и кровь в моче появилась.

– И сильно болит?

– Не очень сильно, но раньше только сидеть больно было, а сейчас и при ходьбе болит.

– Ладно, посмотрим. А как моча держится?

– С мочой все в порядке. Уже больше часа могу без прокладки ходить. А если к этому времени есть поблизости туалет, то прокладка вообще не нужна.

– Ну что же, будем искать причину.

Причину искали долго, почти месяц, но ничего найти не могли. Все анализы были в норме, никакого воспаления не было. Ни УЗИ, ни КТ ничего не показали. Потом сделали МРТ малого таза, и опять безрезультатно. Отправили Ивана на консультацию к проктологу. Он был первый, кто прощупал Ивана пальцами со всех сторон. Свои болезни он исключил, но определил, что боль идет именно с того места, в котором раньше была простата. Но в этом месте мог болеть только шов, которым мочеточник пришит к мочевому пузырю. Посмотрев заключение проктолога, Вячеслав Кириллович сказал Ивану, что у него ничего не нашли.

– Я не знаю, что с тобой дальше делать. Нет у тебя ничего.

Ты просто боль терпеть не хочешь. Да с такой болью можно еще сто лет жить. Вот у меня нога постоянно болит, но я ведь терплю, и не жалуясь. Терпи и ты. Будем наверно тебя выписывать.

– А может еще Дмитрий Юрьевич меня посмотрит? – усомнился в правильности такого решения Иван.

– Ну я скажу ему, а дальше как он решит. Но имей в виду, что после его вмешательства, у тебя опять будет недержание мочи.

– Ладно, – сказал Иван, – я согласен.

На следующий день Дмитрий Юрьевич пригласил Ивана в кабинет, в котором ему когда-то брали биопсию.

– Все понятно, – сказал Дмитрий Юрьевич, посмотрев прибором мочеточник и мочевого пузыря. – На внутреннем шве одна нитка не рассосалась, миллиметров двенадцать длиной, висит прямо в мочеточнике, и на ней два камня образовались, примерно по пять миллиметров в диаметре. Вот они и режут мочеточник. И в мочевом пузыре полно мелких камней. Завтра утром уберем эту нитку, и все будет нормально. Только имей в виду, сейчас я завел туда тоненькую трубочку, она ничего не навредила, а завтра будет толстая. Готовься к тому, что после этого у тебя опять месяца два или три будет недержание мочи.

– Я согласен, – выдавил из себя Иван. – Главное, что нашли причину.

На следующее утро Ивана опять отвезли в операционную.

Там уже шла операция. Оперировали Николая, знакомого Ивана из соседней палаты. У него был рак мочевого пузыря. Операция затягивалась, и Иван, под одной простыней, лежал на каталке в холодном предбаннике. Прошло больше часа, пока эту операцию закончили. Иван там закоченел. Наконец-то и Ивана переложили с каталки на операционный стол. На этот раз была только спинальная анестезия, и Иван все слышал и видел. Операцию опять делал Дмитрий Юрьевич.

– Нитку с камнями вижу, – сказал он. – Давайте ножницы.

– А ножниц нет, – сказала медсестра.

– Как нет? – не понял Дмитрий Юрьевич. – И куда же они девались?

– А их еще месяц назад сломали, а новые взять неоткуда.

– И что теперь будем делать?

– Не знаю, – ответила медсестра.

– А что есть, чем можно нитку отрезать?

– Только щипчики для биопсии, но они очень маленькие.

– Ну давайте щипчики, раз больше ничего нет.

Этими щипчиками Дмитрий Юрьевич минут двадцать пытался перекусить нитку. Как понял Иван, камни, образовавшиеся на нитке, мешали подвести эти щипчики к нитке. Хирург уже стоял весь мокрый от пота, хотя в операционной было очень холодно, но подобраться щипчиками к нитке ему никак не удавалось. Наконец-то ему это удалось.

– Слава богу, – услышал Иван, – до нитки добрался. Оста-

ется ее перекусить.

На перекусывание нитки ушло еще минут десять.

– Перекусил, – опять услышал Иван. – Остается кончик, миллиметра два, но с ним уже ничего не могу сделать, щипчики слишком тупые.

– Ну оставляйте так, – сказал женский голос, – что же теперь поделаешь.

– Все, заканчиваем, – подытожил хирург.

– Если не хочешь в третий раз попасть на операцию, будешь как можно больше пить отвара против образования камней, чтобы на этом остатке нитки опять камень не образовался, – сказал Дмитрий Юрьевич, обращаясь уже к Ивану.

Иван уже на все был согласен. Его отвезли в послеоперационную палату, где уже лежали знакомый Ивана Николай, которому делали операцию, и еще какой-то мужик, который спал. Через некоторое время в палату зашел Дмитрий Юрьевич, поинтересовался состоянием прооперированных, и предупредил их, что после спинальной анестезии им сутки нельзя не только вставать, но даже голову поднимать с подушки. Да они никуда ходить и не собирались. В туалет им вряд ли понадобится, так как они уже сутки ничего не ели, а для отвода мочи у обоих стояли катетеры. И кормить их будут только после перевода в свою палату.

Третий их товарищ проснулся, когда уже совсем стемнело, он весь день спал не просыпаясь. Познакомились. Тре-

того товарища звали Виталием. Оказалось, что он, как и они, подполковник, бывший начальник стоматологического отделения этого госпиталя. Спокойно разговаривали, пока дежурная медсестра в палате не погасила свет, пожелав всем спокойной ночи. И тут Виталия как будто подменили. Минут через десять он вдруг заорал во всю глотку: «Сестра, сестра! Бегом сюда!».

– А сейчас засечем, через сколько она прибежит, – уже спокойно сказал он, обращаясь к Ивану и Николаю.

Сестра прибежала очень быстро.

– Что случилось? Вам плохо? – спросила она у Виталия.

– Я хотел спросить, который сейчас час? – ответил Виталий.

– Одиннадцать. А зачем так кричали?

– Чтобы ты услышала.

Медсестра ушла. Виталий полежал спокойно еще минут десять или пятнадцать, и опять стал орать во всю глотку, зовя медсестру. И опять засек время. Она опять пришла быстро.

– Что у Вас опять случилось? – спросила она.

– Я не могу достать бутылку с водой, подай мне ее.

– Но у Вас на тумбочке стоит такая же бутылка воды, как и внизу, и до нее Вы дотягиваетесь. Пейте с нее.

– Я не хочу пить с нее. Я хочу с той, которая стоит внизу.

Медсестра подала Виталию бутылку воды и ушла. Не успела она дойти до своего поста, как Виталий взял свой стакан, выбросил его в дальний угол палаты, и опять за-

орал: «Сестра, сестра! Бегом ко мне! Мне плохо!» Медсестра опять прибежала.

– Ну что еще? Почему Вы всему отделению спать не даете?

– Я буду на тебя жаловаться начальнику отделения. Почему ты воду подала, и даже не поинтересовалась, есть ли у меня стакан. С чего я пить должен? У меня стакана нет. Неси мне стакан.

– У Вас стакан стоял на тумбочке. Куда Вы его дели?

– Люда, ты не бегай к нему, – не выдержал больше Иван, – он специально все это делает, и засекает время, через сколько ты прибежишь. А свой стакан он только что зашвырнул вон в тот угол. И не волнуйся. Мы завтра подтвердим, что он над тобой просто издевался.

Медсестра подала Виталию стакан и ушла. Виталий с полчаса лежал спокойно, а потом опять начал орать. Медсестра уже быстро не прибегала, а Виталий орал все громче, и громче.

– Виталий, прекрати орать. Дай нам поспать, – попросил его Николай.

– А я вам что, мешаю? Спите себе. Мне просто медсестра нужна.

– Зачем? – поинтересовался Иван.

– Хочу время уточнить.

– Но у тебя ведь часы на руке, и ты уже спрашивал время.

– Ну и что. А я хочу еще раз спросить.

И Виталий опять начал орать во всю глотку. Ивану казалось, что половину отделения он уже разбудил.

– Ты, придурок! – не выдержал Иван, – прекрати орать. Если не перестанешь, то мы встанем, и набьем тебе морду.

– Сами придурки, – не успокаивался Виталий. – Не набьете, вам же вставать нельзя. Так что могу делать все, что захочу.

– И этот придурок был здесь начальником отделения? – не выдержал и Николай. – Тебе не стыдно так себя вести?

– А чего мне стыдиться? Я больной.

– Но не на голову же? Имей в виду, если доведешь, то мы все-таки встанем, хотя нам и нельзя вставать, и набьем тебе морду, – предупредил его еще раз Николай.

Некоторое время Виталий лежал спокойно, и Иван с Николаем уже начали засыпать, как вдруг Виталий опять начал орать, что умирает, и звать медсестру. Та опять пришла.

– Ну что Вы кричите? Уже половину отделения разбудили. Давайте, я сделаю Вам укольчик, и Вы спокойно поспите.

– Я не хочу спать, я выспался. А ты в норматив не уложи-лась. Я доложу начальнику отделения.

– А что Вы хотели?

– Ничего. Хочу, чтобы ты тоже не спала.

Медсестра ушла, а Виталий начал тихонько смеяться, чувствуя, что ему все сходит с рук.

– Коля, а тебе не кажется, что у него с головой действительно не все в порядке? – спросил Иван.

– Мне тоже так начинает казаться, – ответил Николай.

Некоторое время все трое лежали молча, потом Виталий опять начал кричать и звать медсестру. Николай не выдержал этой пытки, и швырнул в Виталия свой стакан.

– Не попал! Не попал! – радостно запрыгал на своей кровати Виталий.

Теперь уже и Ивану, и Николаю стало понятно, что рядом с ними лежит псих. Больше никаких сомнений в этом не было.

– Давай наверно перебираться в свою палату, – предложил Иван, – здесь он нам все нервы истреплет, и поспать не даст.

Два товарища по несчастью, завернулись в простыни и бо-сиком, потопали в свои палаты. Здесь у них ни одежды, ни тапочек не было, после операции лежали в чем мать родила. Легли в свои койки, и сразу же уснули. Последствия ночного перехода проявились уже днем, у Ивана начались сильные головные боли, которые продолжались три дня. Врач сказал, что это результат того, что они раньше времени встали с коек, их ведь предупреждали. А куда им было деваться? Терпеть выходки этого придурка они больше не могли. Врач им объяснил, что он не придурок, это такая болезнь, дома этот Виталий уже всех близких достал, и его сплавил в госпиталь. В тот же день Виталия перевели в психоневрологическое отделение.

Через неделю Ивана из госпиталя выписали. Никаких болей больше не было, вот только с недержанием мочи нужно

было бороться снова. Это опять была проблема месяца на три или четыре, как пройдет. Но это уже не страшно, это дело времени.

– Самое страшное позади. Теперь ты до восьмидесяти лет проживешь, – сказал Ивану на прощанье его лечащий врач.

– «Будешь жить до самой смерти, если раньше не померешь!» – в тон ему процитировал Иван строку из комедии Леонида Филатова «Про Федота стрельца, удалого молодца».

Больничный лист выписали на три дня, а дальше на усмотрение местного уролога. По истечении эти трех дней Иван и пошел на прием к терапевту, так как уролога в их поликлинике не было, а направить к нему в больницу мог только терапевт. Ивану очень не хотелось идти к Ониськику, и в душе он надеялся, что терапевт сам закроет его больничный, и никуда идти не нужно будет. Но закрывать больничный терапевт отказался, так как в выписном эпикризе было написано, что больной нуждается в наблюдении уролога. Иван взял направление, свою карточку, и поехал в больницу. На автобусе доехал до рынка, оттуда больше километра пешком до больницы. Приема к урологу ждали шесть человек, но врача еще не было. Врач пришел часа через два, и начал принимать больных. Приняв три человека, он опять куда-то ушел, и вернулся через час. Наконец-то подошла очередь и Ивана. Ониськин его, конечно же, не узнал. Он бегло просмотрел выписной эпикриз, и поднял глаза на Ивана.

– А почему Вы, собственно говоря, ко мне пришли? Простата у Вас давно удалена, и Вы теперь не мой больной. У Вас онкология. Вот и езжайте к онкологу.

– Но в эпикризе написано: нуждается в наблюдении уролога, – неуверенно возразил Иван, – из-за этой записи терапевт отказался закрыть больничный.

– Да мало ли, что там напишут. Езжайте к онкологу, Вы теперь его больной.

Не солоно хлебавши Иван ушел и от уролога. Нужно ехать в другую больницу. Опять больше километра до рынка пешком, потом одну остановку проехал на автобусе, потом еще полкилометра пешком, и он возле кабинета онколога. Здесь, как обычно, полно народа, не меньше тридцати человек. Иван занял очередь, и стал терпеливо ждать. К шести часам вечера он попал в кабинет. Увидев его, Людмила Викторовна очень удивилась.

– Иван Федорович, а куда Вы пропали? Почему ко мне больше не пришли?

– Да я в госпитале лежал, – оправдывался Иван, хотя у него и в мыслях не было без надобности посещать этот кабинет. Мне нужно больничный закрыть.

Людмила Викторовна посмотрела больничный, прочитала выписной эпикриз.

– Ну теперь понятно, почему болело, – сказала она. – Но почему Вы ко мне с больничным, Вам к урологу нужно.

– Людмила Викторовна, у уролога я был, но он сказал,

что поскольку простата у меня удалена, то я больше не его больной, и направил к Вам.

– А то, что у Вас еще остался мочевого пузыря и почки? Своими их он уже не считает? Сейчас я позвоню куда следует! Я ему устрою!

Она вышла из кабинета, и вернулась минут через десять.

– Иван Федорович, езжайте обратно к Ониськину, он должен Вас принять. Если опять не будет принимать, зайдите в администрацию, к той женщине, которой Вы сдавали документы на инвалидность, она Вам поможет.

Иван вышел из больницы на улицу. Уже начинало темнеть, и он сомневался, есть ли смысл сегодня ехать к Ониськину, может его уже давно нет в больнице. Ведь доберется он туда не раньше, чем через час. В это время возле него остановилось такси, кого-то привезли в больницу. Такси было свободно, и на нем Иван быстро доехал до другой больницы. Ониськин тоже еще был на месте.

– Это опять Вы? – сказал он без всякого удивления. – Зачем же сразу жаловаться нужно было? Могли бы просто приехать обратно. Я бы Вас и так принял. А то сразу жаловаться.

– Да я никому не жаловался, – возразил Иван, – я просто съездил к онкологу, к которому Вы меня и направили.

– Ладно, давайте больничный. Жалобы есть?

– Только недержание мочи.

– Значит жалоб нет, – заключил Ониськин. Недержание мочи не считается.

Он закрыл больничный лист и отпустил Ивана. Домой Иван вернулся уже затемно. На закрытие больничного листа у него ушло десять часов.

За этот день Иван ужасно устал, и морально, и физически, как черт, отработавший две смены в кочегарке ада. Да и не только сегодня. Он устал от всего этого кошмара, который длится уже больше десяти месяцев. И до сих пор непонятно, когда все это закончится. Как же он устал от всего этого. Но свет в конце тоннеля уже виден. Главное, что болей больше нет, и он надеялся, что на этом его «хождения по мукам» заканчиваются, что месяца через три или четыре снова будет нормальная жизнь, по крайней мере до восьмидесяти лет, что ему в шутку обещал лечащий врач. Если его предсказания сбудутся, то это будет просто замечательно. Девять лет конечно не много, но не так уж и мало. За это время еще многое можно успеть сделать. Но сколько бы жизни ему не осталось, прожить отведенное ему время нужно так, чтобы перед смертью ни о чем не жалеть, чтобы все задуманное было завершено, и чтобы умирая он мог сказать: «Свою задачу на этом свете я выполнил!»

Мухоморы и зонтики

Грибы я собираю давно, еще с детства. Но наш лес ни изобилием, ни большой разновидностью грибов не отличался. Обычно собирали маслята и сыроежки. После дождя их в лесу действительно было много. Набирали целые корзины. А вот других видов грибов было мало. Редко встречались волнушки, и еще реже рыжики. В соседнем лесу, в березняках, иногда собирали подберезовики. Иногда встречались и красноголовики, то есть подосиновики, но это редко. И совсем редко встречались белые грибы. Хорошо, если за сезон найдешь десяток белых грибов, а большинство местных грибников их вообще не видели. Осенью еще было много белых и черных груздей, но их почти никто не брал, не знали, что с ними делать. Черные грузди иногда еще брали, но не солили, а просто жарили на постном масле на сковородке. Но это тогда, когда других грибов не было. За счастье было набрать и свинушек, которых здесь называли поддубниками. Жареными они были очень вкусными. Главное, их нужно было хорошенько вымочить, пока вода, в которой они замочены, не перестанет быть коричневой. А вот когда появлялись опять, это была сказка. Их можно было и жарить, и мариновать, и были они очень вкусные, уж намного вкуснее жаренных груздей. А главное, перебирать их очень просто, промыл в воде, убрал у более крупных оборочку под шляпками, и готово.

Не то, что перебирать маслята, где шляпку каждого масленка нужно очистить от пленки, очень скользкой и липкой, и потом еще три дня после этого ходишь с коричневыми пальцами, которые окрасились от маслят и не отмываются. Дед, по фамилии Тронь, брал еще и горчаки. Он утверждал, что если их трижды отварить, а потом пожарить, то получаются очень даже вкусные грибы. Но, кроме него, эти грибы больше никто не брал. Целой сенсацией было, когда приехавшие для оказания помощи колхозу солдаты, во главе со старшим лейтенантом, насобирали в лесу мухоморов, пожарили их, и съели. Вот тогда я впервые и узнал о существовании съедобных мухоморов. Но даже после этого, местные грибники мухоморы не собирали и не ели. Как говорится – от греха подальше.

Позже, когда я жил на Урале, грибов там было море. Их даже искать не нужно было, пришел в лес и нарезал. Особенно здесь меня поразили подосиновики. Они здесь огромные, со шляпкой до тридцати сантиметров в диаметре, и абсолютно не червивые. Срезал пяток таких грибочков, и корзина полная. А свинушек здесь было столько, что нельзя было пройти по лесу, чтобы не наступить на свинушку. Но их здесь никто не брал, их и за грибы то не считали. Да и зачем брать свинушки, если вокруг полно подосиновиков и подберезовиков? А вот белые встречались очень редко. Не так редко, как когда-то в селе, редко по сравнению с другими грибами. При желании, можно было набрать и белых.

А потом было Подмосковьё. Вот это действительно грибной рай. Каких только грибов здесь нет. Здесь уже жена начала требовать, чтобы я не брал все грибы подряд, а брал только белые. Я уже ходил в лес не с одной корзинкой, а с двумя двенадцати литровыми ведрами, которые ставятся друг в друга. Ведра легкие, пластмассовые, сначала идешь как с одним, а уже потом, когда набираешь полное ведро грибов, разделяешь ведра, и уже ходишь с двумя. И всегда набираешь два полных ведра грибов. Иногда белые встречаются редко, и набираешь всяких разных, а потом, вдруг, натыкаешься на белые. А брать то их уже некуда, оба ведра полные. Вываливаешь все содержимое ведер на траву и начинаешь перебирать, отбирая лучшие из собранных грибов и освобождая место под белые. Один год был особенно урожайным на белые грибы, и почти все они были не червивые. Жаль, что такой год был только один. Но даже в обычный год, здесь можно за один поход в лес набрать ведро белых, и второе ведро разных грибов.

Встречаются здесь и весьма экзотические грибы. Как-то раз я набрел в лесу на очень странный гриб. Он рос как куст, а его ветки напоминали ветки коралла. Куст был высотой порядка полуметра, и в диаметре около сорока сантиметров. По запаху было понятно, что это гриб, и, скорее всего, съедобный, так как запах был приятным. Я решил забрать этот гриб, а по поводу его съедобности уточнить у соседки по даче, авторитетной специалистки по грибам. Вывалил собран-

ные грибы на траву, и отобрал из них только наиболее ценные, освобождая место под неизвестный гриб. Пожалел, что не взял с собой, кроме двух ведер, еще и целлофановый пакет. Тогда забрал бы этот неизвестный гриб в пакет, и не пришлось бы выбрасывать хорошие грибы. Придя на дачу, показал соседке найденный чудной гриб. Та, не задумываясь, заявила, что гриб несъедобный. Пришлось выбросить его на компостную кучу, хотя и очень жаль было выбрасывать десяти килограммовый гриб. Позже я взял у знакомого книгу по грибам, с цветными картинками. Нашел я в ней и свой чудной гриб. Латинское его название я не помню, а русское – «гриб-баран», съедобный гриб первой категории, по вкусовым качествам даже лучше белого гриба. Стало очень обидно, что я, поверив соседке, выбросил на мусорку десять килограмм вкуснейшего гриба. Мне повезло еще раз, через пару лет я опять встретил в лесу этот гриб, правда не такой большой, но килограмма два в нем было. Мы его пожарили и съели. Гриб действительно оказался очень вкусным.

Информацию о другом экзотическом грибе принесла дочь. Конструкторское бюро, в котором она работала, в то время располагалось на территории, где росли сосны. После обеда сотрудники КБ всегда гуляли по этому небольшому бору. На растущие там высокие серые мухоморы с большими шляпками никто не обращал внимания, пока один из их сотрудников не стал их собирать.

– Хочешь мухоморами тещу угостить? – спросили у него.

– А это не мухоморы. Это зонтики, – ответил он. – Очень вкусные грибы, по вкусу напоминают жаренного цыпленка. И готовить очень просто. Посолить, обмокнуть в муку, и жарить на подсолнечном масле.

На следующий день он принес на работу жаренные грибы и угостил ими сотрудников. Грибы всем понравились. В дальнейшем, сотрудники, после обеда, не просто гуляли по бору, а искали зонтики. Начала собирать их и наша дочь Лилля. Угостила она ими и нас с матерью. Нам зонтики тоже понравились. Действительно, нежный вкус молодого цыпленка. Посмотрел я и внешний вид этих зонтиков. По внешнему виду они действительно похожи на мухоморы, шляпка светло-коричневая, с характерным кольцевым рисунком из немного отслоившихся волокон шляпки, ножка белая и высокая, с оборочкой немного ниже шляпки. У более старых грибов, ножка, волокнистая и твердая, может быть коричневого цвета. В принципе, от мухоморов их можно отличить, но только при раскрытой шляпке. Когда гриб молодой, и шляпка еще конусовидная, отличить зонтик от мухомора практически невозможно. Нашел я зонтики и в лесу возле дачи. Это были одиночные грибы, которые росли не ближе пяти метров друг от друга. Я брал только зонтики с раскрытыми шляпками, чтобы по ошибке не срезать мухомор. Вскоре к зонтикам мы привыкли, и собирали их везде, где находили. Гуляя по бору возле дома, я нашел зонтики и там. Они росли прямо вдоль прогулочной дорожки, но их

никто не брал, хотя грибников по бору ходило много. Все считали их мухоморами, и очень удивлялись, когда я начал их собирать. Я же собирать грибы не планировал, так как просто гулял по бору, восстанавливаясь после операции, поэтому с собой даже пакета для грибов не было. Пакет мне дал один из грибников, и я, пока сделал круг по бору, набрал целый пакет зонтиков. Угостил зонтиками и дочь с зятем. Целую неделю мы жарили эти грибы. Потом я уже целенаправленно пошел в бор за зонтиками, но ни одного больше не нашел. То ли они больше не выросли, то ли другие грибники их тоже стали собирать. Набрал только грибов, под названием «козленки», о которых я до сих пор даже не слышал, мне их местные грибники показали. Тоже вкусные грибы, но их нужно очень хорошо промывать, так как в них песка много, как в зеленушках.

На следующий год я немного восстановился, и смог ходить за грибами в лес возле дачи. Я приехал туда на автомашине, оставил ее возле местного магазина, стоящего на опушке леса, а сам, с двумя ведрами, пошел в лес. Буквально за пару часов я набрал два ведра грибов, и почти все былые. А при выходе из леса, набрел на целую поляну зонтиков. Они росли буквально кучами, что меня очень удивило. Такого обилия зонтиков в этом лесу я еще на встречал. Нарезал их, насколько хватило свободного места в ведрах, и вернулся к машине. Но уезжать домой не хотелось, грех было не воспользоваться таким изобилием грибов, и не набрать

их побольше. Я съездил на дачу, взял там еще два ведра, и пакет, на всякий случай. И опять пошел в лес. Я собирался сначала пойти немного вправо, потом, повернув влево, сделать круг по лесу, и выйти опять на поляну с зонтиками, чтобы нарезать их уже в конце похода и не таскать их с собой по всему лесу. С отклонением вправо я немного переборщил, и зашел дальше чем планировал. Там и встретил двух своих соседей по даче, соседа Женю, и ту соседку, которая порекомендовала мне гриб-баран выбросить. У меня уже было полведра белых, а у них только на доньшке сыроежек. Я удивился, что они ничего не собрали, а они удивились, что я нашел белые. Чтобы их не расстраивать, я не стал им говорить, что два ведра белых я уже набрал, просто рассказал, где я брал белые. На этом мы и разошлись. Я повернул влево и пошел вглубь леса, а они пошли влево, но вдоль опушки. Делая круг, я опять заплутал, и вышел совершенно не туда, куда планировал, но полтора ведра белых я набрал. Другие грибы я вообще не брал, планируя добрать ведра зонтиками на выходе. Мне опять повезло, и я опять нашел зонтичную поляну, уже другую, на которой зонтиков росло видимо-невидимо. Я заполнил ими оставшееся место в ведрах, и набрал еще целый целлофановый пакет. До машины два ведра и пакет с грибами еле доволок. Соседи, как позже выяснилось, белых грибов так и не нашли.

Дома я, прежде всего, решил разобраться с зонтиками. Почистил шляпки, и обрезал ножки. И тут у меня закра-

лись какие-то смутные сомнения. Шляпки у зонтиков были как будто коричневой пылью присыпаны. Раньше я такой пылицы на шляпках у зонтиков не замечал. То ли это не зонтики, то ли они просто выросли там, где эта пыльца сыпется? Чтобы развеять сомнения, я пожарил две шляпки зонтиков. Вкус тот же, нежного молодого цыпленка, значит это зонтики. На ужин я нажарил три сковородки зонтиков, и мы с женой с удовольствием их съели. На следующий день жена отнесла два пакета зонтиков дочери, пусть и она с мужем вкусных грибов покушают, тем более, что Лиля очень любит зонтики. Вечером Лилия мне позвонила.

– Папа, ты что набрал?! Это не зонтики! – заявила она.

– Как не зонтики? – удивился я. – Вкус зонтиков. Мы их вчера с мамой три сковородки съели, очень вкусные.

– Мы тоже уже две сковородки съели, вкус действительно тот же. Но это не зонтики. Я только потом рассмотрела. У них рисунок на шляпке не из чешуек, как у зонтиков, а из пылицы, и бугорка посередине шляпки нет. Посмотри в интернете.

Я посмотрел информацию о зонтиках в интернете, и должен был согласиться с дочерью. Посередине шляпки у зонтиков всегда есть бугорок, а у моих грибов никакого бугорка не было. Далее по рисункам я определил, что собранные мной грибы – это мухоморы. Съедобные, но мухоморы! Так вот почему они росли колониями, а не поодиночке. Несмотря на то, что три сковородки этих грибов мы уже съели, и

они нам очень понравились, больше есть мы их не стали. От одного понимания того, что кушаешь мухоморы, было как-то не по себе. Все оставшиеся мухоморы и мы, и дочь выбросили, от греха подальше. А вдруг среди всех съедобных один ядовитый окажется? Ведь даже одного ядовитого гриба будет достаточно, чтобы встретиться с предками.

В этом году, когда буду собирать грибы, буду проверять еще и наличие бугорка на шляпке зонтиков. Нужно быть более внимательным, и помнить, что зонтики большими группами не растут. Халява – это не всегда счастье.

Камень

Суббота. Проснулся пораньше, сегодня нужно обязательно перепахать на зиму огород и посеять горчицу на удобрения. В этом году решил попробовать посеять вместо ржи горчицу, может земля помягче будет. Все это собирался сделать еще две недели назад, сразу после уборки картошки, но сорвал поясницу и работу пришлось отложить. Потом еще на работе не заметил, что кто-то открыл окно возле моего стола, при работающем кондиционере, в результате еще получил и ОРЗ. Сейчас уже немного оклемался, но поясница еще болит, самостоятельно сменить в мотоблоке колеса на фрезы я не смогу. Поэтому и нужно выехать на дачу пораньше, чтобы застать хотя бы одного из соседей, Сашку или Женьку, и попросить их помочь поменять в мотоблоке колеса на фрезы.

Коррективы в планы внесла жена. Сначала нужно зайти на квартиру к Лиле и помочь ей определиться с объемом планируемого ремонта, ненадолго, буквально на полчаса. До вечера с этим конечно никак нельзя было подождать, но спорить не стал, переубедить в чем-то мою жену крайне сложно, больше времени на споры уйдет, согласился перед отъездом зайти к дочери. В полчаса не уложились, осмотр затягивался, начали измерять комнаты, еще и расстановку мебели планировать. Время уже к часу дня приближалось, а мы все планировали. У меня уже начала ныть больная спина, но в два

часа дня мы наконец-то осмотр закончили и пошли домой. Теперь ехать уже нужно было с ночевкой, но оказалось, что закупленных продуктов для этого нет, как всегда. Прежде чем ехать, нужно еще сходить в магазин и закупить продукты. Все безнадежно затягивалось, ну как тут не заматериться? С другой стороны, и жену можно понять, ей тяжело одной таскать полные сумки на четвертый этаж, гораздо проще заранее взять машину и покупки загрузить сразу в нее. Но это всегда потеря драгоценного времени. Решил зайти домой за ключами от гаража и идти за машиной.

Дома, прежде всего, зашел в туалет и обалдел, моча была бордовой. Очень странно, никаких болей не было, только спина побаливала. Пришлось лечь немного отдохнуть. Боль внизу живота появилась минут через десять, и постепенно нарастала, потом начала болеть правая почка. Две таблетки но-шпы боль немного сняли, и к приезду скорой она уже была вполне терпимой, поэтому от госпитализации я отказался, тем более, что в больнице Семашко, куда меня собирались везти, некоторые врачи уже болели коронавирусом, как-то не хотелось еще одну болезнь подхватить. Мне сделали какой-то укол, который помог как мертвому припарка, и скорая уехала, порекомендовав вводить внутривенно баралгин, если приступ повторится. Он не заставил себя долго ждать, через полчаса повторился, но с еще большей болью. Хорошо, что жена медсестра, баралгин внутривенно снял приступ до вечера, потом еще укол, и так до вечера воскресенья.

В двадцать часов вечера позвонил заведующему урологического отделения военного госпиталя, где я уже трижды лежал в течение прошлого года. Я тогда выпросил у Дмитрия Юрьевича визитку, но обещал по пустякам не беспокоить, звонить только в крайнем случае. На мой взгляд, сейчас был именно такой случай, в выходные я не стал его беспокоить, а сейчас уже можно было и позвонить. Он, без разговоров, согласился принять меня сразу в госпитале, минуя поликлинику. В восемь утра, в понедельник, нужно было быть у него.

Утром поехали в госпиталь на такси вместе с женой, вдруг по дороге придется укол делать, но все обошлось. К двенадцати часам дня я сдал все анализы и прошел кучу обследований, но ничего обнаружено не было. Только на компьютерной томографии, наконец-то, обнаружили камень в мочеточнике, выписали направление на госпитализацию и к четырнадцати часам я оказался в палате.

Я опасался, что опять достанется самая неудобная койка возле окна, на которой днем жарко от солнца, а ночью очень холодно, так как дует со всех щелей. Но мне повезло, в палате лежал всего один больной, моя любимая койка возле умывальника была свободной, на ней я и поселился. Вот что значит коронавирус, во всем отделении лежало всего 12 человек. Сосед оказался человеком весьма необщительным, даже не сказал с чем он лежит. На следующий день его забрали на операцию, и в этот же день появился еще один человек, очень общительный старичок, Николай Иванович, сразу ста-

ло гораздо веселее, несмотря на то, что особенно весело мне не было, боли продолжались, и мне два раза в сутки кололи обезболивающее. Кроме того, чтобы выгнать камень, мне до обеда кололи три укола, а между ними я должен был выпивать по литру воды, и так три дня.

Николай Иванович оказался очень интересным человеком, в свои 83 года очень живым и подвижным. Он лег на очередное ежегодное обследование, семь лет назад у него был рак мочевого пузыря, но операцию сделали вовремя, полностью сохранив мочевой пузырь, и сейчас он прекрасно себя чувствовал. За свою службу он много где послужил и у нас оказалась масса общих знакомых, десятка два, было даже удивительно, что сами мы при этом нигде не пересекались.

В детстве он с бабушкой и дедушкой жил в Белоруссии, на оккупированной территории, потом суворовское училище в Ленинграде, далее среднее танковое училище и служба танкистом. Будучи старшим лейтенантом, был назначен адъютантом командира дивизии полковника Шевцова Ивана Андреевича, под командованием которого я также служил, когда он уже был генерал полковником и командующим оренбургской ракетной армией. Адъютантская служба Николаю Ивановичу не понравилась, прослужил на ней всего четыре месяца. Не нравилось таскать лыжи за командиром, когда тому хотелось покататься. Особенно доставала жена командира, за которой он таскал сумки по всем магазинам. То "куда ты так рванул?", то "где ты там плетешься?". Кроме

того, командир строго настроено запретил сажать ее на место старшего машины, а она все время норовила сесть именно на это место, и согнать ее с него было невозможно. Короче говоря, достали, но уйти с этой должности было очень непросто. Чтобы не нажать врага в лице командира, ему посоветовали подать рапорт на поступление в академию, чем он и воспользовался. Поступил в артиллерийскую академию, после окончания которой, естественно, попал в артиллерию. Потом вызвали в политотдел и предложили перейти на работу замполитом, попытался отказаться от столь заманчивого предложения, ссылаясь на то, что он технарь, а не политработник. Фокус не прошел.

—А нам и нужен на эту работу именно технарь, чтобы мог разговаривать с людьми на одном с ними языке. Такая сейчас политика партии. Или вы имеете что-то против политики партии? — был ответ начальника политотдела.

Вот так, говорит, я и попал на политическую работу. По службе продвигался очень быстро. Сменил очень много должностей. Больше двух лет на одном месте нигде не служил, сплошные переезды и везде служебная мебель. Послужил даже замполитом одного из ракетных полков в оренбургской армии, потом в космических войсках. На этой стезе он дослужился до полковника, начальника политотдела. Говорит, что большую часть служебного времени занимался разбором дразг и жалоб, то жена жалуется на мужа, то жены друг на дружку, то офицер своему лучшему другу подложил

свинью, спрятав секретный документ. А со временем еще начал сомневаться в рекламируемых партией ценностях, пришло осознание того, "какую херню он несет, выступая с трибуны". Наступило перенасыщение, и дальше так служить не смог, попросился на преподавательскую работу. Направили в Харьковское училище, которое я в свое время закончил, на должность старшего преподавателя на кафедру философии, где и прослужил до развала Советского Союза. Когда начали заставлять изучать украинский язык и проводить на нем занятия, уволился, и уехал в Россию. Теперь живет в Тамбове в частном доме с одним гектаром огорода, раньше даже свиней держали, а сейчас только птицу. Сына и внука также определил в суворовские училища, сын стал офицером и служил начальником курса в Серпуховском училище, где, в свое время я также был преподавателем, а вот внук проявил характер и отказался идти по военной тропе, тем более, что его отец с должности начальника курса также досрочно уволился из армии. Военной династии у деда не получилось, но сын сейчас заведовал всем ЖКХ Подольска, и дед очень гордился и сыном, и внуком. Когда дед приехал из Тамбова в Москву, сын прислал за ним свою машину с водителем, который деда, со всем комфортом, доставил в госпиталь.

А вот о дочери и зяте дед отзывался нелестно. После окончания училища он устроил зятя в Евпаторию, но служба у зятя там не пошла, дочь обвинила отца, что он засунул их в ды-

ру. Дед устроил зятю перевод в Москву, и даже, через космонавта Германа Титова, пробил им трехкомнатную квартиру в центре Москвы. Но и там служба у зятя не пошла, и опять виноватым оказался Николай Иванович, в плохое место перевел. В итоге зять уволился, продали квартиру в Москве и переехали с женой в Харьков, где занялись бизнесом, но прогорели, и теперь дочь просила отца помочь с переездом обратно в Москву. Николай Иванович сказал, что этим неблагодарным он больше помогать не будет, уже не маленькие, зятю – 65, а дочери – 60, пусть сами решают свои проблемы.

В госпитале дед отдыхал от жены, и старался как можно больше накуриться. На каждой прогулке выкуривал по три сигареты. Каждую сигарету заедал мятной конфетой.

– А конфеты зачем? – спросил я.

– Дома заедаю, чтобы жена не унюхала, а то скандал устроит, а здесь – чтобы не отвыкнуть заедать, а то не дай бог дома забуду заесть. Я курю только когда в магазин хожу, или что-то во дворе дома делаю, и жена не видит.

– А вы не пробовали спросить у жены кто в доме хозяин?

– Пробовал, сказала, что она, поскольку дома она генерал-майор, а я всего лишь полковник.

– А где вы сигареты держите?

– Они у меня в разных местах спрятаны: в гараже, в сарае, в бане, на улице в конце забора. Когда я иду в магазин, жена за мной из окна подсматривает, я потом возвращаюсь, достаю из тайника сигареты, две выкуриваю по дороге в ма-

газин, и две на обратном пути.

– Николай Иванович, а не стыдно в звании полковника и в Вашем возрасте как пацану с куревом прятаться?

– Стыдно. А что поделаешь.

С Николаем Ивановичем было интересно, он не был похож на тех политработников, с которыми я раньше был знаком, и которых никогда не уважал. Он вызывал уважение.

Я вспомнил и рассказал ему один случай, который случился у нас в дивизии. Был у нас начальник передающего центра, очень толковый офицер капитан Б. Не допросившись материалов на ремонт казармы, он где-то их достал и отремонтировал казарму самостоятельно. В партком дивизии тут же поступила анонимка, что он разбазаривает государственное имущество, за приобретенные материалы для ремонта казармы рассчитался кроликами с подсобного хозяйства передающего центра.

– Анонимки мы конечно не должны рассматривать, – сказал начальник политотдела, – но здесь особый случай. Вызываем на партийную комиссию.

Сказано – сделано, и капитан предстал перед партийной комиссией.

– Вы заплатили кроликами за материалы? – спросили его.

– Нет, я только обещал заплатить, осенью, когда они подрастут.

– Значит заплатите, не принадлежащими вам кроликами, украв их у ваших солдат.

– Я не буду платить кроликами, поскольку на передающем центре их нет, и никогда не было.

– А как же вы собирались рассчитываться?

– Я скажу, что кролики содержались в яме, прорыли нору, и все разбежались.

– Так Вы еще и мошенник!

В связи с тяжестью проступка, капитану объявили строгий выговор по партийной линии с занесением в учетную карточку, и отпустили. По лицу капитана было видно, что у него в мозгу крутится какая-то навязчивая мысль, то ли он не согласен с таким решением, то ли чего-то не понимает. Уже в дверях капитан обернулся и неожиданно спросил: "Скажите пожалуйста, а это ничего, что я беспартийный?".

Трехдневное лечение уколами мне не помогло, камень не вышел, боли не уменьшились. Мне дали отдых до понедельника, сказали, что будут думать, как лечить меня дальше. А у Николая Ивановича созрел грандиозный план – в выходные съездить к сыну и повидаться и с сыном, и с внуком, но сын быстро остудил его пыл.

– Во-первых, в связи с коронавирусом, тебя на выходные не отпустят, а я по таким пустякам к начальнику госпиталя лезть не буду, – ответил сын. – А во-вторых, мы с женой на выходные уезжаем на дачу, к внуку приходит его девушка, и он попросил нас на два дня освободить квартиру.

Дед приуныл. Даже помыться под теплой водой не удалось, не то, что погостить у сына. В госпитале теплой воды

не было. Я то мылся под холодной и спал раздетый, а деду было холодно, он спал в кальсонах, рубашке и свитере, а поверх одеяла еще и теплым госпитальным халатом накрывался. Ему было не до мытья под холодной водой. Навестить деда тоже никто не приехал, и дед загрустил. Чтобы как-то поднять ему настроение я начал делиться с ним помидорами и огурцами, которые мне привезла жена. Кормили нас хорошо, но иногда хотелось чем-то вроде огурца или помидора пропихнуть сухую кашу.

В понедельник лечащий врач сообщил, что меня поставили в план на операцию в четверг, оставалось ждать. Я только попросил его заранее свести меня с анестезиологами, так как у меня большие проблемы со спиной, а наркоз будут делать в спину, хотел показать им результаты последнего МРТ, чтобы посмотрели, в какие места позвоночника укол можно делать, а в какие нельзя. Я уже сейчас с трудом надевал носки, и очень не хотелось, чтобы в дальнейшем, до конца жизни, носки мне надевала жена.

Когда мне в прошлом году делали первую операцию, врач, делающий наркоз в позвоночник, загнал иглу в кость и давил на нее со всей дури, чуть не перевернул меня вместе с каталкой, пока женщина не закричала: "Ты что творишь? Вынимай, иглу ломаешь!". Объяснила ему как делать укол, и, со второго раза он сделал его правильно. Оказалось, что это был стажер. Во время второй операции укол мне уже сделали правильно, но в то же самое место позвоночника. После

этого у меня появились постоянные боли в спине, именно в том месте, куда делали уколы. И вот теперь я опасался, что если мне в третий раз сделают укол в то же место, то я могу остаться инвалидом.

К нам в палату положили еще одного товарища, Володю, служившего в учебном отделе нашего училища, но уже после моего увольнения. Ему также запланировали операцию на четверг. А Николая Ивановича во вторник выписывали, у него все было в порядке. Дед собирался немного погостить у сына, и с внуком повидаться, по которому явно скучал, но здесь опять не срослось. Сын сообщил, что внука дома не будет, он со своей девушкой и будущим тестем, каким-то крупным предпринимателем Подольска, выезжают на три дня на природу, на шашлыки. Их с женой также дома не будет до позднего вечера, а водитель за дедом приедет и отвезет на квартиру. Дед явно обиделся, и совсем скис. Я подумал, что никому уже дед не нужен. Понял это и Николай Иванович, сказал сыну, чтобы его сразу отвезли на вокзал и посадили в поезд. Сын тоже понял, что отец на него сильно обиделся, с большим трудом ему удалось уговорить деда заехать к ним, пообещав, что на следующий день он покажет деду свой строящийся загородный дом.

После ухода деда стало как-то скучно, оставшиеся обитатели не очень разговорчивы, поэтому было такое ощущение, что в нашей палате постоянно "тихий час". Уже в среду к нам положили еще и Александра, у него обе почки забиты

камнями.

Меня и Володю начали готовить к операции, в обед покормили только супчиком, а на ужин грозились вообще ничего не давать. Но у меня появились сомнения в необходимости операции, поскольку мне стало гораздо лучше, боль стала терпимой, и я уже две ночи спал без обезболивающего. Попросил лечащего врача отправить меня на КТ, чтобы посмотреть, где сейчас камень. Я уже четыре дня усиленно стучал пятками по ступенькам, спускаясь с седьмого этажа по лестнице, и надеялся, что камень или вышел, или скоро выйдет. Лечащий врач, старик в возрасте за восемьдесят, которому уже хочется только одного – чтобы его поменьше беспокоили, только отмахнулся: "Завтра Дмитрий Юрьевич залезет, и все посмотрит".

Перед ужином мне сообщили, что моя операция переносится на пятницу, вместо меня на операцию берут Александра, у которого обе почки остановились. Сообщение меня обрадовало, у меня появились еще сутки, чтобы попытаться вышибить этот чертов камень. Я опять усиленно пил воду, но-шпу, чтобы расслабить мускулатуру мочеточника, и усиленно стучал пятками по ступенькам лестницы. Если бы мне сразу объяснили назначение этих таблеток, то возможно камень давно бы уже вышел, но мне никто ничего не объяснил, и я, вместо регулярного их приема, принимал только по ночам, стараясь таким образом снять приступ, чтобы не будить ночью медсестру. С этого, правда, ничего ни разу не

получилось, боль не снималась, и медсестру все равно приходилось будить. В четверг после обеда меня должны были вызвать к анестезиологам, но меня никто никуда не вызывал, и мне это как-то не понравилось, скорее всего лечащий врач никого ни о чем не предупредил, и мне сделают укол именно в то место, в которое делали уколы на предыдущих двух операциях, и в котором спина сейчас болит постоянно. Остался последний шанс, перехватить лечащего врача утром до того, как меня положат на каталку, узнать у него, кто будет делать наркоз, и договориться с этим врачом. С восьми утра я уже дежурил у кабинета лечащего врача, а тот, как назло, опаздывал. Уже и каталку для меня привезли, а его все не было. Появился он только в двадцать минут девятого. Кто делает наркоз, он вообще не знал.

– Спроси у заведующего, – показал он на подходящего Дмитрия Юрьевича.

Я спросил, и объяснил, зачем мне это нужно.

Лечащий врач вмешался в разговор и пожаловался, что я не хочу делать операцию, считаю, сто камень наверно уже вышел, и уже два дня достаю его просьбами отправить меня на КТ.

– Ну и в чем проблема, почему не отправили? – спросил его заведующий. – Отправьте его на КТ сейчас.

Меня отправили сначала на рентген, но на снимке ничего не было видно. Потом на КТ, там камня не обнаружили. Это меня обрадовало. Дмитрий Юрьевич дал мне команду

наполнить до отказа мочевой пузырь, и, как буду готов, приходить к нему на УЗИ. На УЗИ у меня никакой надежды не было, поскольку, при поступлении в госпиталь, на этом обследовании камень обнаружен не был. Но произошло невероятное, может потому, что на этот раз Дмитрий Юрьевич делал УЗИ сам.

– Вот он, я его вижу, застрял на самом выходе из мочеточника. Вытряхивай его дальше, операция отменяется. Я не хочу туда лезть инструментом, на фоне двух предыдущих операций у тебя опять, как минимум два месяца, будет недержание мочи.

– А я то как этого не хочу, – ответил я.

– Ну тогда старайся его вышибить.

Вечером этого же дня камень выскочил. И сразу прошли все боли. Не смотря ни на что, я его победил, и даже, вопреки стараниям лечащего врача, обошелся без операции. Огромное спасибо, Дмитрию Юрьевичу. На этот раз, как говорится, мне удалось выйти сухим из воды.

Крыша

Вопреки прогнозам, лето выдалось очень теплое, и дождей было мало. Люди и на дачах поработали с удовольствием, и отдохнули на славу. Метеобюро грозило, что, поскольку лето было теплым, то осень будет дождливой и холодной, но их прогноз опять не оправдался. Осень также была удивительно теплой и почти без дождей. Было очень тепло даже в ноябре. А первый небольшой снежок выпал только во второй декаде декабря. Такой хорошей осенней погоды уже больше десяти лет не было, и люди радовались этим теплым осенним денькам. До последнего дня ходили в лес за грибами. Это уже конечно были не белые, и даже не подосиновики, но люди и рядовкам были рады. Никто не мог припомнить случая, чтобы раньше в декабре они грибы собирали.

Не рад был затянувшейся осени только Михаил Петрович, начальник местного ЖКХ. Из-за этой затянувшейся осени у него срывался ремонт крыши на котельной. До конца года остается чуть больше двух недель, а снега все нет и нет. А что, если до Нового года он так и не выпадет? Что тогда делать? Ведь деньги на ремонт крыши должны быть освоены именно в этом году, это плановый капитальный ремонт крыши. Там два миллиона заложены. Нельзя допустить, чтобы такие деньги пропали. А пока снег не выпадет, начинать ремонт крыши он не может, там расценки на работы просто

смешные. Другое дело, когда снег выпадет, тогда сразу идет двойной коэффициент за работу в сложных условиях. А если еще и сильные морозы будут, то можно будет обосновать и тройной коэффициент оплаты.

И вот, наконец-то, в этот счастливый день, тринадцатого декабря, выпал первый снежок. Можно было начинать ремонт крыши. В этот же день, не теряя драгоценного времени, Михаил Петрович нанял бригаду кровельщиков из трех человек. Ему удалось с ними договориться на оплату по коэффициенту 1,2. Они конечно на это сначала не соглашались, хотели получить оплату с коэффициентом 1,5, но Михаил Петрович их убедил, что больше он заплатить не может, так как зимы ведь фактически еще нет. Да и другой работы у них сейчас нет, и до весны не будет. Ну какому дураку придет в голову перекрывать крыши зимой? Поэтому пусть берут столько, сколько предлагают, это ведь их последний заработок в этом году. Бригаде пришлось согласиться, и она, не теряя времени, в этот же день приступила к работе, надеясь закончить ремонт до того, как выпадет большой снег. Еще не перестал падать первый снег, а они уже снимали с крыши старый рубероид. Но им не повезло, за первый день они успели снять рубероид только с третьей части крыши, а ночью, всего за одну ночь, выпало двадцать сантиметров снега. Весь следующий день, матерясь и чертыхаясь, они убирали с крыши этот снег.

Люди смотрели на них с окон расположенных рядом до-

мов и недоумевали, какому идиоту пришла в голову мысль зимой ремонтировать крышу. Ведь очень долго стояла такая прекрасная погода, и тепло было, и без дождей. Так нет же, дотянули до снега! Потом вспомнили, что именно такая же картина наблюдалась и в прошлом году, когда ремонтировали крышу соседнего дома. На протекание крыши люди тогда начали жаловаться еще весной. Забрасывали ЖКХ жалобами и заявками на ремонт все лето, и всю осень. Но Михаил Петрович всем объяснял, что денег на ремонт крыши нет. Деньги на ремонт нашлись только зимой, когда уже выпал снег. Теперь все повторялось.

Еще через два дня, старый рубероид, наконец-то, сняли, и привезли новый рулонный кровельный материал, типа «технониколь», для которого растапливать смолу, как это делали раньше, уже не нужно. Этот материал просто нагревают газовыми горелками и приклеивают к крыше. Так что, за четыре дня работу они должны выполнить. Нарисовалась правда еще одна проблема: остатки снега ничем не убирались, и его пришлось растапливать газовыми горелками. За один день удалось растопить снег только на половине крыши, при этом израсходовали весь газ, привезенный для ремонта всей крыши. С такими расходами эта работа будет им в убыток. А следующей ночью опять выпало десять сантиметров снега, и вся предыдущая работа пошла насмарку. Опять полдня убрали выпавший снег, и опять начали растапливать его остатки и сушить крышу. А под вечер ударил двадцати

градусный мороз. Расход газа сразу увеличился в три раза. Делать дальше ремонт, за предложенные им деньги, уже не было смысла, и они пошли на поклон к Михаилу Петровичу. Тот вошел в их положение, и пообещал заплатить с коэффициентом 1,5. После этого работы продолжились. Теперь уже кровельщики даже не пытались подготовить всю крышу, поняв, что это дело бесполезное. Они подготовили полосу для прокладки одного рулона, и начали его стелить, но опять незадача, рулон к бетону не приклеивался. Такую крышу сорвет и унесет при первом же серьезном порыве ветра. Пришлось бетон крыши сначала промазывать прамером (растворенным в бензине гудроном), но он тоже на таком морозе быстро застывал и плохо ложился на крышу, пришлось еще и его прогревать горелками и уже потом размазывать по крыше щетками. Пока уложили первый лист, промучились полдня. Дальше, вроде-бы приноровились, и дело пошло быстрее. Высушивали полосу шириной в полтора метра, промазывали ее прамером, потом на нее настилали лист кровельного материала. Несмотря на то, что работали с раннего утра и до полной темноты, за день удавалось положить только три таких листа. Казалось, что эта работа никогда не закончится. Мороз, со временем, уменьшился до десяти градусов, но еще дважды выпадал снег, и снова приходилось чистить всю крышу. Это была не работа, а издевательство над людьми. Но деваться было некуда, раз договор подписали, то нужно делать.

Через восемь дней они наконец-то добрались до противоположного конца крыши, еще пара дней, и укладка первого слоя будет закончена, а второй слой уже пойдет легче, кровельный материал сам к себе легко клеится. Неожиданно закончился закупленный прамер, а купить новый не удалось, не сезон сейчас. Можно конечно было купить гудрон и самим его приготовить, но это слишком много возни, да и кому это нужно. Последние два листа уложили без промазки бетона прамером. Листы приклеились плохо, ну да ладно, и так сойдет. До весны эти листы будут придавлены снегом, и их ветром не сорвет, о там видно будет. Еще не факт, что не сорвет и там, где они промазали прамером, там тоже не очень хорошо держится. И так уйму времени на эту крышу потратили, летом они бы ее за два дня покрыли.

Начали класть второй слой. Зря они думали, что это будет легко. Это летом второй слой легко кладется, зимой это оказалось вообще невозможным из-за вновь нападавшего снега. Пока он лежал на бетоне, они еще могли высушить поверхность горелками, но теперь он лежал на кровельном материале, который нельзя сильно нагревать, так как горелки прожигают в нем дыры. Попытались плавить снег горелками, а потом убирать воду тряпками, но с этого тоже ничего не получилось, так как насухо убрать воду не получалось, а к влажной поверхности новый лист не приклеивался. Промучившись еще два дня, кровельщики дальнейшие попытки прекратили. Опять пошли на поклон к Михаилу Петровичу.

Ожидали, что крик будет стоять до небес, так как свои обязательства по контракту они выполнили только на половину, но Михаил Петрович отнесся к их трудностям с пониманием, сказав, что раз больше ничего нельзя сделать, то придется оставлять так, как есть.

Увидев акт выполненных работ, который им дали на подпись, они очень удивились, в нем было указано, что крыша накрыта в два слоя. Еще больше удивился их бригадир, когда расписывался в денежной ведомости, там была указана немыслимая сумма, больше двух миллионов рублей. Вот это повезло! Это в четыре раза больше того, что обещал им заплатить Михаил Петрович. Видимо учел, в каких жутких и не человеческих условиях они работали. Денег в кассе, правда, им не выдали, сказали, что Михаил Петрович с ними лично рассчитается. Зашли в кабинет к Михаилу Петровичу. Тот начал разговор с анализа их работы. Прежде всего напомнил, что они не выполнили контракт, и он может вообще ничего им не платить. Но он добрый человек, и поскольку они, все-таки, выполнили половину работы, то он и выплатит им половину оговоренной суммы, а именно, двести пятьдесят тысяч рублей. Тут уже бригадир понял, что их хотят просто надуть. Как же он мог поверить, что им собираются заплатить два миллиона? Старый дурак! Ну, когда такое было, чтобы платили больше, чем договаривались? Всю разницу Михаил Петрович себе в карман положит, ведь по ведомости все деньги они уже получили. Теперь хотя бы свое

из этого паразита вырвать. Как говорится, с волками жить – по волчьи выть.

– Михаил Петрович, – спокойно возразил бригадир, – ну зачем вы на нас наговариваете? Мы ведь всю работу по контракту выполнили полностью.

– Как полностью? – не поверил своим ушам Михаил Петрович.

– Об этом свидетельствует акт выполненных работ, – напомнил бригадир. – Там ведь Ваша подпись стоит? Так какие теперь к нам претензии?

– Ну, ты шуستر! – удивился Михаил Петрович. – А если я полицию вызову?

– Михаил Петрович, давайте расстанемся по-хорошему. Заплатите нам оговоренные ранее пятьсот тысяч, и мы уходим, а иначе, мы сами пойдем в полицию.

Свои пятьсот тысяч кровельщики, все-таки, выторговали и уехали. За двенадцать дней работы зимой на крыше, да за вычетом денег на закупку материалов, это, прямо скажем, были, на троих, не такие уж и большие деньги. А Михаил Петрович, за это же время, сидя в теплом кабинете, и не потратив ни на что ни копейки, заработал в три раза больше. Вот они, современные реалии. Раньше, за подобные махинации, Михаил Петрович мог бы и на Колыме оказаться. Да в то старое время никому и в голову бы не пришло такое вытворять. А теперь демократия, можно все, что не запрещено. И нигде не записано, что начальник ЖКХ не имеет права

перекрывать крыши зимой. Поэтому можно. А сколько она простоит, это уже никого не интересует, следующей зимой можно будет сделать еще один ремонт.

Подсачек

Весна в этом году выдалась какой-то странной. Она начала стучаться в дверь еще в феврале, но потом передумала, и решила вообще не приходить. Во второй половине февраля начало пригревать солнышко, плюсовая температура стала держаться не только днем, но и ночью. Лед в Затоне и на озере Долгом начал быстро таять, и его толщина с сорока сантиметров уменьшилась до десяти-пятнадцати. Появились закраины (между берегом и началом льда появилась чистая вода), до метра шириной. Рыбакам пришлось укладывать через закраины бревнышки, чтобы можно было забраться на лед. Вроде бы, как и весна началась, но клев рыбы при этом не улучшился, рыбу, по-прежнему, нужно было искать, и все рыбалки были исключительно трудовыми. Нашел стоянку рыбы – что-то поймал, не нашел – ничего не поймал. Самый крупный улов в эту зиму у меня составил два килограмма. Клевала в основном плотва, размером с ладошку или немного больше. Окушки попадались редко, а размером с ладошку очень редко. Иногда проклевывался голавлик. Но, как бы там ни было, порядка пятнадцати килограмм рыбы за зиму я наловил. Не нужно завидовать! Это при установленной норме вылова пять килограмм в день, так что, поймал я не более одного процента от разрешенного для вылова веса. Но это и хорошо. Если бы все рыбаки каждый день вылав-

ливали установленную норму, то рыба в Затоне закончилась бы еще в первые две недели рыбалки.

К счастью для рыбаков, тепло продержалось только неделю, и опять ударили морозы, ночью до шестнадцати градусов. Все окраины замерзли, и опять можно было спокойно заходить на лед, не опасаясь свалиться в воду с очень шатких и неустойчивых бревнышек. Зимняя рыбалка продолжилась до конца марта. Позже на лед заходили только самые отважные, так как лед стал тонким и рыхлым, и мог провалиться под рыбаком в любой момент. Рассказывали о случае на Цимлянском водохранилище, где весной очень кучно сидели рыбаки и ловили рыбу. Вдруг, под одним из них, проваливается лед, и рыбак, на глазах у всех, уходит под лед вместе с ящиком, на котором он сидел. Хорошо, что рядом были люди и помогли ему спастись. Если бы он был один, это могла бы быть верная смерть. В этот период лучше не рисковать, пойманная рыба того не стоит.

Сейчас уже конец мая, а тепла все нет. Дневная температура порядка десяти градусов, а ночью не больше пяти. И очень сильный ветер. Не на всех деревьях даже листья распустились, а вот помидоры, высаженные некоторыми сверх шустрými женщинами в небольшие парнички, накрытые спанбондом, уже замерзли. Такой весны я и припомнить не могу. После окончания зимнего сезона, я на рыбалку долго не ходил, хотя мой товарищ Михаил, такой же молодой человек, как и я, в возрасте за семьдесят, меня и звал.

На Долгом начал клевать карась и линь. Миша присылал мне фотографии пойманной рыбы. Один раз он поймал полтора килограмма, потом килограмм, но я не рисковал ходить на рыбалку, так как боялся опять сорвать спину. Нужно было сначала вспахать огород и посадить картошку, а потом уже и на рыбалку можно ходить. Наконец-то, основные весенние огородные работы были закончены, и я тоже смог выйти с Мишей на рыбалку. Как ни странно, как только я вышел на рыбалку, клев прекратился. В первую совместную рыбалку, мы с Мишей поймали только по одному маленькому окушку. Еще две рыбалки прошли с таким же успехом. Мне такая рыбалка надоела, и я решил на одну из удочек положить плотвичку. Одну удочку оставил с крупным крючком для крупной рыбы, для ловли на червя, а на второй закрепил очень маленький крючок, для ловли плотвы на перловку. И мы с Мишей опять пошли на рыбалку. Ветер был такой силы, что сесть на своем обычном месте в протоке не было никакой возможности, ветром наши снасти забрасывало на прибрежные кусты вербы. Пришлось искать место с наветренной стороны. Такое местечко нашлось в дальнем углу расположенного рядом небольшого озера, под названием Купалка. Там мы и расположились. Очень редко клевал мелкий окунь. Трижды спускался дождь, во время которого нам приходилось надевать клеенчатые плащи. После третьего дождя стало совсем тихо, ветра вообще не было, и на небе появились сразу две красивейшие полные радуги. Чу-

деснейшая погода, но клев окуня прекратился. Зато начался клев красноперки. Рыбки, размером с ладошку, клевали одна за одной, одна даже очень приличная поймалась, примерно грамм на сто пятьдесят весом. В общей сложности, примерно полкило рыбы я наловил, и Миша еще отдал мне своих мелких окуней. Часа полтора мне пришлось дома чистить эту рыбу.

Через день я опять собрался на рыбалку. Миша идти отказался, так как по прогнозу обещали небольшой дождь, а перед дождем, как известно, рыба не клюет. И я пошел на рыбалку один. С собой захватил еще и пассатижи. Зачем на рыбалке пассатижи? Они нужны были до рыбалки. Тропа к озеру проходит по краю ручья, соединяющего озеро Долгое с рекой Нара, вдоль училищного забора из колючей проволоки. С одной стороны тропы колючая проволока, буквально в десяти сантиметрах от тропы, с другой стороны уклон, примерно в семьдесят градусов, в ручей трехметровой глубины, на дне которого осталось порядка метра воды. И ширина этой тропы не более двадцати сантиметров, а в некоторых местах, уклон начинается непосредственно от колючей проволоки, никакой тропы там вообще нет. Прогулка по этой «козьей тропе» не из самых приятных, идешь как по краю пропасти. Особенно неприятно ходить там после дождя, когда тропинка скользкая, можно оступиться и улететь вниз в воду ручья. И на этой тропе оказалось очень много кусков зарытой в землю колючей проволоки. Мне надоело

все время цепляться за нее ногами, рискуя проколоть или порвать сапоги, и я решил убрать ее с тропинки. Пассатижами я убрал всю торчащую из земли колючую проволоку, и теперь там ходить намного проще, колючки на ней больше нет, хотя она так и осталась «козьей тропой». На рыбалке я оказался в полном одиночестве, больше ни одного рыбка не было. Я занял то место, на котором Миша ловил карасей и линея. Довольно сильный холодный ветер дул справа, но удочки можно было забросить. Хорошо, что я был в зимней куртке, она защищала от ветра, а, чтобы не продуло шею, пришлось еще и капюшон надевать. Правую удочку забросил с червем, на крупную рыбу, а левую, с маленьким крючком, на плотвичку, с одним зернышком перловки. Глубина здесь порядка сорока сантиметров, поплавки находятся в двух метрах от берега. Несмотря на холод, рядом пели два соловья, один в растущем неподалеку кусту вербы, а второй, на противоположном берегу протоки, где-то на дереве. Они пели по очереди, не перебивая друг друга. Оба явно были с консерваторским птичьим образованием, так как пели классно. Но, на мой взгляд, «мой соловей» пел лучше, в его наборе было на две трели больше, чем у другого соловья. Периодически заводили свой концерт и лягушки. Они пели без всяких нот, кто во что горазд, и очень громко. С началом их хорового пения, соловьи, как будто обидевшись на их бестактность, сразу же замолкали. Да и что толку было соловьям петь в громогласном хоре лягушек, когда соловьиного

пения не только другой соловей не мог слышать, и даже сами себя они вряд ли слышали. Но, не в обиду будь сказано этим певцам, соловей, который живет у меня на даче, поет гораздо лучше их. У него трелей, как минимум, в два раз больше. В этом году мне удалось увидеть, как он поет. Да, именно увидеть, а не услышать. Он сидел на сливе возле гаража и пел, а я, от крыльца дома, мог за ним наблюдать. Птичка по окраске похожа на воробья, только тело не толстое, а более вытянутое, как у синички. Оказалось, что во время пения соловей не сидит на месте, как другие птицы. После каждой трели он перескакивает на другую веточку, и уже там издает новую трель. Пока я за ним наблюдал, он ни разу не издал две трели, сидя на одной ветке. На каждом месте он издает только одну трель, меняет место, и только потом издает новую трель. Ну прямо как современные певцы, которые все время куда-то движутся.

Первая поклевка была на правую удочку. Поплавок несколько раз неуверенно дергало, несколько раз пыталось тащить в сторону и бросало. Скорее всего, это была какая-то мелкая рыбка. Мне это дело надоело, и, когда поплавок потащило в следующий раз, я сделал подсечку. Сопротивление было не сильным, и я резко потянул удочку на себя. Рыбка выскочила из воды, тут же сорвалась с крючка, и упала обратно в воду. Это был небольшой карасик, размером с ладошку. Первая попытка была неудачной, но при этом я понял, что у меня слишком короткая леска, на которой я не могу

подтащить к себе рыбку по воде. Дело в том, что место для рыбалки находится между кустами, и очень узкое, всего порядка метра, поэтому удочку можно поднимать только вертикально. Отпустил леску на обеих удочках ниже удилица. Теперь забрасывать удочки стало сложнее, но рыбку я уже мог подтащить к себе не вытаскивая ее из воды.

Вторая поклевка была на левую удочку. Поплавок немного приподняло, потом опустило, потом потихоньку потащило на середину протоки. Это оказалась довольно приличная плотвичка, размером больше ладошки. Примерно час после этого поклевки не было, а потом опять были две поклевки на правую дочку. Вытащил двух хороших карасиков, грамм по триста. Это уже была удача. После этого дважды спускался небольшой дождь, и клев совсем прекратился. Но ветер стих, поверхность воды стала совсем гладенькой, даже мелкой ряби нет. Я решил проверить наличие наживки на левой удочке, так как насаженное там зернышко перловки могло и слететь. Зернышко перловки было на месте, и я опять забросил удочку на старое место. Почти сразу же после заброса, поплавок немного приподняло и оттащило в сторону. Некоторое время он постоял на месте, а потом начал медленно двигаться на середину протоки.

– Наверно опять плотвичка, – подумал я, но подсекать не торопился.

Когда поплавок оттащило уже почти на метр, я сделал аккуратную подсечку, слегка потянув удочку на себя. И сразу

же почувствовал серьезное сопротивление. На крючке была какая-то крупная рыба. Я попытался подтянуть рыбку к себе, но удочка согнулась в дугу, а рыба не поддавалась, пытаюсь уйти дальше. Мне оставалось только ее удерживать. Понимая, что продвинуться вперед она не может, рыба развернулась, и пошла на меня. Теперь моей задачей было не дать ей зайти в растущие справа и слева от меня кусты. С этой задачей мне удалось справиться. Теперь я видел рыбу. Это был большой и широкий желтый карась. Я приподнял его голову над водой, и он неожиданно сдался. Он больше нигде не пытался удрать, и покорно плыл за леской туда, куда я его тащил. Я подтащил его уже почти к берегу, перехватил леску рукой, и попытался вытащить его на берег. Здесь он сделал последнюю попытку сопротивления, и рванул в сторону, в результате чего попал не в узкую полоску чистой воды возле берега, куда я его тащил, а вышел на место немного правее от меня, где была полоска прошлогодней засохшей травы. На раздумья у меня времени не было, и я вытащил карася на эту траву. Он лежал в полуметре от меня на этой траве и устало двигал жабрами. Это был большой карась, не меньше килограмма весом. Я попытался дотянуться до него рукой, но не смог, далековато он лежал, и подойти ближе не могу, на мне сапоги с короткими голенищами. Нужно подтянуть его поближе, но на этой удочке, рассчитанной только на мелкую рыбку, стоит поводок 0,1 мм, он может не выдержать. Но деваться некуда, нужно было подтаскивать ка-

рася ближе. Аккуратно и медленно пытаюсь тащить карася к себе, но поводок сразу же обрывается. Карась еще пару секунд полежал спокойно на траве, как бы не веря своему счастью, потом опустил голову в воду, ударил хвостом по траве, и скрылся под водой. Настроение у меня резко опустилось к нулю. Такого карася упустил! Такой крупный карась на этом озере клюнул у меня впервые, и я его профукал. Обидно и досадно. Другой такой поклевки может и не быть. Нужно было брать с собой подсачек. На Оку я всегда с подсачком езжу, так как там иногда клюет крупная рыба, а здесь поклевки крупной рыбы у меня никогда не было, несколько раз вытаскивал карасей и линей весом по 700 г, но такую рыбу можно и без подсачка вытащить. Да я бы и этого вытащил, если бы он клюнул на правую удочку, где стоит поводок 0,2 мм. А он клюнул на левую, где было одно единственное зернышко перловки, предназначенное совсем не ему. Ну что за невезение?

Подсоединив в удочке более толстый поводок с большим крючком, и насадив на него большого червя, я забросил удочку, подкормил это место остатком перловки, и переживал свою неудачу дальше, не надеясь уже на приличные поклевки. Я сидел, смотрел на неподвижные поплавки, и грустно вздыхал. Клева не было больше часа. То ли убежавший карась распугал всю рыбу, то ли ее здесь больше и не было. Неожиданно левый поплавок зашевелился. В душе появилась надежда, что еще кто ни будь клюнет. Действительно,

клюнул еще один карасик, тоже грамм на триста. Три карасика и плотвичка, это уже было неплохо. Начало смеркаться, можно было уже и сворачиваться, но я решил посидеть еще пол часика – а вдруг еще будет поклевка. Поклевка последовала минут через двадцать. Я вытащил карасика весом грамм на семьсот-восемьсот. Несмотря на то, что была уже половина девятого вечера, я решил посидеть еще пол часика. А вдруг еще клюнет? Чем черт не шутит. Потом, правда, сворачиваться будет плохо, при моем зрении, в темноте можно будет леску на удочках запутать, но я решил рискнуть. С появившимся азартом я совладать не мог.

Поклевок больше не было, и я решил сворачиваться. Вытащил правую удочку, на которую уже давно не было поклевков, и начал ее складывать. В это время начал двигаться поплавок на левой удочке. Двигался он как-то неуверенно. Сдвинется на десяток сантиметров и застынет, потом опять сдвинется и застынет. Наконец-то он начал двигаться уверенно, но его тащило под левый куст. Если туда затянет, то можно остаться без крючка. Я быстро схватил удочку и потянул леску в сторону, не давая рыбке уйти в коряги куста. Неожиданно я ощутил сильное сопротивление. Там была явно крупная рыба. Поняв, что в кусты ей не уйти, рыба пошла к середине протоки. Удочка согнулась в дугу, я удерживал рыбу на середине протоки, стараясь не форсировать события. Наконец рыба устала, и я начал потихоньку подтягивать ее к берегу. Рыба пыталась уходить и вправо, и влево,

но я, без особых усилий, удерживал ее, не позволяя далеко отклоняться в стороны. Наконец-то я подтянул ее к берегу. Это был большой черный карась, поменьше того, который от меня убежал, но все равно большой. Я затащил его на пятачок ровного берега возле воды, шириной в тридцать сантиметров, протащить рыбу дальше было невозможно, так как дальше берег резко поднимался вверх. И тут я почувствовал, что карась сорвался. Я бросил удочку, упал в грязь на этом пятачке на колени, и схватил карася двумя руками. Но даже из двух рук, он от меня чуть не убежал. Он бился в руках со страшной силой, пытаясь вырваться. Я опять положил его на землю и взял под жабры. Теперь он уже не мог вырваться, и я стал с ним подниматься на верх берега. Тут я и заметил, что карась с крючка не сорвался, порвалась основная леска выше поплавка. Наверно там был какой-то узелок, на нем леска и порвалась. Да и леска на этой удочке стояла старая «клинская», еще с советских времен, такой же толщины, как и поводок на правой удочке. Общий улов на этой рыбалке оказался два с половиной килограмма, а большой карась весил девятьсот тридцать грамм. По итогам этой рыбалки я сделал три вывода:

- на рыбалку обязательно нужно брать подсачек;
- нужно срочно заменить на удочке старую леску;
- если подкармливать место ловли перловкой, то рыба должна клевать.

Два ближайших дня у меня не было возможности сходить

на рыбалку, нужно было поработать на даче. А Михаил, воодушевленный моим успехом, два дня ходил на рыбалку. Но увыв, клева не было, и поймал он только по одному маленькому окушку. На третий день, сразу после обеда, пошел на рыбалку и я, а Михаил поехал работать на дачу. На углу, где протока делает поворот, сидели два рыбака из моего дома: Сергей Сергеич и Борис с внуком. Внук Бориса сразу же сообщил мне, что клева нет, дед поймал только одного маленького карасика.

– Да она сейчас и не будет клевать, – спокойно ответил я, – клев начнется часиков с пяти.

– Ты посмотри у Сережи в ведре, – сказал мне Борис.

Я заглянул в семилитровое ведерко, стоящее возле Сергея. Оно было полно рыбы. Там были и лини, и караси, и далеко не маленькие, они стояли там вниз головами, сверху только хвосты торчали. Я был ошарашен! Считалось, что рыба клюет утром и вечером, а тут среди бела дня человек наловил столько рыбы. Как же ему удалось?

– А ты говоришь, что клева нет, – обратился я к внуку, – у дяди Сережи ведь клюет.

– Так это он еще утром наловил, – возразил Борин внук, – сейчас и у него тоже не клюет.

Он пытался еще что-то мне рассказать, но мне некогда было его слушать, нужно было идти занимать место. Я даже не посмотрел, в какое место Сергей удочки закидывает, о чем позже пожалел. Я был уверен, что теперь я знаю место, где

ловится рыба, и знаю секрет с прикормкой, при которой она обязательно будет клевать. Я имел в виду подкормку специально приготовленной перловкой, которую я использовал в прошлый раз. Я разложил подсачек, и положил его рядом со своим стулом, чтобы был под рукой. Забросил удочки и стал ждать поклевку крупного карася или линя, но увы, как перед этим и Миша, я поймал только одного маленького окушка. За весь вечер была только одна поклевка, сколько я не прикармливал место ловли. Пришлось сделать еще один вывод: «Если клева нет, то никакая прикормка не поможет». Но ведро с рыбой меня сильно впечатлило, и я решил через день пойти на рыбалку с утра. Не с раннего утра, конечно, а после завтрака. В половине десятого я уже был на рыбалке. Почти все места на протоке были заняты, но место, где в прошлый раз ловил Сергей, было свободно. Там я и расположился. Забрасывал удочки правее и левее, дальше и ближе, но клева не было. Здесь я и пожалел, что не посмотрел, в какое место забрасывал удочки Сергей. В двенадцать часов клюнул маленький окушек. И все, больше ни одной поклевки. Попил чая с бутербродом, и пошел к рыбакам, ловившим на нашем с Мишей месте, узнать, как у них дела. Но ни одного рыбака уже не было, видимо и у них не клевало. Я быстренько свернул удочки, и перешел на свое старое место. Забросил одну удочку, начал разворачивать вторую, и понял, что при быстром сворачивании леска намоталась на механизм катушки и запуталась. Чтобы ее распутать, нужно

было открутить крепежную гайку, и снять катушку. Некоторое время я возился с катушкой и леской, пытаясь ее распутать, а когда оглянулся на заброшенную удочку, то увидел, что поплавок на поверхности воды нет. Вытащил небольшого карасика, размером немного больше ладони. Время уже было три часа, а вторая удочка все еще не распутана. Еще с полчаса потратил на распутывание лески, после чего забросил и вторую удочку.

Погода стояла просто прекрасная, светило солнышко и опять пели соловьи, но клева не было. Только около шести часов вечера, наконец-то, зашевелился поплавок левой, распутанной перед этим удочки. Поклевка была очень неуверенной, так обычно клюет мелочевка. Рыбка издевалась над поплавком минут десять, пока, наконец-то потащила его в сторону. Я решил прекратить это издевательство, и потянул удочку на себя. Рыбка вдруг ожила, и резко потянула поплавок в обратную сторону. Я натянул леску, и почувствовал очень сильное сопротивление. На крючке сидела большая рыба, и удочка сразу согнулась в дугу. Сопротивление было настолько сильным, что я даже засомневался, сумею ли я подтянуть рыбу к берегу. Боролся я с ней минут пятнадцать, пока рыба не стала немного поддаваться. Но шла она тяжело, все время пыталась уйти то вправо, то влево. С трудом я вытащил ее сначала с левого, потом с правого куста, куда она пыталась зайти. Наконец-то мне удалось подвести ее к берегу, и даже обвести вокруг прошлогодней травы, в кото-

рой у меня в прошлый раз ушел крупный карась. Теперь я мог рассмотреть рыбину. Это был огромный карась, сантиметров сорок в длину и весом не меньше двух килограмм. Таких огромных карасей я еще никогда в жизни не видел. А подсачек лежал на бугре неразобранный. Поскольку клева не было, то я не стал его раскладывать. И что теперь делать? Поводок стоит 0,14, но, такую огромную рыбину и он может не выдержать, хотя ровный край берега выступает над водой всего на пять сантиметров. Уж слишком большой вес. Я подвел карася к самому берегу. Он стоял спокойно, и, вроде бы, никуда удирать не собирался. Переложив удочку в левую руку, и, держа леску в натяг, я попытался аккуратно присесть и нагнуться, чтобы правой рукой взять рыбу под жабры. Все это было очень сложно, так как при любом резком движении мою спину могло заклинить так, что потом вообще не смогу разогнуться, да и взять такую огромную рыбу одной рукой тоже было проблематично. Но другого выхода я не видел. Как только я начал наклоняться, карась неожиданно дернул головой, и я почувствовал, что натяга лески больше нет. А карась продолжал спокойно стоять на месте. Рискуя потом не разогнуться, я резко наклонился, пытаюсь схватить карася, но удержать его мне не удалось. Его сильное и упругое тело выскользнуло из моей руки, и он плавно и спокойно, без малейшего всплеска, ушел под воду. Я плевался и чертыхался, обзывал себя последним дураком, которому выпала такая удача, а он все профукал. Ну почему не разложил под-

сачек? Почему решил, что клева не будет? Какой же дурак! И почему поводок из японской лески рывка рыбы не выдержал? Ведь он рассчитан на вес 3,7 килограмма. Неужели у этого карася была такая силища, что он одним движением головы его оборвал? Было обидно и досадно на собственную глупость.

Я заменил поводок и опять забросил удочку. Подготовил подсачек и поставил его рядом с собой, чтобы при следующей поклевке он был под рукой. Но поклевок больше не было. Я просидел еще два часа, но ни один поплавок больше даже не пошевелился. Еще трижды после этого я ходил на рыбалку. Теперь я уже сначала готовил подсачек, и только потом забрасывал удочки, и убирал его последним, когда удочки уже были собраны. Дважды вытаскивал по одному небольшому карасику, но поклевок крупных карасей больше не было.

– Поздно, батенька, поздно! – говорил я себе. – Дорога ложка к обеду! А у тебя ее в это время не оказалось.

Не было больше поклевки крупной рыбы и у Миши, только мелкие окушки. Впереди июнь, а как говорят старые рыбаки: «Июнь – на рыбу плюнь». В июне клева рыбы не будет, у нее «декрет» после нереста. Теперь будем ждать июля, может в июле нам повезет больше.

Бедная Катя

История жизни Кати, это короткая, но очень печальная история. Кате не повезло с самого рождения – при родах умерла ее мать Вера, и остались они вдвоем с отцом Сашей, тогда еще молодым человеком в возрасте около двадцати пяти лет. Пришлось Саше учиться готовить смеси, кормить, пеленать и купать ребенка. Помочь ему было некому. Он не местный. Приехал в Протвино из далекого Сорочинска, что под Оренбургом, где у него остались мать, тетя Шура, как ее все называли, и две сестры. Старшая сестра Наташа уже училась в мединституте и работала медсестрой в Оренбурге, а младшая Лена еще училась в школе, в старших классах. Отец их умер рано, и мать растила их одна. Тяжело конечно было растить троих детей на зарплату работницы молокозавода, но она справлялась. Со временем стало легче, начала работать Наташа, и уже сама себя обеспечивала, Сашу забрали в армию, где два года он и отслужил. А с одной Леной она вполне справлялась. Вернувшись из армии, Саша сразу же устроился работать водителем, это уже было очень хорошее ей подспорье, но продолжалось это недолго. Вскоре Саша влюбился в Женю, женщину, лет на десять старше себя, у которой был сын Игорь, лет семи или восьми, и перешел жить к ней. С Игорем они ладили, и он даже называл Сашу отцом. Вместе с Женей, через пару лет, Саша и пере-

ехал в Протвино, где у его гражданской жены жили какие-то родственники. Но на новом месте в их отношениях что-то пошло не так, и разбежались они в разные стороны. Саша, как и раньше, работал водителем, и жил в общежитии. В это время он и познакомился с незамужней молодой женщиной Верой, у которой была пятилетняя дочь Лена. Молодые люди понравились друг другу, и начали встречаться, а вскоре Саша переехал жить к Вере, в ее однокомнатную квартиру. Жили дружно, маленькая Лена с Сашей подружилась, и она тоже называла его папой. Саша вообще очень мягкий и покладистый человек, и легко находит со всеми контакт, особенно с детьми. Познакомил со своей Верой он и нас с женой.

С Сашей мы познакомились за пару лет до этого, хотя о его существовании знали давно. В свое время мы жили в Оренбурге, где моя жена работала медсестрой в роддоме, там же работала медсестрой и сестра Саши, Наташа, с которой мы дружили. Поэтому о всех важных событиях, происходивших в этой семье, нам было известно. Более того, бабушка Шура как-то пригласила нашу дочь Лилию и ее подружку Лену летом пожить у нее, и дети прожили у нее на природе все лето, за что мы были ей очень благодарны. Бабушка иногда приносила детям с молокозавода вкусное мороженое, и они ее всегда встречали с работы. Как-то они бабушку чуть не подставили. Они бежали по дороге ей на встречу и громко кричали: «Бабушка нам вкусное мороженое с работы несет».

– Дети, нельзя такое кричать, – умерила их радость ба-

бушка. – Вы же не хотите, чтобы меня в тюрьму посадили, за то, что я для вас тихонько мороженое на работе беру? Поэтому об этом никому не нужно рассказывать, и, тем более, кричать.

Дети больше об этом не кричали, и до конца своего пребывания у бабушки Шуры каждый день кушали вкусное мороженое.

Потом мы оказались в Серпухове, а Наташа к этому времени закончила институт и работала врачом-гинекологом в поселке Ясном, Оренбургской области. Она дала Саше наш адрес в Серпухове, и он приехал к нам в гости. В квартиру зашел высокий и худой молодой человек, улыбающийся висящие, как у запорожцев, усы, с ящиком, дефицитного в то время, чешского пива в руках.

– Здравствуйте, я Саша, – сказал он.

– Какой Саша? – не поняли мы.

– Брат Наташи, – пояснил он.

Потом он еще несколько раз приезжал к нам в гости, всегда веселый и приветливый. Приехал он к нам и со своей Верой, чтобы пригласить нас на свадьбу. Сказал, что они решили официально пожениться, после чего он собирался удочерить ее дочь Лену. Вера нам очень понравилась. Она была спокойной и доброй. Сразу было видно, как она рада этому замужеству, тому, что у нее опять будет семья. Мы посидели за столом, немного выпили и поговорили, потом через бор проводили их на автобус. На свадьбу мы пообещали прие-

хоть, но обещание не сдержали, меня в это время отправили в командировку, а у жены было суточное дежурство в больнице, и подмениться она не смогла. Саша приезжал в гости еще несколько раз, уже без Веры, и радостный сообщил, что они ждут пополнение. А потом он позвонил жене на работу, и сообщил, что Вера умерла при родах. Ей делали кесарево сечение, и, почему-то, не смогли вывести из наркоза. Это было для нас шоком. Я вообще не мог понять, как это – «не смогли вывести из наркоза», такого диагноза я раньше вообще никогда не слышал, и представить себе не мог, что такое вообще возможно. Как можно было при кесаревом сечении угробить молодую и здоровую женщину?

На похоронах было очень много народа, приехали все Сашины родственники. Похоронили, помянули, и разъехались. А Саша остался один на один со свалившимися на него проблемами. На следующий день Саша, вместе со своим другом Германом, забрал новорожденную дочь Катю из роддома и принес домой. Имя для дочери они с Верой заранее выбрали. Взял на работе на месяц отпуск, и стал учиться обращаться с маленьким ребенком. Не все сразу получалось, да и спросить было не у кого, одни они с дочерью в квартире остались. Главное, что им есть где жить, а с остальным они справятся. Верину дочь Лену, сразу после смерти Веры, забрала ее сестра, хотя Саша и был против этого, убеждал их, что и один с двумя девочками справится. А через пару дней Сашу навестили тесть с тещей. Саша обрадовался, думал, что пришли

взглянуть на новорожденную внучку. Но бабушка с дедушкой на внучку даже не взглянули. Они обвинили Сашу в том, что это он убил их дочь. Если бы она за него не вышла, то была бы сейчас жива, а не лежала в могиле. Такой же виновницей смерти матери, по их мнению, была и маленькая Катя. Этот неприятный для Саши разговор закончился требованием освободить Верину квартиру.

– Куда же я зимой с маленьким ребенком? – спрашивал озадаченный Саша. – Как вы можете? Катя ведь ваша внучка.

– Не нужны нам ни ты, ни твоя дочь. Нет у нас больше, по твоей милости, дочери, не нужна нам и эта внучка.

– Вы не можете выгнать нас на улицу, ведь это Верина квартира, и Катя имеет на нее право, – пытался удержать позиции Саша.

– Это наша квартира, а не Верина, – охладили его тесть с тещей, – Вера просто в ней жила. Поэтому выметайтесь отсюда подобра-поздорову, а то выставим с милицией.

И оказались Саша с маленькой Катей на съемной квартире. Узнав о случившемся, тетя Шура бросила все и приехала к сыну. Вдвоем они и поднимали Катю. Позже, правда, тесть с тещей передумали относительно внучки, и предлагали Саше отказаться от Кати, а Верина сестра оформит опеку над Леной и Катей, и будет их воспитывать. Но Саша от такого предложения отказался.

– Это моя дочь, и я сам ее воспитаю, – сказал он родственникам жены.

После этого отказа никто из этих родственников Катю не навещал, и ее судьбой не интересовался, словно и не было у них второй внучки. Саша к нам больше не приезжал, не до этого было. Мы несколько раз сами съездили к ним в гости. Саша сменил работу. Теперь он работал водителем автобуса в автоколонне, притом работал без сменщика, в две смены, так как нужно было обеспечивать семью. Саша любил чистоту и порядок, причем наводил его всегда своими руками. И дома, и в автобусе у него всегда был идеальный порядок: пол вымыт, сидения чистые, окна вымытые и прозрачные. Руководство автоколонны было очень довольным таким работником, и ставило его в пример другим водителям. Когда автоколонна получила новый автобус, его передали Саше, а на должность водителя его старенького, но находящегося в идеальном состоянии автобуса, объявило конкурс. Для личных поездок начальник автоколонны иногда разрешал Саше брать свою «волгу». Саша тоже мечтал о своей машине, и непременно о «волге». Но купить «волгу» на его зарплату в то время было просто нереально. Новая «волга» стоила двадцать пять тысяч рублей, а подержанная, с рук продавалась не меньше, чем за сорок тысяч рублей. Я не ошибся, действительно был такой парадокс, что новая машина стоила дешевле старой, но купить новую машину было вообще невозможно. Со временем Саше, как передовику производства, вручили ключи от новой однокомнатной квартиры. Жизнь налаживалась, теперь не нужно было платить за съемную квар-

тиру. И Катя подрастала, хваталась и за веник, чтобы помочь отцу с уборкой, и за нож, чтобы помочь бабушке на кухне. Бабушке приходилось глядеть в оба, чтобы она куда ни будь не влезла.

– Непорядок, – подражая отцу говорила Катя, брала веник и шла подметать.

Когда Саша приезжал на обед, маленькая Катя садилась к нему на колени и ручками вылавливала мясо из его тарелки.

– Катя, – говорила бабушка, – лопнешь, я ведь тебя только что покормила. Куда тебе столько? Ну ладно, давай я тебе еще в тарелку положу.

Но Катя не хотела кушать со своей тарелки. Она хотела кушать именно из папиной. А Саша только рад был этому.

– Пусть из моей кушает, если ей так хочется, – говорил он бабушке.

Саша приехал вместе с Катей к нам в гости, когда ей было пять лет.

– Катя! Как же ты выросла? – обрадовался я, увидев их.

– Да, я уже большая! – гордо ответила Катя. – Я уже помогаю и папе, и бабушке. Мы с ней вместе пироги печем. А еще я скоро пойду в школу.

– А ты еще не маленькая для школы? – усомнился я.

– Нет, я уже большая.

За столом мы засиделись допоздна. Саша рассказывал, что откладывает деньги на покупку машины, для чего устроился работать водителем еще в одно место, и теперь у него

совсем нет свободного времени. А еще он познакомился с Надей, но это пока секрет, баба Шура о ней ничего не знает.

– Иногда я остаюсь у нее ночевать, но матери говорю, что была ночная работа, – пояснил он.

Когда уже начало темнеть, я пошел провожать их с Катей на автобус. Шли, как обычно, через бор. Была чудесная безветренная погода, только небольшой морозец, и снег приятно поскрипывал под ногами.

– Смотрите, белочка! – вдруг закричала Катя. – Такая же, как возле нашего дома бегают.

– Здесь много белочек, – сказал я, – смотри, вон еще одна бегают.

На тот автобус, на который мы планировали попасть, мы немножко опоздали, следующий должен был быть через двадцать минут. Пока стояли на остановке и разговаривали, я заметил, что у Саши начал заплетаться язык, а потом его и пошатывать начало.

– Саша, что с тобой? – удивился я. – Мы ведь с тобой совсем немного выпили.

– Все нор-маль-но! – заплетающимся языком сказал Саша. – Просто прошлую ночь я почти не спал.

– А ты домой доедешь? Ребенка по дороге не потеряешь? Может мне с вами проехать?

– Дядя Володя, – вмешалась в разговор Катя, – вы не волнуйтесь, я его довезу. Я знаю дорогу.

– Ну если ты обещаешь, тогда ладно. Только не потеряй

папу. Если что, то зови на помощь взрослых, – напутствовал я Катю.

– Да я в порядке, – убеждал меня и Саша, – не волнуйся, мы нормально доедем.

Они уехали на подъехавшем автобусе, а я пошел домой.

– А ведь она действительно уже взрослая и самостоятельная, – подумал я про Катю, – несмотря на то, что ей всего пять лет.

Первого сентября Саша отвел Катю в школу. На голове у нее красовались два огромных белых банта.

– Катенька, а кто тебе такие красивые банты завязал? – спросила ее учительница.

– Мама Надя, – гордо ответила Катя.

Она была рада, что теперь у нее есть мама. И неважно, что она живет у бабушки, а папа у мамы Нади. Папа, по-прежнему, каждый день навещает Катю и бабушку, и Катя иногда ночует в квартире мамы Нади. Кате такая жизнь нравилась.

Учеба давалась Кате легко. К учебе, как и ко всему остальному, Катя относилась очень добросовестно и ответственно. Сначала Саша и Надя контролировали выполнение Катей домашних заданий, а потом поняли, что в этом нет необходимости. Катя оказалась на редкость упорной и трудолюбивой девочкой. Она писала в черновике домашнее задание до тех пор, пока написанное ей самой не начинало нравиться, и только после этого переписывала задание в чистовик. Поэтому все тетрадки Кати всегда были в идеальном состоянии.

Но больше всего Катя любила летние каникулы. На лето тетя Наташа и тетя Лена привозили к бабушке Шура своих сыновей: Олега и Антона. Вот тогда было весело. Олег на три года старше Кати, а Антон на один год, поэтому детские интересы почти во всем совпадали. Днем они катались на Катином велосипеде и кормили белочку, которая жила в лесу возле их дома, а вечером играли в прятки в этом же лесу. В их городе лес растет рядом с домами, и это очень здорово. Ну где бы они еще играли в прятки, если бы не этот лес? А в лесу здорово, там даже земляника и грибы растут. Потом Олег несколько лет жил у них в квартире, и они вместе ходили в школу. Позже, уже будучи взрослой, Катя вспоминала это время, как самое счастливое время в своей жизни.

Катя уже заканчивала школу, когда заболела бабушка. Началось все с пустяка, она где-то ударилась пальцем ноги, и палец начал болеть. Ну не бежать же по такому пустяку в больницу. И бабушка Шура лечила палец самостоятельно. Лечила, пока он не почернел. И закончилось все ампутацией ноги выше колена. Все домашние дела легли на хрупкие плечики Кати. Теперь нужно было не только уроками заниматься, а еще и еду готовить, и за бабушкой ухаживать. Самым сложным было выкупать бабушку. Раз в неделю они с отцом отводили бабушку в ванную, сажали там ее на стульчик, и Катя купала бабушку. Потом, опять же, вместе с отцом, отводили ее в постель. Катино детство на этом закончилось.

А беда, как известно, не приходит одна. Через полгода за-

болела мама Надя. Диагноз был не обещающий ничего хорошего – рак. Надя продала квартиру и уехала жить к сестре в другой город, а отец вернулся домой. Школу Катя закончила без троек, и сразу поступила учиться в финансовую академию. И никаких репетиторов, которые уже начали входить в моду в то время, все сама.

Катя училась на втором курсе, когда заболел отец. Все также началось с пустяка – поднялась температура, которую в домашних условиях сбить не получалось, и была общая слабость. Пришлось Саше лечь в больницу, но и там ничего не нашли. Выписали с диагнозом – здоров. Но работать Саша не мог, ни температура, ни слабость никуда не делись. Наташа договорилась, чтобы его положили на обследование в инфекционную больницу. Может у него какая-то инфекция? Но и это обследование ничего не дало. Наташа положила его на обследование желудка, но опять никаких болезней не обнаружили. А Саше становилось все хуже и хуже. Наконец-то его отправили на обследование в ведомственную больницу в Москву. Там и обнаружили совсем крохотное, размером со спичечную головку, пятнышко на легких. Биопсия показала, что это рак. А дальнейшее обследование показало, что эта маленькая точка уже разбросала метастазы по всему телу. Делать операцию уже не было смысла. А Саша словно не понимал тяжести своего состояния.

– Вот подлечусь, выйду отсюда, – говорил он Наташе, – и сразу куплю себе «волгу». Сорок тысяч я скопил, а Кузь-

мич обещал не продавать свою машину, пока я не выйду из больницы.

Но выйти из больницы Саше суждено не было, там он и умер. И осталась Катя круглой сиротой в восемнадцать лет, да еще с больной бабушкой на руках. Одна одинешенька в этом городе, несмотря на то, что где-то рядом живет ее родная сестра Лена, которая даже знать ее не хочет. Родные тети живут далеко, в поселке Ясный, они тоже ничем не могут помочь. Жизнь попыталась согнуть и поставить Катю на колени, но она не сдавалась. Катя продолжала учиться, стирать, готовить и ухаживать за больной бабушкой. Как она с этим справлялась – одному богу известно. Но она выстояла. Большим подспорьем для нее стали те сорок тысяч, которые отец откладывал на покупку «волги», их с большим трудом, и далеко не сразу, но нашли. На них Катя с бабушкой и существовали, иначе пришлось бы ей бросать учебу и устраиваться на работу. Но бросать учебу Кате очень не хотелось, ведь от этого зависело ее будущее, в котором она могла рассчитывать только на себя. И Катя упорно училась, в основном по ночам. Внутри этой хрупкой девушки оказался стальной стержень, который не так просто было сломить.

А жизнь продолжала испытывать ее на прочность. Через девять месяцев после смерти отца, умирает и бабушка, и Катя остается совсем одна, не считая кошки, которую она еще в детстве подобрала маленьким котенком на улице и назвала Бусинкой. Буся, как она ее ласково называла. Вдвоем они те-

перь и жили. Но и на этом испытания не закончились. Ей еще и девятнадцать не исполнилось, как у нее обнаружилась опухоль в ягодице, которая быстро увеличивалась. В свое время Катя упала с велосипеда и очень больно ударилась этим местом. Но тогда все прошло, а теперь, через несколько лет, на этом месте образовалась опухоль. Было подозрение на онкологию, поэтому ее положили в онкологическую клинику, где и сделали операцию по удалению опухоли. Бедная Катя, сколько всего навалилось на нее. Такое не каждый взрослый выдержит, а она ведь ребенок.

– Тетя Наташа, я теперь умру? – спрашивала бедная Катя.

– Нет, солнышко! Конечно же нет! – успокаивала ее Наташа, хотя и сама не верила в то, что говорила.

Как же не везло этой несчастной девочке. Умная, очень красивая, мужчины уже сейчас взгляд от нее не могли отвести, и так ей не везет. Беды сыплются на нее как из рога изобилия, как будто в этом роге для Кати больше ничего и нет. Но Кате повезло. В удаленной опухоли раковых клеток не обнаружили.

Катя успешно закончила академию и устроилась на работу в один из московских банков. В банке ее ценили за добросовестность и упорство, и она быстро продвигалась по карьерной лестнице. Через некоторое время Катя стала менеджером, и ей поручали работу с самыми сложными клиентами, от которых даже более опытные менеджеры отказывались. Работать, правда, Кате было очень тяжело, так как жила она

вместе со своей Бусей в Протвино, а работала в Москве, куда нужно было ездить на электричке. Но на электричке – это от Серпухова, а до Серпухова еще нужно на автобусе доехать. Поэтому каждый день, кроме редких выходных, Кате приходилось вставать в четыре часа утра, и бежать на первый автобус, чтобы к девяти часам утра быть на работе. И домой после работы она возвращалась не раньше одиннадцати часов вечера. Кормила свою Бусю, ужинала сама, и ложилась спать, чтобы в четыре часа утра опять проснуться и бежать на работу. Ни на что другое времени не хватало, даже телевизор смотрела только во время ужина. В общем не жизнь а каторга, но Кате, и такая жизнь нравилась, ведь другой жизни она и не знала. В редкие выходные она еще умудрялась испечь пирог, как учила ее бабушка, а перед пасхой обязательно пекла куличи, тоже по бабушкиному рецепту. Женщины на работе ей откровенно завидовали, мужчины, при виде ее, останавливались, и провожали долгим взглядом, а Катя жила своей напряженной жизнью, не обращая внимания ни на тех, ни на других. Не до этого ей было, крутилась в этой жизни, как белка в колесе. Были у нее только две подруги: школьная подруга Надя, и на работе лучшая подруга Даша, да еще любимая кошка Буся.

Только в двадцать пять лет у Кати появился и друг, Саша, за которого через год она и вышла замуж. Саша был, под стать ей, высоким молодым человеком, но далеко не красавцем. Несмотря на молодой возраст, его голову украша-

ла большая лысина, было даже странно, что, имея множество красивых поклонников, в мужья Катя выбрала именно его. Несмотря на свою занятость, подготовкой свадьбы и оформлением зала в ресторане занималась сама Катя. Зал был оформлен с розово-кофейных тонах, и каждая мелочь здесь была продумана со свойственной для Кати тонкостью и тщательностью. Катя пригласила на свадьбу и нас с женой. Гостей на свадьбе было много, но со стороны Кати, не очень много: тетя Лена со своим сыном Антоном, бывший ее муж, и крестный Кати – Жора, тетя Наташа, которая к этому времени уже развелась со своим мужем, и жила в Серпухове, мы с женой, да ее две подруги – Надя и Даша. Было видно, что Катя по-настоящему счастлива, и мы все радовались за нее. Радовались, что, наконец-то, черные полосы в ее жизни закончились, и у Кати будет нормальная, счастливая семейная жизнь. Желали молодым много лет счастливой семейной жизни, и много деток.

Но злой рок продолжал преследовать Катю. Через два года у Кати обнаружили метастаз в верхней части легкого. Часть легкого, пораженную метастазом, удалили, но источник, который его выбросил, установить не удалось. А еще через год, Катя с Сашей развелись. О причине развода они никому ничего не говорили. Известно только было, что расстались друзьями, и периодически продолжают видеться. В очередной раз, Катя собрала нас на свой тридцатилетний юбилей. Кроме нас с женой, ее подруг, и многочисленных ее родствен-

ников, которые были и на свадьбе, присутствовали еще и девушки с ее работы. Нам показалось странным, что сама Катя, ее подруги, и все девушки с работы были в черных платьях. Как траур какой-то, а не юбилей. Девушки сказали, что такой дресс код предложила сама Катя. Сей замысел мы не поняли, хотя и было понятно, что это неспроста, просто так Катя ничего не делала, у нее все было продумано. О том, что у нее обнаружили онкологию, мы тогда еще ничего не знали. Юбилей прошел на высшем уровне. Катя была веселой и много танцевала, а может только хотела казаться веселой, ведь не зря же она попросила всех девушек на ее юбилей надеть черные платья. Наверно она понимала, что это ее последний юбилей.

Через два года у Кати опять обнаружили метастазы в легких. На этот раз врачи догадались у нее спросить, а не было ли у нее раньше подозрения на онкологию. Катя ответила, что подозрение было, но оно не подтвердилось. Катю попросили разыскать и привезти им не стекла с анализами, которые у нее тогда брали. Эти стекла должны храниться в клинике до самой смерти пациента. Катя разыскала и привезла эти стекла. Более тщательный анализ этих образцов показал, что уже тогда у Кати был рак, причем самая страшная его форма – саркома. Его просто не обнаружили, так как раковых клеток было мало. Теперь стал понятен источник болезни. А метастазы уже были не только в легких, а по всему телу. Это уже была четвертая стадия рака, и в дальнейшем

развитии событий сомневаться не приходилось. Наверняка знала прогноз и Катя, но вида не подавала, все так же работала, и долгое время никому ничего не говорила. О болезни знала только ее лучшая подруга Даша и ее начальник. Кате назначили лечение химиотерапией. Первые четыре серии химиотерапии Кате сделали в Москве. Она их очень тяжело переносила, поэтому заезжала к тете Лене, которая жила в Москве, чтобы немного передохнуть перед дорогой домой. Лена просила ее остаться у нее на ночь, а утром уже ехать в Протвино, но Катя никогда не соглашалась, мотивируя это тем, что дома ее ждет Буся. На самом же деле, она не хотела, чтобы кто-то, пусть даже родная тетя, видели ее страдания. Она привыкла справляться со всеми своими проблемами сама, не хотела, чтобы ее жалели. Отказывала она и тете Наташе, когда та предлагала ей свою помощь.

Уже было проведено четыре сеанса химиотерапии, и с каждым сеансом Кате становилось все тяжелее и тяжелее их переносить, сильно тошнило и поднималась высокая температура. Но врачи утверждали, что развитие раковых клеток остановилось, болезнь стабилизировалась, и у Кати начала появляться призрачная надежда на выздоровление. К тому же, и ее подруга Даша обещала договориться с руководством банка, чтобы Катю отправили на лечение в Израиль. Нужно было только еще немного продержаться. Но, неожиданно, московские врачи отказались от продолжения химиотерапии. Катя съездила в Подольск, и договорилась о продол-

жении химиотерапии там.

Тетя Лена ехала отдыхать в Калининград, и предложила Кате поехать вместе с ней, но Катя отказалась, сказала, что может позже приедет. И действительно, она приехала в Калининград на два выходных дня, и вместе с Леной они вернулись обратно. Катя немного отдохнула и повеселела, но дальше ее опять ждали тяжелые будни. Прямо из аэропорта Катя и поехала в Подольск на пятую серию химиотерапии. В пятой серии были не три, как раньше, а четыре капельницы, которые делались через день. Врачи растянули эту дозу на более длительное время, чтобы Кате было легче их переносить. Но Катя и уменьшенные дозы очень тяжело переносила, гораздо тяжелее, чем раньше. Поднялась очень высокая температура, какой раньше не было, тяжело было дышать, а тошнило так, что жить не хотелось. Но, не смотря ни на что, Катя продолжала ездить на химиотерапию, так как жить ей все-таки хотелось. После четвертой, последней капельницы, Катя позвонила тете Наташе, и сказала, что так плохо ей еще никогда не было, и что от шестого сеанса она собирается отказаться, а там будь что будет. Наташе показалось, что Катя задыхается.

– Тебе плохо дышать? – спросила она.

– Очень больно при вдохе, – ответила Катя.

– Срочно вызывай скорую, а я вызываю такси, и выезжаю к тебе.

Наташа ожидала услышать: «Не приезжай, я сама справ-

люсь», но услышала другое.

– А ты сможешь сама такси вызвать? Может давай я для тебя вызову?

– Если она согласилась на мой приезд, – подумала Наташа, – то дела у нее очень плохи.

Наташа приехала к Кате уже после посещения ее скорой, врач которой в состоянии Кати ничего страшного не обнаружила. Рекомендовала не волноваться, и просто спокойно полежать, все само пройдет.

Катя старалась держаться бодро, но Наташа видела, что состояние ее ухудшается. А Катя рассказывала о своих планах на будущее:

– Как немного поправлюсь, куплю себе машину, – говорила она, – а то тяжело на перекладных каждый день на работу ездить. Сначала я конечно в Москву ездить не буду, пока не научусь хорошо водить. Буду ездить к тебе в Серпухов. За продуктами будем ездить, за водой на источник. В Талез с тобой съездим.

Не довелось Кате, как и ее отцу, купить машину. В час ночи она скончалась на руках у тети Наташи.

На похороны Кати пришло очень много народа, только в церкви на отпевании было больше пятидесяти человек. В цветочных магазинах Протвино скупили все цветы, и тем, кто пришел туда позже, цветов не досталось. В похоронной процессии было восемнадцать легковых машин. Похороны были очень тяжелыми. Не переставая плакали обе Катины

подруги. Не мог сдержатъ слез и бывший Катин муж, Саша, который прилетел на похороны из Турции. Отдельной группкой на кладбище стояли две молодые женщины и мужчина, по животу которого можно было определить, что он на двенадцатом месяце беременности. Сказали, что это Катина родная сестра Лена, с дочерью и мужем. Наташа пригласила их на поминки, но они отказались, сказали, что поминать Катю они будут отдельно. Как-то необычно вели себя на кладбище и рабочие похоронного бюро. В отличие от своих собратьев, они очень тщательно выравнивали могилку, потом очень аккуратно расставляли на ней цветы, стараясь, чтобы могилка выглядела красиво, как и любила все делать при жизни Катя. Потом, самый старший из них по возрасту, подошел к Наташе и сказал: «Я Герман, друг Саши. Это я помогал Саше забирать Катю из роддома. А теперь вот пришлось ее хоронить». На глазах у него были слезы. А ведь он каждый день хоронит здесь покойников, и, казалось бы, уже ко всему должен был привыкнуть. Теперь стало понятно, почему они так старались.

На поминках тоже было много народу: родственники, сослуживцы из банка, знакомые, соседи. Много хороших слов было сказано о Кате, и никто не мог говорить без слез, всем было очень жалко бедную Катю. За столом, напротив нас, сидела какая-то странная пара. Молодой еще, но уже седой мужчина, и женщина, гораздо старше его. Оказалось, что это первая гражданская жена Саши, Женя, со своим сыном Иго-

рем. Вспомнили, что Саша гордился тем, что Игорь продолжал называть его отцом, даже тогда, когда уже был взрослым мужчиной.

Была еще одна незнакомая нам пара. Оказалось, что женщина – это Катин психолог, с мужем, у которого Катя была персональным менеджером. Оба они хорошо знали Катю. Ольга Георгиевна, как звали женщину, и рассказала нам, что Катя обратилась к ней за помощью три года назад, как раз после развода с мужем. Она боялась рожать, и хотела избавиться от этой боязни. То ли Катя боялась умереть при родах, как умерла ее мама Вера, то ли боялась из-за своей болезни – это осталось тайной. Но за эти три года Катя уже почти избавилась от своих страхов, и, кажется, морально готова была родить ребенка, но этим ее планам не суждено было осуществиться. Теперь примерно стало понятно, что могло стать причиной их развода с Сашей.

Всю жизнь Катю преследовал злой рок. Жизнь много раз пыталась ее сломить и поставить на колени. Но Катя, все выдержала. Она любила даже такую жизнь, хотела жить, не собиралась сдаваться, и, тем более, не собиралась помириться именно сейчас, ведь у нее еще даже онкологических болей не было. Строила планы на будущее, но судьба распорядилась иначе. Предварительно предполагалось, что у нее оторвался один из тромбов, которые образуются при химиотерапии. Она умерла, но не сдалась и не покорилась. Светлая ей память!

P.S. Вечером, после похорон Кати, позвонила Наташа и сообщила результаты вскрытия: «Катя умерла от нелеченой пневмонии, протекавшей на фоне полностью убитого химиотерапией иммунитета».

Рыбалка с приключениями

В 2022 году природа наверно переболела коронавирусом вместе с людьми, притом с осложнениями, и вела себя как-то странно. Ее неожиданно бросало то в жар, то в холод. Зима решила сдать свои позиции еще в конце февраля. Температура воздуха поднялась до плюс десяти градусов, снег везде растаял, и растаяла половина льда на водоемах. Но потом зима уходит передумала, опять ударили морозы, и, к радости рыбаков, лед на водоемах восстановился, и они еще долго ходили на зимнюю рыбалку. Весь апрель, май и начало июня были холодными. Складывалось такое ощущение, что лето где-то заблудилось, и никак не может найти к нам дорогу. Люди просили тепла, а его все не было. Клева на Оке тоже практически не было. Сразу после окончания нерестового запрета, рыба с недельку поклевала, а потом клев практически прекратился. Раньше четко выделялся клев на утренней зорьке. Рыба начинала клевать с самого рассвета, и интенсивно клевала часиков до восьми утра. Поклевки следовали не реже, чем раз в десять минут, иногда одновременно на две удочки. Потом клев затихал, и к девяти часам практически прекращался. Теперь же поклевку приходилось ждать и по два часа, а то и по три. Да и поклевки были абсолютно случайными. А на рыбку, которая клевала, без слез и взглянуть нельзя было, это была густера размером с ладошку, или

немного больше. Если попадался экземпляр весом с полкило, это уже было счастье.

Во время отпуска в июле и начале августа, мы с Лилей, моей дочерью, часто выезжали на Оку рыбачить. В выходные она выезжала со своим мужем Сергеем, который рыбачит только на спиннинг, а в будние дни со мной. У Сергея в этом году были весьма приличные уловы голавлей и жереха. А у меня хорошие поклевки начались только в конце отпуска, уже после пятого августа. В тот день, когда я поймал первого в этом сезоне леща, утреннего клева практически не было, и все рыбаки давно свернулись и ушли домой. На берегу остался я один. Из-за отсутствия клева, у меня осталось много каши для прикорма, а мне было жаль просто так выбрасывать ее в реку. Обычно я уходил домой не позже одиннадцати часов утра, а на этот раз решил посидеть подольше, пока не израсходую кашу. Первый лещ клюнул около одиннадцати часов. Лещ был большой, примерно килограмма на два. Потом три часа не было ни одной поклевки, а почти в два часа дня, когда я уже начал сворачивать удочки, произошла еще одна лещёвая поклевка, у меня чуть удочку не утащило. На этот раз лещ был поменьше первого, но, все равно, он был явно больше килограмма. После этого, я на каждой рыбалке ловил одного или двух лещей. Как и раньше, утреннего клева не было, а крупная рыба начинала клевать после одиннадцати часов, и я упорно ждал эти поклевки, досиживая на берегу до двух часов дня.

То ли людям удалось достучаться до небесной канцелярии со своими просьбами о тепле, то ли природа сама решила, что пора восстанавливать среднегодовую температуру, но со середины августа началось настоящее лето. Да еще какое, без дождей, и с дневной температурой до тридцати трех градусов. Сергей к этому времени уехал на две недели в отпуск к маме, а мы с Лилей решили в выходные, на яблочный спас, выехать с ночевкой на Оку. Просто грех было не воспользоваться такой прекрасной погодой. Предложили поехать с нами и нашей маме, а то она жаловалась, что за все лето никуда с дачи не выезжала, хотя один раз на рыбалку с ночевкой она с нами ездила. Она обеспечивает нам тыл, то есть, отвечает за наше пропитание на рыбалке, и это у нее отлично получается. Да и подсачек может при необходимости подать, а то, когда рыбачишь один, приходится на каждую поклевку бегать к удочкам с подсачком, так как потом подать его будет некому, и можно упустить крупную рыбу, что у меня не один раз и случалось. Со стороны это наверно смешно выглядит: человек бежит к удочке с подсачком и вытаскивает рыбку размером с ладошку. Серьезных поклевок очень мало, всего две или три за рыбалку, но, чтобы их не пропустить, приходится на все поклевки бегать с подсачком.

Лиля собиралась в пятницу спросить разрешения у начальника, чтобы работать без обеда и уйти с работы на час раньше, но не была уверена, что ее отпустят, так как в предыдущую пятницу она уже так отпрашивалась. Поэтому попро-

сила маму приехать с дачи домой пораньше, и помочь ей произвести уборку в клетке попугая до ее прихода с работы, чтобы она не тратила на это время. Хотелось застать вечерний клев, который иногда бывает, и длится с пяти до семи часов вечера. Лиля даже предлагала забрать ее снасти, и ехать без нее, а она потом на такси приедет. Но мама пообещала помочь ей с уборкой в клетке попугая, поэтому решили ехать все вместе.

В пять часов вечера Лилю с работы отпустили, и в половине шестого она уже была готова ехать на рыбалку, а вот мы с женой, в пять часов только с дачи выехали. Мы всегда очень долго собираемся, что с дачи, что на дачу. Потом еще в магазин нужно было сходить, чтобы купить еду на рыбалку. В общем, собрались мы только в начале восьмого, и, несмотря на старания Лили, на вечерний клев не попадали. Оказалось, что она зря отпрашивалась уйти с работы пораньше.

Жена настроила две сумки с едой и водой, и уже одевалась, а Лиля уже несколько раз звонила и спрашивала, чего мы тянем. Я торопил жену, но она торопиться не любит.

– Не торопи меня, а то что ни будь забудем, – обычно говорит она.

– Ладно, – согласился я, – собирайся медленно. Я забираю сумки, и буду ждать тебя в машине.

Сумок было четыре, две довольно тяжелые, с провизией для нас, и две полегче, с припасами для рыбы, и моя визитка, с документами на машину, мне явно мешала, а жене остава-

лось взять только свою дамскую сумочку.

– Ты мою визитку не захватишь? – спросил я. – А то мне неудобно нести ее с сумками.

– Ладно иди, я принесу, – согласилась жена.

Я погрузил сумки в машину и завел двигатель.

– Нужно будет обязательно убедиться, что она взяла визитку, – подумал я, – а то она может и забыть.

Жены не было минут десять, я даже пожалел, что рано завел двигатель. Уже хотел ей звонить, когда она наконец-то вышла. Я уже нервничал, Лиля ведь давно ждет нас на остановке.

– Ой, а меня Ира перехватила, – сообщила мне жена.

– Садись уже! Поехали! Лиля давно на остановке ждет, – подгонял я ее.

– А вон и твоя подруга Ира за тобой вышла, – показал я жене на фигуру ее подруги, медленно и величаво выплывшую из-за угла дома, – могли бы и по дороге поговорить.

Мы забрали Лилю и поехали на рыбалку. Лиля сказала, что ее сотрудница обещала прислать ей молитву рыбака. Если такую молитву прочитать перед рыбалкой, то хороший клев будет обеспечен. Не дожидаясь обещанной молитвы, Лиля зашла с телефона в интернет, и скачала молитву рыбака оттуда. Никто из нас даже понятия не имел о существовании такой молитвы. Лиля вслух прочитала скачанную молитву. В это время ей на телефон пришла и обещанная молитва. Она была в стихах и мало была похожа на настоящую

молитву.

– Ну все, теперь клев тебе обеспечен, – пошутил я, – сразу две молитвы прочитала.

Наше место, в лесочке на берегу Оки, где мы обычно в тени ставим машину, было свободно, там мы и припарковались.

– Галя, где визитка? – спросил я жену, заглушив двигатель.

– А я ее не взяла! – сообщила жена.

– А почему ты раньше не спросил?! Почему сразу не контролировал?! – набросилась она на меня с упреками.

– Да я хотел спросить, – оправдывался я, – но потом отвлекся на твою Ирину и забыл.

Я оказался на реке без водительских прав и без документов на машину. Все лежит дома, который даже виден с того места, где мы находимся. По прямой, через поле, до него километра три, а так как мы ехали – километров десять. А завтра суббота, и возвращаться придется днем. Если остановит ГИБДД, машину заберут на штрафстоянку. Неприятная ситуация.

– Ладно, завтра днем сходишь через поле домой, и принеешь визитку, – говорю я жене.

– Я? – удивляется жена.

– Ну не я же! Мне нужно рыбу ловить, – говорю я.

– Не ругайтесь! – вмешивается в спор Лиля. – Давайте расставим удочки и съездите за визиткой, поздно вечером

гаишников не должно быть.

На том и порешили. Расставили удочки, четыре моих и две Лилины. Оказалось, что я забыл еще и садок, сохнет дома на балконе. В принципе, без него мы можем и обойтись, так как Лиля взяла с собой и свой садок, на тот случай, если будет ловить на спиннинг вдали от нас, да и у меня в машине лежит старый небольшой садок. Поклевок не было, и мы с женой поехали обратно домой за визиткой, оставив Лилю возле удочек. На наше счастье, гаишников по дороге не встретили, но попали под внезапный и сильный ливень, жена еле успела окно в машине закрыть. Он длился недолго, всего минут пять. Я поднялся в квартиру, забрал визитку и садок, и спустился к машине.

– Ты справился за четыре минуты, – сообщила мне жена.

Теперь, уже спокойно, поехали обратно. Пока ехали, совсем стемнело. Наше место в лесу еще никто не занял, и мы снова припарковались на старом месте. Я поставил машину на сигнализацию, и мы пошли к Оке.

– Где вы так долго ходите? – спросили нас рыбаки, которые рыбачили недалеко от нас. – У вашей дочери уже три поклевки было.

– Хорошо, – обрадовались мы, – Лилия уже рыбы наловила.

Если честно, то на вечерний и ночной клев мы даже не рассчитывали, так как в предыдущую рыбалку с ночевкой, у нас ни вечером, ни ночью ни одной поклевки не было.

На всех наших удочках уже горели светлячки, которые к

этому времени Лиля успела выставить. Она встретила нас извинениями: «Папа, ты меня прости, но я большую рыбу упустила».

– Я ее уже вот до этой травы дотащила, но было уже темно, и я ее не видела, и пока я пыталась рассмотреть где она находится, она сделала кульбит, и ушла, – рассказывала Лиля. – Потом я обнаружила, что она вертлюжок на карабине основной лески удочки пополам разорвала. Ушла вместе с кормушкой.

– Ладно, не расстраивайся, – успокоил я ее, – значит она была не нашей.

– Знаешь, так обидно. Ведь уже рядом была, – не могла успокоиться Лиля.

– А я на клев не рассчитывал, и даже подсачек тебе не подготовил, – вспомнил я.

– Да зачем он мне, без посторонней помощи я все равно не смогла бы им воспользоваться, – возразила она.

– А нам сказали, что у тебя три поклевки были. Что с остальными?

– Да нет, всего одна была.

Дальше Лиля ушла ловить на спиннинг, а я поставил на удочку новую кормушку и перезабросил остальные удочки.

– Давайте уже ужинать, – позвала жена, – а то пельмени остынут.

– А ты что, пельмени взяла? – удивилась Лиля.

– Да! Я решила вас удивить, – гордо ответила жена.

После ужина Лиля опять ушла ловить на спиннинг, поручив мне следить за ее удочками. Но поклевок больше не было, и в одиннадцать часов вечера я ушел спать в палатку. Я был уверен, что до утра поклевок не будет. Лилия со спиннингом перешла ближе к удочкам, чтобы услышать, если вдруг зазвенит колокольчик. Не успел я устроиться в палатке, как колокольчик зазвенел, и Лилия сообщила, что на свою удочку поймала густерку, грамм на триста. Это была первая, пойманная на этой рыбалке рыба. Дальше ночную тишину нарушал только грохот поездов, проходивших по расположенному неподалеку железнодорожному мосту. Этот грохот мне спать и не давал. Я ворочался с боку на бок, но уснуть не мог.

– Мама, помоги, – услышал я через полчаса.

– Что там у тебя? – поинтересовалась жена.

– Судак, не видишь, что ли? Ну помогай отцепить!

– Судак большой? – поинтересовался я из палатки.

– Небольшой, на полкило, – ответила Лилия.

И снова тишина, нарушаемая грохотом поездов. В течение часа все было спокойно, только был слышен свист забрасываемого Лилей воблера.

– Мама, – послышался опять голос Лили, – бегом неси мой садок, а то я его еле держу.

– Кого держишь? – поинтересовалась жена.

– Неси быстрее, а то он от меня уйдет! – кричала Лилия.

Жена убежала к Лиле, а я понял, что мне тоже нужно вставать и помогать им. Вылез из палатки, надел сапоги, и пошел

к протоке, где находились Лиля с Галей. В метре от воды Лиля держала огромного судака, который пытался вырваться из ее рук. На один из тройников поймался судак, а крючок второго тройника глубоко, до самого изгиба, зашел Лиле в палец. Как потом рассказала Лиля, когда она пыталась вытащить из него крючок, он трепыхнулся, и загнал крючок с другого тройника ей в палец.

– Папа, вытаскивай крючок из судака, – попросила Лиля.

Я попытался найти крючок, на котором сидел судак, но без очков я его не видел, а на ощупь вытащить его не получилось.

– Ты что, без очков?! – удивилась Лиля. – Беги быстрее за очками, мне больно.

Пока я лежал в палатке, футляр с очками выпал у меня из кармана. Я побежал за очками. Прибежал обратно с очками и налобным фонариком. Теперь я уже все видел. Крючок первого тройника был не во рту у судака, как я предполагал, а снаружи, под бородой, и зашел совсем не глубоко. Было даже странно, что он до сих пор не отцепился. Я попытался взять судака под жабры, чтобы он не трепыхался, но он вырвался у меня из рук, и загнал крючок в Лилин палец еще глубже.

– Что ты возишься, отцепляй его быстрее! – закричала Лиля.

Со второй попытки мне удалось взять этого гиганта под жабры, хотя я сразу почувствовал, что своими жабрами паль-

цы он мне порезал. Крючок из судака вытащился легко. Я положил судака в садок, и хотел вытаскивать второй крючок из Лилиного пальца.

– Сначала поставь садок в воду, в то судак до конца рыбалки не доживет, – остановила меня Лиля.

Я отнес судака к моему садку, и переложил его в свой садок, так будет надежней, так как мой садок поглубже. А Лилин садок поменьше, и рыба из него уже выпрыгивала, не хотелось бы, чтобы и этот судак ушел. Вернулся опять к Лиле. Галя ее тормошила, чтобы та от боли не свалилась в обморок. А Лиля держалась молодцом, хотя обычно могла завалиться в обморок даже при сдаче крови из пальца.

– Ну что, вытаскивай крючок из пальца, это теперь по твоей части, ты же у нас медик, – обратился я к жене.

– Вытаскивай сам, я не смогу, – отказалась жена.

Я осмотрел рану. Крючок зашел в палец до самого изгиба недалеко от кости, поэтому развернуть его, чтобы пропихнуть дальше и вывести острие наружу, возможности не было. А жаль. Если бы вытащить острие наружу и обломать пассатижами бородку, которая не позволяет крючку легко вытаскиваться, то дальше он легко бы вытащился. Придется вытаскивать с бородкой, а это очень больно, ведь эта бородка вырвет из Лилиного пальца кусок мяса. Я взял в руки Лилины пассатижи, и начал тянуть крючок вверх. Крючок не поддавался. Я потянул сильнее. Крючок не двигался с места. Лиле было очень больно, но она терпела. Я потянул изо всех

сил, но крючок не вытаскивался. Что делать дальше, я не понимал. Вот уже минут пять я мучаю Лилю, а крючок не поддается. И я отважился на последний эксперимент – я решил выдернуть его рывком. Повернул крючок в сторону, так, чтобы борода стояла вдоль волокон мяса, а не поперек, как она находилась до сих пор. Не очень сильно, но резко дернул, и крючок легко выскочил из пальца. Мне это удалось! Это была победа! Галя довела Лилю до палатки, хотя та и говорила, что нормально себя чувствует, и дойдет сама. Усадили ее в кресло, и я пошел в машину за аптечкой. К счастью, йод и бинт в аптечке были. Жена обработала рану и забинтовала палец. Собственно, никакой раны не было, был только след от прокола.

– Лиля, сильно болит? – поинтересовался я.

– Совсем не болит, – ответила дочь. – Ты очень хорошо крючок вытащил, ранки почти не видно.

– Посиди отдохни, чтобы голова не закружилась, – посоветовала жена.

– Не хочу я сидеть, – возразила Лилия, – и голова у меня не кружится. Нужно рыбу ловить пока она ловится. А еще нужно судака проверить, как он там поживает.

И Лилия пошла смотреть своего судака.

– Папа, ты зачем запихнул его в свой садок? Он ведь там не помещается. Твой садок для него слишком маленький. Давай обратно в мой садок переложим.

– Но твой ведь еще меньше, – возразил я.

–А мы его завяжем, и положим горизонтально. Тогда судак будет находиться в нем по длине, и ему будет более просторно.

Мы переложили судака в Лилин садок, завязали его и положили горизонтально рядом с моим. После этого Лиля успокоилась, взяла спиннинг и ушла ловить рыбу дальше. Но вскоре она вернулась.

– Мама, мне бинт мешает воблер забрасывать. А нельзя ли эту ранку каким ни будь пластырем заклеить?

Пластырь нашелся в Галиной сумочке. Ранку заклеили пластырем, и Лиля снова ушла ловить, а я опять залез в палатку. Через полчаса Лиля поймала еще одного судачка, на этот раз небольшого, грамм на четыреста. Лиля облавливала меня по всем статьям. До рассвета еще четыре часа, а она уже четыре рыбины поймала, да еще каких. Их общий вес явно будет больше трех килограмм, а у меня пока нет ни одной поклевки. То ли ей действительно эта молитва помогла, то ли просто удача улыбнулась? В час ночи Лиля с Галей легли спать, а я заступил на дежурство возле удочек. Перезабросил удочки, и только сел в кресло, как зазвенел колокольчик на первой моей удочке. Вытащил приличную густерку, весом примерно на полкило.

– Папа, что поймал? – поинтересовалась еще не успевшая уснуть Лиля.

– Густерку на полкило, – ответил я. – Спи!

Больше, до самого рассвета, ни одной поклевки не было,

но, как только небо немного просветлело, и я начал разли-
чать свои удочки, потихоньку начался клев. Клевала мелкая
густерка и белоглазка, клевала редко, раз в полчаса, но она
уже клевала. В половине пятого начал плескаться хищник, и
я разбудил Лилю, чтобы она не пропустила утренний клев.
Но на спиннинг она больше ничего не поймала, только на
удочки у нее еще клюнули две густерки, размером с ладо-
шку. У меня тоже было не густо, с десятков мелких густерок
и белоглазок, да пойманная ночью хорошая густерка. Только
ближе к одиннадцати часам утра у меня произошла хорошая
поклевка, чуть удочку в речку не утащило. Лиля была неда-
леко, и помогла мне с подсачком. Пойманный лещ выглядел
килограмма на два. Больше клева вообще не было, я только
зря раз в час добавлял корм в кормушки, но я решил доси-
деть до двух часов дня. В час дня Галя сложила палатку и
отнесла лишние вещи в машину. Вернулась расстроенная.

– А ты знаешь, что у нас машина всю ночь открытой про-
стояла? – спросила она.

– Как открытой? – не поверил я. – Я четко помню, что
закрывал машину.

Я взял брелок от машины и проверил его состояние. Ма-
шина была закрыта.

– Что ты смотришь?! – возмутилась жена. – Я машину уже
открывала. Там окно открыто, и я не могу без ключа его за-
крыть. Иди закрывай.

– Окно с твоей стороны? – уточнил я.

– Да!

– А когда ты успела его открыть?

– Когда обратно ехали.

– А почему не закрыла?

– Забыла. А ты почему все не проверил, прежде, чем закрывать машину?!

Да, она была права. Женщине доверять нельзя, за ней все нужно контролировать. Только за эту рыбалку уже второй раз на этом накальваюсь. Сначала визитка, теперь окно в машине. В дальнейшем за ней обязательно все нужно будет контролировать. Оставил жену дежурить возле удочек, а сам ушел закрывать окно. Поклевки все не было, и в два часа я начал сворачивать удочки.

– Володя, клюет! – позвала меня Галя.

Действительно, тихонько позванивал колокольчик на предпоследней удочке. Было похоже на поклевку мелкой рыбки. Я подсек рыбу и начал потихоньку выматывать леску. Сначала леска шла легко, а потом рыба начала серьезно упираться.

– Неси подсачек, – сказал я Гале, – может быть что-то хорошее.

Галя принесла подсачек и помогла мне вытащить эту рыбу. Она впервые держала в руках подсачек, но справилась с этой задачей отлично. По моим оценкам, вытасченный подлещик мог весить 600-700 грамм. Вот и я дождался свою рыбу. Теперь мой улов по весу примерно соответствовал Лили-

ному. Уже не стыдно будет перед дочерью.

Общий наш с Лилей улов составил 6,6 килограмма. Лилин большой судак потянул аж на 1,9 килограмма. Дома я помог раненой Лиле его почистить, отличное заливное будет. Мой лещ весил 1,7 килограмма. Пойманный в конце рыбалки подлещик, потянул на 760 грамм, а ночная густерка весила 540 грамм. Моя рыба пойдет на копчение. Каждый поймал свою рыбу. Летний сезон мы с Лилей закрыли успешно.

Эта рыбалка, хотя и была очень сложной и полной приключений, закончилась хорошо. Да и весь этот сезон был для меня довольно удачным, мне удалось поймать девять лещей. Это конечно не бог весть какой улов. Недалеко от меня, с лодки «на кольцо», рыбачил какой-то рыбак, так он за один день по столько ловил, но для меня и это нормальный улов, так как в прошлом сезоне я поймал только трех лещей, и четверых упустил. Впереди будут новые рыбалки, а следовательно, и новые истории о рыбалке.

Рыбалка по первому льду

Четыре дня назад выпал первый снег, и, пока-что, остался лежать. Это бывает редко, обычно первый снег сразу растаивает. Но теперь температура резко ушла в минус, даже днем до минус трех градусов держится, а по ночам и все шесть градусов. И я начал ждать, когда же первый лед встанет. Уже звонили знакомые, и спрашивали, не ходил ли я еще на рыбалку. Но, поскольку сильных морозов еще нет, на рыбалку я не торопился, нормального льда там еще не могло быть. На всякий случай посматривал в окно, из которого мне видно часть озера Долгого, вдруг там появится кто-то из рыбаков. И вот я увидел черную точку на льду. Рыбак это или нет, пока было не понятно, так как точка не двигалась. Я достал бинокль, и посмотрел на озеро через него. Теперь никаких сомнений уже не могло быть, недалеко от противоположного берега, на рыбацком ящике сидел человек и ловил рыбу. Вот он поднялся, и быстрым шагом пошел на середину озера.

– Наверно у него там жерлицы стоят, – подумал я.

Через некоторое время рыбак, таким же быстрым шагом, вернулся обратно, и опять сел на свой ящик.

– Если он так быстро ходит по льду, значит он уже крепкий, – решил я. – Нужно звонить Мишке. Пора и нам на рыбалку.

Спрятал бинокль, и пошел к телефону. Не успел я к нему

подойти, как телефон зазвонил. Это звонил Мишка.

– Ну что, на рыбалку собираешься, – спросил он.

– Вот только хотел тебе звонить, там на озере уже кто-то рыбачит.

– Да я его тоже вижу, поэтому тебе и позвонил. Давай сходим на разведку.

– Давай. А во сколько ты будешь готов?

– Давай в одиннадцать, и посидим там до трех, – предложил Миша. – Успеешь собраться?

– Могу и не успеть, – отвечаю я, – я еще не завтракал, и удочки еще не проверял, как весной их бросил, так и лежат в ящике. Проверить бы нужно.

– Я свои тоже еще не проверял, – говорит Миша, – там проверим. Мы ведь не на рыбалку идем, а только на разведку.

В одиннадцать двадцать мы вышли из дома. Шли через поле, перейдя на другую сторону канавы, и, к своему удивлению, увидели, что на снегу уже много следов от рыбацких сапог. Значит мы уже далеко на первые идем на озеро. Перед протокой следы расходились. Большинство следов вело в левую сторону, в обход вокруг протоки, и один след вел вправо, к Купалке. Я предлагал идти влево, куда ведет большинство следов, но Миша не согласился.

– Вправо хоть и один след ведет, – убеждал меня он, – но обратного следа нет, значит человек где-то нашел место для рыбалки.

И мы пошли вправо. Зайти на лед протоки возможности не было, так как везде валялись поваленные деревья, через которые сложно было бы перебраться, поэтому, по маленькой плотине перешли обратно через канаву, то есть через ручей, вытекающий из протоки, и пошли на Купалку. Здесь захода на лед не было, везде от берега только тоненькая корочка, которая легко пробивается с первого удара. Зайти на лед протоки со стороны Купалки, тоже не получилось, лед еще слишком тонкий. Пошли берегом между протокой и Купалкой. Здесь мы и встретили Боря, рыбака, живущего в том же доме, что и я. Это именно он построил ту плотину, по которой мы переходили через ручей. Оказывается, это по его следам мы шли.

– Боря, привет! – поздоровались мы. – Ты давно здесь?

– Да только пришел. Захода на лед отсюда нигде нет, – огорчил он нас. – Я уже обратно иду.

– Да, – говорю я, – все-таки, нужно было влево идти. Те рыбаки наверняка слева заходили.

– Давай сначала сами проверим, – предлагает Миша, – а то Боря наговорит.

И мы идем дальше.

– Тогда и я с вами, – передумывает возвращаться Боря. – Если вас лед выдержит, тогда и я зайду.

– Конечно, – говорит Миша, – как самый хитрый.

Выходим на дамбу. Я хочу проверить лед с левой стороны дамбы, где на стыке между озером и протокой растет боль-

шой ивовый куст. Держась за его ветки можно аккуратно спуститься по крутому склону на лед. Но Боря меня останавливает.

– Я там уже пробовал, не держит.

По дамбе, длина которой порядка ста метров, Миша идет вправо, а мы за ним. На середине озера видна узкая длинная проталина, уходящая от дамбы вглубь озера, и немного влево. От дамбы к ней брошены две не очень толстые ветки, а вдоль проталины, слева от нее, видны следы от сапог. Но следы не свежие, а уже замерзшие. Похоже, что кто-то здесь уже пытался ловить, и эта проталина, не что иное, как вода, выступившая из кем-то пробитых лунок, и уже замерзшая. На середине озера спокойно ходят два рыбака, которые ловят на жерлицы. У каждого из них расставлено примерно по сорок жерлиц. Кстати, пока мы там находились, они ни одной щуки не поймали, даже сработок не было.

Миша пытается спуститься на лед по гладким наклонным бетонным плитам, лежащим на склоне дамбы, но они покрыты снегом, и очень скользкие. Пытается упираться в них своей палкой, с долотом на конце, но палка не держится и соскакивает. Никакой другой опоры нет, если сорвется, а он обязательно сорвется вниз, то сразу вылетит на лед, и если он тонкий, то сразу окажется в воде. Такая перспектива Мишу не устраивает, и он идет на правый край дамбы. Здесь, возле крайней плиты, имеется бетонный фундамент прямоугольной формы, уходящий своим основанием в озеро, на кото-

ром раньше стояла металлическая вышка. Держась за этот фундамент, Миша потихоньку и спускается по крайней плите на лед. Возле самой плиты лед держит, и на нем можно стоять, а когда Миша пытается сделать буквально полшага дальше, он уже трещит. Миша пробует крепость льда своей палкой, он пробивается с первого удара. Туда не пройти. Миша потихоньку пробирается вдоль плит. Буквально в двадцати сантиметрах от него лед уже не держит. Медленно-медленно Миша пробирается вперед, рискуя провалиться в любой момент, так как лед под ним периодически трещит. Наконец-то он доходит до брошенных на лед веток, и переходит на одну из них. Здесь он немного отдыхает и закуривает. Потом, не отрывая ног ото льда, и простукивая лед перед собой палкой, медленно движется к левому краю промоины. Пока он стоит на чистом льду, все нормально, но, как только пытается зайти туда, где лежит снег, сразу раздается треск. Миша проверяет крепость льда в этом месте. Там, где лежит снег, лед пробивается с первого удара. Миша не рискует дальше идти, пробивает лунку там, где стоит, и пробует ловить рыбу. С первой же проводки вытаскивает маленького окунька.

– Заходите, – говорит он нам, – только близко ко мне не подходите.

Я прикидываю, где я смогу там сесть, чтобы к нему близко не подходить. Получается, что только с правой стороны чистого льда, ширина которого не больше двух метров. Но еще

неизвестно, какой там лед. И я решаю сначала самому проверить заход на левой стороне дамбы, где Боря перед этим не смог зайти. Проверка показывает, что Боря был прав, там действительно невозможно зайти. И я возвращаюсь обратно. По проложенному Мишей пути, тихонько пробираюсь к проталине.

– Пока эти пятьдесят метров пройдешь, вся спина мокрой будет, – комментирует мое передвижение, стоя на дамбе, Боря.

– Заходи на ветку, – говорит мне Миша, – и по ней переходи на правую сторону проталины.

Я так и делаю. Прохожу сколько возможно по толстой части ветки, а дальше только очень тонкие веточки, которые меня никак не спасут. Своей палкой, с таким же долотом на конце, как и у Миши, пробую крепость льда между этими ветками. Лед там пробивается с первого удара, дальше идти нельзя. Возвращаюсь по ветке обратно. Видя, что мне больше идти некуда, Миша переходит дальше вдоль проталины, а я прохожу на его место. Пробиваю лунку на льду, который находится под снегом, но так, чтобы мой ящик еще оставался на чистом льду. Проверяю толщину льда возле лунки, примерно два с половиной сантиметра получается. Пробую лопать, но поклевок нет. Нет поклевок и у Миши. Он перемещается еще дальше, а я вслед за ним. Но и здесь поклевок нет. Миша уже проверил пять или шесть лунок, но поклевок больше нигде нет. В это время заходит на лед и Боря. Он

пешней простукивает лед, пытаюсь найти еще одно место для захода, но лед везде пробивается с одного удара. Кроме как к нам, ему больше идти некуда, а здесь он может сесть только на те места, которые мы уже проверили, и где поклевок не было. Постояв немного в раздумье, Боря решает идти домой.

На очередной лунке у Миши произошла поклевка, вытащил окунька, примерно с ладошку. Потом с этой лунки вытащил еще одного, такого же. А у меня поклевок не было, видимо на безмотылку, то есть на голый крючок, рыба клевать не хотела. Я нацепил на крючок опарыша, и снова проверил все лунки, но поклевок все равно не было, пришлось его снимать и продолжать дальше пытаться поймать рыбу на безмотылку, так для меня привычней.

Наконец-то и я увидел поклевку. Это был окунек, размером с мизинец, и я сразу его отпустил. А Миша, из той же лунки, вытащил еще и небольшую плотвичку. У Миши уже было три, хоть и небольшие рыбки, а меня ни одной, не считая отпущенного окунька.

– Миша, – сказал я, – наверно сегодня я буду у тебя в качестве замполита, буду обеспечивать тебе моральную поддержку.

– Да еще найдешь свою лунку, – успокоил он меня, – и у тебя клонет.

А Боря домой не ушел. Он обошел протоку, и вышел на другой берег Долгого. Там мы его и увидели через некоторое время. Там, наверно, лед был потолще, и Боре удалось на

него зайти. Но ловил он не долго. Когда мы в очередной раз посмотрели с его сторону, его там уже не было.

Миша сменил еще две лунки, но больше и у него не клевало. Тогда он взял свою палку, и постучал ею возле своей лунки. И сразу же у него клюнул небольшой окунек.

– Ты понял, что я сделал? – спросил он меня. – Я постучал возле лунки, и сразу получил поклевку.

Постучал возле своей лунки и я, но поклевки не было. Я постучал еще раз, теперь клюнуло и у меня. Такая слабая, еле заметная поклевка. Я подсек, начал поднимать леску вверх. Внизу было что-то тяжелое. Это мог быть только подлещик, других больших рыб, кроме щук, в Долгом нет. Я подтащил рыбу к лунке. Она не дергалась, и не пыталась убежать, но поднималась тяжело. Вот ее губы уже показались в лунке, а через прозрачный лед было видно и ее тело. Оно было сантиметров сорок длиной, а голова не пролазила в лунку, так как лунки мы делали очень узкие, не больше четырех сантиметров в диаметре, чтобы не нарушать прочность и без того тонкого льда. Голова рыбы была похожа на голову голавля, но голавли в озере не водились. Может весной с паводком зашел?

– Миша, и как мне его вытащить? – спросил я.

– Ого! – сказал Миша, подойдя немного ближе.

– Придется раздалбливать лунку, только нужно рыбу сначала багорчиком поддеть, а то уйдет, пока раздалбливать будем, – вслух планирую я предстоящие действия.

– Поддай мне багорчик, – попросил я Мишу.

– А у меня нет багорчика, – огорченно сказал Миша.

– У меня есть, – успокоил я его, – я уже не один раз попал в подобные ситуации, поэтому купил. Достань из моего ящика.

Миша попытался подойти ко мне, но лед угрожающе затрещал. Тогда я ногой пододвинул свой ящик поближе к Мише. Он достал багорчик, и, не подходя близко к лунке, дотянулся им до рыбы и подцепил ее.

– Кто это? – спросил он, рассматривая рыбу.

– Не знаю, – сказал я.

Я раздолбил лунку, и Миша вытащил рыбу. Это был большой окунь, как для Долгого, так просто огромный. Такие здесь раньше никогда не ловились.

– Грамм на четыреста потянет, – прикинул его вес Миша.

– Я только в Оке когда-то подобного ловил, – вспомнил я, – тот ровно полкило весил. Он был короче этого, но очень толстый. Его голова тогда заняла всю лунку, и я тоже не мог понять, кого поймал, пока не вытащил его из лунки.

Вот и пригодился мне багорчик, который появился у меня еще лет семь назад, после того, как от меня в Затоне ушел крупный лещ. Но им я практически не пользовался. Последний раз, года три назад, я доставал им застрявшего в лунке подлещика. Хоть и редко, но он все-таки бывает нужен.

Минут десять после этого я не мог нормально играть удочкой. Игра какой-то корявой получалась, а потом все налади-

лось. После этого мы поочередно поймали еще по два окунька, и решили идти домой, так как, с непривычки, и ноги, и руки замерзли.

Как бы там ни было, но рыбалка по первому льду у нас удалась. Пойманный мной окунь весил триста пятьдесят грамм, Миша совсем немного ошибся при определении его веса. За два часа рыбалки Миша поймал шесть рыбок. Я только три, но зато какие!

Через неделю, когда лед немного окреп, мы с Мишей опять пошли на рыбалку. На этот раз удалось зайти на Купалку. Какой-то мужик ловил здесь щук на жерлицы. К тому времени, когда мы пришли, он уже поймал двух щук: одну примерно на два килограмма, и вторую – грамм на четырехста. При нас он поймал еще одну, примерно на полкило. Хорошего клева не было, каждую рыбку приходилось буквально уговаривать клюнуть. Приходилось делать не менее двадцати проводок, прежде, чем рыбка клюнет. Тем не менее, почти с каждой лунки, две или три плотвички удавалось вытаскивать. Рыбки небольшие, не больше ладошки. В общем, стандартный размер для Долгого и Купалки. У Миши дела шли немного лучше, чем у меня. У него поклевков было в полтора раза больше, чем у меня, но рыбка у меня была немного крупнее, поэтому, по объему в кульке, рыбы было примерно одинаково.

В обед клев практически прекратился, и большинство рыбаков ушли домой. В это время, в очередной лунке, у меня

и клюнул приличный окунь. По моей оценке, весом примерно на сто пятьдесят грамм, как для этого водоема, то очень большой размер. Через несколько проводок, еще одна хорошая поклевка в этой же лунке. Опять большой окунь, который весил 220 грамм. Потом, в соседней лунке, клюнул еще один окунь, весом в 150 грамм. Мне крупно повезло. Я не могу припомнить случая, чтобы в этом водоеме у кого-то подряд клевали сразу три такие крупные рыбы. Наверно эта рыба зашла сюда из Оки при весеннем разливе. Общий вес пойманной мной рыбы составил килограмм.

Потом мы сходили в Затон. Здесь льда еще практически не было, только небольшая полоска вдоль левого берега, на которой расположились с десяток рыбаков. Клева тоже практически не было, Миша поймал несколько очень мелких окуньков, а у меня было всего две поклевки, но зато, одна очень хорошая. На крючке была большая рыбина, весом с полкило. Леска аж звенела, но мне удалось подтащить ее к лунке. Это был большой окунь. Увидев свет, он резко шарахнулся в сторону и ушел. Оказалось, что он обломил крючок на моей мормышке. Леска, толщиной 0,1 мм, выдержала, а стальной крючок сломался. И, тем не менее, я был доволен. В этом году мне как-то везло на поклевки крупной рыбы, это была уже пятая такая поклевка, и четыре рыбины я вытащил.

А через несколько дней Купалка меня опять удивила. Практически при полном бесклевье, у меня клюнула плотва, весом на триста грамм. Такую крупную плотву раньше здесь

никто на ловил. Это была уже пятая, пойманная мной здесь в этом сезоне крупная рыба. Мне определенно везло, такого улова на Долгом и на Купалке у меня еще никогда не было.

Но на этом чудеса не закончились. Через пару дней мы с Мишей опять были на рыбалке. Я решил поставить две жерлицы на щуку и ловил под берегом мелких окуней для живцов, а Миша пошел на то место, где у него в прошлый раз клюнул крупненький подлещик. Но клева ни у кого не было. Даже мелкий окунек, который обычно здесь клюет на каждой проводке, сегодня клевать не хотел. Только в третьей лунке я, наконец-то, поймал двух мелких окуньков и поставил жерлицы. После этого сел на ту лунку, в которой раньше поймал двух крупных окуней. Но поклевки не было. Я уже сделал больше тридцати проводок, меняя игру, но рыба клевать не хотела. Решил сделать еще пять проводок, и переходить на другую лунку. И тут неожиданно произошла поклевка. На крючке сидело что-то крупное, и очень сильно сопротивлялось. Аккуратно, чтобы не порвать тонкую леску, подтянул добычу к лунке. А когда из лунки показалась голова щуки, я просто обалдел. Как она леску не перекусила? Я в изумлении смотрел на щуку, а она на меня. И мои мысли наверно передались щуке. Она щелкнула зубами, перекусила леску и начала медленно уходить в лунку. Но я успел схватить ее за голову и вытащить из лунки. Это была вполне приличная щучка, длиной примерно в сорок пять сантиметров, только очень худая и тонкая, наверно не больше трехсот грамм бу-

дет весить. Начало было положено, Миша, пока-что, ни одной поклевки не видел, хотя уже обследовал больше десяти лунок. Пока я доставал мормышку из пасти щуки, все пальцы порезал. Но привязать спасенную мормышку к удочке не получилось, так как ни ножа, ни ножниц ни у кого не было. Я остался без самой уловистой удочки. Пришлось доставать удочку с другой мормышкой, но на нее рыба клюет гораздо хуже.

Больше ни в этой лунке, ни в соседних, поклевок не было, и я перешел на ту лунку, в которой в прошлый раз клюнула самая крупная плотва. Здесь поклевок тоже не было, и, сделав уже больше сорока проводок, я решил уходить с этой лунки. И опять неожиданная поклевка. Вытащил крупную плотвичку, примерно такую же, как и в прошлый раз, то есть, грамм на триста. Чудеса, да и только. Было всего две поклевки, а уже больше чем полкило рыбы я поймал. После этого долго поклевок не было, потом клюнули несколько мелких плотвичек. На очередной лунке опять хорошая поклевка, и я вытащил плотвичку весом грамм на двести. В принципе, рыбалка состоялась. Хотя за весь день было всего восемь поклевок, девятьсот грамм рыбы я поймал. Миша поймал два небольших подлещика и несколько мелких плотвичек. На жерлицы ни у меня, ни у него, поклевок не было.

В этом году рыбалка по первому льду удалась. Такой удачной рыбалки по первому льду у меня еще никогда не было.